

ISSN 2409-8698

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Litera

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 28-07-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Юхнова Ирина Сергеевна, доктор филологических наук,
yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 28-07-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Yukhnova Irina Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk, yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул.Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и

социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Тверского государственного университета.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира, заместитель директора Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного

транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна — ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры

"Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России; 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Tver State University.

Andrey F. Kofman — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World, Deputy Director of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Art History, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Shagbanova Habiba Sadyrovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Law Enforcement Officers, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 625049, Russia, Tyumen, ul. Amurskaya, 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

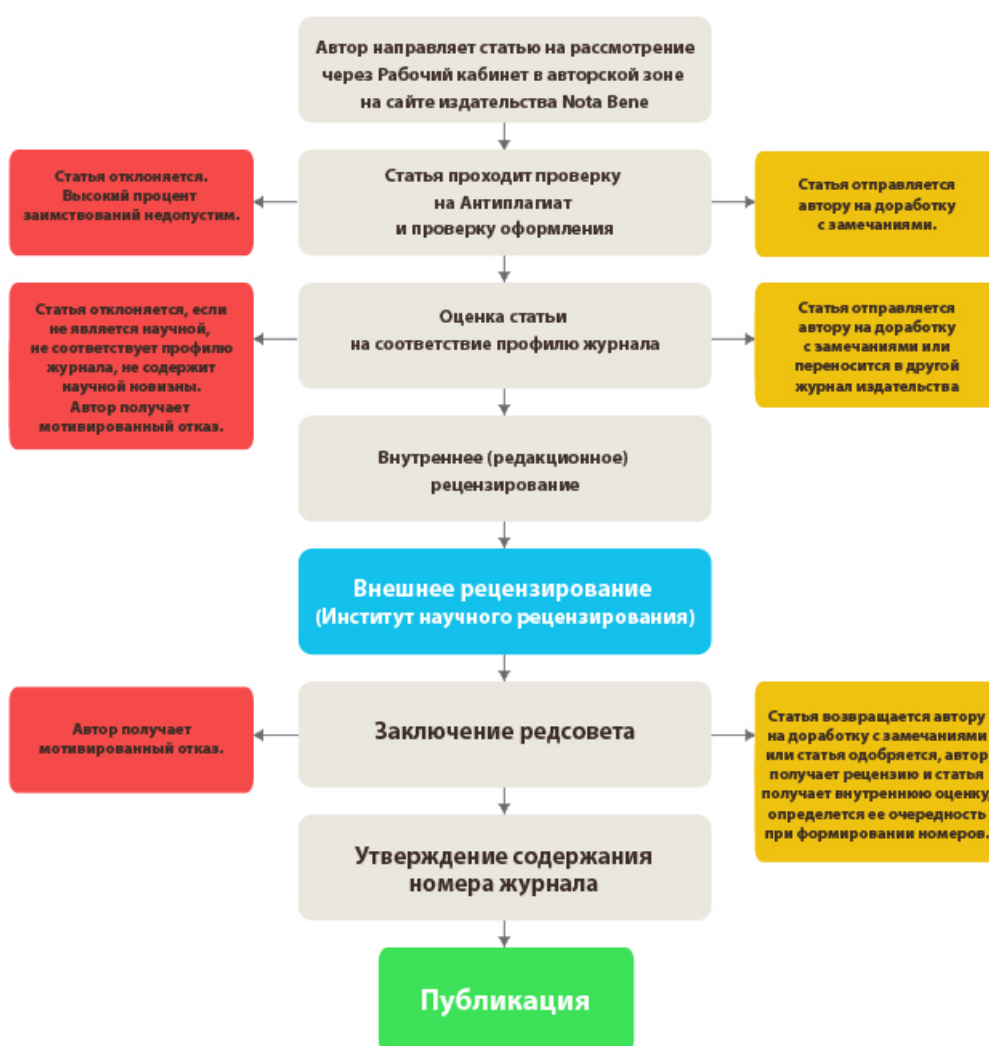
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Арутюнян Э.Г., Байчик А.В., Блохин И.Н., Петросян Д.В. Новые медиа как субъект политической коммуникации	1
Чжан Я. К вопросу о теме дуэли в романе «Капитанская дочка» А. С. Пушкина	12
Сун Д. Сюэ Баочай и Марья Болконская: сравнительный анализ образов героинь романов Цао Сюэциня и Льва Толстого	22
Акопов Г.Л., Арутюнян Э.Г., Громова Л.П., Петросян Д.В. Социокультурное измерение «культуры отмены» как феномена XXI века	30
Петренко А.И. Языковые способы репрезентации образов главных героев в романе Кавабата Ясунари «Снежная страна»	41
Полухтина М.Р. Воспитание юншества: фактор медийной среды	50
Москвин Г.В. Замысел произведения о Мстиславе Черном как источник сюжета романа М. Ю. Лермонтова «Вадим»	63
Резник Л.В. «Goethe hat alles gesagt»: И. В. Гёте в письмах Томаса Манна	71
Ван Ч., Галактионова И.В. Пометы «уменьшительное» и «увеличительное» в «Толковом словаре русского языка» Н. Ю. Шведовой	81
Демидов Н.М. Пре-пост эффект/парадокс: теоретическое осмысление термина и перспективы его использования в литературоведении	92
Неренц Д.В. Особенности фейкового контента в медиапространстве в эпоху развития искусственного интеллекта	107
Лобанова Ю.В. Эмоционализация массового дискурса как компенсация кризиса референции	115
Литягина Е.А., Климова К.М. Поведенческие паттерны и лингвистическая специфика деловых переговоров с партнерами из Латинской Америки	124
Пак Л.Е. Лингвокультурная специфика спортивного медианарратива (на материале спортивных комментариев Канады и России)	136
Чжан Х., Мескин В.А. Антон Чехов в творчестве Ван Цзэнци	148
Чжу Ц. Путешествие из ада в ад в романе Владимира Набокова «Король, дама, валет»	158
Крижановский Н.И. М. О. Меньшиков о Н. Н. Страхове: некролог как проявитель общности взглядов и основа для сближения судеб русских критиков	167
Похаленков О.Е. Особенности авторской прозы о Первой мировой войне	188
Ян Ц. Изображение русского народа в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского	197
Ли В. Лексические особенности описания природных объектов Москвы и Подмосквья (на материале статей Н. М. Карамзина в журнале «Вестник Европы» 1802-1803 гг.)	208
Белозёрова Е.Ю. Искусственный интеллект – фразеологизация иллюзии правды в английском языке	219

Пархаева М.П. Αἰγίλωψ (эгилопс) в ботанических трактатах Феофраста	231
Ершова И.В. Базовые когнитивные признаки концепта СПОРТ в сознании носителей современного русского языка	244
Цзя Ц. Лексико-семантические особенности метафор в русской и китайской пищевой культуре на примере слова "хлеб"	252
Англоязычные метаданные	265

Contents

Arutiunian E.G., Baichik A.V., Blochin I.N., Petrosyan D.V. New media as a subject of political communication	1
Zhang Y. The duel in the novel "The Captain's Daughter" by A. S. Pushkin	12
Song D. Xue Baochai and Marya Bolkonskaya: a comparative analysis of the characters of the novels of Cao Xueqin and Leo Tolstoy	22
Akopov G.L., Arutiunian E.G., Gromova L.P., Petrosyan D.V. The socio-cultural dimension of the "culture of cancellation" as a phenomenon of the XXI century	30
Petrenko A.I. Linguistic methods of representing the images of the main characters in Kawabata Yasunari's novel "Snow Country"	41
Polukhtina M.R. Youth upbringing: a factor of the media environment	50
Moskvin G.V. The idea of the book about Mstislav Cherny as a source of the plot for the novel "Vadim" by M. Yu. Lermontov	63
Reznik L.V. «Goethe hat alles gesagt»: J. W. von Goethe in Thomas Mann's letters	71
Wang Z., Galaktionova I.V. Notes «umen'shitel'noe» 'diminutive' and «uvelichitel'noe» 'augmentative' in «Explanatory Dictionary of the Russian Language» by N. Yu. Shvedova	81
Demidov N.M. Pre-post effect/paradox: conceptualisation of the term and prospects of its use in literary studies	92
Nerents D.V. Features of fake content in the media space in the era of artificial intelligence development	107
Lobanova Y.V. Emotionalization of mass discourse as compensation for the crisis of reference	115
Lityagina E.A., Klimova K.M. Behavioral patterns and linguistic features of formal negotiations with partners from Latin America	124
Pak L.E. Linguistic and cultural specifics of the sports media narrative (based on the example of sports commentaries in Canada and Russia)	136
Zhang H., Meskin V.A. Anton Chekhov in the work of Wang Zengqi	148
Zhu Z. The Journey from hell to hell in Vladimir Nabokov's novel «King, Queen, Knave»	158
Krizhanovsky N.I. M. O. Menshikov about N. N. Strakhov: obituary as a manifestation of common views and the basis for bringing together the destinies of Russian critics	167
Pokhalenkov O.E. Features of the author's prose about the First World War	188
Yang J. The Image of the Russian People in F. M. Dostoevsky's Crime and Punishment	197
Li W. Lexical peculiarities of the description of natural objects of Moscow and Moscow suburbs (based on the articles of N.M. Karamzin in the journal "Vestnik Evropy" in 1802-1803).	208
Belozerova E.Y. Artificial intelligence – phraseologization of the illusion of truth in the English language	219
Parkhaeva M. Aegilops in botanical treatises of Theophrastus	231
Ershova I. Basic cognitive features of the concept of SPORT in the minds of native	244

speakers of modern Russian

Jia J. Lexico-semantic features of metaphors in Russian and Chinese food culture on the example of the word "bread" 252

Metadata in english 265

Litera

Правильная ссылка на статью:

Арутюнян Э.Г., Байчик А.В., Блохин И.Н., Петросян Д.В. Новые медиа как субъект политической коммуникации // Litera. 2024. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.71110 EDN: GFEVUK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71110

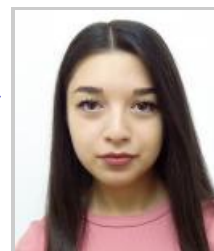
Новые медиа как субъект политической коммуникации

Арутюнян Элина Гегамовна

магистр; кафедра Международной журналистики; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

✉ elieli-99@mail.ru

Байчик Анна Витальевна

ORCID: 0000-0003-0527-5858

доктор политических наук

профессор; кафедра Международной журналистики; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

✉ a.baychik@spbu.ru

Блохин Игорь Николаевич

доктор политических наук

профессор; кафедра теории журналистики и массовых коммуникаций; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

✉ i.blokhin@spbu.ru

Петросян Давид Владимирович

доктор филологических наук

профессор; кафедра новых медиа и коммуникации; Ереванский Государственный университет

0025, Армения, г. Ереван, ул. Алека Манукяна, 1

✉ davidpetrosyan@ysu.am

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.7.71110

EDN:

GFEVUK

Дата направления статьи в редакцию:

Дата направления статьи в редакцию:

20-06-2024

Дата публикации:

27-06-2024

Аннотация: Медиапространство является наиболее динамичным и быстроразвивающимся не только технологическим, но и экономическим, культурным, социальным и политическим феноменом современности, а в глобальной цифровой сети формируются новые каналы коммуникации. Целью статьи является анализ новых медиа в качестве субъекта политического процесса. Предметом выступают новые медиа, а объектом – культурно-политическая идентификация индивида в новых медиа. Новизна работы заключается в том, что новые медиа являются инновационным и крайне важным инструментом при определении культурной и политической идентичности. Страны принадлежат к одной цивилизации, значит, что их культура базируется на идентичных ценностях – это имеет принципиальное значение, так как эффективность навязываемой системы ценностей и норм может быть реализуема в той или иной стране только в том случае, если распространяемые задачи созвучны ценностям общества. В качестве методов и подходов были использованы концептуальный, феноменологический и социолингвистический анализ, метод системного анализа, историко-культурологический метод. В результате комплексного анализа были сделаны следующие выводы: распространяемые ценности могут быть эффективны только в том случае, если они созвучны цивилизационной модели региона, а также наоборот, навязываемые устои не будут эффективно воздействовать на общество, если противоречат его цивилизационной идентификации и культурно-политической принадлежности. Действия индивида и общества в целом определяются его самоидентификацией, поэтому политический курс может быть эффективным в той или иной стране, в том случае, если реализуемые задачи созвучны ценностям общества. Данное исследование может быть полезным исследователям изучающих коммуникацию в цифровой среде, влияние новых медиа на повестку дня, реализацию политических целей при помощи сетевых СМИ, а также для журналистов-международников, дипломатов, политологов и медиаисследователей при написании аналитических материалов на темы, связанные с рабочими понятиями текущего исследования.

Ключевые слова:

новые медиа, политическая коммуникация, культурная идентификация, политическая идентификация, медиатизация, цифровая демократия, гедонистическое потребление медиа, концепция умной толпы, медиа среда, Журналистика

Введение

Возникновение виртуальной среды стимулирует развитие плюрализма форм и методов коммуникации участников, предоставляя эффективные инструменты взаимодействия и влияния. Параллельно интернет активизирует рост коммуникационных процессов в результате интеграции цифровых технологий во все сферы деятельности как индивида,

так и социума в целом. Медиапространство является наиболее динамичным и быстроразвивающимся не только технологическим, но и экономическим, культурным, социальным и политическим феноменом современности, а в глобальной цифровой сети формируются новые каналы коммуникации. Новые медиа как социальный институт является одним из ключевых факторов формирования межличностных взаимоотношений, влияющие на мировоззренческие, социальные и психологические установки, нравственные и ценностные ориентиры как отдельных индивидов, так и общества в целом. Возникновение электронной (цифровой) демократии породило новые формы коммуникации в политической системе, частью которой, в наиболее широком ее понимании, является общество, а новые медиа на сегодняшний день стали одним из центральных каналов политической коммуникации, демонстрируя практически беспрецедентные возможности влияния на общество.

Цель и методы исследования

Целью статьи является анализ новых медиа в качестве субъекта политического процесса. Выдвинутая цель предполагает использование нескольких соответствующих подходов и методов. В статье задействован функциональный, концептуальный, феноменологический и социолингвистический анализ, а также используется метод системного анализа и историко-культурологический метод.

Результаты исследования

Целесообразно рассмотреть теорию о международных отношениях, предложенную американским политологом С. Хантингтоном, в которой теоретик изучает признаки, влияющие на возникновение мировых конфликтов. С. Хантингтон предложил идею нового международного устройства по завершении Холодной войны и распада коммунистического мира. По С. Хантингтону цивилизация – это наивысшая культурная общность, высокий уровень культурной идентичности, обладающей народами, и отличительный фактор. Каждая из цивилизаций включает общие «объективные» элементы, например, язык, история, религия и обычаи. Цивилизация идентифицируется посредством культуры, которая, в свою очередь, определяет модель сплоченности, дезинтеграции и конфликта. После того, как идеология теряет значимость, культурные и цивилизационные различия выдвигаются на первый план. Поэтому альянсы в современном мире строятся в основном между странами, имеющие культурное сходство. Страны классифицируются вокруг лидеров или стержневых стран своих цивилизаций. В рамках международной политики такой процесс означает наступление эры одновременно многополярности и полицивилизационности. Также автор говорит о том, что модернизация по мере развития в незападном мире все больше отказывается от вестернизации – распространение западных норм и взглядов [\[9\]](#). Таким образом, всемирной цивилизации не возникает, а западные страны становятся современными, но не становятся западными. Поэтому последующая модернизация усиливает приверженность местной культуре, которая увеличивает экономическую, военную и политическую силу общества в целом.

С. Хантингтон предложил следующие основные цивилизации: западную, исламскую, христианскую, японскую, африканскую, индуистскую, китайскую или конфуцианскую и латиноамериканскую, к которым добавилась и буддийская культура. Автор выделяет и «доминирующие цивилизации» – западную, конфуцианскую и христианскую. Западная цивилизация, возглавляемая США, охватывает Европу, Северную Америку и страны Океании. Христианская цивилизация во главе с Россией охватывает страны Восточной Европы и Западной Азии, а Конфуцианская цивилизация включает Китай и некоторые

страны в зону своего влияния. Отметим, что другие цивилизации не имеют страны-лидера, однако сферами их влияния являются: для латиноамериканской цивилизации – Центральная и Южная Америка; в Африка, страны Африки к югу от Сахары; Исламская, Ближний Восток и Северная Африка; индуистская и буддийская культура, индийская территория; а народы Японии по сути разбираются в самой стране. С. Хантингтон считает, что идентификация культур в мире отражает распределение власти, а становятся культуры выгодными, когда в них находят источник материального успеха и влияния. Значит, культура государств, которые принадлежат к одной цивилизации, базируется на идентичных ценностях – это значит, что политический курс, транслируемый через СМИ и медиа, может быть эффективно воспринят гражданами страны только в том случае, если реализуемые задачи созвучны с ценностями общества [9]. Поэтому культурная идентичность и самоидентификация являются важными условиями для эффективной реализации политических задач.

Самоидентификация страны должна отражать довольно весомое общенациональное согласие по ряду важных аспектов, которые относятся к оптимальной модели социально-экономического, общественно-политического и культурно исторического развития страны на долгосрочную перспективу, а также объединять политические предпочтения народа и господствующих элит в отношении государственного строя, экономической системы и характера взаимоотношений с окружающей внешней мировой средой. Такой вид деятельности обычно квалифицируется как интегрированная и долгосрочная государственная политика – «Большая Стратегия» [2]. В данном контексте принципиально важно затронуть и концепцию национальной идентификации, которая происходит тогда, когда один народ начинает взаимодействовать с другим, обладающим иными ценностями, а непосредственно потребность в национальной идентичности возникает при условии, если «чужие» ценности начинают преобладать и оказывать давление. Именно столкновение ценностей побуждает к самоидентификации. Например, Россия приходила к самоопределению в рамках мирового политического дискурса, а также в кризисных ситуациях с другими народами и государствами. Такая ситуация прослеживалась и в XIII, и XVII, и XVIII, и XIX, и XX веках, можно сказать, что защита национальных ценностей во всех перечисленных периодах была непосредственно связана с решением вопросов национального сохранения. Здесь перейдем к тому, что в XXI веке преимущественно сфера культуры стала центральным полем «битвы национальных идентичностей». Если, например, затронуть культурную стандартизацию американской модели, то можно допустить, что давление западной массовой культуры провоцирует защиту национальной культуры определенного государства, а возможное сопротивление подобной модели нередко проводится весьма агрессивно. Так как западно-либеральные ценности могут не соответствовать стандартам противоположных стран, то активизируется интерес к традициям и обычаям собственной культуры. Оговорим, что советские ценности начали рассматриваться как русские в массовом сознании, которые трансформировались сквозь советский идеологический монолит. Именно эти ценности и являются хранителями русского культурного ядра, русских цивилизационных кодов, оказывая сопротивление культурной экспансии стран запада. Кроме того, принято связывать основополагающие ценности с национальной идентичностью России. Так, существующий комплекс национальных ценностей не нуждается в корректировках или каких-либо дополнениях, а уже формирует необходимые и достаточные условия для успешной национальной модернизации. Значимость предыдущего тезиса можно сформулировать следующими словами. России не требуется трансформировать курс устоявшихся традиционных ценностей и внедрять какие-либо новые и чужие ценности, так как совокупность формировавшихся годами ценности уже отвечают критерию

соответствия задачам современной национальной модернизации при сохранении культурного ядра российской цивилизации. Так, приходим к принципиально важному моменту, что национальная идентичность совпадает в России с моделью национальной модернизации, то есть самоидентификация страны и национальная идентификация идентичны.

Распространение новых медиа, основывающихся на интернет-технологиях и системе Web 2.0, предоставило возможность для активного участия, а также непосредственного влияния, новых медиа в социальной, экономической и политической областях интересов общества. Значимость социальных сетей в вопросах дипломатии возросла как на муниципальном уровне, так и на глобальном. Так, использование сетевых средств коммуникации в настоящее время можно расценивать не только, как тенденцию, демонстрирующую гласность органов власти, интерес и их стремление быть ближе к гражданам, а также как инструментов политического воздействия, следовавшим интересам различных представителей общества. В данном случае мы можем перейти к понятию, характеризующий данный процесс – медиатизация [8].

Термин «медиатизация» в современной интерпретации введен исследователем Дж. Томпсоном для обозначения манипулирования медиа социумом, интернет-пространство и различные его аспекты: культуру, искусство, экономику, политику, науку. Ученый утверждает, что, возводя событие в публичный статус, изменяется сама природа происходящего. Медиатизация представляется как явление, которое предоставляет пользователем сети создавать определенную виртуальную площадку, на основе которого субъекты маркетинговых компаний и референтные группы воздействуют на потребителя, предоставляя аргументы в пользу их выбора, например, в вопросах принятия решения касательно политического деятеля. Медиатизация является неотъемлемой частью современного социального пространства в политическом маркетинге [8].

Важно оговорить, что процесс медиатизации стал запускающим механизмом для создания новых форм организации социума. В пример можно привести технологию «умной толпы», когда одна SMS может послужить катализатором свержения действующей политической власти. Концепции «умной толпы» представлена в работе Говарда Рейнгольда «Умная толпа: новая социальная революция» [5]. Наиболее ярким примером механизмов «умной толпы» могут послужить события в Филиппинах: падения режима Маркоса в 1986 году, а далее и свержение президента Джозефа Эстрады. Здесь говорим о том, что сотовые телефоны представлялись главным инструментом в процессе свержения действующей власти. Граждане Манилы получили SMS-сообщения с призывом прийти на площадь Эпифанио-де-лос-Сантос, одевшись во все черное. Так, за несколько дней на площади побывало более миллиона человек, выступавших за отставку президента страны, в результате чего Д. Эстрада был вынужден покинуть свой пост [1]. Можно сказать, что при использовании информационных технологий группа лиц становится непосредственно информационной средой, которая, с одной стороны – напрямую зависит от гаджетов, а с другой – является ее продуктом, а также каналом ориентации на выполнение конкретных политических задач. При подобных условиях, участники данного действия, приобщенные к группе единомышленников, ощущают безграничность своего влияния на событие. Также в данном направлении важно проанализировать и особенности политической коммуникации в контексте цифровой демократии. Следует дополнительно затронуть и политический медиадискурс, который является частью медиатизации.

Концепт политического медиадискурса логически взаимосвязан с концептуальным

образованием, который получил в современных кругах название «медиатизация политики». Непосредственно медиатизацию можно сравнить с вовлеченностью в какой-либо процесс, каждый участник которого испытывает интерес и ответственность за проведение акции. От того, насколько эффективно будет осуществляться действие, зависит благоприятный результат, а также социальный или политический эффект, на который рассчитывают организаторы акции. Поглощающая медиасреда – это сообщество, в рамках которого коммуникационные каналы являются основным цензором и источником воспроизводства информации, а человек конечным продуктом потребления. Подчеркнем, что сфера массмедиа позволяет разным процессам приобретать оттенок медийности и на первый план ставит проблемы развития медиадискурса, медиалингвистики, медиакратии и т.д. Под медиатизацией политики следует также понимать и синтез взаимозависимых информационно-коммуникативных явлений и процессов, протекающих как внутри политического пространства, так и за его пределами во внешней среде (в массмедиа пространстве), через публичные презентации и фреймы политических и общественных взглядов [\[7\]](#). Современное информационное пространство одновременно является и политическим актором, и медиаплощадкой, которая выступает основой для реализации политического дискурса, а пользователи представляются главными субъектами или объектами медиасреды.

Политическая коммуникация строится на основе компетенций специализированных учреждений и институтов, таких как средства массовой коммуникации, правительственные информационные агентства или политические партии. Однако политическая коммуникация также может проявляться и в социальном взаимодействии, не преследующей прямо политические цели. К политическим коммуникациям можно отнести и особые коммуникативные ситуации или действия (выборы, референдумы и т.д.). Политическая коммуникация в настоящее время осуществляется преимущественно в медиапространстве, при таких условиях информация представляется не только технологической основой коммуникации, но и субъектом общественных отношений, в том числе и в политической системе общества [\[10\]](#).

Совершенствование медиа позволяет пользователям не только вести диалог друг с другом, но и получать в зависимости от их желания или потребностей необходимую политическую информацию из какого-либо источника данных, что может значительно ослабить влияние правящей элиты за циркулирующей в обществе политической информацией. В рамках политических коммуникаций подобные изменения мотивировали возникновение такого явления, как цифровая демократия.

Под цифровой демократией принято понимать процесс политической системы, в которой социальные сети применяются для реализации значимых функций демократического процесса, например, таких, как распространение информации и коммуникация, объединение интересов граждан и принятие решений (путем совещания и голосования). Цифровая демократия основывается на том, что многообразие свойств новых средств информации, к примеру, интерактивность, быстрые каналы передачи информации, возможности связи большого количества пользователей друг с другом, преобладание информации и новые пользовательские возможности управления процессами, могут положительно повлиять на демократическую политическую систему [\[10\]](#).

В современном мире количество пользователей интернет-ресурсами значительно увеличилось, а распространение информации в рамках цифровых технологий осуществляется намного быстрее, чем, например, при использовании традиционных СМИ. Социальные сети применяются в качестве каналов политической коммуникации, так как

процесс медиатизации предполагает расширение свободного доступа к политической информации для широкой аудитории. Медийная сфера внедряется в социальную, путем массовых коммуникаций осуществляется пропаганда определенной идеологии. Медиатизация политического процесса с позиции информационного приема трактуется как опосредованное воздействие новых средств массовой коммуникации на формирование политических образов в понимании общества. Так, инновационные каналы распространения информации (медиаобщества, YouTube-каналы, социальные сети и т.д.) способствуют созданию «реальной виртуальности», как отдельной сферы, которая внедряет действительность в виртуальные образы, а также становится инструментом политического влияния посредством новых технологий. Отметим, медиатизации политики напрямую коррелирует с таким процессом, как глобализация, которая предоставляет пользователям новых медиа информацию о событиях на международном уровне, мониторинг актуальных новостей из области политики и внешнеполитической деятельности разных стран мира. В контексте глобализации наблюдаем развитие связей, учитывая политические взаимодействия, осуществляемые между странами, интерес к сотрудничеству и поддержанию международных миротворческих порядков. Одновременно с медиатизацией политики осуществляется и противоположное направление данного процесса, а именно политизация медиа. Политические деятели создают сообщества в социальных сетях, популяризируют личные каналы на разных площадках, например, YouTube, телеграмм и др. Подобный процесс воздействует на восприятие аудитории, позволяя пользователям сети наблюдать за образом жизни политических деятелей. Следовательно, медиатизация социального пространства и политики являются неотъемлемой частью формирования взглядов информационных потребителей, а референтными группами медиатизации социального пространства выступают СМИ и новые медиа, где цифровые каналы воздействуют на формирование мнения субъекта. Приходим к выводу, что медиатизация является одним из ключевых ресурсов эффективного продвижения компании политического лидера в новых медиа.

Заинтересованность в новых медиа политиками обусловлена тем, что цифровые технологии выступают в роли оппозиционной мобилизации, о которой упоминал ученый Г. Рейнголдс в своих исследованиях, некоторые из которых практически подтвердились в период «Арабской весны». Так, пребывая в сетевом пространстве, мышление индивида невольно подвергается политической идентификации, которая связана с интеграцией в сознание человека когнитивных и аксиологических структур с определенным идеологическим смыслом. Индивиды сетевого пространства подвергаются прямому и косвенному влиянию с целью формирования определенной политической идентичности. Шаги таких политических акторов происходят как в интересах политической системы, так и против неё. За внешней хаотизацией процессов информационного обмена выступает управляющая дискурсом, концептуализирующая его, логика политической идеологии [4]. В данном контексте выделяем, что значимость социальных сетей в политическом дискурсе возросла как на региональном, так и на мировом уровне, а, непосредственно, применение социальных сетей является трендом, который демонстрирует гласность органов власти [3]. Отмечаем, что с ростом интереса к новым медиа возрастает и скорость распространения определенных сведений, и по этой причине увеличивается также поток недостоверных данных, говоря другими словами, дезинформации.

Исследователи медиа полагают, что дезинформация является частью нового информационного общества, а социальные сети, в свою очередь, выступают проводником и предоставляют площадку для распространения неподтвержденной или вымышленной информации. Принимая во внимание тот факт, что число пользователей

социальными медиа стремительно возрастает, мониторинг достоверной информации осуществить практически невозможно, даже учитывая заявления и попытки социальных платформ выявлять и обличать фальсификационную информацию. В данном контексте подтвердим выдвинутую мысль конкретным примером. Видеохостинг YouTube является популярным медиа, на платформе которого размещается большое число видеоматериала. Популярность YouTube обусловлена тематическим многообразием контента, а также возможностью просматривать видеоролики на разных языках – более 70 языков мира ((Статистика YouTube в 2024 году // Инклиент. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://inclient.ru/youtube-stats/> (дата обращения: 20.04.2024)). Отметим легкость использования видеохостинга, бесплатную регистрацию и высокое качество просмотра видео. Подчеркнем, что на 2024 год аудитория YouTube составила 2.49 млрд пользователей по всему миру. Можно допустить, что видеоплатформа превосходит традиционные СМИ, так как YouTube позволяет пользователям не просто прочитывать новости, но и просматривать, видеть, как происходило какое-либо событие в мире. Конечно, периодически недостоверные данные в контенте дезинформируют пользователей сети. Так, например, в период пандемии был опубликован ряд роликов, в которых упоминалось о том, что вакцинация может привести к летальному исходу. Впоследствии подобного типа видеоматериалы были удалены с YouTube, а администрация видеохостинга заявила, что впредь будет тщательнее отслеживать достоверность информации, а также без промедления удалять дезинформирующие публикации (Статистика YouTube в 2024 году // Инклиент. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://inclient.ru/youtube-stats/> (дата обращения: 20.04.2024)).

Потребление медиареальности осуществляется путем создания эффекта впечатления при взаимодействии субъекта и медиаобраза. Напомним, что под медиаобразами понимают продукт медиамоделирования конкретных элементов реальности. Медиа, производящие и транслирующие определенные образы, выступают в роли посредника реальностью и познающим субъектом, где последний в состоянии искажать, как бессознательно, так и сознательно, поступающую информацию о реальности, что, в свою очередь, может повлиять на объективное восприятие. Зачастую человек не способен проконтролировать процесс погружения в медиареальность, а выйти за ее пределы становится нелегко, так как стереотипные образы могут вытеснить реальность. Поэтому значительная часть потребителей социальных медиа рассматривает подобную онлайн-действительность опираясь на собственные интерпретации медиаобраза. Приходим к тому, что одной из ключевых опасностей нейросети является возможность скрытой манипуляции, которая может привести к потере человеческой идентичности. Примитивным примером может послужить ситуация, когда искусственный интеллект может опознать предпочтения пользователей гаджетов и отобрать, учитывая интересы пользователей, варианты для каждого конкретного человека. Отметим, что персонализированная реклама может перестраивать внимание пользователей сети при помощи публикаций, являющихся наиболее релевантными. При подобных условиях возникает вопрос о взаимоотношении людей и нейросети, который приобретает новые медиа-формы в контексте коммуникации. Например, искусственный интеллект способен предоставлять ответы на различные вопросы, а также интегрировать в бизнес-процессы компании для коммуникации с клиентами^[6]. Можно сказать, что возникает новое информационное существование, формируется другая реальность, изменяются ценности и нормы человеческой жизнедеятельности. Медиареальность характеризуется опосредованностью через сознание

того, кто непосредственно создает информацию, медиаобразы и технику, которые предоставляют информацию. В данном случае справедливо добавить, что искусственный

интеллект в рамках новых медиа способен как отражать действительность, так и создавать недостоверное представление.

Выводы

Влияние определённых ценностей посредством новых медиа может быть существенным только в том случае, если они соответствуют взглядам общества. Выдвинутая идея привела нас к анализу концепции, которая связана с идентификацией культурной, политической и, непосредственно, самоопределением самого индивида. Мы пришли к выводу, что распространяемые ценности могут быть эффективны только в том случае, если они отвечают модели цивилизации определенного региона, а также наоборот, навязываемые устои не будут воздействовать на общество, если взгляды социума, их культурно-политическая принадлежность и идентификация самой страны будут идентичны. Страны принадлежат к одной цивилизации, а значит их культура базируется на идентичных ценностях. Исходя из приобретенной идентичности определяются действия индивида и общества в целом. Политический курс может быть эффективным в той или иной стране, только в том случае, если реализуемые задачи созвучны ценностям общества. Поэтому культурная идентичность и идентификация являются важными условиями для эффективной реализации политических задач как в рамках новых медиа, так и за пределами цифровой среды.

Библиография

1. Володенков С. Техника работы в социальных сетях и с ресурсами Интернета. – М: Изд-во «Известия», 2016. – С. 31.
2. Кортунюв С. В. Национальная идентичность: Постигание смысла. – М.: Аспект Пресс, 2009. – С. 34.
3. Маркосян А.А. Социальные сети – инструмент политической манипуляции? // Власть. – 2023. – №4. – С.41-48.
4. Мартынов М.Ю., Габеркорн А.И., Патриотический дискурс в идеологических трендах «новых медиа» в современной России // Вестник Московского государственного областного университета. – 2021. – №4. – С.104-120.
5. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. – М.: Фаир-Пресс, 2006. – 416 с.
6. Ромаданова С.В., Мухаметшина Н.С. Влияние нейросетей на формирование медиареальности // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. – 2023. – №2. – С.36-40.
7. Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2014. – № 4. – С. 65-77.
8. Федорова Е.В. Медиатизация как важный ресурс современного политического процесса, направленный на адаптацию политических субъектов к новым формам массовых коммуникаций // Вестник Евразийской науки. – 2018. – №3. – URL: <https://esj.today/PDF/14ECVN318.pdf> (дата обращения: 20.04.2024).
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – Полис. – № 1. – 1994 – С.33-48.
10. Шарков Ф.И. Политическая коммуникация в современном информационном обществе // PolitBook. – 2012. – № 2. – С.121-13

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметная область рецензируемой статьи ориентирована на анализ новых форм медиа в режиме политической коммуникации. Считаю, что вопрос достаточно актуален, подобное рассмотрение проблемы дает возможность оценить динамику «цифры», которая распространены практически во всех областях человеческой деятельности. Автор отмечает, что «возникновение виртуальной среды стимулирует развитие плюрализма форм и методов коммуникации участников, предоставляя эффективные инструменты взаимодействия и влияния. Параллельно интернет активизирует рост коммуникационных процессов в результате интеграции цифровых технологий во все сферы деятельности как индивида, так и социума в целом. Медиапространство является наиболее динамичным и быстроразвивающимся не только технологическим, но и экономическим, культурным, социальным и политическим феноменом современности, а в глобальной цифровой сети формируются новые каналы коммуникации. Новые медиа как социальный институт является одним из ключевых факторов формирования межличностных взаимоотношений, влияющие на мировоззренческие, социальные и психологические установки, нравственные и ценностные ориентиры как отдельных индивидов, так и общества в целом». Безусловно, что с такой позицией сложно не согласиться. Принципы и методы анализа традиционны: «в статье задействован функциональный, концептуальный, феноменологический и социолингвистический анализ, а также используется метод системного анализа и историко-культурологический метод». Вариант синкретического толка вполне, на мой взгляд, оправдан. Повествования тяготеет к научному типу речи: например, «цивилизация идентифицируется посредством культуры, которая, в свою очередь, определяет модель сплоченности, дезинтеграции и конфликта. После того, как идеология теряет значимость, культурные и цивилизационные различия выдвигаются на первый план. Поэтому альянсы в современном мире строятся в основном между странами, имеющие культурное сходство. Страны классифицируются вокруг лидеров или стержневых стран своих цивилизаций. В рамках международной политики такой процесс означает наступление эры одновременно многополярности и полицивилизационности» и т.д. Тема работы автором раскрывается в расширенном режиме, что вполне оправдано. Считаю, что работа имеет заверченный вид, она вполне самостоятельна, оригинальна, при этом автор создает и т.н. эффект диалога с оппонентами; думаю, что материал удобно использовать при изучении ряд гуманитарных дисциплин ориентированных на оценку / анализ медиапространства, СМИ и т.д. Иллюстративный фон достоверен, открытость информации не вызывает сомнений: «в данном контексте подтвердим выдвинутую мысль конкретным примером. Видеохостинг YouTube является популярным медиа, на платформе которого размещается большое число видеоматериала. Популярность YouTube обусловлена тематическим многообразием контента, а также возможностью просматривать видеоролики на разных языках – более 70 языков мира ((Статистика YouTube в 2024 году // Инклиент. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://inclient.ru/youtube-stats/> (дата обращения: 20.04.2024)». Цель работы достигается планомерно, задачи решаются целостно и объемно. Суждения по ходу работы объективны, точка зрения автора высказывается убедительно: например, «подчеркнем, что сфера массмедиа позволяет разным процессам приобретать оттенок медийности и на первый план ставит проблемы развития медиадискурса, медиалингвистики, медиакратии и т.д. Под медиатизацией политики следует также понимать и синтез взаимозависимых информационно-коммуникативных явлений и процессов, протекающих как внутри политического пространства, так и за его пределами во внешней среде (в массмедиа пространстве), через публичные

презентации и фреймы политических и общественных взглядов...» и т.д. Выводы созвучны основной части; стандарт требования издания учтен. В финальном блоке отмечено, что «влияние определённых ценностей посредством новых медиа может быть существенным только в том случае, если они соответствуют взглядам общества. Выдвинутая идея привела нас к анализу концепции, которая связана с идентификацией культурной, политической и, непосредственно, самоопределением самого индивида. Мы пришли к выводу, что распространяемые ценности могут быть эффективны только в том случае, если они отвечают модели цивилизации определенного региона, а также наоборот, навязываемые устои не будут воздействовать на общество, если взгляды социума, их культурно-политическая». Таким образом, можно констатировать, что работа имеет должную научную новизну, она практически оправдана. Рекомендую статью «Новые медиа как субъект политической коммуникации» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжан Я. К вопросу о теме дуэли в романе «Капитанская дочка» А. С. Пушкина // Litera. 2024. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.71171 EDN: XEPZFS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71171

К вопросу о теме дуэли в романе «Капитанская дочка» А. С. Пушкина

Чжан Явень

аспирант; кафедра истории русской литературы; Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ daniazhang317@gmail.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.7.71171

EDN:

XEPZFS

Дата направления статьи в редакцию:

28-06-2024

Дата публикации:

05-07-2024

Аннотация: Данная статья посвящена изучению темы дуэли в романе «Капитанская дочка» А. С. Пушкина. Цель статьи – выявить художественную функциональность дуэльного эпизода между Гриневым и Швабриным (в 3-й и 4-й главах романа). «Капитанская дочка» как одно из самых значимых произведений А. С. Пушкина не выходит из фокуса внимания отечественной и зарубежной науки, однако до сих пор проведено мало специальных исследований, посвященных идейно-смысловому содержанию темы дуэли в этом романе. В основе концепции данной статьи лежит понимание, что пушкинский историзм не просто обозначает точное воссоздание прошлого, но и часто отражает осмысление писателем настоящего – именно это составляет непосредственную теоретическую предпосылку для двойного истолкования смысла дуэли в романе. Методологическая основа опирается на анализ произведения с учетом литературного, исторического, биографически-бытового контекстов,

используются такие научные методы, как культурно-исторический, социологический, герменевтический, и аксиологический. Основной вывод исследования заключается в том, что дуэльная сцена не только является воссозданием ситуации периферийного бытового поединка во время Пугачевского восстания, но и оказывается своего рода изображением иного волнующего Пушкина обстоятельства – нравственного кризиса дворянского сословия в 1830 гг., и в завершенном Гриневым действии содержится призыв писателя к чести. Научная новизна статьи обусловлена новым подходом к исследуемому предмету: впервые осуществлена двойная интерпретация значения описанной дуэли между Гриневым и Швабриным, акцентируется внимание на чести как ключевом концепте, позволяющем связать историю и современность в творчестве писателя. Таким образом, исследование вносит значительный вклад в понимание художественной функциональности дуэли в романе «Капитанская дочка» и расширяет представление о художественном мире А. С. Пушкина.

Ключевые слова:

дуэль, честь, дворянство, нравственный кризис, история и современность, Гринев, Швабрин, герои-двойники, Пушкин, Капитанская дочка

Роман «Капитанская дочка» – «одно из наиболее совершенных и глубоких созданий Пушкина» [\[1, с. 212\]](#), «итог его идейных и творческих исканий» [\[2, с. 169\]](#). Несмотря на небольшой объем, его жанр определяется многими учеными как «исторический роман» (например: [\[3, с. 21\]](#); [\[4, с. 191\]](#)), и важнейшим вопросом, поднятым писателем в этом романе, обычно считается вопрос об историко-политическом значении и смысле восстания Пугачева (об этом см.: [\[4, с. 200\]](#)).

Статья Ю.М. Лотмана «Идейная структура "Капитанской дочки"» внесла важный вклад в понимание смысла романа. Ученый разделяет «художественную ткань» романа на «два идейно-стилистических пласта» (или мира) – дворянский и крестьянский, и утверждает, что Пушкин осознает «невозможность примирения враждующих сторон и неизбежность кровавой и истребительной гражданской войны», так как они проистекают не из личных качеств вождей обеих сторон, а от «столкновения непримиримых социальных концепций», в этом «роковом трагизме» обе стороны «имеют свою классовую правду». Лотман выдвигает гипотезу о том, что настоящий пафос романа заключается в возвышении «гуманности и человеческого достоинства» над социально-исторической условностью (см.: [\[1, с. 212–227\]](#)). Разделяя мнение Лотмана, мы акцентируем внимание на конфликте между Гриневым и Швабриным, закончившемся дуэлью, считая, что его идейно-смысловое содержание не выявлено с достаточной полнотой.

Отметим, что именно Петруша Гринев, этот дворянский «недоросль», занимает *нейтральное* положение в системе героев, стоя в стороне, «ни в одном из современных ему лагерей он не растворяется полностью» [\[1, с. 227\]](#). Это неизбежно ведет нас к сопоставлению его с образом Швабрина, который тоже является дворянином, однако «пришелся» к обоим лагерям. Существенное различие между ними замечается сразу в 3-й и 4-й главах романа, где герои поначалу быстро подружились, затем категорически разошлись из-за непреодолимых внутренних противоречий.

В исследовательской литературе конфликт между Гриневым и Швабриным истолкуется как противопоставление «развращенного, циничного представителя верхушки

дворянства, зараженного скептицизмом ("вольтерьянство")» [2, с. 193] и недоросля из старинной семьи, хранящей традиционные моральные устои. Образ Швабрина, в отличие от благородного Гринёва, представлен как «интриган» [6, с. 213], «иммориалист» [7, с. 323], персонаж целиком «отрицательный» (см.: [8, с. 57], [9, с. 393]). Более того, сам дуэльный эпизод вызывает отдельно исследовательский интерес, прежде всего, в связи с показанным в нем «столкновением понятий двух эпох» [10, с. 23] – доказательство мастерства пушкинского «историзма», писатель нигде не прямо сообщает о социальной обусловленности персонажей, но показывает «их психологию, поведение, мысли, поступки как результат воздействия социальной среды» [6, с. 172].

По мнению Я. А. Гордина, весь эпизод дуэли на первый взгляд показано «как пародия на дуэльный сюжет и на самую идею дуэли», на самом деле, это совсем не так. Героическое поведение Гринёва изображено в тексте иронически потому, что его окружают люди, выросшие в другие времена, которые не понимают и не воспринимают «дуэльную идею как необходимый атрибут дворянского жизненного стиля». Да и сам Гринёв едва ли имеет ясное представление о дуэли, однако он уже ощущает свое право на поединок ради достоинства и чести; а проявленная как бы хладнокровность Швабрина (он предлагает обойтись без секундантов) не означает, что он злодей, дело скорее в том, что в то время «дуэльный кодекс еще размыт и неопределен» (см.: [10, с. 23–27]).

Признавая справедливость приведенных выше замечаний, нужно подчеркнуть, что «в "Капитанской дочке" история и современность связаны в единый нерасторжимый узел» [11, с. 287], «история для Пушкина – источник понимания настоящего и ключ к предугадыванию будущего» [12, с. 195]. Показанный дуэльный эпизод в романе не только является воссозданием ситуации периферийного бытового поединка, входящего в широкую историческую панораму России во время Пугачевского восстания, но и можно рассмотреть его как своего рода изображение иного волнующего Пушкина обстоятельства – нравственного кризиса дворянского сословия в 1830 гг., и в завершённом Гринёвым действии содержится искренний призыв Пушкина к «честью» – заветное слово, появившееся в эпиграфе ко всему роману («Береги честь смолоду») [13, с. 258]. Для выяснения основной позиции данной статьи необходимо обратиться к следующим аспектам проблематики: 1) отношение Пушкина к дворянству; 2) отражение нравственного кризиса дворянства 1830 гг. в изменении дуэльного сознания; 3) пушкинское понимание чести; 4) пересмотр соотношения Гринёва и Швабрина как героев-двойников.

Как известно, вместе с ростом исторического сознания (с 1823 г.), Пушкин продолжает размышлять о возможной социальной революции, и у него формируется идея «революции сверху», о которой Н.Я. Эйдельман подробно рассказывает в своей статье «Пушкин о французской и русской революции». Пушкин уверен, что существует три главных движущихся силы страны, которые взаимодействуют друг с другом: государство как «роковая власть», «народная, крестьянская стихия» и, наконец, третья «численно небольшая, но очень важная, потенциально способная чрезвычайно усилить власть и народ» – «мыслящее меньшинство», образованный слой, представленный прежде всего дворянством» [14, с. 332]. Сам Пушкин, по утверждению Б.В. Томашевского, заявлял о своей принадлежности к дворянству (а не «помещикам») «еще в романтический период в письмах Бестужеву и Рылееву из Михайловского» [12, с. 190]. Несмотря на то, что политические проекты Пушкина, выдвинутые в его черновых записях, по оценке

Томашевского, наполнены «увлечением патриархальным идеалом утопического дворянского романтизма» [\[12, с. 192–195\]](#), нам ясно, что писатель относится к дворянству с личным пристрастием и высокими социальными ожиданиями, гордится своим старинным дворянским родом, считая, что только «дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим» [\[15, с. 136\]](#).

Однако в реальности Пушкин сталкивался с печальным фактом – постепенным упадком этого благородного сословия, об этом он писал в 1830 г.: «Я сожалел, видя, как древние дворянские роды уничтожились, как остальные упадают и исчезают, как новые фамилии <...> падают, ничем не огражденные, и как имя дворянина, час от часу более униженное, стало наконец в притчу и посмеяние разночинцам» [\[15, с. 136\]](#).

Одной из наиболее волнующих проблем для Пушкина в 1830 гг. становится нравственный кризис современников-дворян, который прямо отражается в изменении иногда даже исчезновении выработанного в начале XIX века сурового представления о чести в практике дуэли. Этот вопрос тщательно рассматривается в работе Я.А. Гордина в главе «Агония дворянской чести»: в связи с принятым в 1829 г. решением императора Николая I ликвидировать «полномочия офицерских собраний выносить приговоры по делам чести» начала меняться общественная атмосфера: значимость личной чести и личного долга стали снижаться, офицеры уже не так боялись или стыдились бесчестия, публичного скандала, поскольку это не наносило ущерба для положения или будущей карьеры, более того, отказ от участия в поединке стал возможен, и решение дела чести прилично стало отдавать в руки правительства (см.: [\[10, с. 98–100\]](#)). Как следствие, по выражению Гордина, в обществе «торжествовала не столько дуэльная, сколько хамская стихия. Наглая грубость заменяла гордость» [\[10, с. 101\]](#). Для аргументации своих наблюдений Гордин приводит в пример многие реальные события, в том числе и гибель знакомого Пушкина А.А. Шишкова: в 1832 г. оскорбленный в ссоре Шишков вызывал Чернова на дуэль, но последний отказался. Чтобы заставить противника драться, Шишков дал ему пощечину, Чернов молча побежал домой за кинжалом, затем вернулся и, подождав, пока Шишков появился у крыльца, бросился на него и зарезал (см.: [\[10, с. 104\]](#)).

Пушкин, чутко отзывался на происходящее вокруг. Так, в конце 1836 г., в письме П.Я. Чаадаеву он писал: «Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; <...> как человека с предрассудками – я оскорблен» [\[16, с. 689\]](#). Одним из главных «предрассудков» Пушкина «было представление о чести как абсолютном регуляторе поведения – личного, общественного, политического» [\[10, с. 14\]](#).

Стоит подчеркнуть, что пушкинское понимание чести не имеет того сословного характера с присущей ей ритуальностью, которые он обнаружил в представлении древнерусского общества о чести. В одной из заметок 1827 г. писатель так рассуждал о чести в древнерусском обществе: «Иностранцы, утверждающие, что в древнем нашем дворянстве не существовало понятия о чести (point d'honneur), очень ошибаются. Сия честь, состоящая в готовности жертвовать всем для поддержания какого-нибудь условного правила, во всем блеске своего безумия видна в древнем нашем местничестве. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду царскому свои родословные распри» [\[15, с. 41\]](#). Пушкинское понимание чести всегда связано с «достоинством личным», которое он поставил выше «знатности рода» (об этом см.: [\[15, с.](#)

[136\]](#)). В заметке «О дворянстве» (1830) «честь» трактуется Пушкиным как высшая ценность человека («Чему учиться дворянство? Независимости, храбрости, благородству (честь вообще)») [\[17, с. 105\]](#).

Возвращаясь к «Капитанской дочке», вышеизложенное дает нам основание для возможного двойного истолкования смысла дуэли между Гриневым и Швабриным. Имеется в виду, что Пушкин проецирует на событие XVIII века свои, характерные для XIX века наблюдения над делом чести, и подсказывает свой призыв к «чести» в эпиграфе ко всему роману (о том, что «в сцене знакомства Швабрина и Гринева громко звучит следующий, XIX в.» можно см.: [\[18, с. 289–290\]](#)). Известно, что повествование в «Капитанской дочке» усложняется по мемуарной форме, существуют три возможных субъекта наррации: молодой Гринев как участник всех этих событий, автор мемуаров Гринева, и сам Пушкин. В связи с этим, многие ученые акцентируют внимание на функции эпиграфов в романе, считая их «смысловым ключом произведения» [\[8, с. 66\]](#). В.С. Листов в своей статье, посвященной истолкованию эпиграфов романа, считает, что отношение Пушкина к смыслу рассказа раскрывается «только в эпиграфах» [\[19, с. 123\]](#).

Отношения Гринева и Швабрина часто рассматриваются как отношения героев-антагонистов (например: [\[6, с. 213\]](#); [\[20, с. 66–67\]](#); [\[21, с. 213\]](#)). Как известно, первоначальный замысел «Капитанской дочки» был связан с конкретным историческим фактом – переходом дворянина-офицера Шванвича на сторону Пугачева. Образ этого героя менялся по мере развития замысла, и в окончательном тексте «образ офицера-изменника как бы раздваивается» [\[6, с. 213\]](#): один – представитель петербургской «новой знати», другой – преемник поместного «"фрондирующего" дворянства» [\[6, с. 217\]](#), выросший в старинной патриархальной семье.

Признавая справедливость наблюдений ученых, в то же время, мы полагаем, что возможна и другая точка зрения на отношения Гринева и Швабрина – герои-двойники. Подобный пересмотр соотношения Гринева и Швабрина появляется в недавней статье О.В. Богдановой, в которой исследовательница показывает, что Пушкин на самом деле «намеренно уподобляет героев, обнаруживая противоречивость их характеров, ставя их в сходные ситуации, сталкивая в одном – любовном конфликте» [\[21, с. 12\]](#). Наша позиция заключается в том, что Пушкин разделяет единого романного героя на *интеллектуальное* начало (Швабрин) и *этическое* начало (Гринев), которые могли и должны бы дополнить друг друга, однако ставит их в конфликтное положение (соперники в рамках любовной линии сюжета). Писатель, с одной стороны, показывает, к какому опасному пути бесчестия может привести оторванная от корней, ни на что не опирающаяся интеллектуальность (наглый клеветник, интриган – жестокий убийца – и далее, презренный предатель), с другой – какую силу может обрести человек с нравственным началом, что позволяет ему не только *не поддаться* обстоятельствам, но и *возвыситься* над ними.

«Я жил недорослем, гоняя голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками <...>» [\[13, с. 260\]](#), – не случайно главный герой представлен в образе семнадцатилетнего мальчика с явной сниженной интеллектуальностью, что особенно очевидно, если сопоставим с первоначальным замыслом писателя. Здесь нам трудно полностью согласиться с объяснением Шкловского, что писатель «переделал сюжет, так как нашел для него новый центр – характер Пугачева» [\[8, с. 57\]](#). Юный возраст и беспечное детство героя – жизненная неопытность; «напутствии старого Гринева "Береги <. . .> честь

смолоду”» – дает герою лишь абстрактный «нравственный ориентир» (см.: [\[11, с. 273\]](#)). Писатель как будто намеренно *редуцирует* или *ослабляет* другие факторы, влияющие на решения героя, кроме его врожденной нравственности. Юный Петруша смотрит, учится, вбирает в себя черты окружающих, однако каждый раз сталкиваясь с неожиданным кризисным обстоятельством, герой принимает решения своей «живой даровитой душой» [\[22, с. 234\]](#). Именно этим объясняются его сближение и затем расхождение со Швабриным.

Стоит отметить, что образ Швабрина в романе дан через призму субъективного восприятия Гринева, что во многом объясняет «однозначность и однокрасочность» [\[23, с. 39\]](#) его изображения в романе как неразвивающегося, «готового» персонажа [\[24, с. 136\]](#). Однако, исходя из позиции того, что отношения Гринева и Швабрина можно рассматривать как героев-двойников, заметим, что Швабрин оказывал значительное влияние на героя в начале их знакомства: «Швабрин был очень неглуп. Разговор его был остер и занимателен» [\[13, с. 277\]](#); «У Швабрина было несколько французских книг. Я стал читать, и во мне пробудилась охота к литературе» [\[13, с. 280–281\]](#); «Другого общества в крепости не было, но я другого и не желал»; «Итак, переписав мою песенку, я понес ее к Швабрину, который один во всей крепости мог оценить произведения стихотворца» [\[13, с. 281\]](#) – несмотря на добрые отношения с остальными жителями Белогорской крепости, Швабрин единственный, с кем Гринев нашел общий язык. Старший остроумный гвардеец-дворянин как будто учит юного наивного недоросля, который мог бы повторить его гвардейскую карьеру. Это проявляется, например, в том критикуя Петрушины стихи, Швабрин обычно «снисходительно» относится к Гриневу.

В то же время развязность и цинизм Швабрина отталкивают Гринева (герой ненавидел «всегдашние шутки» Швабрина относительно семьи коменданта, особенно «колкие замечания» о Маше, и в конечном счете «час от часу беседа <...> становилась <...> менее приятною») [\[13, с. 277\]](#), в чем проявляется его способность самостоятельного суждения. Узнав о симпатии Гринева к Маше, Швабрин стал совсем озлобленным, он бесстыдно порочил репутацию невинной Маши даже прямо перед семьей коменданта, употребляя «светское общение», которое основано «на игре слов, злоязычии, подтекстовом диалоге» [\[25, с. 116\]](#) и которому он пытался научить Гринева, и как следствие, вызвал у героя глубокие негодование и ненависть («Бесстыдство Швабрина чуть меня не взбесило; но ни кто, кроме меня, не понял грубых его обиняков») [\[13, с. 282\]](#).

Переходим к анализу эпизоду дуэли, действительно, иронический оттенок ее описания ощущается уже в эпиграфе, взятом из комедии Я.Б. Княжнина «Чудаки»: «– Ин изволь и стань же в позитуру. / Посмотришь, проколю как я твою фигуру!» [\[13, с. 282\]](#). Особенно комичным (но и одновременно добродушным) показаны прерывание и вмешательство Василисы Егоровны: в самый момент, когда Гринев и Швабрин «обнажили шпаги», их окружили Иван Игнатьич и пять солдат-инвалидов; вернувшись в крепость, их шпаги были взяты Палашкой и отнесены в чулан; затем «комендантша» как примиритель, практически не имеющая понятия о подлинной причине их конфликта, заставила героев «друг друга поцеловать» [\[13, с. 286\]](#).

Однако причина дуэли на самом деле серьезная для обеих сторон: Швабрину нужно через нее смыть оскорбление, полученное от семнадцатилетнего мальчика (Ты лжешь, мерзавец! <...> ты лжешь самым бесстыдным образом) [\[13, с. 286\]](#), а Гринев – защищает честь и репутацию невинной дамы.

Вспомним о пушкинском понимании чести («Чему учиться дворянство? Независимости, храбрости, благородству (чести вообще)» [\[17, с. 105\]](#), оно проявилось во всех деталях поведения Гринева в конфликте со Швабриным: в переговорах с секундantom Иваном Игнатьичем, которые закончились решительным отказом последнего, «рассуждения благоразумного поручика не поколебали» [\[13, с. 283\]](#) юного героя, и добродушное вмешательство Василисы Егоровны только сделало героев «по-видимому примиренными», Гринев настоял на своем решении («Наше дело этим кончиться не может» [\[13, с. 286\]](#), – сказал герой Шабрину); узнав о настоящей причине «упорного злоречия» Швабрина по отношению к Маше желание «наказать дерзкого злоязычника» [\[13, с. 287\]](#) сделалось в Гриневе еще сильнее; в конце концов, храбрость героя проявлена во время дуэли – показалось, что если бы не появился Савельич, герой был победил («приметь, что Швабрин ослабевает, я стал с живостию не него наступать и загнал его почти в самую реку» [\[13, с. 287\]](#)). Судя по всему, Гринев не только не нарушил отцовский завет, но и по-своему выполнил его, «никем не наученный», герой «чудеснейшим образом умеет сберечь свою честь» [\[26, с. 220\]](#), что и получит продолжение и в последующих событиях романа (по отношению к обеим властям, к царице и к самозванцу)).

Таким образом в данной статье утверждается, что дуэль между Гриневым и Швабриным в «Капитанской дочке» не только является воссозданием ситуации периферийного бытового поединка во время Пугачевского восстания, но и оказывается своего рода изображением современности. Двойное истолкование смысла дуэли осуществлено с учетом разных контекстов художественного произведения: исторического (отражение нравственного кризиса дворянства 1830 гг. в изменении дуэльного сознания); биографически-бытового (личное отношение писателя к дворянству, также его понимание чести); литературного (пересмотр соотношения дуэлянтов как героев-двойников). «Честь» – это заветное слово, появившееся в эпиграфе ко всему роману, представляется ключевым концептом, позволяющим связать историю и современность. Дуэль в романе «Капитанская дочка» оказывается призывом Пушкина к сохранению и утверждению чести как высшей ценности человека.

Библиография

1. Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960-1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб.: Искусство, 1995. – 845 с.
2. Сидяков Л. С. Художественная проза А. С. Пушкина. Рига, 1973. – 218 с.
3. Макогогенко Г. П. «Капитанская дочка» А. С. Пушкина. Л.: Художественная литература, 1977. – 108 с.
4. Петров С. М. Русский исторический роман XIX века [Текст]. М.: Худож. лит., 1964. – 439 с.
5. Макогогенко Г. П. Исторический роман о народной войне // Пушкин А. С. Капитанская дочка. Л.: Наука, 1984. С. 200–232.
6. Степанов Н. Л. Проза Пушкина. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 300 с.
7. Вацуру В. Э. Из историко-литературного комментария к стихотворениям Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. Т. 12. С. 305–323.
8. Шкловский В. Б. Заметки о прозе русских классиков. М.: Советский писатель, 1953. – 324 с.
9. Мейлах Б. С. Пушкин и его эпоха. М.: Гослитиздат, 1958. – 698 с.
10. Гордин Я. А. Дуэли и дуэлянты: панорама столичной жизни. СПб: Пушкинский фонд,

2002. – 284 с.

11. Петрунина Н. Н. Проза Пушкина: (Пути эволюции). Л.: Наука : Ленингр. отд-ние, 1987. – 333 с.

12. Томашевский Б. В. Пушкин: Материалы к монографии (1824–1837). Кн. 2. М; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 575 с.

13. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 томах. Т. 6. Л.: Наука, 1978. – 577 с.

14. Эйдельман Н. Я. Статьи о Пушкине. М.: Новое лит. обозрение, 2000. – 455 с.

15. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 томах. Т. 7. Л.: Наука, 1978. – 545 с.

16. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 томах. Т. 10. Л.: Наука, 1979. – 713 с.

17. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 томах. Т. 8. Л.: Наука, 1978. – 417 с.

18. Листов В. С. Голос музы темной... К истолкованию творчества и биографии А. С. Пушкина. М.: Жираф, 2015. – 416 с.

19. Листов В. С. К истолкованию эпиграфов «Капитанской дочки» // Пушкин и мировая культура: Материалы шестой Международной конференции. Крым, 27 мая–1 июня 2002 г. Санкт-Петербург, Симферополь, 2003. С. 23 –130.

20. Благый Д. Д. Социология творчества Пушкина: Этюды. Изд. 2-е, доп. М.: Мир. 1931, – 293 с.

21. Богданова О. В. Проблемы современной интерпретации классических текстов («Капитанская дочка» А. С. Пушкина в школе и в вузе) // Книжная культура дальневосточного региона: проблемы истории, методики, межкультурной коммуникации: сборник статей, 21–22 ноября 2019. Хабаровск, 2020. С. 12–23.

22. Чайковская О. Гринев // Новый мир. 1987. № 8. С. 226–244.

23. Макогоненко Г. П. «Капитанская дочка» А. С. Пушкина. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1977. – 108 с.

24. Архангельский А. Н. Герои Пушкина: Очерки литературной характерологии. М.: Высш. шк., 1999. – 285 с.

25. Юхнова И. С. Образ Швабрина: особенности речевого поведения // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2-2. С. 114–117.

26. Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении. «Повести Белкина» и «Пиковая дама» [Текст] / ; [пер. с нем. А. И. Жеребина]. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2013. – 354 с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

История русской классической литературы постоянно находится в интенсиве коррективы, будь то XX или XIX век. Повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка» не является исключением, так как этот текст знаков для русской литературы, интересен для рецепции / восприятия. Однако уже многое сделано в массе критических источников, многое уже проанализировано и уточнено. Отмечу, что рецензируемый материал имеет слабо научный вид, серьезного, нового изыскания в работе нет. Начиная с заглавия – «К вопросу о теме дуэли...», причем в «романе», заканчивая буквально финалом «честь» – это заветное слово, появившееся в эпиграфе ко всему роману, представляется ключевым концептом для истолкования художественной функциональности дуэли, позволяет связать историю и современность. Дуэль в романе «Капитанская дочка» оказывается призывом Пушкина к сохранению и утверждению чести как высшей ценности человека». Явная несуразность заметна сразу, основной тематический пласт

практически и не раскрыт по ходу повествования. Неплохо, что в статье даются буквальные ссылки на труды Б.В. Томашевского, Д.Д. Благого, Ю.М. Лотмана, Я.А. Гордина, Г.П. Макогоненко, С.М. Петрова, В.Э. Вацуро и др. исследователей, но в работе столь велика зависимость от «уже сказанного», что авторская точка зрения несколько нивелируется. Этого не должно быть, наоборот автору следует сложнее обозначать свой взгляд на проблему, стараться аргументировано его пестовать. Отмечу также, что материалу явно не хватает объема, работу нужно расширять! Стиль в принципе соотносится с научным типом, например, «статья Ю.М. Лотмана «Идейная структура "Капитанской дочки"» внесла важный вклад в понимание смысла романа. Ученый разделяет «художественную ткань» романа на «два идейно-стилистических пласта» (или мира) – дворянский и крестьянский, и выдвигает гипотезу о том, что настоящий пафос романа заключается в возвышении «гуманности и человеческого достоинства» над социально-исторической условностью (см.: [1, с. 212–227]). Разделяя мнение Лотмана, мы акцентируем внимание на конфликте между Гриневым и Швабриным, закончившемся дуэлью (в 3-й и 4-й главах романа), считая, что его идейно-смысловое содержание не выявлено с достаточной полнотой», или «Стоит подчеркнуть, что пушкинское понимание чести не имеет того сословного характера с присущей ей ритуальностью, которые он обнаружил в представлении древнерусского общества о чести. В одной из заметок 1827 г. Пушкин так рассуждал о чести в древнерусском обществе: «Иностранцы, утверждающие, что в древнем нашем дворянстве не существовало понятия о чести (point d'honneur), очень ошибаются. Сия честь, состоящая в готовности жертвовать всем для поддержания какого-нибудь условного правила, во всем блеске своего безумия видна в древнем нашем местничестве. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду царскому свои родословные распри» и т.д. Некоторые купюры нужно разбавить аналитическим комментарием, он явно необходим: например, «возвращаясь к «Капитанской дочке», отметим, что вышеизложенное дает нам основание для возможного двойного истолкования дуэли между Гриневым и Швабриным: она не только является изображением прошлого, но и отражением настоящего, в ней скрыт призыв Пушкина к высшей ценности – «чести». Здесь стоит отметить комментарий В.С. Листова, сделанный по поводу знакомства Швабрин с Гриневым. Войдя в комнату героя, Швабрин сразу заговаривает по-французски, исследователь считает, что эта деталь не соответствует историческому контексту описываемых событий, ведь в начале 1770-х гг. французский язык был далеко не так широко распространен среди российских дворян...» и т.д. Материал, на мой взгляд, имеет эмпирический характер, в нем нет должной научной конкретизации, теоретическая составляющая нивелирована. Тема работы в принципе интересна, но ее нужно более тщательно продумать, высветить концепцию, определиться и с методологией. Основная часть исследования должна быть аналитически выверена, нужно усложнить и заключительный блок. Таким образом, статья «К вопросу о теме дуэли в романе «Капитанская дочка» А.С. Пушкина» не может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «К вопросу о теме дуэли в романе «Капитанская дочка» А. С. Пушкина» актуальна уже по той причине, что данное произведение является одним из ключевых текстов русской культуры, входит в школьную программу, в круг подросткового чтения.

«Капитанская дочка» имеет богатую традицию научного изучения, что ставит исследователя в сложную позицию – он должен не повторить уже сказанное, а отчетливо сформулировать приращение нового знания, найти новый подход, осуществить новую интерпретацию. Автору статьи удалось по-новому осмыслить эпизод дуэли, рассмотреть его смысл в контексте проблемы чести, заявленной в эпиграфе. По мнению автора, возможно двойное истолкование эпизода дуэли между Гриневым и Швабриным: и как события исторического прошлого, и как «характерные для XIX века наблюдения над делом чести».

Статья хорошо фундирована, отличается тщательным изучением трудов предшественников. При этом автор статьи не просто реферирует имеющиеся точки зрения, но выявляет лакуны, полемические моменты, формулирует свою позицию. В частности, он обращает внимание на то, что, на первый взгляд, периферийный эпизод дуэли важен не только для обозначения межличностного конфликта, но как бы подсвечивает основное событие – Пугачевский бунт. Продуктивной представляется мысль о том, что «Пушкин разделяет единого романного героя на интеллектуальное начало (Швабрин) и этическое начало (Гринев), которые могли и должны бы дополнить друг друга, однако ставит их в конфликтное положение (соперники в рамках любовной линии сюжета). Писатель, с одной стороны, показывает, к какому опасному пути бесчестия может привести оторванная от корней, ни на что не опирающаяся интеллектуальность (наглый клеветник, интриган – жестокий убийца – и далее, презренный предатель), с другой – какую силу может обрести человек с нравственным началом, что позволяет ему не только не поддаться обстоятельствам, но и возвыситься над ними». Вне поля зрения автора остается аспект противостояния героев как творческих личностей, но это может стать перспективой исследования.

В статье последовательно выдерживается научный стиль, сформулированы «основные аспекты проблематики», которые определили структуру статьи. Среди них – отношение Пушкина к дворянству, нравственный кризис дворянства 1830 гг., пушкинское понимание чести, рассмотрение образов Гринева и Швабрина как героев-двойников. Эти аспекты позволили обосновать мысль о возможности двойного истолкования эпизода дуэли, показать, как Пушкин включает в него мотивы, важные для его нравственной позиции, для его понимания дворянской чести. В связи с этим в работе уместно приводятся рассуждения поэта о чести в древнерусском обществе, даются отсылки к работам Я. Гордина, Н. Эйдельмана и др.

Таким образом, данная статья станет хорошим дополнением к уже имеющимся исследованиям проблематики и поэтики «Капитанской дочки». В ней решается частная проблема, но эта проблема уточняет идейную структуру произведения.

В качестве замечаний можно указать не некоторые стилистические погрешности (например, «Это проявляется, например, в том критикуя Петрушины стихи, Швабрин обычно «снисходительно» относится к Гриневу»). Они не искажают смысл, не являются частотными.

Все вышесказанное позволяет рекомендовать статью к публикации.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сун Д. Сюэ Баочай и Марья Болконская: сравнительный анализ образов героинь романов Цао Сюэциня и Льва Толстого // Litera. 2024. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.71186 EDN: XBPWUS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71186

Сюэ Баочай и Марья Болконская: сравнительный анализ образов героинь романов Цао Сюэциня и Льва Толстого

Сун Дanyо

аспирант, кафедра "Теория литературы"; Московский Государственный Университет

117292, Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 16к2

✉ lilysmomforever@yandex.com[Статья из рубрики "Литературный герой"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.7.71186

EDN:

XBPWUS

Дата направления статьи в редакцию:

29-06-2024

Дата публикации:

06-07-2024

Аннотация: Статья посвящена сопоставлению образов героинь Сюэ Баочай в романе Цао Сюэциня «Сон в красном тереме» и Марьи Болконской в эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир». В романе Цао Сюэцинь создан полноценный образ Сюэ Баочай в понимании «идеальной женщины» применительно к традиционному обществу. В романе Л. Н. Толстого среди ряда женских образов, сущность которых раскрывается посредством «диалектики души», Марья Болконская – это образ женщины с добрым сердцем и сильными религиозными убеждениями. До настоящего времени в литературоведении отсутствуют попытки сравнительного анализа формирования женского образа в русской и китайской литературе. Представляется возможным сопоставить два женских персонажа с точки зрения их внешности и черт характера, а также выявить проблему влияния исторического периода, в котором живут героини. При

написании статьи использовался метод компаративного анализа, который позволяет выявлять общее и особенное в литературных произведениях. С помощью этого метода были выявлены схожие жизненные пути героинь романов и разные способы их изображения. Новизна исследования заключается в попытке сопоставления образов героинь двух литературных шедевров, описывающих разные эпохи и страны. Основные выводы автора статьи сводятся к следующему: Цао Сюэцин, находившийся под влиянием традиционных китайских представлений, создал сложный и трагический образ Сюэ Баочай и раскрыл характер положения женщины в рамках феодальных общественных отношений; Л. Н. Толстой в процессе создания образа Марьи Болконской следовал христианским идеалам, наделяя героиню добродетелями - она искала и пыталась понять смысл и ценность жизни и, в итоге, обрела собственное счастье; Благодаря различию жизненного опыта и идейных взглядов авторов, а также социально-экономических условий их формирования и развития, судьбы героев их произведений также отличаются.

Ключевые слова:

в красном тереме, Война и мир, Сюэ Баочай, Цао Сюэцин, Марья Болконская, Лев Толстой, сравнительный анализ, диалектика души, женские образы, положение женщины

Методология компаративного анализа дает возможность выявлять общее и особенное в литературных произведениях разных эпох и стран, даже в таких классических шедеврах, которые, как кажется на первый взгляд, сложны для сопоставления. В Китае написан ряд статей, в которых проводится сравнение Сюэ Баочай с женскими образами в других произведениях, как китайской (например, Цзыцзи), так и мировой (например, Гвендолин) литературы. В российском литературоведении превалирует сопоставление женских образов самого романа «Война и мир» [\[11, 17\]](#). До настоящего времени в литературоведении отсутствуют попытки сравнительного анализа формирования женского образа в русской и китайской литературе. Представляется возможным сопоставить два женских персонажа с точки зрения их внешности и черт характера, философских идей авторов, а также выявить проблему влияния исторического периода, в котором живут героини, на возможность достижения «женского счастья». Для понимания сущности героинь, а также общих и отличительных черт их судьбы, необходимо провести сопоставление внешности и внутреннего мира персонажей.

Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» называют «эпопеей» Отечественной войны 1812 года. Книга Цао Сюэцина «Сон в красном тереме» представляет собой энциклопедию жизни китайского феодального общества. Авторы показывают характер социальных отношений изображаемого в произведениях времени через сотни персонажей. Цао Сюэцин и Лев Толстой, несмотря на географические, временные и национально-культурные барьеры, отделяющие их друг от друга, выражают схожее отношение к миру.

Роман «Сон в красном тереме», представляющий высший этап развития китайской классической литературы, уникален, прежде всего, изображением женских персонажей (как одновременно и песнь печали женщины, и хвалебный гимн женщине). В нём Цао Сюэцин создал завершённый образ Сюэ Баочай – «идеальной женщины» в представлении традиционного китайского общества, хотя в оценке самой героини и ее поступков мнения читателей и критиков расходятся. В эпопее «Война и мир» Л. Н. Толстого также изображен длинный ряд женских образов, с помощью которых автор

стремится раскрыть «диалектику женской души», показывая своих героинь в разных обстоятельствах и находя в них положительные черты. Марья Болконская – это образ набожной женщины с добрым сердцем. Например, Э. С. Афанасьев делает спорный вывод о том, что «ее облик ассоциируется в сознании читателя с Богородицей – идеалом женщины в христианской религии» [2, с. 9]. В раскрытии образа Марьи Болконской можно видеть итог размышлений Л. Н. Толстого о жизни, религии и, главное, о предназначении женщины.

В романе Цао Сюэцинь создается образ красавицы Сюэ Баочай. Авторское детальное описание прямо указывает на красоту Баочай, что усиливается посредством дополнительных деталей [6, 15]. Когда Баочай впервые появляется в тексте романа, автор сравнивает ее с Линь Дайюй: «Но вот приехала Баочай. Она была постарше Дайюй, хороша собой, отличалась прямоотой и откровенностью, и все единодушно решили, что Дайюй во многом ей уступает» [13]. В отличие от красоты Линь Дайюй, Сюэ Баочай демонстрирует здоровую и яркую красоту. Цао Сюэцинь использует цветы пиона для подчеркивания очарования внешности Баочай. Например, в 63-м эпизоде: «Она встряхнула стакан и вытащила пластинку с нарисованным на ней пионом и подписью: “Красотой превосходит все цветы”, а также строкой из стихотворения танской эпохи: “Не ведает пион сердечных чувств, но сердце человека тронуть может”. К строке было пояснение: “Сидящие за столом должны выпить по кубку вина! Пион, самый красивый из всех цветов, велит прочесть стихотворение, станс либо спеть песенку”» [13].

Баочай не только красивая и разумная, но и светская и покорная девушка: «С точки зрения конфуцианских эстетических стандартов, она представляет собой идеальную женщину с мягкой и щедрой личностью. Настолько, что в такой большой семье, как Жунгофу, она пользовалась глубоким предпочтением и была широко любима и восхваляема всеми» [7]. В 22-м эпизоде, когда Баочай празднует свой день рождения, Матушка Цзя спрашивает ее, какой театр она любит и что любит кушать. Баочай зная, что Матушка Цзя – пожилой человек, который любит веселые театры и обожает сладости, сказала об этом как о своих обычных увлечениях, чему Матушка Цзя была очень довольна. Из этого сюжета видно, что Баочай вникает во все мелочи, очень хорошо умеет подбирать слова и тем самым подстраиваться под вкусы людей.

Баочай – девушка, обладающая блестящими талантами, она была мастером поэзии, каллиграфии и живописи, но отказалась развивать свои способности и сосредоточилась только на домашних делах. От Баочай требуют соблюдения традиционных китайских ритуалов. Она неоднократно советует Цзя Баоюю стать чиновником и учит Дайюй и Сяньюнь консервативным нормам, согласно которым «добродетель женщины заключается в отсутствии талантов». По ее мнению, произведения древней китайской литературы, такие как «Западный флигель» и «Пионовая беседка», не соответствуют нормам морали. Поэтому, когда Дайюй случайно открыла текст произведения, а Баоцинь использовала его в качестве темы для стихов, они встретили жесткое сопротивление Баочай. Хотя Баочай обладает гораздо большими талантом и способностями, чем мужчины, никому нет дела до ее внутреннего мира. Ее жизнь всецело зависит от других, она – словно игрушка в роскошном дворце.

«Не красота вызывает любовь, а любовь заставляет нас видеть красоту», – эта известная цитата принадлежит Льву Толстому, восхваляющему достоинства Марьи Болконской [14]. Л. Н. Толстой описывает Марью, ее бледное лицо и хрупкое тело. Она выглядит менее выдающейся, чем многие женщины, изображенные Толстым. Но ее

благочестивая вера, доброе и благородное сердце составляют большой духовный мир. По мнению Толстого, красота духа гораздо привлекательнее красоты внешней. Именно так он определил идеальную женщину: «Идеальная женщина, по мне, будет та, которая, усвоив высшее миросозерцание того времени, в котором она живет, отдается своему женскому, непреодолимо вложенному в нее призванию, – родит, выкормит и воспитает наибольшее количество детей, способных работать для людей, по усвоенному ею миросозерцанию» [\[4\]](#). Лев Толстой показывает красоту духовного облика героини и ее благородное сердце, когда непривлекательное лицо приобретает пленительное очарование. В частности, ее глубокие, нежные глаза показывают всю ее внутреннюю красоту, любовь и самопожертвование. Особенно это проявляется в случае с тоской Марьи по вечной и безмятежной любви, отчего ее лицо неожиданно становится поразительно красивым.

Марья Болконская была некрасивой, слишком худой, с угловатым лицом. Но у нее были теплые, лучистые глаза: «...Действительно, глаза княжны, большие, глубокие и лучистые (как будто лучи теплого света иногда снопами выходили из них) были так хороши, что очень часто, несмотря на некрасивость всего лица, глаза эти делались привлекательнее красоты» [\[14\]](#). Л. Н. Толстой часто использует в романе прилагательное «лучистые» для описания глаз Марьи. Глаза – зеркало души, и автор приводит такое описание, что становится виден прекрасный внутренний мир Марьи.

Вокруг образа Марьи строится «идея семьи» как традиционная тема в творчестве Толстого. Л.Н. Толстой использует образы солнечного и лунного света, чтобы показать благочестивую и самоотверженную женщину, жаждущую любви и семейного счастья. У неё есть свои моральные принципы, описание автора иллюстрирует её богатый внутренний мир и чистоту души.

Кроме того, солнечный и лунный свет неслучайно имеют отношение к образу Марьи. Они олицетворяют ее внутреннее стремление к любви и тихой семейной жизни [\[5\]](#). Использование автором теплого солнечного света в характеристике героя также наводит на мысль о счастливом исходе семейной жизни Марьи.

Л. Н. Толстой как будто завершает свой поиск истины в процессе создания персонажа Марьи Болконской. В.Г. Андреева указывает, что «религиозность княжны Марьи... рождена безысходностью ее положения» [\[1, с. 10\]](#). Когда княжна Марья говорит крестьянам: «Все, что мое, то ваше», она следует заветам Христа и делает то, что было мечтой Толстого вплоть до его отказа от авторских прав на свои произведения. Другая заветная мечта – уход от привычного образа жизни, разрыв со своим окружением ради того, чтобы встать на путь молитвенников за человечество [\[3, 8, 12\]](#).

Таким образом, у анализируемых авторов встречаются разные способы изображения героинь. Хотя Марья не обладает красивой внешностью, как Сюэ Баочай, но она имеет богатый внутренний мир, который делает ее высоконравственной личностью с огромным духовным потенциалом. Л. Н. Толстой всегда акцентировал внимание на внутреннем мире человека, и смог создать женский персонаж, чей внутренний мир гораздо привлекательнее внешности. У Сюэ Баочай, которая изображена в образе светской дамы с традиционными китайскими ценностями, о чьем внутреннем мире мало что известно, душа пуста и одинока. Это образ сформирован особенностями мироустройства китайского общества, в котором жил и творил автор.

Сюэ Баочай и Марья Болконская – персонажи с разными внешними обликами и

внутренними мирами, но их жизненные пути во многом схожи.

Судьба Сюэ Баочай, сложилась лучше, чем у Дайюй, потому что она вышла замуж за Цзя Баоюя. Но в действительности Баочай, как и все девушки в саду роскошных зрелищ, не была застрахована от трагического финала. Даже имя Баочай («Драгоценная шпилька»), отчасти, намекает на ее судьбу. Образ шпильки в классической китайской литературе имеет определенное значение. У Шичан отмечает: «Тот, кто знаком со значением имени Баочай в классической китайской литературе, наверняка с первого взгляда подумает, что это не очень хорошее предзнаменование» [\[16\]](#). Баочай знала о любви между Баоюем и Дайюй, но вышла замуж за Баоюя без возражений, добровольно, ради выгоды семьи. Конечно, в глубине души Баочай еще сохранился след любви к Баоюю, но в основном она сделала это по воле старших, подчинилась традиции. В ночь свадьбы, когда Баоюй узнал, что его невеста не любимая Дайюй, а Бао Чай, он был очень смущен. После свадьбы красота и теплота Баочай не принесли Баоюю душевного удовлетворения. Баочай проводит остаток жизни в одиночестве наедине со своими грустными мыслями. Многие читатели книги отмечали, что характер Баочай был холодным, и холодность отражалась в ее моральных принципах и жизненной философии, и эти холодные мысли стали частью ее характера. Она потеряла себя, стала частью традиционного общества и, отчасти, его несчастной жертвой.

Как и у Сюэ Баочай, путь Марьи Болконской к обретению собственного женского счастья также полон крутых поворотов и неожиданностей. Героиня принимала Анатоля Курагина за достойного человека. В ее душе пробуждалась надежда обрести женское счастье. Но когда она увидела Анатоля с мадемуазель Бурьен, то сразу потеряла желание выходить за него замуж.

Марья была богатой «старой девой», и уже потеряла надежду выйти замуж. Но однажды она познакомилась с Николаем Ростовым. В то время Николай любил Соню, которая потом жила в их семье приживалкой. Марья, на его взгляд, была приятной девушкой и прекрасной потенциальной женой, способной поправить финансовое положение разоренных Ростовых [\[9\]](#). Но когда они снова увидели друг друга, любовь преобразила Марью, Николай заметил ее истинную красоту, влюбился, и они тут же поженились. Замысел Толстого в этом сюжете очевиден, самая важная цель предыдущего изображения непривлекательной внешности Марьи и благородного сердца – создать контраст, через который воспевается красота человеческой природы, способная преобразить даже неприглядные черты лица. В эпилоге «Войны и мира» их отношения раскрываются более ярко и через призму неравной любви друг к другу, и через их взгляд на мир и семейную жизнь.

Методология литературно-исторического анализа предполагает то, что сравниваемые объекты должны иметь различия и сходства [\[10\]](#). Благодаря различию жизненного опыта и идейных взглядов авторов, а также социально-экономических условий их формирования и развития, судьбы героев их произведений также отличаются. Сюэ Баочай и Марья Болконская, будучи хорошими девушками, которые придерживались моральных устоев обществ своего времени, разными путями пришли в итоге к своим судьбам. Цао Сюэцин изобразил Баочай как идеальную женщину своего времени, но она пришла к трагическому финалу из-за особенностей жизни традиционного общества. Напротив, Марья, которая не отличалась особенной внешностью, имела доброе сердце. Она стремилась понять ценность жизни и, в итоге, обрела счастливую семейную жизнь. Цао Сюэцин, находившийся под глубоким влиянием традиционных китайских представлений, создал сложный характер персонажа Сюэ Баочай и показал недостатки

консервативных систем, которые не позволяют полностью раскрыться женщине. А Лев Толстой в процессе создания образа Марьи Болконской следовал христианским идеалам, наделяя героиню добродетелями; она искала и пыталась понять смысл и ценность жизни и, в итоге, обрела собственное счастье.

Библиография

1. Андреева, В. Г. Личные интересы героев и мотивы ожидания в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир» [Текст] / В. Г. Андреева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2019. – № 1 (178). – С. 8–12. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.263
2. Афанасьев, Э. С. Реалистический эпос Л. Н. Толстого [Текст] / Э. С. Афанасьев // Литература в школе. – 2010. – № 12. – С. 5–9.
3. Бачканова, Э. Х. К вопросу изученности романа «Война и мир» Л. Н. Толстого [Текст] / Э. Х. Бачканова // Система ценностей современного общества. – 2016. – № 5. – С. 57–59.
4. Выдержка из частного письма по поводу возражений на статью «Женщинам» [Электронный ресурс] // Литературный портал tolstoy-lit.ru. – Режим доступа: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/publicistika/po-povodu-vozrazhenij-na-statyu-zhenschinam.htm> (дата обращения: 09.04.2024 г.).
5. Зиновьев, А. В. Образ дома и «Мысль семейная» в поэтике Л. Н. Толстого [Текст] / А. В. Зиновьев // Известия Саратовского университета. – 2012. – Т. 12. – Вып. 3. – С. 49–52.
6. Колитенко, Е. Е. Роман «Сон в красном тереме» некоторые аспекты культуры Китая [Текст] / Е. Е. Колитенко // Известия Восточного института. – 2008. – № 15. – С. 128–132.
7. Ли, Д. Подвергая сомнению идею о том, что характер Му-лань похож на характер Сян-юнь: Сравнение художественных образов Яо Му-лань, Ши Сян-юнь и Сюэ Бао-чаи [Текст] / Д. Ли. – Сиань (Китай): Сианьский университет Евразии, 2016. – 68 с. Перевод мой – Д.С.
8. Лумпова, Л. Н. Некоторые закономерности художественной системы Л. Н. Толстого («Война и мир») [Текст] / Л. Н. Лумпова // Вопросы русской литературы. – 2019. – № 4. – С. 3–14.
9. Марья Болконская и Николай Ростов: встреча, отношения, любовь, семья, дети [Электронный ресурс] // Литературный портал Literaturus.ru. – Режим доступа: <https://www.literaturus.ru/2020/03/marja-bolkonskaja-nikolaj-rostov-vstrecha-otnoshenija-ljubov-semja-deti.html?ysclid=ltwfx1l4q453306736> (дата обращения: 18.03.2024 г.).
10. Пин, Л. Конспект по сравнительному литературоведению [Текст] / Л. Пин. – Хэфэй: Народное издательство Аньхой, 2006. – 164 с.
11. Нажмиддинова Ш. Два Женских Образа в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» [Текст] / Ш. Нажмиддинова // Вестник магистратуры. – 2022. – № 12–6 (135). – С. 153–254.
12. Полтавец, Е. Ю. Гендерные Стереотипы в читательской и исследовательской рецепции героинь Л. Н. Толстого [Текст] / Е. Ю. Полтавец // Филология и культура. – 2021. – № 2 (64). – С. 159–169. DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-159-169.
13. Сюэцин, Ц. Сон в красном тереме [Текст]: Роман: В 2 т. Т. 1 / Ц. Сюэцин / Пер. с кит. В. А. Панасюка; под ред. В. Таскина. – СПб.: Наука, 2014.
14. Толстой, Л. Н. Война и мир: Роман: В 4 т. [Текст] / Л. Н. Толстой. – М.: Дрофа, 2002.
15. Цзялэ, В. О культурных лакунах в романе «Сон в красном тереме» и их переводе [Текст] / В. Цзялэ // Modern oriental studies. – 2023. – Вып. 5. – № 2. – С. 6–14.
16. Шичан, У. Сон о красной палате: Введение [Текст] / У. Шичан. – Шанхай: Шанхайское издательство древних книг, 1980. – 375 с.

17. Кузнецова Н. Г., Баканова М. В. Символика света как художественная деталь (на примере образов романа «Война и мир» Наташи Ростовской и Марьи Болконской) [Текст] / Кузнецова Н. Г., Баканова М. В. // Контентус: Сетевое издание. – 2016. – № 11. – С. 1–7. – Режим доступа: <http://kontentus.ru/?p=3684> (дата обращения: 09.04.2024 г.)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Формат компаратива для изучения истории литературы наиболее продуктивен и концептуален. Как отмечает автор, «методология компаративного анализа дает возможность выявлять общее и особенное в литературных произведениях разных эпох и стран, даже в таких классических шедеврах, которые, как кажется на первый взгляд, сложны для сопоставления. В Китае написан ряд статей, в которых проводится сравнение Сюэ Баочай с женскими образами в других произведениях, как китайской (например, Цзыцзи), так и мировой (например, Гвендолин) литературы. В российском литературоведении превалирует сопоставление женских образов самого романа «Война и мир». Считаю, что выбранный вектор анализа интересен, не тривиален, по-своему нов. Суждения по ходу работы имеют аналитически выверенный тип, стиль статьи соотносится с собственно научным типом. Например, «роман Л. Н. Толстого «Война и мир» называют «эпопеей» Отечественной войны 1812 года. Книга Цао Сюэциня «Сон в красном тереме» представляет собой энциклопедию жизни китайского феодального общества. Авторы показывают характер социальных отношений изображаемого в произведениях времени через сотни персонажей. Цао Сюэцин и Лев Толстой, несмотря на географические, временные и национально-культурные барьеры, отделяющие их друг от друга, выражают схожее отношение к миру», или «Вокруг образа Марьи строится «идея семьи» как традиционная тема в творчестве Толстого. Л.Н. Толстой использует образы солнечного и лунного света, чтобы показать благочестивую и самоотверженную женщину, жаждущую любви и семейного счастья. У неё есть свои моральные принципы, описание автора иллюстрирует её богатый внутренний мир и чистоту души» и т.д. Серьезных фактических нарушений не выявлено, материал имеет практико-ориентированный характер. Должная научная новизна манифестирована и подчеркнута вариацией сопоставления образа Сюэ Баочай и Марии Болконской. На мой взгляд, методика анализа современная, главное – действенна. Предел сравнений выдержан на протяжении всего сочинения. Например, «Сюэ Баочай и Марья Болконская – персонажи с разными внешними обликами и внутренними мирами, но их жизненные пути во многом схожи. Судьба Сюэ Баочай, сложилась лучше, чем у Дайюй, потому что она вышла замуж за Цзя Баоюя. Но в действительности Баочай, как и все девушки в саду роскошных зрелищ, не была застрахована от трагического финала. Даже имя Баочай («Драгоценная шпилька»), отчасти, намекает на ее судьбу. Образ шпильки в классической китайской литературе имеет определенное значение...» и т.д. Термины использованы в режиме унификации, текст работы не осложнен серьезными «псевдонаучными» опусами. Выводы по тексту соотносятся с основной частью: «Сюэ Баочай и Марья Болконская, будучи хорошими девушками, которые придерживались моральных устоев обществ своего времени, разными путями пришли в итоге к своим судьбам. Цао Сюэцин изобразил Баочай как идеальную женщину своего времени, но она пришла к трагическому финалу из-за особенностей жизни традиционного общества. Напротив, Марья, которая не отличалась особенной внешностью, имела доброе сердце. Она стремилась понять ценность жизни и, в итоге, обрела счастливую семейную жизнь. Цао Сюэцин, находившийся под глубоким

влиянием традиционных китайских представлений, создал сложный характер персонажа Сюэ Баочай и показал недостатки консервативных систем, которые не позволяют полностью раскрыться женщине. А Лев Толстой в процессе создания образа Марьи Болконской следовал христианским идеалам, наделяя героиню добродетелями; она искала и пыталась понять смысл и ценность жизни и, в итоге, обрела собственное счастье». Основные требования издания выдержаны, результат работы налицен, цель достигнута, фрактал сопоставления образов Сюэ Баочай и Марьи Болконской реализован. Статья «Сюэ Баочай и Марья Болконская: сравнительный анализ образов героинь романов Цао Сюэциня и Льва Толстого» может быть рекомендована к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Акопов Г.Л., Арутюнян Э.Г., Громова Л.П., Петросян Д.В. Социокультурное измерение «культуры отмены» как феномена XXI века // Litera. 2024. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.71219 EDN: YDOESS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71219

Социокультурное измерение «культуры отмены» как феномена XXI века

Акопов Григорий Леонидович

доктор политических наук

профессор; директор; Московский государственный технический университет гражданской авиации (Ростовский филиал)

344009, Россия, Южный федеральный округ, г. Ростов-На-Дону, ул. Шолохова, 262 В

✉ ag078@icloud.com

Арутюнян Элина Гегамовна

магистр; кафедра международной журналистики; Санкт-Петербургский Государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

✉ elieli-99@mail.ru

Громова Людмила Петровна

доктор филологических наук

профессор; кафедра истории журналистики; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

✉ s.nikonov@spbu.ru

Петросян Давид Владимирович

доктор филологических наук

профессор; кафедра новых медиа и коммуникации; Ереванский Государственный университет

0025, Армения, г. Ереван, ул. Алека Манукяна, 1

✉ davidpetrosyan@ysu.am

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.7.71219

EDN:

YDOESS

Дата направления статьи в редакцию:

05-07-2024

Дата публикации:

12-07-2024

Аннотация: Целью статьи является анализ возникновения и этапов развития явления «культуры отмены». Предметом выступает формирование концепта, а объектом – модификация «культуры отмены» в условиях социально-культурных и политических событий. Новизна работы заключается в обосновании концепта «культура отмена» с позиции российского дискурса. В статье также исследуется прецедент «отмены» целой страны и ее культуры на примере России, в результате чего были выявлены способы вытеснения страны из международного дискурса и последствия данного акта. Понятие «культура отмены» прочно зафиксировалось в языковом ресурсе современных журналистов и медиааналитиков, данная словарная единица активизирует значительный интерес к глубокому исследованию в отечественном и зарубежном дискурсе. «Культура отмены» как явление возникло в общественной среде США и Европы на рубеже XX и XXI веков в качестве инструмента социальной справедливости, которая представляется как современная форма остракизма, позволяющий манипулировать общественным мнением.

В качестве методов и подходов были использованы концептуальный анализ, социолингвистический анализ и интент-анализ. Концепт «культура отмены» можно рассматривать в качестве инструмента манипулирования социумом, в таком случае анализируется процесс деформации концептосферой этнокультурной доминанты субъекта или общества в целом. Подобные явления наблюдаются на примерах этнокультурных групп, когда в окружающей действительности происходят определённые события, влияющие на сознание субъекта. Негативные факты оказывают воздействия на человека, стирая устоявшиеся принципы и ценности из сознания, в устройстве социальных отношений. Учеными выявлено, что при данных обстоятельствах концепт как инструмент воздействия передается с помощью информации, получаемой определенной этнокультурологической группой. В исследовании мы также установили, что концепт – это алгоритм для осмысления определенных культур, например, психологических, исторических, культурологических, логико-семантических, лингвистических и т.д. В связи с этим «культура отмены» в качестве концепта – это процесс, в котором возникают определённые идеи, формирующиеся на фоне происходящих событий в информационно-социальной среде и обществе. Процесс «культура отмены» стремительно распространяется не только в рамках отдельной страны для достижения определенных целей, но и по всему современному миру.

Ключевые слова:

культура отмены, остракизм, воздействие концепта, культуриндустрия, новые медиа, спираль молчания, эхо-камеры, социальные сети, цифровая коммуникация, воздействие медиа

Введение

Понятие «культура отмены» прочно зафиксировалось в языковом ресурсе современных

журналистов и медиааналитиков, данная словарная единица активизирует значительный интерес к глубокому исследованию в отечественном и зарубежном дискурсе. «Культура отмены» как явление возникло в общественной среде США и Европы на рубеже XX и XXI веков в качестве инструмента социальной справедливости, которая представляется как современная форма остракизма, позволяющий манипулировать общественным мнением. Названная уже в современном обществе социальная практика «культура отмены», содержит предпосылки, которые характерны для философской идеи в истории становления человеческого прогресса [\[11\]](#). Следовательно, в рамках исследования необходимо проследить процесс возникновения и этапы становления данной терминологии.

Цель и методы исследования

Целью статьи является анализ возникновения и этапов развития явления «культуры отмены». Выдвинутая цель предполагает использование нескольких соответствующих подходов и методов. В статье задействован концептуальный анализ, социолингвистический анализ и интент-анализ.

Результаты исследования

Целесообразно подробнее рассмотреть взгляды философов Франкфуртской школы Т. Адорно и М. Хоркхаймера, описанные в работе «Диалектика Просвещения». Авторы анализируют культуру как часть индустрии, рассуждая о том, что главенствующую функцию этой области занимают массмедиа. В рамках исследования явления «культура отмены» анализ концепции ученых актуален, так как, во-первых, мы рассматриваем феномен «отмены» как часть современной индустрии, во-вторых, анализируем факторы, влияющие на выбор аудитории, что также отвечает заявленной цели нашего исследования.

Для начала отметим, что «Диалектика Просвещения» исследует и критикует основные принципы и воздействия просвещения. Авторы выдвигают тезис, что процесс просвещения, изначально направленный на распространение знаний, принял негативный характер, который проявляется в новой форме деградации человеческого мышления и угнетенности. Т. Адорно и М. Хоркхаймер считают, что разум, который должен был служить человеку инструментом освобождения, становится, наоборот, средством контроля и доминирования. Одной из ключевых тем в труде философов является критика культуры массового производства и потребления информации из СМИ и медиа, отраженная в разделе «Культуриндустрия». Отметим, что впервые понятие «культуриндустрия» теоретики ввели в работе «Диалектика Просвещения». По мнению философов, культуриндустрия – это системный промышленный аппарат, производящий единообразные, стандартизированные продукты в таких сферах, как искусство, живопись, литература, кино и др. Культуриндустрия не состоит из ценностных ориентиров, а также не направлена на духовное обогащение и просвещение для человека и общества в целом, а является продуктом бизнеса, то есть тезисы теоретиков следует понимать так: культура рассматривается как вид товара, имеющий производителя и потребителя, в лице которых выступают массы, являющиеся объектом манипулирования посредством стандартизации. Можно сказать, что, иницируя ложные потребности, культуриндустрия трансформирует активного потребителя в пассивного обывателя [\[6\]](#).

Т. Адорно и М. Хоркхаймер говорят о том, что массовая культура направлена на стандартизацию мышления и ликвидации индивидуальности, модифицируя культуру в товар для потребления, который транслируется в медиа. Добавим, что пропаганда

определенной идеологии является идиомой или, говоря другими словами, «стилем» культуриндустрии. Такой процесс ведет к тому, что общество становится пассивным и конформным, то есть поведение и взгляды когда-то присущие индивиду изменяются под воздействием давления со стороны другого человека или группы людей, что, в свою очередь, приводит к укреплению власти доминирующих элит, а также угнетая критическое мышление. Анализируя данную проблему, теоретики призывают к особой важности понимания таких процессов и поиску решения аутентичности и критического диалога в культуре и обществе. Философы также проводят параллель между тем, как просвещенное общество может быть использовано в качестве инструмента для укрепления власти и контроля под влиянием господствующих элит. Т. Адорно и М. Хоркхаймер заявляют, что для продвижения определенной идеологии и поддержания доминирования, власть использует образование и СМИ, а такой вектор движения может привести к созданию одномерного общества, в котором подавляются альтернативные взгляды и критическое мышление.

Размышляя о проблеме Т. Адорно и М. Хоркхаймер предлагают концепцию инструментального разума, которая, по их мнению, приводит к тому, что человеческие отношения и природа становятся объектами контроля и манипуляции – все аспекты жизни обесцениваются и являются инструментом для достижения определенных целей. Отметим, что критика инструментального разума в «Диалектике просвещения» неотрывно связана с технологическим и научным прогрессом в обществе. Теоретики указывают на то, что наука и технологии, будучи продуктами просвещения, могут послужить в качестве инструмента доминирования и контроля, а в отсутствие критического осмысления и гуманистического подхода технологический прогресс способен вызвать потерю индивидуального выбора и гуманности. Поэтому Т. Адорно и М. Хоркхаймер призывают к необходимости и важности переосмысления функции интеллекта и науки в обществе, стремясь к повышению более справедливому и гуманному взаимодействию.

Рассмотрим ключевую идею исследования социологов Р. Инглхарта и К. Вельцеля, концепция которой прослеживается в анализе культуры отмены. Учёные изучили процесс трансформации ценностей людей, влияющих на экономическое развитие, становление демократии и качество жизни граждан в разных странах мира. Выдающиеся карта культурных ориентаций является значимым вкладом в исследовании антропологии, демонстрирует устойчивость культурных зон к изменениям, их стабильность и целостность (The Inglehart-Welzel World Cultural Map – World Values Survey [Электронный ресурс]. – Режим доступа: WVS Database (worldvaluessurvey.org) (дата обращения: 05.05.2024). К примеру, если для одного общества религия является весомым показателем, то можно предположить насколько твердо будет развита национальная гордость, уважение к власти, традиционное воспитание детей внутри самого социума. Для других обществ, которые ведут конкуренцию за ресурсы – важен контроль за ценами и соблюдение дисциплины, а для постматериалистических обществ – толерантность, доверие и свобода.

Так, карта культурных ориентаций демонстрирует, что в обществе целого мира происходят сдвиги от социального конформизма и преклонения перед авторитетами к идеям самопознания и гражданского участия. Такая тенденция приводит к популяризации большей демократичности, поэтому люди становятся толерантнее к нетипичным образам жизни менее контролируемы авторитету разных иерархий, в том числе политических и религиозных. В исследовании Р. Инглхарт отмечает, что старшее поколение преимущественно разделяли материалистические ценности, а младшие – постматериалистические, то есть воспринимали физическое и экономическое выживание

как должное, за которое не стоит конкурировать, так как выросли в период послевоенного «экономического чуда» [9]. Также первые результаты социологов зафиксировали, что культурная ориентация общества разных стран динамично трансформируется. Наблюдается сокращение легитимности иерархической власти, патриотизма, значимость религии, однако стремительно растет культ самореализации, а также стремление участвовать в политике и в социально-общественных процессах. В данном контексте мы можем отметить, что влияние и манипулирование посредством медиа эффективно только в том случае, если риторика СМИ совпадает с ценностными ориентациями определенного общества.

Также заслуживает внимания одна из наиболее значимых отсылок к «культуре отмены». В научном наследии теории массовой коммуникации существует концепция «спирали молчания» исследователя Э. Ноэль-Ноймана, которая характеризует алгоритм влияния мнения группы на процесс коммуникации и решительность субъекта публично высказывать личную позицию [4]. В данном направлении развивает эту идею и англо-американский политолог П. Норрис. Исследователь, рассматривая культуру отмены в качестве механизма, активирует «спираль молчания», но только в медиа пространстве. П. Норрис утверждает, что регулярно подавляемые мнения принимают противоположную форму, так как динамичный поток и их активизация осуществляется за счет сообществ, отражающих нерепрезентативное статистически большинство, но активное в действиях меньшинство. Подобный процесс активизирует в общественном дискурсе вопросы, которые изначально фигурировали на периферии публичной дискуссии. Согласно мнению П. Норриса, подобную ситуацию теоретик анализирует как с положительной, так и с отрицательной позиции [5]. Благоприятный аспект заключается в том, что можно заметить внутри дискуссии в социальном пространстве взаимное уважение пользователей к мнениям друг друга. С другой стороны, те же участники онлайн-диалога становятся частью концепции «новой нормальности», то есть определенная точка зрения субъекта коммуникации не предусматривает наличия противоположного мнения и критической оценки. Таким образом, действующие лица онлайн-дискуссии игнорируют активное участие в подобном процессе, когда осознают, что их мнение противоречит позиции большинства.

Обратим внимание на идею ученого Т. Матисена, представившего новую форму, в основе которой состоял аллегорический образ «Паноптикона». Так, «Синоптикон», – модель, учитывающая воздействие медиа. Теоретик предполагал, что в условиях динамичной медиатизации число «наблюдателей» возрастало, значит, если субъект, имеющий личный аккаунт в социальных сетях, может активно наблюдать за другими пользователями. Таким образом, «Синоптикон» являющийся формой социальной жизни, опосредованной информационными технологиями, влияет на процесс формирования «культуры отмены».

В настоящее время инструментом «культуры отмены» является любое из средств массовой информации (газеты, ТВ, социальные сети и др.), при содействии которых проводится кампания осуждения, что, в свою очередь, вызывает у общественности ответную реакцию. Однако здесь важно уточнить, что наиболее значимое влияние на процесс культуры отмены оказывает развитие цифровых технологий и расширение доступности сети интернет. Так, «отменяя» человека, действующие лица данной «процедуры», отписываются от него в социальных сетях, перестают приобретать товары определенных брендов, обвиняемых в той или иной дискриминации, а также агитируют при помощи социальных сетей свою аудиторию, например, друзей или подписчиков, последовать подобному примеру. Заметим, что в данном примере, «культура отмены», которая выше нами описывалась как инструмент защиты прав меньшинств,

трансформировалась в предмет травли и социального бойкотирования [\[2\]](#).

Сейчас «культура отмены» приобрела форму массовых медиакомпаний, например, таких, как #MeToo («Я тоже»), #BLM ("Black Lives Matter" – «Жизни чёрных имеют значение»), #IsOverParty («Вечеринка окончена») и др., которые значительно отражаются на репутации человека в независимости от решения суда – признан он виновным или нет. Как уже было упомянуто выше, участники «культуры отмены» начали прибегать к дискриминации и угнетению человека или группы лиц, не взирая на то, что изначально «культура отмены» была направлена на ликвидацию любого вида социального давления. Для подтверждения предыдущего высказывания уместно привести в пример суждение социального психолога и специалиста в вопросах нравственности и морали Дж. Хайдта. Теоретик считает, что культура отмены как феномен сформировался на основе условно названного «культы безопасности» в американских университетских кампусах и городках, декларирующего нетерпимость и табуированность любого мнения, которое можно интерпретировать как расистское, сексистское и др. [\[3\]](#). Другими словами, изначально ориентированная на защиту идеалов либеральных ценностей и свобод, «культура отмены» в действительности начала уничтожать то, на что была направлена защищать.

Медиа не только стали площадкой для обмена информацией, но и источником развития отдельных цифровых культур и социальных движений, что, в свою очередь, формирует коллективное сознание. По мере того как мысли и идеи человека синхронизируются с другими опосредованными связями в социальных сетях, становится все сложнее приспособлять идеи, противоречащие доминирующему идеологическому настрою. Можно сказать, что при таких условиях, цифровые медиа формируют спираль, состоящую из мнений и взглядов единомышленников. В академическом дискурсе подобный процесс получил название «эхо-камер».

Исследователи медиа определяют «эхо-камеры» как среду, в которой позиция, взгляды и убеждения пользователей относительно какой-либо темы развиваются в результате систематически повторяющихся взаимодействий с другими пользователями или источниками со схожими взглядами. Подобная модель развития социальных медиа, обособляющая пользователей противоположных взглядов друг от друга, оказывает влияние на социальную коммуникацию и эволюцию общественных дебатов. Согласно теории коллективной поляризации, эхо-камера действует как механизм, который усиливает существующую позицию в группе и по итогу провоцирует целый коллектив к принятию более радикальной позиции [\[1\]](#).

Новые медиа выступают в качестве как популяризатора контента, так и источника информации. С одной стороны, рассматривается тенденция с положительной точки зрения, но с другой – возникает проблема проверки грамотности и языковой корректности публикуемого материала, так как процесс продвижения информации или речевых конструкций, а также динамики применения новых разновидностей слов оказывают воздействие на особенности используемой индивидом риторики и демонстрируют характерное изменение в социуме.

«Культура отмены» обсуждается на Западе с конца 2010-х годов, однако феномен приобрел новое значение после событий, связанных с началом проведения СВО. Научные труды исследователей показали, что концепт «культура отмены» означает полное устранение, «изъятие» определенной культуры из социокультурного дискурса [\[8\]](#). Однако остается пробел в раскрытии указанного явления именно как концепта в языке,

культуре и современных социальных процессах.

Рассмотрим концепт в интерпретации российского дискурса, где в явлении «культура отмены» выделяется аспект дискриминации человека, относящего к определённой культуре. Подчеркнем, что в нашем исследовании, выдвинутый концепт рассмотрен не только с позиции лингвокультурологического анализа, но и в качестве восприятия и интерпретации данного термина в российском дискурсе.

Так, просматривая тот или иной контент в социальных сетях, субъект больше внимания уделяет именно тому, что соответствует его мировоззрению, в некоторой степени неосознанно игнорируя то, что не совпадает с присущей ему картиной мира. По мере того как мысли и идеи человека синхронизируются с другими опосредованными связями в социальных сетях, становится все сложнее приспособлять идеи, противоречащие доминирующему идеологическому настрою. Можно сказать, что при таких условиях, цифровые медиа формируют спираль, состоящую из мнений и взглядов единомышленников.

В настоящее время «культура отмены» воспринимается в качестве эффективного инструмента для формирования дискурса власти, где актором является партийный аппарат, руководствующийся пропагандистской активностью, преследуя определенные интересы, активируя отрицательную коннотацию, например, конфликтные действия или проявление враждебности. Добавим, что, по мнению исследователя А.Ф. Фефелова, «отмену» можно рассматривать в качестве разновидности «вокизма» (от англ. яз.: "wokeness"). Данный термин трактуется как мобилизующая сила, выражение социальной позиции только в том случае, если человек чувствителен и восприимчив к политической несправедливости. Траектория «вокизма» затрагивает широкую общественность и основывается на чувстве морального превосходства, однако следует отметить, что в рамках нашего исследования, транслируемый контент в медиа и традиционных СМИ является проявлением русофобии не в строго научном смысле [12]. Исследователь А. Кирзюк считает, что после начала специальной военных действий содержание данного понятия значительно расширилось: под русофобией понимают не только негативное отношение к России как к политическому институту, но и враждебность к носителям русского языка и русской культуры. Например, до настоящего времени воздействие осуществлялось без участия государственных структур, которые, в свою очередь, могут предстать перед судом [10]. В условиях реального времени под санкциями ряда стран Запада оказались не только экономика и культурное наследие, но и русскоязычные граждане. Также теоретик А.В. Бойко подчеркивает, что практика отмены воспроизведений театральных или музыкальных произведений классического русского искусства в западных странах является элементами борьбы с влиянием другой культуры на сознание человека [7]. На фоне разворачивающихся событий, связанных со специальной военной операцией, нельзя не упомянуть о восьмых президентских выборах, которые как раз и являются принципиальным показателем консолидации российского общества в период отмены российской культуры (Элла Памфилова: Выборы президента показали, что российский народ един. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2024/03/18/prishli-ivybrali.html?ysclid=lwcefh6vz858437150> (дата обращения: 08.05.2024). Так, по данным ЦИК в Новейшей истории России зафиксировано 77,44% проголосовавших в выборах. Такой показатель превысил явку за 2018 год, которая составила 67,47%. Также отметим, что за Владимира Путина отдали свой голос этнические русские, проживающие за пределами Российской Федерации. Так, в частности, посольства России ряда зарубежных стран зафиксировали следующие показатели: в Германии процент голосов составил 56,82, в Эстонии – 75,22%, Латвии –

70,6%, в Австралии – 53,6 %, в США – 42,23%, в Вашингтоне – 63,33%. Учитывая «коллективизацию запада» и санкции, отменяющие русскую культуру, можно сказать, что данный пример является показательным в вопросе о том, может ли культура отмены оказывать только негативное воздействие на общество. Как уже отмечалось выше в исследовании, изначально миссия «отмены» состояла в том, чтобы воздействовать на негативные ситуации в социуме, но спустя время, используя культуру отмены как инструмент манипуляции, начали подавлять права людей, относящихся к определенной культуре и т.д. В данном случае мы можем прийти к выводу, что на примере России в период СВО культура отмены предоставила гражданам РФ объединиться во время президентских выборах как внутри страны, так и за ее пределами, тем самым поддержав политику и позицию В. Путина в ряде зарубежных стран мира. Здесь, конечно, важно затронуть и трансформацию информационного дискурса на фоне проведения СВО. В данном случае мы можем также рассмотреть и проведение информационной кампании от ряда западных стран, которая, конечно, подразумевает и информационную войну как следствие медиатизации социально-политической действительности (Элла Памфилова: Выборы президента показали, что российский народ един. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2024/03/18/prishli-ivybrali.html?ysclid=lwcefh6vz858437150> (дата обращения: 08.05.2024). Важно отметить алгоритм функционирования социальных сетей, который упростил распространение непроверенной информации – медиаплатформы предлагают контент на основе того, что пользователи ранее уже просматривали. Это приводит к тому, что просмотр одного, например, видео с дезинформацией, распространяет демонстрацию большего количества материалов с дезинформацией. Основным механизмом «отмены» в информационной среде является отстранение российских пользователей от международных медиа. Проведение специальной военной операции, а впоследствии и блокировка социальных сетей по требованию лидеров запада для пользователей из России – это предполагаемая возможность восстановить репутацию ряда социальных сетей после того, как медиа столкнулись с вопросами о конфиденциальности, доминировании на рынке и о том, как они распространяют вызывающий разногласия контент. Другими словами, у западных социальных медиа появился шанс показать, что они могут использовать свои технологии в пользу мирового общества. Например, Twitter (признан экстремистской платформой и заблокированы на территории РФ) ограничил пользователям из России доступ к продаже рекламных постов на платформе, а также заявил, что будет пометать все сообщения, содержащие ссылки на российские государственные СМИ (Twitter будет пометать информацию из российских государственных СМИ, 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/13904831> (дата обращения: 08.05.2024).

Социальные сети стали одним из значимых источников информации как для сторонних пользователей медиа, так и для ряда официальных СМИ, а также геополитическим моментом в отношении отдельных крупнейших мировых технологических компаний, поскольку их платформы превратились в основные поля информационной войны, а данные и услуги сетей стали важными звеньями в конфликте. Например, в сети распространился пост-поддержки «Святая Джавелина». Иллюстрация представляет собой Деву Марию, облаченную в сине-золотую одежду, которая держит в руках Джавелин. Важно оговорить, что прототипом для создания изображения послужила работа 2012 года американского художника Криса Шоу, на которой Мадонна держит автомат Калашникова. В 2018 году от неизвестного пользователя российской социальной сети ВКонтакте «Величайшие творения и люди Украинской нации» был опубликован аналогичный арт-пост, на котором вместо автомата Мадонна держит в руках ракетную установку. Пост, конечно, стали распространять, однако в 2018 году публикация не получила массового международного распространения. Уже спустя 4 года, в 2022 году,

публикация приобрела масштабные охваты с последующей монетизацией. Так, в 2022 году сотрудник американской платформы Shopify, журналист Кристиан Борис, придал изображению мировую огласку, создав сайт (<https://linkpop.com/saintjavelin>) с соответствующей продукцией, чтобы поддержать украинские благотворительные организации и армию. По данным на 2022 года сайт К. Бориса Saint Javelin собрал более 1,5 миллиона, которые впоследствии были направлены на помощь Украине. Отметим, что преимущественно товары были приобретены не украинским населением, а потребителями западных медиа.

Выводы

Концепт «культура отмены» можно рассматривать в качестве инструмента манипулирования социумом, в таком случае анализируется процесс деформации концептосферой этнокультурной доминанты субъекта или общества в целом. Подобные явления наблюдаются на примерах этнокультурных групп, когда в окружающей действительности происходят определённые события, влияющие на сознание субъекта. Негативные факты оказывают воздействия на человека, стирая устоявшиеся принципы и ценности из сознания, в устройстве социальных отношений. Учеными выявлено, что, при данных обстоятельствах, концепт, как инструмент воздействия, передается с помощью информации, получаемой определенной этнокультурологической группой. В исследовании мы также установили, что концепт – это алгоритм для осмысления определенных культур, например, психологических, исторических, культурологических, логико-семантических, лингвистических и т.д. В связи с этим, «культура отмены» в качестве концепта – это процесс, в котором возникают определённые идеи, формирующиеся на фоне происходящих событий в информационно-социальной среде и обществе. Процесс «культура отмены» стремительно распространяется не только в рамках отдельной страны для достижения определенных целей, но и по всему современному миру. В статье также постарались рассмотреть ключевые особенности и механизмы «культуры отмены», которые распространяются при помощи новых технологий, проанализировали какие именно алгоритмы в социальных сетях популяризируют публикации (репосты, отметки «нравится», «актуальное» в ленте новостей и т.д.). В данном случае особенно важно рассматривать «культуру отмены» в контексте возникающих кризисах между странами, например, как мы упоминали выше, на фоне России и коллективного Запада, обострившегося в результате специальной военной операции на Украине. В таком случае речь идет не просто об «отмене» личности, а о «вытеснении» целой страны и ее культуры из международного дискурса.

Библиография

1. Cinelli M., Morales G., Galeazzi A., Quattrociocchi W., Starnini M. The Echo Chamber Effect on Social Media // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 2021. – №118. – P.1-8.
2. Foucault, M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. – Penguin Books: London, 1977. – P. 52-64.
3. Haidt J., Lukianoff G. *The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up a Generation for Failure* // Penguin Press: New York City. – 2018. – P. 22-35.
4. Noelle-Neumann, E. The Spiral of Silence (1974) // *A Theory of Public Opinion. Journal of Communication*. – 2006. – № 2. – P. 43-51.
5. Norris, P. *Cancel Culture: Myth or Reality?* // *Political Studies*. First published online, 2021. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/00323217211037023> (дата обращения:

04.05.2024).

6. Адорно Т., Хоркхаймер М. Дialeктика Просвещения. – М.; СПб.: Изд-во Медиум; Ювента, 1997. – С.149-210.

7. Бойко А.В. Девиантологический потенциал «культуры отмены» // Таврические студии. – 2021. – № 28. – С. 4-8.

8. Дашинимаев Г.Ю. Cancel culture как новая социальная реальность // Вестник Бурятского государственного университета. Серия: Философия. – 2021. – №1. – С.19-24.

9. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. – Полис. Политические исследования. – 1997. – №4. – С.6.

10. Кирзюк А. Не агрессоры, а жертвы: «русофобия» как оправдание и побудительный мотив // Социодиггер. – 2022. – №17. – С.60-62.

11. Мухлынкина Ю.В. Культура отмены: истоки, проявления, влияние на общество // Позиция. Философские проблемы науки и техники. – 2022. – №18. – С. 148-161.

12. Фефелов А.Ф. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – №1. – С.126-144

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Социокультурное измерение «культуры отмены» как феномена XXI века», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению функционирования СМИ и его влияния на современное общество.

В работе автор обращается к феномену «культуры отмены». Отметим, что понятие «культура отмены» прочно зафиксировалось в языковом ресурсе современных журналистов и медиааналитиков, данная словарная единица активизирует значительный интерес к глубокому исследованию в отечественном и зарубежном дискурсе.

Целью статьи является анализ возникновения и этапов развития явления «культуры отмены». Выдвинутая цель предполагает использование нескольких соответствующих подходов и методов.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье задействован концептуальный анализ, социолингвистический анализ и интент-анализ.

К сожалению, в работе автор не указывает объем практического материала отобранного для проведения исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Автор приводит убедительные доказательства выдвинутой гипотезы, в том числе статические.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 12 источников,

среди которых представлены работы как на русском, так и иностранном языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории дискурса, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Социокультурное измерение «культуры отмены» как феномена XXI века» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Петренко А.И. Языковые способы репрезентации образов главных героев в романе Кавабата Ясунари «Снежная страна» // Litera. 2024. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.71207 EDN: YDWHOU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71207

Языковые способы репрезентации образов главных героев в романе Кавабата Ясунари «Снежная страна»

Петренко Александр Игоревич

ORCID: 0009-0001-2313-7259

студент, кафедра японоведения; Дальневосточный федеральный университет

690922, Россия, Приморский край, г. Владивосток, Аякс, 10

✉ petrenko.aig@students.dvfu.ru

[Статья из рубрики "Интерпретация"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.7.71207

EDN:

YDWHOU

Дата направления статьи в редакцию:

06-07-2024

Дата публикации:

13-07-2024

Аннотация: Статья посвящена изучению особенностей идиостиля Кавабата Ясунари в романе «Снежная страна». Предметом описания и интерпретации выступают разноуровневые языковые ресурсы и стилистические средства выразительности, служащие для вербализации центральной художественной идеи (художественного гиперконцепта), создания образной системы произведения и участвующие в формировании индивидуального стиля писателя. Цель исследования заключается в выявлении тех авторских приемов вербализации центральной художественной идеи, которые связаны с репрезентацией образов главных героев произведения, Симамура и Комако, соотносенных и противопоставленных в образной структуре романа. Исходной гипотезой является представление о том, что образы главных героев, наряду с образом Млечного пути, являются частью сложной художественно-образной структуры

произведения, воплощающей гиперконцепт одиночества как неспособности любить.

Методологию исследования определяют контекстологический, компонентный и концептуальный анализ. В качестве основного метода лингвистического исследования в работе применяется лингвостилистический с применением приёмов семантико-стилистического анализа и метода «слово-образ». Новизна исследования заключается в обращении к малоизученному аспекту изучения творчества писателя. В результате проведенного исследования были установлены лексические, грамматические (морфологические и синтаксические) и стилистические, а также текстовые средства репрезентации образов главных героев, их роль в формировании идиостиля автора. Ключевая художественная идея произведения Кавабата Ясунари «Снежная страна», или его гиперконцепт, формулируется как одиночество вследствие неспособности любить. Она реализуется в следующем структурном соотношении центральных образов: концепт одиночества репрезентируется через образы снега и холода; концепт неспособности любить выражен в тексте, с одной стороны, в противопоставлении женских образов Комако и Йоко, воплощающих чувственность и платоническую любовь, с другой стороны, введением образа Млечного пути. Стержневым образом, который связывает все перечисленные выше, является образ мужского персонажа – Симамура. Перспективным представляется применение полученных результатов в дальнейшем изучении идиостиля Кавабата Ясунари на материале других его произведений.

Ключевые слова:

Кавабата Ясунари, Снежная страна, идиостиль писателя, художественный гиперконцепт, образ, образная репрезентация, одиночество, неспособность любить, Симамура, Комако

Кавабата Ясунари – выдающийся японский писатель, нобелевский лауреат, к творчеству которого неоднократно обращались отечественные и зарубежные исследователи. Среди характерных черт художественного метода писателя отмечают недосказанность и трагизм произведений, повышенную рефлексивность и глубокие внутренние конфликты его героев.

Исследователями отмечаются такие специфические свойства художественного языка писателя, как свободное повествование, суггестивность, метафорические намёки, использование кинематографических приёмов [\[3\]](#). Прослеживается связь творчества автора и его эстетической философии с мировоззрением дзен-буддизма [\[6\]](#). Японисты указывают на «философскую поэтичность» и многоплановость произведений Кавабата, создающуюся соотношением космографического и повседневного, на использование им ассоциативного подтекста [\[1; 2\]](#). О многоплановости произведений Кавабата Ясунари также пишет американский исследователь Джеймс Т. Араки, отмечая в своей работе, что суггестивное свойство, характеризующее стиль «Снежной страны», придает роману глубину, которую можно изучать неоднократно: «Apart from "story," the suggestive quality embodied in the style of Snow Country gives the novel a depth that can be re-explored repeatedly» [\[10\]](#). Переводческой проблемой становятся такие свойства художественного стиля Кавабата Ясунари, как высокий уровень недосказанности и скрытый символизм, которые затрудняют перевод произведений японского автора на русский язык [\[4\]](#) и на английский [\[5\]](#).

Изучению художественного своеобразия романа «Снежная страна» посвящены

исследования Н. Т. Федоренко [7], отмечающего лиризм и поэтичность стиля авторского повествования, Кавамура Минбу [11], который анализирует специфику художественного пространства романа в аспекте реального и нереального и в качестве ключевого образа указывает образ зеркального отражения, Фудзита Юдзи [12], анализирующего образ Млечного пути, его противопоставленность образу Симамура и репрезентацию через черты женской сексуальности.

Завершая обзор, отметим, что несмотря на большой интерес к творчеству Кавабата Ясунари со стороны исследователей – филологов, культурологов, переводчиков – работ, посвященных изучению языка и идиостиля японского писателя, раскрывающих механизмы создания неповторимой ткани текста художественного произведения, явно недостаточно.

Ключевая художественная идея произведения Кавабаты Ясунари «Снежная страна», или его гиперконцепт, формулируется как *одиночество вследствие неспособности любить*. Она реализуется в следующем структурном соотношении центральных образов: концепт одиночества репрезентируется через образы *снега* и *холода*; концепт неспособности любить выражен в тексте, с одной стороны, в противопоставлении женских образов *Комако* и *Йоко*, воплощающих чувственность и платоническую любовь, с другой стороны, введением образа *Млечного пути*. Стержневым образом, который связывает все перечисленные выше, является образ мужского персонажа – *Симамуры*.

Методом сплошной выборки в тексте произведения выделены фрагменты, расцениваемые как расширенные контексты употребления лексических единиц, тропов и стилистических фигур. Сами лексемы, обладающие в выделенных контекстах и в ткани всего произведения художественным наращением смысла, их сочетаемость, функционирование в составе тропов и стилистических фигур представляют собой возможности языковой репрезентации ключевых образов романа Ясунари Кавабата.

Обратимся к анализу образа Комако. Это тот женский персонаж в романе «Снежная страна», который создается автором как реальный, зримый, чувственно воспринимаемый и для главного героя, и для читателя. Этому персонажу и его эстетическому воплощению уделено гораздо большее пространство текста, нежели персонажу Йоко, в связи с чем остановимся на его исследовании отдельно и рассмотрим подробнее авторские способы создания данного женского образа.

В образе Комако воплощаются одновременно такие представления автора о красоте, как чистота, телесная и духовная, и физическая ее явленность. В портретном описании Комако автор на протяжении всего текста произведения акцентирует внимание читателя на удивительной, необыкновенной чистоте этой девушки. Чистоте в прямом и переносном смыслах этого слова. *«Девушка была удивительно чистой. Все в ней так и сияло. Казалось, даже малейшие линии на подошве ног искрятся ослепительной белизной – 女の印象は不思議なくらい清潔であった。足指の裏の窪みまできれいであらうと思われた»*.

Делая более зримым для читателя образ Комако, автор прибегает к использованию такого стилистического приема, как повтор устойчивых характеристик, звучащих рефреном в тексте:

・ *«細く高い鼻が少し寂しいけれども、その下に小さくつぼんだ唇はまことに美しい蛭の輪のように伸び縮みがなめらかで、黙っている時も動いているかのような感じだから、もし皺があつたり色が悪かつたりすると、不潔に見えるはずだが、そうではなく濡れ光っていた。目尻が上りも下りもせず、わざと真直ぐに描いたような眼はどこかおかしいようながら、短い毛の生えつまった下り気味の眉が、それをほどよくつつんでいた。少し中高の円顔はまあ平凡な輪郭だが、白い陶器に薄紅を刷いたよ*

うな皮膚で、首のつけ根もまだ肉づいていないから、美人というよりもなによりも、清潔だった – Ее тонкий прямой нос, пожалуй, был каким-то неживым, но губы, прекрасные, удивительно подвижные, подрагивающие, даже когда она молчала, цвели как бутон. Впрочем, ему показалось, что они скорее походили на свернувшуюся колечком изящную пиявку. Эти прекрасные губы, будь они в морщинках или имей бледный оттенок, могли бы показаться даже неприятными, но они так заманчиво, влажно блестели! Глаза у нее были прочерчены удивительно прямо, даже на уголках не опускались и не поднимались. Даже было странно. Брови не очень высокие, но правильные, дугообразные, в меру густые. Овал лица самый заурядный, круглый, с едва заметно выступающими скулами, но зато кожа фарфоровой белизны с легчайшим розоватым оттенком. Шея у основания еще по-детски тонкая. Может быть, именно поэтому женщина поражала скорее не красотой, а чистотой».

・ «細く高い鼻は少し寂しいはずだけれども、頬が生き生きと上気しているので、私はここにいますという囁きのように見えた。あの美しく血の滑らかな唇は、小さくつぼめた時も、そこに映る光をぬめぬめ動かしているようで、そのくせ唄につれて大きく開いても、また可憐にすぐ縮まるという風に、彼女の体の魅力そっくりであった。下り気味の眉の下に、目尻が上りもせず、下りもせず、わざと真直ぐ描いたような眼は、今は濡れ輝いて、幼なげだった。白粉はなく、都会の水商売で透き通ったところへ、山の色が染めたとでもいう、百合か玉葱みたいな球根を剥いた新しさの皮膚は、首までほんのり血の色が上っていて、なによりも清潔だった。- Ее возбужденное лицо сияло таким оживлением, словно она шептала: «Я здесь». По ее губам, влажным и изящным, как свернувшаяся колечком пиявка, казалось, скользил отраженный свет даже тогда, когда они смыкались, и было в этом, как и в ее теле, что-то зовущее и соблазнительное. Ее удивительные глаза, прочерченные прямо, как по линейке, под невысокими дугами бровей сейчас блестели и смотрели совсем по-детски. Ее кожа, без пудры, словно бы обретшая прозрачность еще там, в увеселительных кварталах столицы, а здесь подцвеченная горным воздухом, была свежа, как только что очищенная луковица, и прежде всего удивляла своей чистотой».

Повторяющимися формулами-синтагмами являются: «細く高い鼻が少し寂しいけれども – ее тонкий прямой нос, пожалуй, был каким-то неживым», «小さくつぼんだ唇 – прекрасные, удивительно подвижные» губы девушки, которые «濡れ光っていた – так заманчиво, влажно блестели», уподобляются «まことに美しい蛭の輪のように伸び縮みがなめらかで – свернувшейся в колечко изящной пиявке», «目尻が上りも下りもせず、わざと真直ぐに描いたような眼 – ее удивительные глаза, прочерченные удивительно прямо, как по линейке», «今は濡れ輝いて、幼なげだった – блестели и смотрели совсем по-детски».

Использование приема повтора позволяет автору, с одной стороны, добиться эффекта «реальности», о котором говорилось в аспекте сравнения женских образов, то есть представить красоту Комако естественной, зримой, физически явленной. С другой стороны, рефрен – это еще и способ ритмизации текстового описания Комако, с помощью которого автор, на наш взгляд, вводит еще одну черту к портрету героини: представление ее музыкальных способностей, ее страстной игры на сямисэне.

Так, в сцене, когда девушка производит ошеломляющее впечатление на Симамуру своей игрой на сямисэне, автор пишет, что «いつも山峡の大きい自然を、自らは知らぬながら相手として孤独に稽古するのが、彼女の習わしであったゆえ、撥の強くなるは自然である。その孤独は哀愁を踏み破って、野性の意力を宿していた。幾分下地があるとは言え、複雑な曲を音譜で独習し、譜を離れて弾きこなせるまでには、強い意志の努力が重なっているにちがいない – сила ее игры – это сама душа, которую Комако вкладывала в удары плектра. Совершенно не сознавая этого, она общалась лишь с величавой природой гор и долин, и от этого, должно быть, удар ее плектра налил такой силой. Ее одиночество, разорвав и растоптав свою печаль, порождало в ней необычайную силу воли».

При этом важно отметить, что автор вербализирует образ чистоты не в качестве какого-

либо отвлеченного понятия, а наоборот делает акцент на том, что эта чистота воплощается во всем естестве главной героини – от внешних характеристик, вызывающих физическое влечение у Симамуры, до свойств характера Комако, таких как искренность, естественная человеческая страсть и живые, обнаженные, неконтролируемые чувства: *«それはもうまぎれもなく女の裸の心が自分の男を呼ぶ声であつた – Это был обнаженный крик души, крик женщины, призывавшей мужчину»*.

Описывая черты лица девушки в одном из фрагментов, автор сравнивает белизну ее кожи с поверхностью фарфора: *«白い陶器に薄紅を刷いたような皮膚, а в другом отмечает, что 白粉はなく、都会の水商売で透き通ったところへ、山の色が染めたとでもいう、百合か玉葱みたいな球根を剥いた新しさの皮膚 – ее кожа, без пудры, словно бы подцвеченная горным воздухом, была свежа, как только что очищенная луковица»*. Изящное метафорическое сравнение подчеркивает уникальную физическую красоту героини.

Нельзя не обратить внимания и на то, какие нестандартные, предельно физиологичные метафоры использует автор для описания внешности Комако. Так, губы главной героини сравниваются с изящной пиявкой, свернувшейся в колечко, а ее кожа – с только что очищенной луковицей.

Идея телесности и осязаемости, доминирующая в образе Комако, часто вербализуется в тексте с помощью слов с семей 'тепло', в числе которых глаголы: 温まる («греться / нагреваться / согреваться») – 5 ед., 燃える («гореть / пылать») – 15 ед.; предикативные прилагательные: 温かい («теплый») – 8 ед., 熱い («горячий / пылкий») – 4 ед.; наречия: 温かく («тепло») – 5 ед., 火燵 («котацу [комнатная жаровня, вделанная в пол и накрываемая сверху одеялом]») – 18 ед.; субстантивированные прилагательные: 温かさ («теплота») – 1 ед.).

Подтверждение этому тезису мы находим в сцене из начала романа, когда во время путешествия на поезде главный герой с удивлением отмечает, что *«結局この指だけが、これから会いに行く女をなまなましく覚えている – не он сам, а лишь рука со всей свежестью хранит воспоминание о женщине, к которой он ехал сейчас»*. В тот момент для Симамуры образ Комако стал расплывчатым и неопределенным, однако, как пишет автор, «у рук, очевидно, есть своя память, и не Симамура, а только эта рука, не забывшая женского тепла, прикосновения, тянется к женщине». Алеющие щеки и густые черные волосы девушки служат главному герою напоминанием о холоде ночей снежной страны и в то же время производят впечатление тепла, а сама Комако, *«как теплый луч»* (温かい明りのついたように) появилась, когда *«Симамура совсем было погрузился в опустошающую душу печаль»* (島村は虚しい切なさに曝されているところへ).

Однако девушка поражает главного героя не столько красотой, сколько своей чистотой. Образ духовной чистоты, ассоциирующейся с заснеженными горными вершинами и неразрывно связанной с одиночеством героини Комако, также выражается за счет использования контекстуальных синонимов: 孤独 «одиночество», 清潔 «чистота», 意力 «сила воли», 意志 «воля / стремление», 新しさ «свежесть», 山峡の大きい自然 «величавая природа гор».

Обобщая сказанное, отметим, что ведущими средствами языковой репрезентации образа Комако являются лексические:

1. употребление лексем с общей семей 'тепло',
2. насыщение текста лексическими средствами выразительности, среди которых большую роль играют метафоры и сравнения, подчеркивающими сочетание духовной чистоты

девушки и уникальной физической красоты,

3. использование автором лексем с разным словарным значением, но функционирующих в портретных описаниях героини в качестве контекстуальных синонимов и выражающих идеи «чистоты», «силы / силы воли», «одинокости».

Кроме того, важное значение в характеристике авторского стиля приобретает стилистический прием рефрена, использование постоянных характеристик героини, в виде повторяющихся формул-синтагм, который можно рассматривать как средство внутренней ритмизации текста и текстового представления портрета Комако.

Симакура является главным мужским персонажем в произведении Кавабата Ясунари «Снежная страна». Чтобы выяснить специфику языкового воплощения образа Симакура, рассмотрим сначала сюжетные характеристики этого героя, его содержательное наполнение.

Постепенно теряя интерес и к природе, и к самому себе, Симакура время от времени отправляется путешествовать по Японии в надежде обрести утраченную свежесть чувств. Однажды поездом из Токио он приезжает в Снежную страну к самому началу альпинистского сезона, где вечером после семидневного похода направляется к горячим источникам и просит пригласить к нему гейшу. Так начинается история его знакомства с главной героиней романа Комако.

В ходе общения персонажей мы узнаем, что Симакура вырос в торговых районах Токио и с детства активно увлекался изучением театра Кабуки, однако в студенческие годы начал тяготеть к японским танцам и танцевальной пантомиме. Он посвящал этому занятию огромное количество времени, изучая старинные рукописи и посещая различные школы, и в конце концов стал писать нечто вроде эссе и критических исследований в этой области. Тем не менее, когда настало время перейти от теории к практике, Симакура вдруг переключился на исследования в области европейского балета, совершенно охладев к японскому национальному танцу.

Кавабата Ясунари представляет главного героя своего романа как человека, по большому счету, не нашедшего себя и своего предназначения в жизни, он чувствует разочарование в результате несоответствия амбиций и их реализации. Разочарование приводит к эмоциональной холодности и отстраненности, в том числе к неспособности чувствовать теплые эмоции даже к собственной семье.

Таким образом автор рисует перед читателем портрет праздного мечтателя, совершенно оторванного от реальной жизни и не желающего, не пытающегося взглянуть в глаза действительности, что в свою очередь проявляется в отношении ко всем близким ему людям, начиная от Комако и заканчивая его собственной семьей.

Образы холода, снега и ночи пронизывают все содержание текста Кавабата Ясунари и выступают в роли определенного фона, на котором разворачиваются действия и переживания главных героев. Автор уделяет значительное внимание описанию вечерних и ночных пейзажей снежной страны, создавая выразительные и точные метафоры, направленные на передачу эмоционального состояния главных героев. В частности, метафоры, основу поэтики которых составляют концептуальные категории снега и холода, во многом относятся к персонажу Симакура.

В процессе исследования произведения мы обнаруживаем, как автор, описывая мысли главного героя, изображает состояние его глубокой апатии, бесчувственности:

- «そうして駒子がせつなく迫って来れば来るほど、島村は自分が生きていないかのような苛責がつのった。いわば自分のさびしさを見ながら、ただじっとたたずんでいるのだった。駒子が自分のなかにはまりこんで来るのが、島村は不可解だった。駒子のすべてが島村に通じて来るのに、島村のなにも駒子には通じていそうにない。駒子が虚しい壁に突きあたる木霊に似た音を、島村は自分の胸の底に雪が降りつむように聞いた。このような島村のわがままはいつまでも続けられるものではなかった – Конечно, он мог уехать, мог расстаться с Комако, но у него уже вошло в привычку ждать ее прихода. Очевидно, в этой привычке и было все дело. И чем неуждливее, чем иступленнее стремилась к нему Комако, тем больше он изводился от собственного оцепенения, словно он лишь наблюдал за ней с какой-то звериной жестокостью, с хищной безжалостностью. Симамура не мог понять, почему она его так любит, почему стремится раствориться в нем, войти в его душу. Но она входила, растворялась, проникала вся целиком, а он ведь, кажется, абсолютно ничего не давал ей, ничем не мог с ней поделиться. Симамура даже слышал глухой звук, словно Комако все время бьется о деревянную стену. **И еще было у него такое ощущение, будто он весь, до самого сердца, засыпан снегом.** Но разве женщина в силах вечно выносить такой эгоизм?..».
- «この虚偽の麻痺には、破廉恥な危険が匂っていて、島村はじっとそれを味わいながら、按摩が帰ってから寝転んでいると胸の底まで冷えるように思われた – Когда массажистка ушла, Симамура продолжал лежать и самозабвенно смаковать свою показную бесчувственность. В ней было что-то опасное, привкус какого-то риска. **И от этого у него появилось ощущение, что все его существо – до самого доньшка – покрывается ледяной коркой**»;
- «女の頬も、窓のガラスも、自分のどてらの袖も、手に触るものは皆、島村にはこんな冷たさは初めてだと思われた – Симамура никогда не испытывал такого холода. **Все, к чему прикасались его руки, – и щека женщины, и оконные стекла, и рукава его ватного халата – было совершенно ледяным**»;
- «しいんと冷える寂しさでありながら – И Млечный Путь наполняет его **леденящей, пронизывающей тоской**».

В приведенных выше примерах мы находим подтверждение тому, что автор, активно используя лексику со значением «снег / холод», в контексте добивается выражения идеи бесчувственности, отстраненности и эгоизма героя, что в свою очередь формирует основу авторского концепта одиночества.

Кроме того, автор ставит большой акцент на вербализации самого пространства, в котором разворачивается действие и в котором существует Симамура. Это пространство, погруженное в состояние глубокого сна, утопающее в холодном свете Млечного пути и пропитанное морозным воздухом, затягивает и читателя в реальность Снежной страны. Такой художественный эффект достигается автором введением в ткань текста большого количества лексики с общей семой 'погружение / падение':

- предикативные прилагательные: 低い «низкий» – 7 ед.,
- существительные: 底 «дно» – 15 ед.,
- наречия: 底深く «очень глубоко» – 1 ед.,
- глаголы: 深める «углублять» – 2 ед., 落ちる «падать» – 41 ед., 沈む «тонуть / погружаться» – 6 ед., 垂れる «свисать» – 8 ед., 近づ «приближаться» – 8 ед., 寝静まる «засыпать / затихать во сне» – 2 ед., 寝転ぶ «лежать / валиться» – 1 ед.

Это слова разной морфологической природы, однако обращает на себя внимание преобладание глагольной лексики со значением динамического состояния, состояния падения. Слова данной семантической группы объединяют образы Симамура, Комако и Млечного пути, экспрессивно выражая идею неминуемого рока, фатума (в отношении Млечного пути), духовного поражения (в отношении Симамура) и растворения в другом человеке (в отношении Комако). Кроме того, благодаря использованию данной лексики автор, на наш взгляд, добивается высокой степени иммерсивности в тексте: погружения читателя в состояние резонанса, чувственной вовлеченности переживаниям героя.

Таким образом, исходя из содержания фрагментов текста, рассмотренных выше, мы видим, как в произведении коррелируют описания пейзажей снежной страны с описаниями мыслей и ощущений главного героя, благодаря чему автору удается создать точные метафоры, направленные на репрезентацию концепта одиночества. Образ Симамура оказывается тесно переплетен с образами женских персонажей и образом Млечного пути, в совокупности с ними воплощает основную эстетическую идею романа –

одинокчества вследствие неспособности любить.

Библиография

1. Герасимова, М. П. Писатели Востока – лауреаты Нобелевской премии. М., 2012. С. 45–100.
2. Герасимова, М. П. Имплицитность японского искусства. Причины и следствия. Японские исследования. 2017. № 4. С. 62–79.
3. Коробова, Е. В., Козловская, К. В. Отражение идей буддизма в творчестве Ясунари Кавабаты. Курган, 2018. С. 68–73.
4. Кривошеева, Е. И. Майборода, Н. А. Передача имплицитности при переводе на русский язык литературных произведений японских авторов (на материале новеллы «Снежная страна» К. Ясунари). Мир культуры, науки, образования. № 3 (88) 2021. С. 594–596.
5. Стариннова Т. Б., Новоселова И. В. Лингвокультурологический аспект переводной англоязычной литературы (на примере перевода на английский язык произведения Кавабата Ясунари «The Sound of the Mountain»). 2016. URL: <https://md-eksperiment.org/ru/post/20200331-lingvokulturologicheskij-aspekt-perevodnoj-angloyazychnoj-literatury-kavabata-yasunari-the-sound-of-the-mountain> (дата обращения – 4.07.2024)
6. Танигути Сатиё Творчество Кавабаты Ясунари – симфония литературы и старинного искусства. URL: <https://www.nippon.com/ru/japan-topics/b07216/#> (дата обращения – 18.06.2024)
7. Федоренко Н. Т. Кавабата Ясунари / Н.Т. Федоренко. – М.: «Советский писатель», 1986. – 464 с.
8. Кавабата, Ясунари Снежная страна // Электронная библиотека Royallib.com. URL: https://royallib.com/book/kavabata_yasunari/snegnaya_strana.html (дата обращения – 15.09.2024)
9. 川端 康成.雪国 (Кавабата, Ясунари Снежная страна) // Free ELibrary Original. URL: <https://originalbook.ru/snezhnaya-strana-ya-kavabata-na-yaponskom-yazyke/> (дата обращения – 15.09.2024)
10. Araki, James T. Kawabata and his 'Snow' country. // The Centennial Review, Vol. 13, No. 4, 1969, P. 331–49. URL: <http://www.jstor.org/stable/23737717>. (дата обращения – 24.07.2024)
11. 河村民部 川端康成「雪国」読解試論「鏡」の世界をめぐって //文学・芸術・文化/第25巻第1号/2013.9 – 65 – 100頁。Кавамура Минбу. «Кавабата Ясунари, Пробный очерк о чтении “Снежной страны” – В мире “Зеркала”»
12. 藤田 祐史 «川端康成「雪国」論 —「天の河」句と連環する物語» / Juncture: 超域的日本文化研究, 2017 – 126 – 135頁。Фудзита Юдзи «Концепция “Снежной страны” Кавабата Ясунари: этимология фразы “Млечный путь”»

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Языковые способы репрезентации образов главных героев в романе Кавабата Ясунари «Снежная страна», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению языковых особенностей идиостиля писателя.

В данном исследовании автор обращается к изучению творчества Кавабата Ясунари –

выдающегося японского писателя, нобелевского лауреата, к творчеству которого неоднократно обращались отечественные и зарубежные исследователи, однако новизной рецензируемой работы стало изучение особенностей репрезентации образов героев.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Основной методологией явились: описательный, интерпретативный анализ отобранного материала и др.

К сожалению, в работе автор не указывает объем практического материала отобранного для проведения исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 12 источников, среди которых представлены работы как на русском, так и иностранном языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории литературы, практическому курсу японского языка, практике художественного перевода, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвященным связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Языковые способы репрезентации образов главных героев в романе Кавабата Ясунари «Снежная страна» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Полухтина М.Р. Воспитание юношества: фактор медийной среды // Litera. 2024. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.71176 EDN: YMHZOY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71176

Воспитание юношества: фактор медийной среды

Полухтина Мария Романовна

ORCID: 0009-0009-7170-8106

начальник отдела "Учебная студия"; Медиацентр; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

✉ mpolukhtina@yandex.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.7.71176

EDN:

YMHZOY

Дата направления статьи в редакцию:

01-07-2024

Дата публикации:

19-07-2024

Аннотация: Школьники – активные пользователи Интернета, где они общаются, играют, взаимодействуют с контентом социальных сетей, не всегда полезным для них. Поток распространяемой в массмедиа информации, включая в том числе и потенциально неприемлемую, беспрепятственно оказывается в поле внимания школьника, который в силу возраста не может в должной мере познать и оценить информационную ситуацию. Все это оказывает определенное влияние на формирование его личности. Цель настоящего исследования заключается в актуализации медийных факторов воздействия на формирование личности подростка как пользователя сетей Интернета. Предмет исследования – способность обеспечивать когнитивную безопасность молодых пользователей Интернета посредством выработки навыков ценностной оценки смыслов медийной информации и формирование критического мышления в ее восприятии. В исследовании применялись следующие методы: обсуждение проблематики в фокус-группе, контент-анализ. В формировании состава фокус-группы использовалась

авторская методика включения в неё учащихся профильного журналистского класса одной из школ Санкт-Петербурга. Новизна исследования заключается в применяемом методом достижения репрезентативности анализа за счёт специального подбора участников фокус-группы, которые стали объектом анализа. Школьники из Санкт-Петербурга продемонстрировали высокий уровень осведомленности о потенциальных угрозах, существующих в сети Интернет. Они также отметили, что их личная безопасность подвергается серьезным рискам, исходящим из онлайн-среды. Результаты исследования указали на тенденцию школьников оценивать медийные события с моральной точки зрения. Для современных подростков ключевыми ценностями являются истина, свобода, авторитет, лояльность и справедливость. Важно сознательно повышать осведомленность школьников о медийных ресурсах и развивать у них критическое мышление относительно их собственного опыта в обеспечении информационной безопасности. В будущем они смогут грамотно принимать осознанные решения при использовании Интернета и защитить свою личную безопасность.

Ключевые слова:

безопасность в интернете, когнитивное развитие, школьники, нравственные ценности, моральные ориентиры, старшая школа, правда, свобода, авторитет, справедливость

Введение

Подростковый возраст – кризисный период социализации молодого человека. Наряду со значительными изменениями в развитии: физическими, когнитивными, эмоциональными, поведенческими, этот период сопровождается разнообразными воздействиями со стороны социальных институтов и групп [\[1\]](#) – семьи и сверстников, школы, медийной среды. Подростковые личности нестабильны, их поведенческие характеристики еще не вписываются в рамки когнитивного развития. Сегодня актуальна мысль, приписываемая Сократу: «Всякое знание, отделённое от справедливости и других добродетелей, представляется плутовством, а не мудростью» [\[2, с. 56\]](#). Поэтому не может не беспокоить проблема асинхронности познавательного, интеллектуального развития школьников с развитием их нравственных качеств, закреплённых в определённой системе ценностей. Эта асинхронность заметна на фоне познания и стремления школьника рационализировать действия и явления, которые, в первую очередь, должны проходить через «моральные фильтры». Нравственный аспект подталкивает личность постоянно соизмерять свои поступки, действия, стремления с закреплёнными в социуме идеалами. В период взросления подростки стараются говорить, одеваться и вести себя в соответствии с поведением так называемых звёзд медийной среды [\[3, с. 86\]](#), активно используются социальные сети как основной источник информации. В результате развивается интернет-зависимость [\[4, с. 39\]](#), [\[5, с. 20\]](#).

Медиа оказывают непосредственное влияние на школьника в процессе становления его «Я», которое при этом может быть утрачено [\[6, с. 997\]](#), на формирование мировоззрения за счёт фиксации его сознанием транслируемых образов и подтверждения их социально-психологической пользы в рамках решения конкретных жизненных задач. При этом не известно, насколько склонность школьников к утверждению нравственных норм помогает им в самообеспечении когнитивной безопасности в медийном потоке современности.

С одной стороны, можно предположить, что старшеклассники способны применять

принципы критического мышления, осознанно стремясь к выстраиванию своей личности с опорой на гуманистическое и эстетическое восприятие мира, обладая при этом нужными инструментами анализа информационного потока в условиях его непрерывности. С другой, понимаем, насколько в современном обществе размыто представление о предназначенных для детской аудитории СМИ: сегодня активно функционируют информационные ресурсы разного уровня и достоинства – не только в качестве каналов познания и нравственно-этического взросления, но и откровенно деструктивные по отношению к внутреннему миру подростка. В числе причин такого положения вещей следует назвать случившееся на исходе прошлого столетия разрушение целостной воспитательной системы, складывавшейся в отечественной педагогике и журналистской практике на протяжении XX века.

Отсутствие единообразного подхода к воспитанию подрастающего поколения нельзя рассматривать исключительно как негативное явление – есть в нём элементы плюрализма, особенно ценимые молодыми людьми. Перед ними открываются возможности свободного выбора собственных точек приложения сил, нравственно-этических и эстетических интенций.

Осознанность играет важную роль в следовании духовным верованиям и ценностям и позволяет человеку поддерживать нравственный ориентир, основанный на самопознании [\[7\]](#). К основным критериям нравственного развития относятся такие принципы нравственной культуры, как добро, любовь, забота, понимание, уважение к другим и многие другие. Уровень такой культуры в обществе определяется критериями нравственного воспитания [\[8, с. 134\]](#).

Если посмотреть на проблему с точки зрения психологии, можно отметить её взаимосвязь с личностным развитием, которое включает в себя эмоционально-чувственную, умственную сферы и ценностные ориентации. Чувственная сфера представлена таким видом высших чувств, как нравственные: чувство долга, гуманность, доброжелательность, любовь, дружба, сочувствие, патриотизм [\[9, с. 38\]](#).

Интеллектуальная сфера связана с мышлением, на которое в значительной мере оказывают влияние технические инновации в информационном пространстве социума, что для сознания индивида чревато заменой реальной действительности на медиатизированную [\[10, с. 17\]](#). В этом процессе отмечается социальная тенденция к массовизации общества, основанная на чувстве одиночества как факторе расширения практик воздействия массовой культуры на человека.

Специалисты выделяют ряд психологических механизмов человека, выступающих, с одной стороны, мишенями воздействия на индивида со стороны массовой культуры, с другой, указывающих на возможности самоутверждения личности:

1. побудители активности – идеалы, склонности, интересы, потребности;
2. регуляторы активности – самооценка, убеждения, мировоззрение, верования, установки, групповые нормы;
3. когнитивные структуры – знания о мире и людях, данные о любом виде человеческой активности;
4. операциональный состав деятельности – квалификация, навыки, умения, привычки, стиль поведения, способ мышления;

5. психические состояния – эмоциональные, функциональные, фоновые и др. [\[11, с. 62\]](#).

Дополнительную связь обеспечивает механизм воздействия на основе эмоций и мышления, который включает в себя такие стадии, как заражение, внушение, подражание, убеждение [\[10, с. 16\]](#).

Отсылка к работам психологов необходима для понимания шансов школьника противостоять огромному потоку информации, который оказывает особое влияние на психику и сознание подрастающего поколения. Характер воспринимаемого им контента приводит к переключению его сознания с широкого анализа аудиовизуальной информации исключительно на её потребление. Это приводит к развитию клипового мышления, что, в свою очередь, ведёт к снижению уровня критического мышления. Соответственно, можно говорить о формировании у подростков особой, суженной в своих рамках, медиакультуры [\[12, с. 69\]](#).

Негативный характер такой медиакультуры состоит в формировании и закреплении деструктивных состояний подростка – апатии, депрессии, чувства дереализации, в некоторых случаях агрессивного или пассивно-агрессивного поведения. В такой культуре личность стремится к самопрезентации любыми способами. В условиях потребления некачественного контента, несущего угрозу информационной безопасности подростка, уже имеющиеся психологические проблемы только усугубляются [\[13, с. 103\]](#).

В. В. Радаев обозначил ряд свойств современного поколения, его проблемы, а также очертил влияние медиа и непрерывного информационного потока на возникновение и закрепление характерных черт поколений, которые развиваются в одинаковой или схожей среде. Этой демографической группе характерно:

- привычка всё ставить под сомнение;
- размытие границ морального и аморального поведения («реставрация и легитимация мата»);
- поверхностная коммуникация;
- поглощённость гаджетами;
- внимательность к своему здоровью;
- психические и моральные «муки выбора», обусловленные широким спектром выбора альтернативных решений из десятков вариантов;
- тренд на «свободу от приверженностей, авторитетов, от других людей» [\[14, с. 70\]](#).

Нельзя сказать, что перечисленное всецело отрицательно или положительно влияет на формирование моральных ориентиров подростков, поскольку доведение каждого из этих пунктов до крайности превращает высокоморальное поведение в аморальное. Однако вкуче все эти свойства не ставят под угрозу морально-культурные ценности подростка, они скорее указывают на саму подвижность трактовок моральных ценностей, рамки которых изменялись ранее и изменяются сейчас.

Обратимся к определению моральной нормы, которую Е. П. Поликанова определяет как «специфическую форму согласования свободы и воли человека с общими потребностями, интересами, с волей и интересами других общностей, других субъектов» [\[15, с. 138\]](#). Из этого следует, что важнейшим ориентиром в измерении моральных норм

является общество и его понимание морали на данном этапе его социального, экономического, культурного развития.

Цель настоящего исследования – выявление медийных факторов воздействия на формирование личности подростка и в то же время определение нравственных ориентиров школьников в их взаимодействии с медиаконтентом. В основу исследования положено понимание информационной ситуации, главным образом складывающееся в сознании самого школьника.

Объекты и методы исследования

Особая роль в формировании ценностных ориентаций школьников принадлежит ориентированной на подростков медиасистеме. Это не открытие наших дней, скорее, продолжение воспитательной практики, которая сложилась в нашей стране на протяжении предшествующего века. Поэтому мы проанализировали одну из ярких страниц ушедшей в историю медийной практики и нашли подтверждение актуальному пониманию роли СМИ в становлении личности подростка в публикациях литературно-критического и теоретического журнала «Телевидение и радиовещание». Длительное время его издателем был Госкомитет по телевидению и радиовещанию СССР. В разные годы он назывался по-разному, но всегда его редакция уделяла внимание детской аудитории – редакторы радио и телевидения делились историями из своей практики: «Занимательная передача для детей», «О передачах для юных радиослушателей», «Один день в жизни школы» и т. п.

Было проанализировано 411 номеров журнала с 1951 по 1998 г. Особое внимание было уделено статьям И. В. Дубровицкого – заместителя главного редактора редакции вещания для детей и юношества Всесоюзного радио. Именно он сформулировал в 1956 году задачу СМИ, работающих для детской аудитории: «не только сообщать слушателю факты, но и воспитывать его» [\[16, с. 29\]](#) с помощью литературы, культуры, примеров из жизни, научных фактов. Всё это должно проходить через диалог между сверстниками. Наглядным примером послужили выпуски «Пионерской зорьки», где одно время И. В. Дубровицкий работал отв. редактором: «Обязательно должен быть значительный материал, ставящий перед слушателями злободневные острые вопросы» [\[17, с. 27\]](#).

Становление личности и выработка ценностей в определённой степени зависят от окружения школьника. Поэтому Дубровицкий обращал внимание на темы, которые непосредственно волнуют ребёнка: «Вы услышите горячие рассуждения о политике и спортивных новостях. Здесь идут нескончаемые споры о дружбе, долге, чести» [\[18, с. 12\]](#). Эти вопросы поднимались в «Пионерской зорьке», что делало передачу необходимой для детворы.

Особого внимания заслуживает ещё одна передача, которую в 1970-80 гг. возглавлял И. В. Дубровицкий – «Ровесники», он был её создателем. Кроме двух еженедельных передач, каждую неделю выходила «Почта Ровесников», в которой подростки вместе с наставниками читали письма слушателей и дискутировали. Аудиторию волновали, например, такие вопросы: «Как должны общаться друзья?», «Как должна поступать девочка, если поссорилась с другом и в этой ссоре виновата она?».

Школьники обращались к «Ровесникам» за советом, когда, казалось бы, попали в безвыходную ситуацию: «Я потерял всякий интерес к учёбе и к жизни класса. В одной книге я прочитал, что лень может погубить человека. Я испугался: откуда во мне такая апатия, безразличие ко всему? Посоветуйте, что мне делать» [\[19, с. 110\]](#). И редакция

помогала. Через спор, дискуссию находились пути решения проблем, с которыми столкнулись старшеклассники, но конкретные инструкции не давались. Задачей «Ровесников» было направить слушателя, дать возможность ему самостоятельно прийти к правильному умозаключению.

Для изменений в психике человека воздействие должно вызвать когнитивный диссонанс, предполагающий такие реакции, как недоверие к новой информации, изменения в поведении, переосмысление старой информации [\[20, с. 52\]](#). Передачу «Почта Ровесников» критиковали и порой даже не верили в правдивость писем: «Мои друзья считают, что письма, которые вы читаете, – вымышленные. Признаться, я тоже так думал, но теперь, когда услышал собственное письмо, убедился, что это не так. Я также понял, что им и мне были безразличны чужие радости и огорчения. А главное, что мои друзья не любят, – это то, что ваша передача помогает избавляться от многих плохих черт и недостатков. Вот они и злятся, потому что видят многие из этих недостатков в себе, в своих характерах» [\[19, с. 110\]](#). Авторы программы надеялись, что своими беседами они помогут слушателям. Ведь кому быстрее поверит подросток – своим ровесникам.

Ровесников потому и слышали, и прислушивались к передаче, ведь им давали Слово, о котором писал В. Ю. Меринов по отношению к медиасфере: «журналистика не просто выдвигает идеи, поучает, направляет, ведёт, она, прежде всего, озвучивает мир, наделяет конкретного человека Словом» [\[21, с. 142\]](#). Стоит отметить, что при выборе этого «конкретного человека» журналист, прежде всего, должен ответить на вопросы: Какой этот человек? Какие поступки совершает? Как мыслит? Какие ценности разделяет? Каково его прошлое? А главное – каким Словом он будет поучать и направлять общество? Эти вопросы были поставлены в прошлом, актуальны они и сегодня.

Сложность анализа нравственных аспектов когнитивной составляющей детства и отрочества требует разработки исследовательских процедур, обеспечивающих точный подход. Легко впасть в банальности, в предвзятые и идеализированные представления о том, что значит быть подростком, в придание значения определённым концепциям и социальным представлениям взрослых о детстве и юности. Поэтому любые трактовки результатов нашего исследования должны быть восприняты с осторожностью.

Отдельно выделим применяемый в настоящем исследовании метод достижения репрезентативности анализа за счёт специального подбора участников фокус-группы. По аналогии с дифференциацией наблюдения – включённое и невключённое, мы выбрали первый вариант, подразумевающий приглашение к участию в фокус-группе «включённых в процесс» наблюдателей, лично заинтересованных в анализе окружающего школьника и творимого им информационного пространства. **Отметим, что в настоящей статье наши размышления строятся на уже обработанных ранее результатах фокус-группы.**

Таким образом, мнения участников организуемого обсуждения, с одной стороны, являются не более чем отражением понимания роли медиа в повседневной жизни молодого человека, с другой, представляют собой квалифицированные суждения, которые углубляют понимание проблем медийной вовлечённости подростка.

Результаты и обсуждение

Выделим основные результаты проведения фокус-группы (2023), участниками которой стали 20 старшеклассников профильного журналистского класса школы № 309 Санкт-Петербурга (**12 - 10-классников, 8 - 11-классников**). Статус участников фокус-группы

носит двойственный характер – с одной стороны, это школьники, повседневные заботы которых отражают интересы большинства их сверстников из Санкт-Петербурга, с другой, эти школьники уже приобщились к миру медиа отчасти на любительской, отчасти на профессиональной основе.

Исследование включает в себя вопросы:

- об интересах школьников;
- об использовании медиаресурсов в образовательном процессе;
- о положительном и отрицательном влиянии материалов СМИ;
- о ценностях, важности образования.

Вопросы, ответы на которые выбраны в качестве эмпирического материала данного исследования, распределены по шести тематическим блокам, связанным с проблемами обеспечения когнитивной безопасности при использовании социальных сетей, Интернета, СМИ: осведомлённость, фейки, вирусные новости, феномен влияния, манипуляции и ограничение потока медиаданных.

Далее, в ответах респондентов подсчитывалась частота появления в сообщениях каждого концепта, учитывалась их морально-нравственная ценность. Затем вычислялось соотношение категорий «когнитивная безопасность» и «нравственные ценности». Это позволило обобщить часто встречающиеся в сообщениях темы и суждения, которые включали в себя комментарии, абсорбирующие в себе ту или иную моральную ценность. В результате удалось сформировать классификацию высказываний в фокус-группе:

1. Эмоции:

- 1.1. *Позитив – радость, сопереживание, симпатия;*
- 1.2. *Негатив – отчаяние, неприязнь, раскаяние, гнев;*
- 1.3. *Неклассифицированные – неуверенность;*

2. Ценностные суждения:

- 2.1. *Ценности в сферах – социальной системе, семье, государстве и политике, журналистике.*
- 2.2. *Ценности в конфликтных ситуациях – межличностной, межгрупповой, личности и группы.*

3. Поведение:

- 3.1. *Принятое просоциальное.*
- 3.2. *Асоциальное.*

4. Темы: благосостояние и безопасность, бюрократия, власть, национальная гордость, неравенство, взятки, правда, ложь, преступления, незаконность, манипулирование.

Результаты проведения фокус-групп были подвергнуты процедуре контент-анализа. Для этого было проведено открытое кодирование категорий и подкатегорий суждений в ответах респондентов. В результате получили 180 паттернов коммуникации. Устанавливая нравственный контраст в выборе опрошенных, между одинаково верными

положениями был выделен ряд герменевтических противоречий. Таким образом, мы систематизировали взаимосвязи, установленные между положениями, полученными по итогам теоретического анализа, и основными компонентами, полученными в результате применения контент-анализа ответов респондентов.

Обобщая анализ нравственных аспектов когнитивной безопасности использования Интернета, социальных сетей и СМИ подростками, в исследовании сформулированы пять пар ценностных концептов в противопоставлении с прямым или косвенным их отрицанием (См. Табл. 1).

Таблица 1. Нравственные основы когнитивной безопасности

Ценностный концепт / прямое или косвенное отрицание концепта	Суждения респондентов
Забота / Вред	«Нужно помнить всегда, чтобы помимо твоей точки зрения есть другая и любая точка зрения заслуживает место быть»; «Бывают неуместные советы, критика».
Объективность / Обман	«Если говорить о новостях, связанных с политикой, то достаточно интересно смотреть видео, в которых высказываются разные мнения об одном и том же событии, вычленять просто более-менее сухие факты и формировать о них своё представление»; «По телевизору очень часто показывают ложные новости, которых либо нет, либо они освещены с другой стороны».
Авторитет через антитезу / Подрывная деятельность	«Как Гордон говорит, я работаю только из-за денег»; «На гостинку вышла девушка в украинском платье с венком и цветами, обмотанная колючей проволокой. И её забрали. Но это же провокация».
Традиционные ценности / Ценностная деградация	«Семья, религия. У нас РПЦ активно продвигается. Культурные ценности»; «Ценность человеческой жизни. Сейчас решили, что ради какой-то цели возможно убить человека».
Свобода / Угнетение	«Это было бы для многих таким глотком надежды. Идут очень активные обсуждения, фейк это или подстава. Но в любом случае это очень большое облегчение дарит». «Есть история Политковской, например. И будет

хорошо, если она будет на свободе».

По данным исследования, наиболее распространенными компонентами противоречий оказались «Забота/Вред» (**43,90%**) и «Авторитет через антитезу/Подрывная деятельность» (**34,15%**), и в меньшей степени «Объективность/Обман» (**21,95%**) и «Традиционные ценности/Ценностная деградация» (**6,10%**). Анализируя высказывания на полюсах противоречий, заметим, что положительный полюс в словах школьников преобладает над отрицательным, за исключением суждений о фактах объективности и обмана. Это можно объяснить отсутствием согласованности в большинстве представлений школьников о нравственности, которая транслируется в СМИ и Интернете, и отсутствием однозначных оценок по отношению к событиям, транслируемым в медиа. Кроме того, при проведении фокус-группы упоминание концептов морали подсвечивали большое число моральных дилемм (**82,93%**), присутствующих в сообщениях СМИ и в отражаемых ими реальных событиях. Тем не менее, почти не звучали отзывы, которые как-либо могли морально оправдывать этически неприемлемые ситуации, при этом моральные рассуждения присутствовали практически в каждом обсуждении (**62,44%**).

Чаще всего эмоции респондентов носили негативный характер (**48,78%**), за ними следовали выражения неоднозначности оценки (**14,63%**), очень часто – сомнения (**42,69%**). Вероятно, это связано с необходимостью принимать решения относительно освещения тех или иных событий, тем не менее, опрошенные называли участников обсуждаемых событий скорее жертвами (**23,17%**), чем провокаторами угроз (**13,41%**). Сомнения и сделанные на их основе определенные выводы означают осознанный анализ ситуаций, с которыми столкнулись в обсуждении старшеклассники.

Также часто упоминалось государство и политика (**42,68%**), в то время как семья имела наименьшее присутствие в дискурсе (**29,27%**). Это может объясняться как отсутствием негативных ситуаций внутри семей респондентов (следовательно, и отсутствием тревожностей и неопределённостей, которые подросток транслировал бы в рамках интервью), так и нежеланием выносить личные проблемы в общественное поле фокус-группы. Однако, представляется, что на данном этапе формирования личности школьников морально-нравственные вопросы действительно выходят на первый план.

Респонденты указывали в основном на позитивность просоциального поведения: в основном выделяли в целом благосостояние индивидов и общества, безопасность (**42,68%**), а в медиа – достоверность информации (**37,80%**). Также в суждениях школьников отмечается высокий уровень критики асоциального поведения (**21%**). В этом аспекте вопросы морального оправдания преступлений на почве отстаивания прав и свобод (**21,95%**) или преодоления неравенства (**9,76%**) имели для школьников особое значение. Из преступлений осуждалось чье-либо манипулирование общественным мнением (**12,20%**), злоупотребление властью (**18,29%**).

По результатам исследования следует отметить, что у старшеклассников показатели принятия положительных нравственных ценностей выше, чем отрицательных. Мы считаем, что это связано с тем, что формирование морального комплекса участников фокус-группы частично связано с базовой журналистской подготовкой. Ученики 309-й школы Санкт-Петербурга обучаются в профильном журналистском классе, который курирует Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ. Старшеклассники склонны оценивать медиаконтент и события, отражённые в СМИ, с точки зрения нравственности. Для подростков важны такие категории: правда, свобода, авторитет, лояльность, справедливость и т. д. Мы предполагаем, что следование данным категориям способно обеспечить когнитивную безопасность школьников.

Исследовательское внимание, несомненно, приковано к проблемам становления подрастающего поколения как полноценного участника информационного общества. Так, Е. В. Шепелева рассматривает вопрос участия СМИ в самоопределении старшеклассников и приходит к выводу, что это объективный фактор, достаточный для решения проблем, связанных с выбором профессии [22].

Достаточное количество работ, посвящённых влиянию средств массовой информации на молодёжь, принадлежит И. В. Жилавской [23]. О том, что медиа напрямую участвует в социализации подростков в 2009 году писала Ш. Т. Ишкулова [24]. Подсчёты медиапотребления молодёжью цифрового контента провела группа учёных из Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Результаты проведенных исследований соотносятся с нашими. В частности, в работах У. А. Ушницкой, Р. И. Егоровой [25], Н. В. Быстровой, С. В. Репиной, С. О. Адаменко [26] упор сделан на изучение доверия подростков к СМИ. Эти темы нашли отражение и в нашей статье, но наибольшее внимание мы уделили органическому сочетанию возраста, уровня образования и нравственного воспитания, способному обеспечить школьникам когнитивную безопасность.

Заключение

Результаты исследования указывают на осведомлённость учащихся об угрозах их безопасности, идущих из Интернета. Хотя подростки и продемонстрировали свои знания мер противодействия угрозам когнитивной безопасности, тем не менее, их поведение и отношение к медиаресурсам все еще нуждаются в дальнейшем формировании когнитивных знаний. Как правило, учащимся требуется актуальная информация как инструмент знания для дальнейшего повышения уровня нравственности их поведения и познания медийной среды, что позволит им должным образом реагировать на уже известные и возникающие угрозы безопасности в Интернете.

Большинство учащихся осознают недостаточность собственных знаний и опыта для обеспечения информационной безопасности и нравственной оценки медиаданных. Из чего следует вывод о необходимости разработки списка актуальных мер для родителей, школ и системы образования, направленных на повышение осознанности и осведомлённости, учащихся о когнитивной безопасности в потоке Интернет-контента.

Библиография

1. APA (2019). American Psychological Association. URL: <https://www.apa.org/pi/families/resources/develop.pdf> (дата обращения 06.09.2022).
2. Кессиди, Ф. Х. Сократ. – М., 1988. – 220 с.
3. Ankit Patawat, Dr. J. Balamurugan Influence of Mass Media in Youth // International Journal of Humanities and Social Science Invention (IJHSSI). – 2018. – №11. – С. 82-86.
4. Cherry Nuñez-Rola, Niña Jen Ruta Canayong Social media influences to teenagers // International journal of research science & management. – 2019. – №6. – С. 38-48.
5. Georgios Filippidis Internet addiction and other problematic online behaviors among teenagers // Social Cohesion and Development. - 2021. - №15 (2).
6. Nuoya Lin Research on the Influence of the Internet on Teenagers' Psychology and Behavior // Proceedings of the 7th International Conference on Humanities and Social Science Research (ICHSSR 2021). - Qingdao: Atlantis Press, 2021. – С. 996-1000.
7. Дьячкова, М. А. Понятия ценность и духовно-нравственные ценности в педагогике // Сибирский педагогический журнал. - 2007. № 12. - С. 147.
8. Павлова, Е. Н., Савельева, А. Г. Нравственное развитие личности // Наука и

современность. – 2014. – №29. – С.1-5.

9. Ильин, В. И. «Чувства» и «эмоции» как социологические категории // Вестник С.-Петербург. ун-та. Социология. – 2016. – №. 4. – С. 28-40. – DOI 10.21638/11701/spbu12.2016.402.

10. Наседкина, Н. И. Сущность медиатизации как явления современного общества // Universum: филология и искусствоведение. – 2018. – № 9 (54). – С. 15-17.

11. Андреева, О. С. Микросоциальные технологии в становлении профессионального самосознания студентов-психологов : дис. ... канд. психол. наук / О. С. Андреева. – М., 2007.

12. Толкачев, С. С. Формирование культуры медиапотребления современных подростков // Культура и гуманитарные науки в современном мире : Сборник научных статей. Том Выпуск 4. – Санкт-Петербург : Ассоциация содействия изучению и популяризации истории и социально-гуманитарных наук "Научно-исследовательский центр "Пересвет", 2020. – С. 68-79.

13. Вихристук, О. В. Влияние средств массовой информации на суицидальное поведение подростков и молодежи (обзор зарубежных источников) // Современная зарубежная психология. – 2013. – Т. 2. – №. 1. – С. 100-108.

14. Радаев, В. В. Миллениалы: Как меняется российское общество; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» // 2-е изд. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – С. 65-79.

15. Поликанова, Е. П. Моральные ценности и их роль в современном обществе // Философия и общество. – 2014. – № 3. – С.138-139.

16. Дубровицкий И.В. О передачах для юных радиослушателей // В помощь местному радиовещанию. 1956. № 5. С. 29.

17. Дубровицкий И.В. Заметки редактора «Пионерской зорьки» // В помощь местному радиовещанию. 1956. №4. С. 27.

18. Дубровицкий И.В. О делах и людях-языком радио // Советское радио и телевидение. 1965. № 8. С. 12.

19. Дубровицкий, И. В. «Ровесники» – передача для старшеклассников: Из истории отечественного радиовещания. – М.: Фак. журналистики МГУ, 2003. – С. 110.

20. Зимбардо, Ф. И., Ляйппе, М. А. Социальное влияние. – СПб: Питер, 2011. – 448 с.

21. Меринов, В. Ю. Нравственные основания журналистики / В. Ю. Меринов // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Право. – 2017. № 3(252). С. 140-144.

22. Шепелева Е.В. Самоопределение старшеклассников под влиянием средств массовой информации: автореф. дис. канд. пед. наук наук: 13.00.01. - Нижний Новгород, 2006. 26 с.

23. Жилавская И. В. Влияние СМИ на молодежь // Медиаобразование: от теории-к практике / сост. И.В. Жилавская.-Томск: Изд-во Томск. ин-та информационных технологий, 2007. – 270 с.

24. Ишкулова Ш. Т. Медиа как фактор социализации подростков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.-2009.-С. 90-94.

25. Тепсаева, С. Положительное влияние СМИ на подрастающее поколение / С. Тепсаева // Lingua-Universum. – 2015. – № 1. – С. 45-47.

26. Ушницкая, У.А., Влияние СМИ на сознание подростков / У.А. Ушницкая, Р.И. Егорова // Проблемы современного педагогического образования.-2023.-С. 250-253.

27. Быстрова, Н.В. К вопросу о цифровой среде доверия / Н.В. Быстрова, С.В. Репина, С.О. Адаменко // Проблемы современного педагогического образования. - 2021. № 70-4. С. 57-60

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Воспитание юношества: фактор медийной среды», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения особенностей влияния СМИ на становление подростков. Цель настоящего исследования – выявление медийных факторов воздействия на формирование личности подростка и в то же время определение нравственных ориентиров школьников в их взаимодействии с медиаконтентом. В основу исследования положено понимание информационной ситуации, главным образом складывающееся в сознании самого школьника.

Как известно СМИ являются инструментом влияния на умы людей, кроме того, благодаря современным средствам связи информация быстро распространяется, а часть контента становится вирусным.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке.

Материалом исследования явились 411 номеров журнала с 1951 по 1998 г. Из текста статьи не совсем ясен практический материал исследования, а именно автор не указывает объем отобранного языкового корпуса, методологию выборки и принципы обора.

Так же была сформирована фокус-группа (2023), участниками которой стали 20 старшеклассников профильного журналистского класса школы № 309 Санкт-Петербурга (12 - 10-классников, 8 - 11-классников).

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы, описательный и социологические методы. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Кроме того, не совсем понятны задачи и цель исследования, что не позволяет соотнести их с полученными выводами.

Библиография статьи насчитывает 27 источников, среди которых представлены теоретические работы как на русском языке, так и на иностранном.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории дискурса, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Воспитание юношества: фактор медийной среды» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Москвин Г.В. Замысел произведения о Мстиславе Черном как источник сюжета романа М. Ю. Лермонтова «Вадим» // Litera. 2024. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.71313 EDN: ZPWNES URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71313

Замысел произведения о Мстиславе Черном как источник сюжета романа М. Ю. Лермонтова «Вадим»

Москвин Георгий Владимирович

кандидат филологических наук

доцент, кафедра Истории русской литературы, Московский государственный университет имени МВ. Ломоносова

119992, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 51

✉ georgii_moskvin@mail.ru[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.7.71313

EDN:

ZPWNES

Дата направления статьи в редакцию:

16-07-2024

Дата публикации:

23-07-2024

Аннотация: Данная статья посвящена изучению замысла произведения о Мстиславе Черном как источник сюжета романа М. Ю. Лермонтова «Вадим». Замысел «Вадима» как эпического по роду произведения формировался в слиянии жанрово-родовых потоков поэмы и драмы (лирика составила внутреннюю, «задушевную» основу романа). Автор предполагает, что «дороманным» вариантом замысла следует считать абрис плана произведения о Мстиславе Черном, помещенный под № 16 в «Планах, набросках, сюжетах» и датированный 1831 годом по нахождению в тетради XI. И план, и следующий за ним под № 17 «Сюжет», датированный 1832 годом по нахождению в тетради IV, содержат фабульные, сюжетно-мотивные признаки, а также черты образа предполагаемых героев, которые получают распространение в «Вадиме». Основными методами исследования в данной статье служат сравнительно-сопоставительный,

герменевтический, аксиологический, литературно-исторический и текстологический методы. Новизна статьи объясняется тем, что вопрос о замысле произведения о Мстиславе Черном как источнике сюжета романа «Вадим» подробно рассматривается впервые. Автор утверждает, что в обеих записках содержится прогноз романа, ориентированного на воплощение в разных жанрово-родовых формах: 1-ый набросок – эпического произведения, второй должен был воплотиться в жанре исторической драмы. Оба наброска были написаны в период колебания молодого автора в выборе жанра для совмещения в повествовании о Пугачевском бунте: драмы или романа. В набросках также отразилось намерение юного Лермонтова создать образ современного героя, объединяющего в себе исторический и романтический типы личности. Таким образом, автор приходит к выводу, что замысел о Мстиславе Черном в своих базовых, строевых идеях будет трансформирован в «Вадиме», сомнений не вызывает.

Ключевые слова:

герой Мстислав Черный, Ольга, образ Вадима, замысел Вадима, Лермонтов, драма, поэма, сюжет, жанр, план

Замысел «Вадима» как эпического по роду произведения формировался в слиянии жанрово-родовых потоков поэмы и драмы (лирика составила внутреннюю, «задушевную» основу романа). «Дороманным» вариантом замысла следует считать абрис плана произведения о Мстиславе Черном, помещенный под № 16 в «Планах, набросках, сюжетах» [\[1, с. 379\]](#) и датируемый 1831 годом по нахождению в тетради XI [\[1, с. 677\]](#). И план, и следующий за ним под № 17 «Сюжет» [\[1, с. 379–381\]](#), датируемый 1832 годом по нахождению в тетради IV [\[1, с. 677\]](#), содержат фабульные, сюжетно-мотивные признаки, а также черты образа предполагаемых героев, которые получают распространение в «Вадиме».

В начале плана представлены герои: «Имя героя Мстислав, — Черный прозвание от его задумчивости, — его сестра — Ольга». Так, в плане указан тип родственных отношений главных героев — брат и сестра, который будет положен в основу любовного конфликта романа. Имя Мстислав семантически перекликается с энергией и духом мщения, которые насыщают образ Вадима. Прозвание Мстислава — Черный, данное ему, как видно из плана, «от его задумчивости», указывает на характер этой задумчивости. В «Вадиме» семантический потенциал слова «черный» как языковой, культурно-исторической и стилевой единицы получит дифференцированное выражение в зависимости от конкретного ракурса характеристики главного героя. К примеру, если речь идет о его характеристике через описание нищих, к социальному состоянию которых он принадлежит, то актуализируется крайняя степень низшего сословия («черный народ — простолюдины, «черная сотня», «новгородское, старинное — низшее сословие» [\[2, с. 594\]](#)). Выделение героя из толпы нищих осуществляется также благодаря актуализации другого значения определения «черный». При описании нищих подчеркивается значение «грязный, нечистый, замаранный»: «Их одежды были изображения их душ: *черные*, изорванные <...> углубления в лицах казались *чернее* обыкновенного» (курсив мой — Г.М.) [\[1, с. 8\]](#). При описании Вадима слово «черный» или *мутирует* в свой стилевой коррелят «мрачный», отмечая тем самым романтическую тенденцию в создании образа: «Широкий лоб его был <...> мрачен как облако», — или имплицитно в сравнениях и сопоставлениях, побуждая к ассоциации со значением — «нечистый, дьявол, черт». Так,

нищие уважали в герое «демона — но не человека», да и сам герой думает: «...Если б я был чорт <...> изгнанник рая, соперник Бога». С «черной» стороной образа Вадима связана и его жажда смертельной мести и убийства (нечаянное и намеренное), и раздвоенность веры («...Он верил в Бога — но также и дьявола!»). Небезынтересно также вспомнить и слово «чернец» (в плане указана и сюжетная перспектива развития образа — «после паломника»); образ чернеца встречается в лирике Лермонтова (например, баллада «Гость», в которой мотивы измены любви и смерти, как и в «Вадиме», являются основными) и в его поэмах. Наконец, имя Ольга, попавшее в роман, казалось бы, по литературной традиции, указывает на «сквозную» творческую мысль автора, выразившуюся в названии своей героини.

Далее «Мстислав три ночи молится на кургане, чтоб не погибло любезное имя России». Соотносимый с этим фрагментом плана лирический «Отрывок» («Три ночи я провел без сна — в тоске...») содержательно совпадает с развитием линии главного героя в «Вадиме». Идея, выраженная в словах «чтоб не погибло любезное имя России», в тексте романа не находит места, поскольку было изменено историческое содержание произведения (от нашествия татар к Пугачевскому восстанию). В переломной IX главе «Вадима» обнаруживаются словесно-образные переключки с планом произведения о Мстиславе («Вдали одетые туманом курганы, может быть могилы татарских наездников»); следующий пункт плана («Поместить песню: печальную, о любви или Что за пыль пылит») также находит отклик в романе — надо полагать, что и печальная песня о любви, и народная песня о плене татарском, записанная Лермонтовым в 1830 году и подвергшаяся некоторой литературной обработке [\[3, с. 370\]](#) получают определенную сюжетную функцию, сигнализируя о будущих переменах, или на уровне единичного образа («...Серая пыль клубилась за простою кибиткой;.. «Не к нам ли?» — подумал Вадим... непонятное предчувствие как свинец упало на его душу»), или в печальной песне Ольги («Воет ветер, / Светит месяц: / Девушка плачет — / Милый в чужбину скачет»). Описание Ольги и ситуация встречи с братом из плана («Ольга молодая, невинная, ангел... <...> Входит брат ее...») совпадает словесно и по ситуации с подробным описанием в III главе «Вадима» («Сидела молодая девушка... Это был ангел... <...> Взошел безобразный нищий»).

Итак, факт, что замысел о Мстиславе Черном в своих базовых, строевых идеях будет трансформирован в «Вадиме», сомнений не вызывает. Может вызвать сомнение другое: правомерно ли говорить о Мстиславе Черном как о поэмном замысле. Действительно, следующий за наброском плана «Сюжет» представляет собой «развернутый план драмы, замыслу которой посвящен и предыдущий набросок. По-видимому, драма намечалась на 5 актов и 10 сцен» [\[1, с. 677\]](#). Б.Т. Удодов пишет по этому поводу: «Лермонтов намеревался писать трагедию, а не поэму и даже не драматическую поэму» [\[4, с. 91\]](#). Аргументом к этому положению является не только очевидная драматическая структура «Сюжета». Замыслу о Мстиславе Черном сопутствуют по времени наброски драматургических произведений (трагедия «Марий, из Плутарха» (№ 10), заметка на память: «прибавить к «Странному человеку» еще сцену» (№ 11), намерение написать трагедию о Нероне (№ 15)), или замыслы произведений неопределенной жанровой перспективы («При дворе князя Владимира был один молодой витязь» (№ 12), «Программа» (№ 18), «Монах впоследствии сидит у окна...» (№ 20)). Даже сжатый план поэмы «Ангел смерти» можно рассматривать в русле драматургического поиска раннего творчества Лермонтова, если принять во внимание, что повествование в поэме «Азраил», развившейся в поэму «Ангел смерти», перебивается драматургическими вставками. Перечисленные наброски, планы и сюжеты находятся в тетрадях XI (1831) и

IV (1832) и охватывают период времени, предшествующий активной работе над «Вадимом» и совпадающий с ее началом.

Между тем для решения вопроса о возможном жанре произведения о Мстиславе Черном полезно, на наш взгляд, обратить внимание на разделенность по времени составления наброска плана (конец 1831 г.) и «Сюжета» (предположительно первые месяцы 1832 г.). «Сюжет», как было отмечено, составлен, очевидно, по драматургической схеме, а набросок плана содержит в себе признаки будущей поэмы: «пункты» плана не связаны событийными мотивировками, т.е. они указывают не на сюжетную последовательность действий, а на поэзный принцип, при котором глубинная тема произведения находит воплощение в разных, подчиненных лирической доминанте жанровых ракурсах. Так, первый пункт плана предполагает представление героев в конкретной ситуации; второй и третий насыщены лирико-песенной стихией; далее следует первый событийный эпизод — встреча брата и сестры, основным содержанием которого являются описание Ольги и впечатление Мстислава; затем намечается коллизия, при этом главная ее цель показать не столько внешнее положение вещей, сколько принятие героем внутреннего решения, и, наконец, последний пункт указывает на решающий и заключительный эпизод поэмы — битву и гибель князя Василия (здесь заметна связь и с поражениями славян в поэме «Последний сын вольности» (1831 г.), и с народно-песенным переживанием поражения и плена в песне «Что в поле пыль пылит» (1830 г.), и с «Балладой» «В избушке позднею порою...» (1831 г.).

Наблюдения над разной жанровой перспективой воплощения произведения о Мстиславе Черном — поэма и драма — позволяют проследить процесс формирования лермонтовской прозы в самом существенном аспекте эволюции его творчества — жанрово-стилевом. Казалось бы, рассмотренный выше случай изменения жанра, в котором должен был осуществиться замысел, убеждает в следующей последовательности смены жанров на пути к прозе: от поэмы к драме, — тем более, что и по времени замысел поэмы предшествовал замыслу драмы, однако при всей наглядности проявления отмеченной тенденции необходимо допустить, что сам этот творческий эпизод может носить единичный и даже случайный характер. Из этого следует, что представлять «движение» жанров в последовательности от лирики к поэме и далее к драме, хотя и соблазнительно, но неверно. Во-первых, создание произведений разных жанров было у Лермонтова единым и совмещенным во времени творческим процессом, если не учитывать естественное для поэта «лирическое опережение» его текстов в начале творчества. Во-вторых, выбор того или иного жанра определялся его предрасположенностью, или способностью, к выражению темы. Таким образом, характерное для раннего творчества Лермонтова жанровое разнообразие объясняется поиском возможного адекватного способа выражения той или иной темы, и этот поиск осуществлялся вовсе не в последовательном выключении непригодных жанровых форм — напротив, лирика, поэма и драма компенсировали в едином творческом акте свои слабые места, дополняли друг друга. Именно слияние жанрово-стилевых потоков привело к неизбежности прозы, в лермонтовском случае — романа, той жанровой формы, которая способна вобрать в себя эти потоки. Высказанное соображение может служить подтверждением мысли, что лермонтовское творчество развивается «прозаическими волнами».

Первая такая «волна» — роман «Вадим». Задуманное же произведение о Мстиславе Черном представляет собой уникальную иллюстрацию строительства романа Лермонтовым, уникальную потому, что замысел не обрел определенную жанровую форму, а выразился в процессе ее выбора: лирическое произведение («Три ночи я

провел без сна...», «Ветер гудет...»), народная песня («Что в поле пыль пылит»), поэма (набросок плана — «Имя героя Мстислав»), драма («Сюжет»). В результате каждая жанровая перспектива нашла в «Вадиме» свое воплощение, но ни одна не получила доминирующей роли, потому что только романная форма могла их объединить, тем самым развивая их возможности и компенсируя их *невозможности*.

Лирические произведения поэта не могли быть конкретно-историческими в своей основе, поскольку определяющими для их содержания были вынесенные за пределы реального времени переживания и состояния лирического героя (другими словами, они были в контексте времени, но вне реального времени). Лирический герой представлял «"задушевную" и концептуальную правду авторского образа» [\[5, с. 103\]](#) и был наделен «сюжетной характеристикой (благодаря связности и последовательности представления любовной истории в ранней лирике — Г.М.), которую все же не следует отождествлять с характером» [\[6, с. 157\]](#). Поэтому связь ранних поэм Лермонтова с «Вадимом» нужно рассматривать прежде всего с позиций их *сюжетного взаимодействия*, а также в связи с *проблемой характера героя*. Документальных свидетельств о том, почему Лермонтов оставил свой замысел о Мстиславе Черном невоплощенным не имеется, — можно, тем не менее, констатировать, что он представляет собой последнюю (перед работой над «Вадимом») попытку создать произведение на материале русского Средневековья, т.е. на исторической основе. К этим попыткам следует отнести фрагмент ненаписанной поэмы «Олег» (датируется 1829 годом), законченную поэму «Последний сын вольности» (датируется предположительно первой половиной 1831 года). Историческое время обеих поэм объединяют образы Олега, преемника Рюрика («Олег») и самого Рюрика («Последний сын вольности»). Перспектива событийного сюжета в «Олеге» неясна, и остановка работы над ним может быть объяснена тем, что в произведении не намечен конфликт. Вернее, он начинает намечаться в третьем варианте зачина (собственно весь набросок поэмы и представляет три варианта зачина): «И он искал на греков мести <...> Но что замедлил князь Олег / Свой разрушительный набег?» По-видимому, автор колеблется в выборе исторического фокуса конфликта, поскольку в «Олеге» можно выделить три исторических времени: дорюриковский период («Во мгле языческой дубравы / В года забытой старины»), время князя Олега и время князя Игоря. Контаминация двух последних времен происходит под влиянием художественных целей Лермонтова, т.е. потребности избрать героя, превосходящего всех по масштабу личности, героике образа и драматизму судьбы (зависимость выбора такого героя от пушкинской «Песни о Вещем Олеге» безусловна), с одной стороны, и расширить деятельностное поле конфликта личности с окружающим миром — с другой. Думается, именно с этим связана причина исторической неточности, допущенной Лермонтовым дважды, — переносом набегов печенегов из времени князя Игоря в поэму об Олеге: «Пред кем (в третьем варианте — «пред ним») дрожали печенеги». Значимым мотивом в обрисовке героя является также его «трактовка <...> как мстителя» [\[7, с. 317\]](#).

Очевидно, что Лермонтов ищет историческое время и ситуацию, которая должна оказаться адекватна возвышенной, героической личности, цельной по натуре, призванию и деятельности. Иначе говоря, Лермонтов не разыскивает такую личность в истории, а приближает историю к своей потребности выражения идеала личностного бытия, в чем, собственно, и состоит истинное стремление романтика. Высказанное соображение подтверждается текстом «Олега»: поэт призывает к должному отношению к местам «языческой дубравы» («Пришелец чуждый, в наши дни / Не презирай сих мест: они / Знакомы были вдохновенью!..») и утверждает свою душевную связь с героями прошлого («Я зрел их смутною душой, / Я им внимал неравнодушно. / На мне была тоски

печать, / Бездействием терзалась совесть»). Очевидна также тенденция к совмещению героико-романтической личности героя с национальной идеей, при этом в основе национальной идеи лежит не столько дихотомический архетип «свое — чужое», сколько идея свободы (вольности). Так, свобода личности у Лермонтова становится синонимом свободы нации, а герой — личностью, по масштабу *со-объемной* целому народу. Эта тенденция получила развитие в поэме «Последний сын вольности», в которой герой — Вадим Новгородский — к концу остается единственным, кто сопротивляется Рюрику и новому порядку. Показательно, что идея свободы все более концентрируется, собирается в образе Вадима по мере того, как редет круг защитников вольности (сначала Новгород, затем 30 юношей, далее 6 юношей и старик Ингелот и, наконец, Вадим и Ингелот). В «Последнем сыне вольности» Лермонтов выбирает точный для выражения идеи героико-романтической личности исторический ракурс: происходит смена эпох (вольность для славян сменяется рабством), и герой выступает как защитник прежнего времени. Однако он по неумолимому закону сам становится ушедшей эпохой, поскольку смена уже произошла, и мы оказываемся свидетелями парадоксальной ситуации, когда герой, воплощающий собой весь народ, его идею и свободу, отчуждается от народа и в своей невостребованности («Под ним спит последним сном, / С своим мечом, с своим щитом»), и в народной памяти («Забыт славянскою страной, / Свободы витязь молодой»). Небезынтересна также трансформация мотивов в поступках героя: из защитника он превращается в мстителя. Вероятно, романтический мотив одиночества в произведении, создаваемом на исторической сюжетной основе, наибольшей выразительности достигает именно в описанной ситуации, т.е. когда сменяются времена, и герой воплощает собой время уходящее и сохраняет верность своему идеалу (в нашем случае — вольности) безотносительно к тому, востребован этот идеал или нет. Заметим, что в «Песне про царя Ивана Васильевича...», во многом выросшей из «Последнего сына вольности», Калашников остается в памяти народной — хотя могила его и безымянна, каждый проходящий чувствует свою причастность русскому духу героя. В поэме о Вадиме Новгородском разрыв между личностью и действительностью (в данном случае — исторической) является стиливым сюжетоорганизующим признаком, характерным для всего раннего творчества Лермонтова. Этот разрыв чаще всего проявляется как неистовое по выражению и форме протекания столкновение с действительным миром. Причиной тому, на наш взгляд, является не только стилевая романтическая доминанта современной юному Лермонтову литературы, но и общая для романтизма в целом и отдельного художника в частности проблема дифференциации действительности. В случае Лермонтова следует принимать во внимание еще и феномен столь раннего интеллектуального и художественного развития его личности — феномен, определивший *Я-центричность* лермонтовского творчества. Отсюда и историческая действительность как сюжетная основа произведения выглядит своего рода «приложением» к сюжету самообнаружения личности, стирается и даже уходит в фон, как это происходит в «Литвинке» или начатой, но не развившейся поэме «Два брата». Разумеется, историческую основу «Олега» и «Последнего сына вольности» нельзя назвать фоном, но она присутствует параллельно *сюжету личности* и может восприниматься как дополнительная тема в составе произведения. Расщепленность исторического и личного бытия в художественной рефлексии автора требовала, прежде всего, восстановления «связи времен» как устранения догматического противопоставления истории и жизни. Показательно, что эпиграфом к «Последнему сыну вольности» Лермонтов берет строку из «Гяура» Байрона: «When shall such hero live again?» (Когда будет такой герой жить опять?). Интересен смысловой фокус этой цитаты: дело не столько в «таком герое» (он есть историческая данность), а в том, когда он «будет жить опять». Так обнаруживает себя потребность

художника в современном герое, т.е. в создании героического образа в жизни — образа, психологически ассоциированного с собой, живущим здесь и сейчас.

Замысел о Мстиславе Черном становится, таким образом, переходным этапом в процессе, когда поэма, построенная на исторической сюжетной основе, обогащаясь драматургическим действием («Сюжет» к замыслу о Мстиславе Черном), поглощается романным замыслом и романной формой.

Библиография

1. Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. / АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкин. дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 6. – 900 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.-М.: Изд. М.О. Вольф. 1882. Т.4. – 704 с.
3. Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. / АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкин. дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2. – 388 с.
4. Удодов Б. Т. М. Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1973. – 705 с.
5. Роднянская И. Б. Герой лирики Лермонтова и литературная позиция поэта // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1980. Т. 39. № 2. С. 103–115.
6. Гинзбург Л. Я. О лирике. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. – 382 с.
7. Лермонтов М. Ю. Сочинения в шести томах. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1955. Т. 3. – 326 с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Замысел произведения о Мстиславе Черном как источник сюжета романа М. Ю. Лермонтова «Вадим»» обращена к возможной предыстории первого прозаического произведения Лермонтова, которое осталось незаконченным.

Автор статьи доказывает, что замысел о Мстиславе Черном является «дороманным вариантом замысла» «Вадима». Основанием для данного вывода становятся «фабульные, сюжетно-мотивные признаки, а также черты образа предполагаемых героев, которые получают распространение в «Вадиме»». Так, автор отмечает совпадение имен героинь замысла и романа, их родственную связь (герои являются братом и сестрой), тему мести как сюжетообразующую. Особо стоит отметить анализ эпитета «черный», который относится к главным героям. В замысле – это прозвище героя, раскрывающее его характер и указывающее на тип его задумчивости. В «Вадиме» эпитет «черный» не раз возникает в связи с главным героем, но каждый раз получает разные смыслы и «дифференцированное выражение в зависимости от конкретного ракурса характеристики главного героя». Так реализуется разная семантика эпитета: это и грязь, нечистота, и цвет монашеских одежд, и мысли (автор показывает, как слово «черный» мутирует в «мрачный»). Кроме того, автор статьи выявляет другие словесно-образные переключки: это и особенности пейзажа (курганы, туман), и песенные вставки. Однако главным становится вопрос о жанровой перспективе замысла о Мстиславе Черном. Автор статьи вступает в полемику с теми учеными, которые говорили о данном наброске как поэмном замысле. Аргументами, подкрепляющими сомнение, выступают и сюжетно-образные переключки, о которых шла речь выше, но также и контекст рукописи, соседство данного замысла с другими – не поэмными, а драматическими. Не менее

важным фактором становится и хронология: набросок плана датируется концом 1831 г., «Сюжет» - предположительно первыми месяцами 1832 г.

Изучение жанровой перспективы замысла о Мстиславе Черном, по мнению автора, «позволяют проследить процесс формирования лермонтовской прозы в самом существенном аспекте эволюции его творчества — жанрово-стилевым», показать, как осуществляется поиск эпохи, адекватной героической личности, или, как сказано в работе, Лермонтов «приближает историю к своей потребности выражения идеала личностного бытия». Таким образом, В данной статье впервые в лермонтоведении осуществлен комплексный анализ замысла произведения о Мстиславе Черном, выявлен его творческий потенциал, разработана концепция эволюции прозаических замыслов Лермонтова (поэма – драма – роман) на историческую тему.

Выводы автора статьи убедительны и аргументированы. В работе последовательно выдержан научный стиль. Материалы будут использованы в вузовском преподавании, при издании произведений Лермонтова.

Статья рекомендуется в публикации.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Резник Л.В. «Goethe hat alles gesagt»: И. В. Гёте в письмах Томаса Манна // Litera. 2024. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.71308 EDN: ZIANIT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71308

«Goethe hat alles gesagt»: И. В. Гёте в письмах Томаса Манна

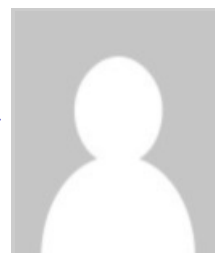
Резник Людмила Викторовна

ORCID: 0009-0008-6395-3374

аспирант; кафедра истории зарубежной литературы; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, 1

✉ lyudmilareznik1996@gmail.com

[Статья из рубрики "Всемирная литература"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.7.71308

EDN:

ZIANIT

Дата направления статьи в редакцию:

17-07-2024

Дата публикации:

24-07-2024

Аннотация: Статья посвящена анализу писем Томаса Манна и упоминаниям в них И. В. Гёте, оказавшего существенное влияние на личность и творчество писателя. Интерес к Гёте исходно возник в контексте проблематики, интересовавшей Манна (проблемы эротики, природы творчества, гениальности), и стал основой новелл «Тяжелый час» и «Смерть в Венеции». Наибольшее количество цитат и отсылок к Гёте приходится на юбилейные годы веймарского классика (1932 г., 1949 г.), а также на годы работы Манна над романом «Лотта в Веймаре» (1936–1939 гг.). Целью данной статьи является систематизация многочисленных упоминаний Гёте в письмах Манна, описание динамики образа Гёте и процесса превращения его в авторский миф. Методологическую основу статьи составляет историко-литературный подход, в рамках которого производится анализ писем Т. Манна. Отдельные выдержки из писем Манна приводятся в переводе на русский язык впервые. Интерес писателя к мифологии и психоанализу в годы работы

над романом «Лотта в Веймаре» существенно повлиял на некоторые аспекты образа Гёте в его восприятии. В письмах отражено пристрастие Манна к житнетворчеству, стремление к созданию авторского мифа о Гёте и мифа о себе как о непосредственном его преемнике. Проведённый анализ писем позволяет проследить, как менялось восприятие писателем личности Гёте с течением времени (с 1910 г. по 1955 г.) — от аполлонического образа «олимпийца» и божественного «дитя природы» до двойственной фигуры «демонического» гения, разрываемого противоречиями собственной художественной природы.

Ключевые слова:

Томас Манн, Иоганн Вольфганг Гёте, письма, Лотта в Веймаре, авторский миф, подражание Гёте, житнетворчество, Тяжёлый час, Смерть в Венеции, Доктор Фаустус

Личность и биография Иоганна Вольфганга фон Гёте (Johann Wolfgang von Goethe, 1749–1832) являлись предметом интереса Томаса Манна (Thomas Mann, 1875–1955) на протяжении практически всей его творческой жизни, что нашло свое отражение в новелле «Смерть в Венеции» (Der Tod in Venedig, 1912), романах «Лотта в Веймаре» (Lotte in Weimar, 1939), «Доктор Фаустус» (Doktor Faustus, 1947) и других произведениях писателя. Источником первоначального замысла многих произведений Манна в той или иной мере выступали эпизоды из жизни, литературное наследие и даже отдельные гётевские высказывания или строки. В 1922–1949 гг. Манн написал свыше десятка эссе и выступил с несколькими докладами («Гёте и Толстой» (Goethe und Tolstoi, 1921), «Гёте как представитель бюргерской эпохи» (Goethe als Repräsentant des bürgerlichen Zeitalters, 1932) и др.), главной темой которых была фигура Гёте, рассматриваемая в различных аспектах: как автохарактеристика, как немецкая идея, как тема измерения европейской (и мировой) культуры (сам по себе, во взаимосвязи с романтиками, Р. Вагнером, Ф. Ницше; применительно к политической ситуации 1930-х гг.), Гёте в контексте проблемы пола или демонизма творчества. Наконец, сыграла свою роль и творческая конкуренция Манна с современниками (Р. Штейнер, Г. Гессе, Г. Гауптман), интересовавшимися Гёте как самим по себе, так и в контексте проблематики символизма, культуры немецкого (а также австрийского) модерна.

Анализ отдельных аспектов проблемы Манн/Гёте можно обнаружить в статьях Т. Н. Васильчиковой [1], Л. К. Габдулатзяновой [2], А. И. Жеребина [3], А. Ю. Зиновьевой [4], В. М. Толмачёва [5]. Цель данной статьи — систематизировать многочисленные упоминания Гёте в письмах Т. Манна, а также описать динамику образа Гёте и процесс превращения его в авторский миф.

Несмотря на то, что часть писем, написанных до отъезда писателя из Германии в 1933 г., не сохранилась, на данный момент опубликованы по меньшей мере полторы тысячи писем Манна 1889–1955 гг. Наиболее полное, трехтомное, собрание писем было подготовлено к публикации в 1960-х гг. Эрикой Манн — старшей дочерью писателя. В предисловии к нему Э. Манн отмечает важность «данной сферы — сферы писем», поскольку, по ее мнению, именно в ней «магнетическая личность» ее отца проявляется «самым прямым образом»: в письмах «он выдает себя таким, каким он был; [...] там он снова живет для нас» (пер. наш — Л. Р.) [6, стр. XIII].

В отечественном литературоведении письма Манна были объектом исследования С. К. Апта, который отобрал, перевел на русский язык и снабдил комментариями 300 «самых

характерных для духовного облика писателя» [\[7, стр. 376\]](#) писем, опубликованных как самостоятельное издание в 1975 г. — к столетию Манна. В послесловии С. К. Апт обращает внимание на то, что письма «фиксируют постоянство главенствующей роли Гёте в ассоциациях Томаса Манна» [\[8, стр. 378\]](#). Имя Гёте не только фигурирует на страницах писем Манна в связи с его рассуждениями о литературе и творчестве, но и постоянно упоминается в письмах, посвященных судьбе Германии и немцев, а афоризмы Гёте выступают для писателя главным источником цитат.

Однако сближение Т. Манна с Гёте происходило постепенно, что было обусловлено художественной близостью творчества Манна на раннем его этапе к наследию Г. Э. Лессинга, Т. Фонтане и Ф. фон Шиллера, когда его философскими и идейными ориентирами выступали А. Шопенгауэр, Ф. Ницше и Р. Вагнер. Лишь позднее, по выражению Б. Блуме, «Томас Манну *увидел в жизни и природе Гёте усиленное отражение и разрешение собственных душевных противоречий*» [\[9, стр. 277\]](#).

Если судить по опубликованным письмам, первые упоминания имени Гёте возникают только в 1910–1911 гг. (Манну на тот момент 35 лет) в связи с рассуждениями писателя о таланте Г. фон Клейста и Р. Вагнера. В письме брату Генриху от 17.11.1910 Манн пишет: «Я читал прозу Клейста, чтобы взять себя в руки, и после Кольхааса был зол на Гёте, который отверг его [Клейста] из-за его „ипохондрии“ и „духа противоречия“» (*пер. наш — Л. Р.*) [\[6, стр. 82\]](#). В письме к Э. Бертраму от 16.10.1911, говоря о своем отношении к Вагнеру, Манн рассуждает: «О Флобере, как и о Гёте, всегда приходится говорить, когда приходится всерьез сводить счеты с Вагнером. Плохо только то, что оба они, возможно, приняли бы его — Гёте из моральной терпимости ко всему великолепно творческому, а Флобер, например, из склонности к варварски-утонченному» (*пер. наш — Л. Р.*) [\[10, стр. 10–11\]](#). В письме Юлиусу Бабу от 14.09.1911: «Гёте должен был воспринять Вагнера как явление, в корне отталкивающее. Конечно, он был морально очень терпим к великим фактам и последствиям, и иногда я задаюсь вопросом, не ответил бы он нам так: „Этот человек слишком велик для вас“. Но это было бы его делом. Немцев следует поставить перед выбором: Гёте или Вагнер. И то, и другое вместе не годится. Но я боюсь, что они скажут „Вагнер“. Или, может быть, все-таки нет? В конце концов, разве каждый немец не должен знать в глубине души, что Гёте — несравненно более уважаемый и заслуживающий доверия вождь и национальный герой, чем этот пронырливый гном из Саксонии, обладающий взрывным талантом и скверным характером? Вот в чем вопрос» (*пер. наш — Л. Р.*) [\[6, стр. 91\]](#).

Эти первые упоминания Гёте в письмах Манна объединены отсылкой к его авторитету, однако в них он еще не идентифицирует себя самого с Гёте. По мнению Я. Эльзаге и Х. Аффольтера [\[11, 2019\]](#), отсутствие упоминаний Гёте, как и стремление представить его образ в ироническом ключе, — следствие, в психоаналитическом свете, «соперничества» Манна с „Vater-Imago“ Гёте и особого рода самоидентификации, выходящей за рамки литературного творчества.

Интерес к Гёте исходно возник в контексте проблематики, интересовавшей Манна (проблемы эротичности, природы творчества и гениальности), и стал основой новелл «Тяжелый час» (Schwere Stunde, 1905) и «Смерть в Венеции», в которых обыграны элементы биографии Гёте. Но восприятие Манном Гёте с течением времени менялось, и в 1915 г. писатель приходит к пониманию, что Гёте отнюдь не был тем невозмутимым «олимпийцем», каким он изобразил его за десять лет до этого в новелле «Тяжелый час». Отправной точкой для этой «корректировки» образа Гёте, по мнению японского

исследователя Ц. Ито [\[12, 1962\]](#), становится интерес Манна к истории любви 72-летнего Гёте к 17-летней Ульрике фон Леветцов, изучение которой открыло Манну «дионисийские основы» олимпийско-аполлонической натуры Гёте. В 1920 г. Манн в ответном письме поэту и писателю Карлу Мари Веберу комментирует замысел «Смерти в Венеции»: «Предметом моего рассказа была [...] — гротескно поданная — история старца Гёте и той девочки в Мариенбаде, [...] мучительная, трогательная и великая история, которую я еще, может быть, когда-нибудь напишу» [\[7, стр. 27\]](#). И хотя новелла «Гёте в Мариенбаде» так и не была создана Манном, спустя два десятилетия другой эпизод биографии Гёте лег в основу романа «Лотта в Веймаре».

В письме к переводчику Александру Элиасбергу в 1914 г. Манн в связи с присланным ему переводом книги Д. С. Мережковского «Вечные спутники» делится своими впечатлениями об уже прочитанных эссе «Гёте» и «Сервантес»: «Чудесно! Поистине достойно восхищения! Я не знаю ничего более высокого в критическом, духовном познании. И иногда там, где это связано с предметом, как у Гёте, в этом познании есть что-то сверхдуховное, что-то мистически-телесное, — о чем почти невозможно говорить, но подобное уже было в его великом толстовском анализе ранее — как я полагаю, поскольку Гёте и Толстой, которых он рассматривает как противоположности, имеют больше общего, чем Гёте и бестелесный, бесплотный Достоевский» (*пер. наш — Л. Р.*) [\[6, стр. 114\]](#). В этом письме уже можно увидеть идею будущего доклада Манна «Гёте и Толстой», который будет написан лишь спустя 7 лет (в 1921 г.). Из дневниковых записей Манна становится известно, что окончательно концепция доклада сформировалась у писателя после знакомства с дневниками молодого Толстого, первый том которых он получил из издательства Георга Мюллера 12 декабря 1918 г. и, приступив в тот же день к чтению, был глубоко им впечатлен: «По вечерам дневник Толстого. Наряду с Гёте среди постоянно живущих духов он — тот, чья форма жизни привлекает меня больше всего, и чье чувство жизни через все его высказывания самым непосредственным образом оживляет мое. Его творчество — великолепное и органичное сочетание чувственности и морализма» (*пер. наш — Л. Р.*) [\[13, стр. 107\]](#). Из этого следует, что Манн уже на тот момент связывал Толстого с Гёте, а их обоих — с самим собой. Важен и тот факт, что интерес писателя с самого начала вызван не художественным произведением, а дневниковыми записями, и концентрируется на личностях писателей. Для Манна, как и для Гёте и Толстого, взаимное проникновение «поэзии» и «правды» являлось неотъемлемой частью существования художника.

В период создания книги «Размышления аполитичного» (*Betrachtungen eines Unpolitischen*, 1915–1918), в которой неоднократно встречается имя Гёте, в духовном мире Томаса Манна все же еще господствовал «триумвират» — Шопенгауэр, Вагнер и Ницше. Это влияние «трех пессимистов» после Первой мировой войны постепенно сходит на нет, а с 1921 г. (когда Манн выступает со своим первым докладом о Гёте) фигура веймарского классика выходит для писателя на первый план. В ответе Эрнсту Бертраму (от 10.06.1921) на поздравительное письмо ко дню рождения Манн уже цитирует Гёте непосредственно в связи со своей жизнью: «Сорок шесть лет! И я чувствую себя таким отстающим, таким виноватым перед всем миром. Но что касается этого мира, то с ранних лет я часто повторяю себе мудрое высказывание Гёте: „Если вы создали что-то, мир сделает все возможное, чтобы помешать вам когда-либо снова создать подобное“» (*пер. наш — Л. Р.*) [\[10, стр. 96\]](#). Рассуждая о создании «Размышлений аполитичного», Манн пишет Феликсу Берто (от 1.03.1923): «Известная антилиберальность этой исповедальной книги объясняется моим отношением к Гёте и Ницше, в которых я вижу своих высочайших наставников, — если не бессовестно навязываться в ученики таким

фигурам» [\[7, стр. 34\]](#). «Гёте все сказал» („Goethe hat alles gesagt“ [\[6, стр. 363\]](#)), — резюмирует Манн в письме к сценаристу и писателю Альфреду Нойману в 1934 г., и действительно, начиная с 1930-х гг., личность Гёте выступает для писателя мерой наиважнейших вещей — творчества, морали и даже собственной личности: «И я даже думаю все-таки, что мне удалось построить свою позднюю жизнь по образцу Гёте» [\[7, стр. 159\]](#) (из письма Э. фон Калеру от 16.01.1944).

Основная масса упоминаний Гёте в письмах Манна приходится на юбилейные годы Гёте (1932 г. — столетие со дня смерти и 1949 г. — двухсотлетие со дня рождения), а также на годы работы над романом «Лотта в Веймаре» (1936–1939 гг.). Большое внимание писатель уделяет Гёте как действующему лицу своего романа «Лотта в Веймаре». И. Дирзен обращает внимание на тот факт, что создание романа пришлось на те годы, в которые Манн работал над тетралогией «Иосиф и его братья», что бесспорно отразилось и на «Лотте в Веймаре», поскольку «мир мифов присутствовал в сознании Томаса Манна» [\[14, стр. 193\]](#) и существенно повлиял на некоторые аспекты образа Гёте в его восприятии. В письме К. Кереньи от 16.11.1939 Манн задается риторическим вопросом: «...в Вашей статье прозвучало немало идей, входящих и в нынешнее мое умственное занятие, в гётевский роман. Не «мифология» ли в конечном счете, и он?» [\[7, стр. 102\]](#).

В 1933 г. в дневнике Манна появляется запись, свидетельствующая о его намерении написать художественное произведение о Гёте: «Новелла или театральная пьеса о визите старой Лотты Буфф-Кестнер снова запала мне в душу» (*пер. наш — Л. Р.*) [\[15, стр. 251\]](#). Данный эпизод из жизни Гёте стал известен Манну благодаря книге психоаналитика Ф. А. Тайльхабера «Гёте. Пол и Эрос» (Goethe. Sexus und Eros, 1929), в которой были процитированы отрывок из письма Шарлотты Кестнер ее сыну (в котором она делится впечатлениями о приеме в доме Гёте) и краткая запись из дневника самого Гёте о визите «мадам Кестнер». На основе этой лаконичной фабулы Томасу Манну в своем романе с помощью интертекстуальности, цитатности и приему «многократного отражения» (на протяжении первых шести глав Гёте присутствует в романе лишь опосредованно, в беседах Лотты с персонажами, выполняющими функцию сродни вестникам в античной драме, однако их рассказы, поначалу будто бы раскрывающие сущность Гёте, затем всё плотнее стягивают завесу вокруг него) удастся создать многогранный художественный образ (не тождественный ни биографическому Гёте, ни традиционному представлению о Гёте как о «веймарском классике»). Письма Манна позволяют проследить как ход работы над романом, так и реакцию современников на его публикацию. Отдельные письма к американской журналистке Агнес Мейер, филологу-классику Карлу Кереньи и другим адресатам представляют собой развернутый автокомментарий писателя к «роману о Гёте».

Наконец, важен и тот факт, что сама корреспонденция Манна оказывается материалом для текста романа. Так, в поток сознания просыпающегося Гёте в седьмой главе Манн включает «целые пассажи из собственных публицистических статей и писем» [\[8, стр. 8\]](#). Широко известная цитата Манна, сказанная им в интервью газете «The New York Times» (22.02.1938): «Где я, там Германия. Я несу свою немецкую культуру в себе» (*пер. наш — Л. Р.*), была почти дословно повторена им в романе от лица Гёте: «Мою немецкую сущность я храню про себя, а они со своим злобным филистерством, в котором усматривают *свою* немецкую сущность, пусть убираются к черту! Мнят, что они — Германия. Но Германия — это я. И если она погибнет, то будет жить во мне» [\[16, стр. 633–634\]](#).

В письме младшему брату Виктору Манну от 4.10.1946 Томас Манн описывает невольную «мистификацию», произошедшую в том же году в рамках Нюрнбергского процесса, когда британский прокурор процитировал «высказывания Гёте о немцах, думая, что по подлиннику, а на самом деле — по „Лотте в Веймаре“», но ошибка была вскоре замечена: «[...] Посольство в Вашингтоне смущенно запросило меня, как тут обстоит дело. Я ответил, что ручаюсь за то, что Гёте в самом деле вполне мог бы думать и говорить в точности так, как он думает и говорит у меня, и значит, в некоем высшем смысле prosecutor цитировал его всё-таки верно. [...] Эпизод вышел щекотливый» [\[7, стр. 209–210\]](#).

Манн неоднократно обращался с письмами к переводчикам своих произведений, например, комментируя нюансы перевода ключевой — седьмой — главы «Лотты в Веймаре», основу которой составляет пространственный внутренний монолог Гёте. Осознавая трудность стоящей перед переводчицей работы, Манн пишет Луизе Сервисан, работающей над французским переводом романа: «... хочу послать Вам несколько [...] утешительных слов, по поводу почти, наверно, непреодолимых на первый взгляд трудностей, которыми озадачивает переводчика этот фатальный кусок прозы. Могу себе представить, что Вы этим угнетены и пребываете в некоторой растерянности. [...] Я сам того мнения, что в иноязычных изданиях «Лотты в Веймаре» эту главу надо сократить и упростить, так как некоторые намеки и литературные реминисценции возможны, наверно, только в немецком тексте, да и в немецком сегодня тоже едва ли» [\[7, стр. 106\]](#).

Кроме того, в письмах Манн развернуто отвечает интересующимся читателям на вопрос реальности финала романа — сцены разговора Лотты и Гёте в карете: «Всякий раз, когда меня просят решить спор, мне хочется согласиться с обеими сторонами. Но как следует подумав, я должен признаться: чаша весов склоняется к нереальности чуть-чуть больше. [...] Исторической, как обед, встреча в карете все равно не является. Гёте не провожал Лотту после театра. В связи с Вашим письмом я снова почитал свою книгу. Она моей душе все же очень, очень близка, и хорошее это было время, когда я писал ее» [\[7, стр. 221–222\]](#).

Манн целенаправленно искал точки пересечения своей жизни с личностью и биографией Гёте и придавал символическое значение даже бытовым деталям, в которых замечал свое сходство с ним. Начиная с бюргерского происхождения и врожденной двойственности натуры Манна («Спрашивая себя, какие от кого мне передались свойства, я неизменно вспоминаю знаменитый стишок Гёте и устанавливаю, что, как и он, „суровость честных правил“ я унаследовал от отца, а „нрав весело-беспечный“, иначе говоря — восприимчивость ко всему художественно-ощутимому и, в самом широком смысле этого слова, „к вымыслу влечение“, — от матери» [\[17, стр. 93\]](#)), заикаясь тем, что Манн пользовался тем же одеколоном, что и Гёте [\[18, стр. 254\]](#), и очень обрадовался, когда узнал, что первый экипаж появился у Гёте лишь в 50 лет (так же, как и первый автомобиль у самого Манна) [\[11, стр. 11\]](#).

Стремление к жителю, созданию авторского мифа о Гёте и мифа о себе как о непосредственном его преемнике, распространялось и на письма Манна, в которых он прямо или косвенно отождествлял себя с Гёте. Так, в письме к Агнес Мейер в 1943 г. Манн пишет: «Вы знаете, конечно, что до смешного жуткая атмосфера, которой я окружил Гёте в романе, была самобичеванием и самовысмеиванием. Что я способен смеяться над собой, это ведь, как-никак, человеческая черта, не правда ли? [...] Я сделал Гёте, свой отцовский прообраз, куда как плохим» [\[7, стр. 144\]](#). В период работы

над романом «Доктор Фаустус» в письме К. Кереньи от 12.02.1946 Манн упоминает «холод», присущий художнику (один из ключевых мотивов как в романе об Адриане Леверкюне, так и в романе о Гёте): «Я не хочу защищать гётевскую холодность. Я слишком хорошо ее понимаю, и у меня самого ее много. Но я знаю, что Гёте, как все наши великие, как Лютер, Бисмарк, Ницше, был, с одной стороны, красой и гордостью немцев, а с другой, как формирующая сила, и роком для них. В „Лотте в Веймаре“ я старался дать почувствовать эту двойственность во всем ее „раздражительном комизме“» [\[7, стр. 207\]](#). Мотивы «жертвенности» и «отречения», проблемы соотношения «поэзии» и «правды», «двойственности» гения и особого параллелизма его творческой жизни с судьбой Германии позволяют рассматривать роман «Доктор Фаустус» как следующий этап развития гётевской темы в творчестве Манна после «Лотты в Веймаре».

Помимо этого, Гёте является непосредственным стимулом для столь долго откладываемой поездки Манна в Европу в 1949 г., спустя 16 лет, проведенных в эмиграции, когда широко празднуется 200-летний юбилей Гёте: «Вы знаете: это гётевский год, и что тут мне не увильнуть, я понимал заранее. Да и составлена довольно долгая программа обязанностей: в конце апреля мы выезжаем в Чикаго, где и начнется танец, затем я буду читать в Вашингтоне о „Гёте и демократии“, затем в Нью-Йорке, затем поедem в Англию, затем в Швецию, оттуда в Швейцарию, возможно, и в Австрию [...]» [\[7, стр. 258-259\]](#) (из письма А. Мак-Лишу от 27 февраля 1949).

Мифотворчество Манна распространяется и на его близких: так, в письме Гвидо Девескови от 1 мая 1955, Манн сравнивает себя и своего старшего брата Генриха Манна с Гёте и Шиллером: «Но я был неописуемо потрясен, [...] когда незадолго до своей смерти Генрих подарил мне одну из своих книг с надписью: „Моему великому брату, который написал «Доктора Фаустуса»“. Что это? Как это? Ведь великим братом всегда был он! И я подбочился и вспомнил слова Гёте о глупом споре немцев, кто более велик, он или Шиллер: „Им бы радоваться, что у них есть два таких парня!“» [\[7, стр. 362\]](#). О самоубийстве сына Клауса Манн также говорит словами Гёте (из письма 1830 г., в котором он в тех же словах упоминает о смерти своего сына Августа): «Но вполне хорошо я уже давно (с „ухода моего сына“) себя не чувствую, а здесь мне надо было готовить для Франкфурта речь – с великим трудом» [\[7, стр. 261\]](#).

Последним упоминанием имени Гёте в письмах Манна является письмо, адресованное его младшему сыну Михаэлю Манну и его семье 9.08.1955 — за 3 дня до смерти писателя. В нем Манн сообщает, что читает книгу о Моцарте и, по устоявшейся привычке, сравнивает его с Гёте: «Он [Моцарт] тоже был аристократом и, в отличие от Гайдна, мало что смыслил в простонародье, как и Гёте» (пер. наш — Л. Р.) [\[19, стр. 418\]](#).

Подводя итог, стоит отметить, что письма (наряду с эссеистикой и дневниками) являются неотъемлемой частью художественного творчества Томаса Манна, выступая важным пространством для самокомментария и самоанализа. Имя Гёте фигурирует в письмах Манна на протяжении 45 лет (с 1910 г. по 1955 г.), в течение которых восприятие писателем личности Гёте менялось — от аполлонического образа «олимпийца» и божественного «дитя природы» до разрываемого противоречиями собственной художественной природы «демонического» гения, дионисийской фигуры («Я первый — жертва, и я же жертвоприносите́ль» [\[16, стр. 733\]](#)), в которой Манн находил мифологическую основу своей судьбы и своего творчества.

Библиография

1. Васильчикова Т. Н. Тема искусства и художника в интеллектуальной прозе Т. Манна: новелле «Смерть в Венеции» и романе «Доктор Фаустус» // Симбирский научный вестник. – 2017. – № 1(27). – С. 44-49.
2. Габдулатзянова Л. К. Очерк Т. Манна «В зеркале»: автобиография писателя в диалоге с романом воспитания // Филология и культура. – 2012. – №4 (30). – С. 86-89.
3. Жеребин А. И. Немецко-русская утопия Томаса Манна («Гёте и Толстой») // Новый филологический вестник. – М., 2019. – № 1 (48). – С. 273-281.
4. Зиновьева А. Ю. Манн Т. Гёте и демократия / Пер. с нем. А. Ю. Зиновьевой // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. – 2009. – № 1(15). – С. 83-103.
5. Толмачёв В. М. О символизме Томаса Манна // Studia Litterarum. – М., ИМЛИ РАН, 2017. Т. 2. № 3. – С. 118-137.
6. Mann Th. Briefe 1889-1936 / Hrsg. von E. Mann. – Frankfurt am Main: S. Fischer, 1961. – 582 S.
7. Манн Т. Письма / Пер. с нем. С. К. Апта; отв. ред. Б. Л. Сучков. – М.: Наука, 1975. – 464 с.
8. Апт С. К. Над страницами Томаса Манна: Очерки. – М.: Советский писатель, 1980. – 392 с.
9. Blume B. Thomas Manns Goethebild // PMLA. – 1944. – № 59(1) – S. 261-290.
10. Bertram E., Mann Th. Thomas Mann an Ernst Bertram: Briefe aus den Jahren 1910–1955. / Hrsg. von I. Jens. Pfullingen: Neske, 1960. – 315 S.
11. Thomas Mann. Goethe / Hrsg. von Y. Elsäghe, H. Affolter. – Frankfurt am Main: Fischer Klassik, 2019. – 544 S.
12. Itoh Ts. Goethe und Thomas Mann. – Eigenverlag, 1962. – 36 S.
13. Thomas Mann. Tagebücher 1918–1921 / Hrsg. von P. de Mendelssohn. – Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1979. – 920 S.
14. Дирзен И. Эпическое искусство Т. Манна. Мировоззрение и жизнь. – М.: Прогресс, 1981. – 304 с.
15. Thomas Mann. Tagebücher 1933–1934 / Hrsg. von P. de Mendelssohn. – Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1977. – 818 S.
16. Манн Т. Лотта в Веймаре / Пер. с нем. Н. Ман // Манн Т. Собр. соч. в 10 тт. Т. 2. – М.: Гослитиздат, 1959. – С. 363-736.
17. Манн Т. Очерк моей жизни / Пер. с нем. А. Кулишер // Манн Т. Собр. соч. в 10 тт. Т. 9. – М.: Гослитиздат, 1959. – С. 93-143.
18. Elsäghe Y. Die imaginäre Nation. Thomas Mann und das "Deutsche". – München: Fink, 2000. – 429 S.
19. Mann Th. Briefe 1948-1955 / Hrsg. von E. Mann. – Frankfurt am Main: S. Fischer, 1965. – 654 S.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметная область рецензируемой работы, безусловно, интересна, нетривиальна, по-своему нова. Как отмечает в начале, «цель статьи — систематизировать многочисленные упоминания Гёте в письмах Т. Манна, а также описать динамику образа Гёте и процесс превращения его в авторский миф». Интенсив разверстки темы вполне понятен, серьезных разночтений не выявлено. Методология исследования имеет конструктивно-системный характер, при должной степени эмпирики. Необходимый комментарий

актуальности, отчасти и изученности проблемы дается в режиме ссылок: например, «В отечественном литературоведении письма Манна были объектом исследования С. К. Апта, который отобрал, перевел на русский язык и снабдил комментариями 300 «самых характерных для духовного облика писателя» [7, стр. 376] писем, опубликованных как самостоятельное издание в 1975 г. — к столетию Манна. В послесловии С. К. Апт обращает внимание на то, что письма «фиксируют постоянство главенствующей роли Гёте в ассоциациях Томаса Манна» [8, стр. 378]. Имя Гёте не только фигурирует на страницах писем Манна в связи с его рассуждениями о литературе и творчестве, но и постоянно упоминается в письмах, посвященных судьбе Германии и немцев, а афоризмы Гёте выступают для писателя главным источником цитат». Фактическая составляющая работы безупречна: «Если судить по опубликованным письмам, первые упоминания имени Гёте возникают только в 1910–1911 гг. (Манну на тот момент 35 лет) в связи с рассуждениями писателя о таланте Г. фон Клейста и Р. Вагнера. В письме брату Генриху от 17.11.1910 Манн пишет: «Я читал прозу Клейста, чтобы взять себя в руки, и после Кольхааса был зол на Гёте, который отверг его [Клейста] из-за его „ипохондрии“ и „духа противоречия“» (пер. наш — Л. Р.) [6, стр. 82]. В письме к Э. Бертраму от 16.10.1911, говоря о своем отношении к Вагнеру, Манн рассуждает: «О Флобере, как и о Гёте, всегда приходится говорить, когда приходится всерьез сводить счеты с Вагнером. Плохо только то, что оба они, возможно, приняли бы его — Гёте из моральной терпимости ко всему великолепно творческому, а Флобер, например, из склонности к варварски-утонченному» (пер. наш — Л. Р.) [10, стр. 10–11]». Цитации даны в режиме норм, основные требования издания учтены. Считаю, что автор статьи полномерно старается объективировать тему, решить поставленный ценз задач; и это не только номинация, но и объективный и целостный анализ: «Интерес к Гёте исходно возник в контексте проблематики, интересовавшей Манна (проблемы эротики, природы творчества и гениальности), и стал основой новелл «Тяжелый час» (*Schwere Stunde*, 1905) и «Смерть в Венеции», в которых обыграны элементы биографии Гёте. Но восприятие Манном Гёте с течением времени менялось, и в 1915 г. писатель приходит к пониманию, что Гёте отнюдь не был тем невозмутимым «олимпийцем», каким он изобразил его за десять лет до этого в новелле «Тяжелый час». Отправной точкой для этой «корректировки» образа Гёте, по мнению японского исследователя Ц. Ито [12, 1962], становится интерес Манна к истории любви 72-летнего Гёте к 17-летней Ульрике фон Леветцов, изучение которой открыло Манну «дионисийские основы» олимпийско-аполлонической натуры Гёте». Новизна работы заключается в нетривиальности выбора темы, подобных работ не так много, следовательно, материал актуален и по-своему нов. Стиль сочинения соотносится с научным типом, термины и понятия унифицированы: «наконец, важен и тот факт, что сама корреспонденция Манна оказывается материалом для текста романа. Так, в поток сознания просыпающегося Гёте в седьмой главе Манн включает «целые пассажи из собственных публицистических статей и писем» [8, стр. 8]. Широко известная цитата Манна, сказанная им в интервью газете «*The New York Times*» (22.02.1938): «Где я, там Германия. Я несу свою немецкую культуру в себе» (пер. наш — Л. Р.), была почти дословно повторена им в романе от лица Гёте: «Мою немецкую сущность я храню про себя, а они со своим злобным филистерством, в котором усматривают свою немецкую сущность, пусть убираются к черту! Мнят, что они — Германия. Но Германия — это я. И если она погибнет, то будет жить во мне» и т.д. Ссылки в работе даются в режиме необходимости и нужности: «из дневниковых записей Манна становится известно, что окончательно концепция доклада сформировалась у писателя после знакомства с дневниками молодого Толстого, первый том которых он получил из издательства Георга Мюллера 12 декабря 1918 г. и, приступив в тот же день к чтению, был глубоко им впечатлен: «По вечерам дневник Толстого. Наряду с Гёте среди постоянно живущих

духов он — тот, чья форма жизни привлекает меня больше всего, и чье чувство жизни через все его высказывания самым непосредственным образом оживляет мое. Его творчество — великолепное и органичное сочетание чувственности и морализма» (пер. наш — Л. Р.) [13, стр. 107]» и т.д. Фактический вывод сделан в соответствии с основной частью, противоречий не выявлено; можно согласиться, что «письма (наряду с эссеистикой и дневниками) являются неотъемлемой частью художественного творчества Томаса Манна, выступая важным пространством для самокомментария и самоанализа. Имя Гёте фигурирует в письмах Манна на протяжении 45 лет (с 1910 г. по 1955 г.), в течение которых восприятие писателем личности Гёте менялось — от аполлонического образа «олимпийца» и божественного «дитя природы» до разрываемого противоречиями собственной художнической природы «демонического» гения, дионисийской фигуры («Я первый — жертва, и я же жертвоприносите́ль» [16, стр. 733]), в которой Манн находил мифологическую основу своей судьбы и своего творчества». Данный материал имеет практическую значимость, его можно использовать в системе вузовского обучения. Рекомендую статью ««Goethe hat alles gesagt»: И. В. Гёте в письмах Томаса Манна» к публикации в научном журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ван Ч., Галактионова И.В. Пометы «уменьшительное» и «увеличительное» в «Толковом словаре русского языка» Н. Ю. Шведовой // Litera. 2024. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.71321 EDN: TQCXCK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71321

Пометы «уменьшительное» и «увеличительное» в «Толковом словаре русского языка» Н. Ю. Шведовой

Ван Чжэ

аспирант, кафедра русского языка; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ zh.wang@mail.ru

Галактионова Ирина Владимировна

ORCID: 0009-0005-5818-605X

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русского языка; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ ig@philol.msu.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.7.71321

EDN:

TQCXCK

Дата направления статьи в редакцию:

18-07-2024

Дата публикации:

25-07-2024

Аннотация: В «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» Н. Ю. Шведовой, обращенном к широкому кругу читателей, прежде всего читателей-нелингвистов, используется традиционная для лексикографии

система помет, при этом их содержание не разъясняется во вступительных материалах словаря. Читатель сталкивается с необходимостью самостоятельного выяснения содержания помет. Объектом исследования в статье являются пометы «уменьшительное» и «увеличительное», внутренняя форма которых создает у читателя ощущение самоочевидности их содержания, состоящего в указании на размер, но которые используются в словаре иначе. Целью работы является моделирование рассуждений читателя, который хочет понять, что обозначают данные пометы, и опирается при этом только на материалы данного словаря. В работе используется метод семантического и синтаксического анализа толкований и метод сопоставления помет у слов одной и той же семантической группы. Новизна исследования заключается в тщательном изучении помет, которые ранее в собственно лексикографическом аспекте не рассматривались. Оно показало, что в анализируемом словаре пометы «уменьш.» и «увел.» используются в соответствии с терминологическими, а не с общеязыковыми значениями слов «уменьшительный» и «увеличительный». Толкования терминологических значений этих прилагательных допускают две интерпретации (прилагательные всегда указывают на размер, возможно вместе с оценкой, или могут указывать только на оценку), что неудачно для словаря, каждая метаязыковая единица в котором должна пониматься однозначно. Анализ соотношения данных помет с эмоционально-оценочными приводит к их пониманию как указывающих только на размер или степень, и это понимание близко к общеязыковому. Наконец, анализ нескольких примеров приписывания помет возвращает к одному из возможных терминологических пониманий. Все это создает сложности для читателей: обычный читатель-нелингвист скорее всего не будет обращаться к корпусу словаря и поймет эти пометы в общеязыковом значении; более внимательные читатели, включая лингвистов, получают разную, возможно противоречивую, информацию о содержании помет, зависящую от того, что именно будет ими изучено. Таким образом, содержание помет, даже таких, которые, на первый взгляд, кажутся общепонятными, должно обязательно разъясняться во вступительных материалах словаря.

Ключевые слова:

лексикография, семантика, метаязык, толковый словарь, Наталия Юльевна Шведова, лексикографическая помета, система помет, уменьшительное, увеличительное, содержание пометы

Введение

Источником информации о словах конкретного языка для носителя этого языка является словарь, прежде всего толковый. Человек, изучающий русский язык, использует соответствующие двуязычные словари, но на более позднем этапе овладения языком обращается уже к толковым словарям.

Наиболее востребованными пользователем-неспециалистом всегда были одотомные толковые словари, прежде всего «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, в том числе в изданиях, над которыми работала Н. Ю. Шведова. Говоря о специфике одотомных словарей в отличие от многотомных, Н. Ю. Шведова отмечает: «Большие словари предназначены тем, кто специально работает с языком <...>. Однако существуют широчайшие круги читателей, которым словарь нужен прежде всего как современный практический справочник, который постоянно находится под рукой. Это — функция одотомного словаря» [\[1, с. 166\]](#). Она выделяет четыре категории читателей такого

словаря: профессиональный «читатель-лингвист, в тех или иных целях проверяющий лексикографа профессионально» [1, с. 167], и три группы читателей-неспециалистов: человек, читающий словарь как книгу, носитель языка, желающий получить конкретную справку о слове, и иностранец, использующий словарь как справочник и учебное пособие.

Читатели любой из этих категорий нуждаются в точном и понятном описании слова, что достигается, в частности, использованием унифицированного метаязыка. Традиционная лексикография выдвигает требование единообразия в описании слов, сходных в каком-либо отношении: относящихся к одной тематической группе, к одному словообразовательному типу и т.п. Н. Ю. Шведова отмечает как крайне нежелательный, хотя и объяснимый недостаток словаря «большое количество самых разнообразных расхождений в разработке однотипных слов» [1, с. 170]. Наиболее унифицированными средствами описания можно считать используемые в словарях пометы, за каждой из которых должно стоять совершенно определенное содержание.

Описание какого-либо свойства слова с помощью пометы является также и способом уменьшить объем текста словаря, разрешив тем самым один из парадоксов словарной статьи, о которых писала Н. Ю. Шведова, — «противоречием между всеохватностью задачи» описания слова в контексте языка и «ограниченными возможностями жанра» словарной статьи [2, с. 621].

В русской лексикографии существует сложившаяся система помет, отражающая разные свойства слов и их лексико-семантических вариантов (ЛСВ) — от грамматических до функционально-стилистических, от временных до экспрессивно-оценочных — и незначительно различающаяся в разных словарях. Фундаментальное исследование помет в основных толковых словарях представлено в монографии [3]. Особое внимание исследователей привлекают стилистические и оценочные пометы, их изменение во времени, различия между словарями в квалификации одних и тех же единиц (см., например, [4, 5]).

Помета является удобным инструментом описания в том числе и семантики определенных групп ЛСВ, а именно таких ЛСВ производных слов, которые регулярным образом соотносятся с производящими словами, в частности в том случае, когда производное слово содержит один или несколько дополнительных компонентов смысла, на которые и указывает помета. Такие пометы особого внимания исследователей не привлекали.

Цель и методы

В настоящей статье исследуется группа помет, традиционных для русской лексикографии в целом, на примере их использования в «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» Н. Ю. Шведовой ([6], далее — СШ) — однотомном словаре, ориентированном на самого широкого читателя и продолжающем традицию однотомных словарей, заложенную С. И. Ожеговым. В центре внимания находятся пометы *уменьш.* (уменьшительное) и *увел.* (увеличительное), приписываемые существительным; к рассмотрению привлекаются также комплексные пометы, в состав которых входит компонент *уменьш.* или *увел.*, и некоторые экспрессивно-оценочные пометы.

Целью статьи является определение содержания помет *уменьш.* и *увел.*, для чего моделируются рассуждения читателя, опирающиеся только на материалы самого СШ.

Такие рассуждения или хотя бы их часть могут быть сделаны читателем любой из выделенных Н. Ю. Шведовой категорий, включая иностранцев, знающих русский язык в такой степени, которая позволяет им пользоваться русскоязычным толковым словарем.

Необходимость определить содержание помет возникает в том случае, если сам автор словаря его не объяснил во вспомогательных материалах, например в предисловии. В СШ такого объяснения нет, имеется только список сокращений [6, с. VII]. Отсутствие объяснений свидетельствует о том, что автор считает все используемые в словаре обозначения, включая пометы, общеизвестными (например, изучавшимися на уроках русского языка в школе) или понятными без разъяснений, просто в силу знания читателем общезыкового значения соответствующих слов. Кажется очевидным, что большинство читателей будут исходить из тех же соображений и не будут пытаться специально выяснять, каково содержание помет.

Таким образом, в статье моделируются рассуждения прежде всего читателя-лингвиста, а также пытливого читателя-неспециалиста, для чего используется метод семантического и синтаксического анализа толкований и метод сопоставления помет у слов одинаковых семантических типов.

Материал и обсуждение

Чтобы выяснить содержание помет, читатель может опираться на толкования слов, использующихся в качестве помет (если такие толкования есть), на систему помет в целом и на практику приписывания помет конкретным словам и их ЛСВ.

1. Значение терминов *уменьшительное* и *увеличительное*

В СШ имеются словарные статьи прилагательных *уменьшительный* и *увеличительный*. Рассмотрим эти статьи с целью извлечь из них содержательную характеристику помет.

В СШ для прилагательных *уменьшительный* и *увеличительный* фиксируются по два значения.

Первые значения каждого из них отсылают к одному из значений глаголов *уменьшить* и *увеличить* соответственно. У этих глаголов по два значения: у *уменьшить* — «1. Сделать меньше (по величине, объему, количеству). *У. вес. У. нагрузку.* 2. Сделать мельче (изображение)» [6, с. 1026] и у *увеличить* — «1. Сделать больше (по величине, объему, количеству). *У. число участников. У. выпуск товаров.* 2. Сделать крупнее (изображение). *У. под микроскопом. У. фотоснимок*» [6, с. 1014]; прилагательные *уменьшительный* и *увеличительный* в своих первых значениях соотносятся со вторыми значениями соответствующих глаголов; иллюстрируется только слово *увеличительный* — сочетанием *увеличительное стекло*.

Вторые значения прилагательных — терминологические, непосредственно связанные со сферой словообразования. Ниже приведены словарные статьи этих прилагательных целиком, за исключением информации о формах и производных от них словах:

Уменьшительный: «1. см. *уменьшить*. 2. В словообразовании: относящийся к образованию существительных, прилагательных и наречий, обозначающих меньшую величину, степень качества, а также эмоциональное отношение (напр. дом — домики, яблоко — яблочко, Ваня — Ванечка, плохой — плохонький, добрый — добренький, скоро — скоренько, тихо — тихонечко). *У. суффикс*» [6, с. 1026];

Увеличительный: «1. см. *увеличить*. 2. В словообразовании: относящийся к образованию существительных и прилагательных, обозначающих бóльшую величину, степень качества, а также эмоциональное отношение (напр. дом — домище, большой — большущий, здоровый — здоровенный). У. суффикс» [\[6, 1014\]](#).

Толкование вторых значений начинается с пояснения «в словообразовании», что указывает на терминологический характер значения и сферу его употребления; приводимые в скобках примеры показывают, что перечисленные значения выражаются с помощью суффиксов. В словарной статье перечислены три возможных значения суффиксов, которые вносятся ими в производные слова: меньшая/бóльшая величина, (меньшая/бóльшая) степень качества, а также эмоциональное отношение.

Используемые в качестве помет термины *уменьшительное* и *увеличительное* очевидным образом являются результатом субстантивации этих прилагательных и помимо семантики самих прилагательных содержат компонент смысла 'значение' (то есть существительное *уменьшительное* толкуется как 'уменьшительное значение'); значение прилагательного целиком вкладывается в значение производного существительного-термина.

Интерпретируя толкования соответствующих прилагательных, читатель должен сам понять, как соотносятся между собой три значения, которые, как указано в словаре, могут добавляться при словообразовании. Эти толкования можно понять двумя способами.

В соответствии с первым пониманием производное слово обозначает либо только величину предмета, либо только степень проявления признака в предмете, либо только эмоциональное отношение к предмету. Это понимание противоречит общезыковому значению слов *меньший*, *уменьшить* и *большой*, *увеличить*, поскольку выражение в слове эмоционального отношения не обнаруживает никакой связи с величиной или степенью, то есть с таким параметром, значение которого может быть охарактеризовано как меньшее или большее. Вместе с тем среди примеров на слово *уменьшительный* есть пара *Ваня — Ванечка*, в которой производное слово не указывает на «размер» называемого им человека, а выражает только эмоциональное отношение, поддерживая тем самым данное первое понимание.

Таким образом, при первом понимании пометы *уменьш.* и *увел.* в одних словах выражают информацию о размере или степени (назовем такую информацию параметрической), а в других — нет.

Согласно второму пониманию, производное слово, во-первых, обозначает величину предмета или степень проявления признака в предмете, и, во-вторых, к значению величины или степени добавляется также указание на эмоциональное отношение (причем из толкования неясно, добавляется ли обязательно или может быть добавлено); на такое понимание указывает синтаксическая структура толкования, в котором компонент «эмоциональное отношение» вводится союзом *а также*, а не присоединяется к предыдущим двум через запятую или с помощью союзов *и* либо *или*. Но этому пониманию противоречит пара *Ваня — Ванечка*, где значение эмоционального отношения ни к чему не добавляется.

При втором понимании параметрическое значение у слов с такими пометами обязательно. Это понимание больше соответствует внутренней форме терминов, но не является, как мы видели, единственно возможным.

В итоге выбрать одно из пониманий на основании словарных статей прилагательных

уменьшительный и *увеличительный* не представляется возможным. Отметим, что при любом понимании значение пометы при конкретном слове оказывается неопределенным. Например, означает ли помета *уменьш.* при слове *арбузик* или *дверка* только маленький размер (и при этом именно размер, а не степень признака), только отношение к предмету, или и то и другое, читатель должен понять сам.

Такая неоднозначность толкований словаря точно отражает существующую в науке дискуссию о значении слов с уменьшительными и увеличительными суффиксами, или — в иной терминологии — диминутивов и аугментативов. Исследователи отмечают тесную связь между параметрическим и оценочным значениями в таких словах, и многие из них считают, что в них всегда представлены оба типа значений (см., например, [7–9]). Противоположная точка зрения тоже представлена (например, [10–12]); ее сторонники отмечают, что реализация только параметрического значения характерна для специальных условий (например, для официального стиля речи). Соответствующие термины — особенно термин *диминутив* — широко используются в литературе и для обозначения слов, выражающих только оценку, но не параметр (например, [13]).

Однако, как кажется, ознакомление читателя с научными дискуссиями все же не входит в задачи словаря, ориентированного на широкую аудиторию, тем более что сделать это в краткой словарной статье невозможно. Читатель нуждается в четком определении содержания помет *уменьшительное* и *увеличительное*, которого, как нам кажется, из приведенных толкований не получает.

2. Анализ системы помет.

Пометы в словаре существуют не по отдельности, а в виде системы. Поэтому нужно посмотреть, нет ли помет, специально предназначенных для указания на наличие в слове эмоционального отношения к обозначаемому предмету или к собеседнику (иначе говоря, эмоционально-оценочных помет). В списке сокращений СШ обнаруживаются пометы *ирон.* (ироническое), *ласк.* (ласкательное), *презр.* (презрительное), *пренебр.* (пренебрежительное), *уничиж.* (уничижительное), *шутл.* (шутливое), а также комплексные пометы *уменьш.-ласк.* и *уменьш.-унич.* [6, с. VIII]; кроме этого в корпусе словаря встречаются не отмеченные в списке сокращений пометы *уменьш.-пренебр.* (при словах *здоровьишко* и *топоришко*), *увел.-пренебр.* (при *катюга*), а также *уменьш.-шутл.* (при *бумаженция*).

Наличие в системе помет отдельных эмоционально-оценочных помет, а также возможность их комбинирования с пометами *уменьш.* и *увел.*, которые своей внутренней формой указывают на значение параметра, свидетельствует о том, что пометы *уменьш.* и *увел.* следует понимать именно в параметрическом значении. Тогда наличие при слове только пометы *уменьш.* указывает на компонент смысла 'маленький', а *увел.* — на 'большой', наличие также пометы *ласк.*, *пренебр.* или *унич.* на положительное (=ласкательное) или отрицательное (=пренебрежительное, уничижительное) эмоциональное отношение к называемому объекту или к адресату высказывания. (Содержание пометы *шутл.*, сочетающейся с *уменьш.* в единственном случае, и *ирон.*, не дающей комбинированных помет, мы не затрагиваем.) Таким образом, параметрические пометы (указывающие на размер или степень) оказываются противопоставленными эмоционально-оценочным пометам (указывающим на эмоциональное отношение).

Именно чисто параметрическое понимание помет *уменьш.* и *увел.* непосредственно опирается на общеязыковые значения глаголов *уменьшить* и *увеличить*, а значит, оно наиболее соответствует представлениям читателя-неспециалиста. Однако данное

понимание не совпадает ни с одним из тех двух, которые вытекают из толкования терминологических значений прилагательных *уменьшительный* и *увеличительный* и которые были приведены выше.

Эти, приведенные выше понимания дают другую картину соотношения внутри системы помет. Поскольку пометы *уменьш.* и *увел.* при любом из этих пониманий могут указывать на эмоциональное отношение, причем любое — и положительное, и отрицательное (в словарных толкованиях соответствующих прилагательных указаний на тип оценки нет), роль вторых элементов комплексных помет в таком случае состоит в уточнении типа эмоционального отношения, что делает, например, пометы *уменьш.-унич.* и *унич.* в ряде случаев синонимичными. Синонимия этих помет вытекает и из толкования прилагательного *унижительный*.

СШ указывает для этого прилагательного два значения, второе из которых является терминологическим и описывается следующим образом: «**2.** В словообразовании: относящийся к образованию существительных — имеющий оттенок презрительности или пренебрежительности, часто в сочетании с уменьшительностью (напр. *домишко*, *типчик*, *старушонка*). *У. суффикс*» [\[6, с. 1029\]](#). Из этой формулировки следует, что помета *унич.*, представляющая собой результат субстантивации данного прилагательного, может указывать не только на эмоциональное отношение, но и на размер. Попутно отметим, что данная формулировка не позволяет разграничить значения помет *унич.* и *презр.*, *унич.* и *пренебр.* (для прилагательных *презрительный* и *пренебрежительный* СШ к тому же не фиксирует терминологических значений).

В процитированной статье даны три примера слов, при которых должна быть помета *унич.*, без указания на то, в каких из них представлен только оттенок презрительности или пренебрежительности, а каких — также и уменьшительность. Как кажется, уменьшительность разумно видеть в слове *домишко* (ср. неправильное **большой <огромный> домишко*); это слово фиксируется в СШ в словарной статье ДОМ и действительно имеют помету *унич.* (а не *уменьш.-унич.*), то есть две эти пометы оказываются синонимичными. Вместе с тем слова *типчик* и *старушонка* с идеей размера плохо совместимы, но в данном случае важно другое: если *старушонка* имеет помету *унич.*, которая может указывать и только на отношение, то *типчик* подается в статье ТИП как *уменьш.* (а не как *унич.*). При этом помета *уменьш.-унич.* также используется с СШ, причем приписываться она может словам, которые относятся к тем же тематическим группам, что и приведенные в качестве примеров. Так, именно помету *уменьш.-унич.* имеют слова *избенка* (ср. с *домишко*) и *женишок* (ср. со *старушонка*).

Таким образом, анализ системы помет дает еще одно понимание содержания помет *уменьш.* и *увел.* — чисто параметрическое, однако не исключает и предложенных ранее — на основе анализа толкований прилагательных *уменьшительный* и *увеличительный* — их пониманий.

3. Анализ помет при словах и ЛСВ.

Выявление содержания помет на основе анализа лексических единиц, имеющих такие пометы, — задача для читателя-лингвиста. Она сложна по разным причинам, в том числе и потому, что массив лексики с этими пометами очень большой: в СШ только с простыми пометами *уменьш.* и *увел.* представлено 2272 слова (2207 слов с пометой *уменьш.*, 65 слов с пометой *увел.*).

В настоящей статье мы отметим лишь следующее обстоятельство, касающееся пометы *уменьш.*, которая ставится при существительных двух принципиально различных по

семантике групп. Интерпретация содержания пометы зависит от семантики производящей основы этих существительных.

Эта помета может интерпретироваться как выражающая параметрическое значение, очевидным образом, только при таких производных словах, которые образованы от существительных, обозначающих предметы, имеющие размер (например, *верёвка — веревочка, двор — дворик* или *кровать — кроватка*), или признаки и иные сущности, которые можно охарактеризовать по параметру степень (*жара — жарница, холод — холодок — холодище* или *голос — голосок — голосище*). Анализ сочетаемости этих слов по данным Национального корпуса русского языка показывает, что они всегда указывают на размер или степень (так, например, слово *дворик* сочетается с прилагательными *маленький* и *небольшой*, но не сочетается с прилагательным *большой*); указание же на оценку возможно (особенно если она поддержана в контексте прилагательными типа *милый, хорошенький* и т. п.), но не является обязательным (ее нет, например, в контекстах типа *В цвету сирень и черемуха; во дворах и двориках желтеет пряная запахом ромашка* (Ю. П. Анненков, Повесть о пустяках)).

Помета *уменьш.*, кроме того, используется при производных от таких слов, которые с идеей размера или степени не совместимы (например, *адрес — адресок, водка — водочка* или *вид — видик (из окна)*). В этих случаях данная помета не может иметь параметрического значения и выражает эмоциональное отношение либо к обозначаемому словом объекту, либо к адресату сообщения.

Выявляя содержание помет на основании анализа лексических единиц с этими пометами, следует учитывать, что в словаре может быть, как мы видели на примере слов, упомянутых в статье УНИЧИЖИТЕЛЬНЫЙ, некоторая непоследовательность в их расстановке.

Таким образом, практика приписывания помет *уменьш.* (а также, по-видимому, и *увел.*) показывает, что СШ фактически совмещает оба понимания, вытекающих из толкований прилагательных *уменьшительный* и *увеличительный*, допуская и параметрическое содержание этих помет, которое может сопровождаться оценочным, и чисто оценочное.

Выводы

Анализ такого элемента метаязыка, как пометы *уменьш.* и *увел.*, содержание которых, на первый взгляд, кажется общепонятным, показывает, что это не совсем так.

Эти пометы связаны с составом слова (наличием в нем суффикса), но призваны указывать на его семантику (морфемная структура слова в русских толковых словарях традиционно не указывается). При этом школьный курс русского языка обращен к формальной стороне языка; такие понятия, как «уменьшительность» и «увеличительность», в школе не изучаются (хотя сочетания *уменьшительный суффикс* и *увеличительный суффикс*, конечно, употребляются). Таким образом, читатель не может использовать свои школьные знания, и ему приходится обращаться за помощью к самому словарю, в котором пометы используются.

В СШ отсутствуют вводные материалы, в которых объяснялось бы содержание помет, что побуждает читателя либо опираться в его интерпретации на внутреннюю форму слов *уменьшительное* и *увеличительное*, либо обращаться к корпусу словаря, анализируя толкования соответствующих прилагательных или практику расстановки данных помет. Как было показано, анализ и того и другого не позволяет прийти к однозначному выводу о содержании помет, не говоря уже о том, что требовать подобного анализа от читателя-

неспециалиста нереалистично.

Научные дискуссии, отголоски которых лингвист может увидеть в толкованиях терминологических значений прилагательных *уменьшительный* и *увеличительный*, входят в противоречие с наивно-языковыми представлениями носителя языка, основанными на внутренней форме этих слов, что может вызвать недоумение у обычного читателя. В свою очередь читателя-иностранца помета *уменьш.* при словах типа *адресок* (от *адрес*) или *видик* (от *вид*) заставит думать, что *адресок* — это какой-то особенно короткий адрес, а *видик* — очень маленький вид.

Кажется разумным, чтобы все пометы, включая, разумеется, *уменьш.* и *увел.*, разъяснялись во вступительных материалах словаря. На разъяснение содержания пометы как на обязательное ее свойство указывает В. В. Морковкин: «Помета — это эксплицированное во вводной части словаря собственно лексикографическое средство (обычно в форме сокращенного слова или словосочетания), с помощью которого читателю сообщается, что соответствующая языковая единица (или языковое явление) относится к определенной совокупности однородных в каком-либо отношении единиц или явлений» [14, с. 110]. Во вводных материалах можно более подробно остановиться на наборе возможных смысловых компонентов, которые стоят за пометами *уменьш.* и *увел.*, их соотношении друг с другом и зависимости выбора одного или нескольких из них от значения слова, к которому присоединен суффикс.

Мы не считаем себя вправе формулировать разъяснения для помет *уменьшительное* и *увеличительное*, соответствующие практике расстановки помет в СШ. Это отдельная задача, выходящая за рамки настоящей статьи и требующая полного анализа всего корпуса Толкового словаря Н. Ю. Шведовой, за выполнения которой может браться только опытный лексикограф.

Библиография

1. Шведова Н. Ю. Однотомный толковый словарь (специфика жанра и некоторые перспективы дальнейшей работы) // Русский язык: Проблемы художественной речи, лексикология и лексикография: (Виноградовские чтения IX–X). М.: Наука, 1981. С. 166–179.
2. Шведова Н. Ю. Парадоксы словарной статьи // Шведова Н. Ю. Русский язык. Избранные работы. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 420–424.
3. Круглов В. М., Истратий В. В., Гамирова Д. Р., Каплан Е. Д. Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка / Ред. В. М. Круглов. СПб.: Нестор-История, 2015. 442 с.
4. Кочергина К. С. Стилистические пометы в толковых словарях современного русского языка: Сопоставительный анализ // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 20–38.
5. Пестова А. Р. Стилистические пометы в толковых словарях как отражение лексико-стилистических процессов в русском языке второй половины XX – нач. XXI в.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 165 с.
6. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011. 1175 с.
7. Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 389–578.
8. Российская грамматика А. А. Барсова / Под ред. Б. А. Успенского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 776 с.
9. Дементьев А. А. Очерки по словообразованию имен существительных в русском языке (имена существительные с суффиксами *-ок, -ка, -ко; -ец, -ца, -цо; -ица, -ице*):

автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1961. 36 с.

10. Востоков А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная. 10-е изд., испр. СПб.: тип. Имп. Рос. акад., 1859. 283 с.

11. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык: Ч. 1: фонетика и морфология. М: Учпедгиз, 1958. 406 с.

12. Плямоватая С. С. Размерно-оценочные имена существительные в современном русском языке: учеб. пособие. М., 1961. 121 с.

13. Шмелёва Т. В. Диминутив, или деминутив // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 133–134.

14. Морковкин В. В. О базовом лексикографическом знании // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному: сб. статей / под ред. В. В. Морковкина, Л. Б. Трушиной. М.: Русский язык, 1986. С. 102–117.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Оценка словарей русского языка явление не такое частотное, не такое популярное. Однако и оно требует в научной среде должно внимания, так как кодификация норма языка происходит именно в словарях, а для более эффективной систематизации лексики необходим и это критический ценз. Автор в начале своего труда отмечает, что «человек, изучающий русский язык, использует соответствующие двуязычные словари, но на более позднем этапе овладения языком обращается уже к толковым словарям. Наиболее востребованными пользователем-неспециалистом всегда были однотомные толковые словари, прежде всего «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, в том числе в изданиях, над которыми работала Н. Ю. Шведова». Стоит признать данный факт и сориентироваться на должную разверстку выбранной темы: «Пометы «уменьшительное» и «увеличительное» в «Толковом словаре русского языка» Н. Ю. Шведовой». Работа в целом имеет вполне завершённый вид, серьёзных фактических нарушений не выявлено; требования издания учтены, при этом и тема работы соотносится с одной из рубрик издания. Материал имеет практически открытый характер, фактические номинации объективны. Стиль сориентирован на собственно научный тип: например, «Наиболее востребованными пользователем-неспециалистом всегда были однотомные толковые словари, прежде всего «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, в том числе в изданиях, над которыми работала Н. Ю. Шведова. Говоря о специфике однотомных словарей в отличие от многотомных, Н. Ю. Шведова отмечает: «Большие словари предназначены тем, кто специально работает с языком <...>. Однако существуют широчайшие круги читателей, которым словарь нужен прежде всего как современный практический справочник, который постоянно находится под рукой. Это — функция однотомного словаря», или «В русской лексикографии существует сложившаяся система помет, отражающая разные свойства слов и их лексико-семантических вариантов (ЛСВ) — от грамматических до функционально-стилистических, от временных до экспрессивно-оценочных — и незначительно различающаяся в разных словарях. Фундаментальное исследование помет в основных толковых словарях представлено в монографии [3]. Особое внимание исследователей привлекают стилистические и оценочные пометы, их изменение во времени, различия между словарями в квалификации одних и тех же единиц (см., например, [4, 5])» и т.д. Методология работы соотносится как с

классическими, так и современными методами разверстки / аргументации вопроса. Цель максимально конкретизирована, точность можно оценить как положительный фактор исследования: «Целью статьи является определение содержания помет уменьш. и увел., для чего моделируются рассуждения читателя, опирающиеся только на материалы самого СШ. Такие рассуждения или хотя бы их часть могут быть сделаны читателем любой из выделенных Н. Ю. Шведовой категорий, включая иностранцев, знающих русский язык в такой степени, которая позволяет им пользоваться русскоязычным толковым словарем». Иллюстрации даны полновесно и целостно, должный аргумент знаний объективен: «В СШ для прилагательных уменьшительный и увеличительный фиксируются по два значения. Первые значения каждого из них отсылают к одному из значений глаголов уменьшить и увеличить соответственно. У этих глаголов по два значения: у уменьшить — «1. Сделать меньше (по величине, объему, количеству). У. вес. У. нагрузку. 2. Сделать мельче (изображение)» [6, с. 1026] и у увеличить — «1. Сделать больше (по величине, объему, количеству). У. число участников. У. выпуск товаров. 2. Сделать крупнее (изображение). У. под микроскопом. У. фотоснимок» [6, с. 1014]; прилагательные уменьшительный и увеличительный в своих первых значениях соотносятся со вторыми значениями соответствующих глаголов; иллюстрируется только слово увеличительный — сочетанием увеличительное стекло», или «Именно чисто параметрическое понимание помет уменьш. и увел. непосредственно опирается на общеязыковые значения глаголов уменьшить и увеличить, а значит, оно наиболее соответствует представлениям читателя-неспециалиста. Однако данное понимание не совпадает ни с одним из тех двух, которые вытекают из толкования терминологических значений прилагательных уменьшительный и увеличительный и которые были приведены выше» и т.д. Актуальность темы, на мой взгляд, фактически доказана, новизна имеет конструктивный признак: «анализ такого элемента метаязыка, как пометы уменьш. и увел., содержание которых, на первый взгляд, кажется общепонятным, показывает, что это не совсем так. Итог по работе не противоречит основной части: автор обозначает, что «...эти пометы связаны с составом слова (наличием в нем суффикса), но призваны указывать на его семантику (морфемная структура слова в русских толковых словарях традиционно не указывается). При этом школьный курс русского языка обращен к формальной стороне языка; такие понятия, как «уменьшительность» и «увеличительность», в школе не изучаются (хотя сочетания уменьшительный суффикс и увеличительный суффикс, конечно, употребляются). Таким образом, читатель не может использовать свои школьные знания, и ему приходится обращаться за помощью к самому словарю, в котором пометы используются...», «Кажется разумным, чтобы все пометы, включая, разумеется, уменьш. и увел., разъяснялись во вступительных материалах словаря. На разъяснение содержания пометы как на обязательное ее свойство указывает В. В. Морковкин: «Помета — это эксплицированное во вводной части словаря собственно лексикографическое средство (обычно в форме сокращенного слова или словосочетания), с помощью которого читателю сообщается, что соответствующая языковая единица (или языковое явление) относится к определенной совокупности однородных в каком-либо отношении единиц или явлений» и т.д. Список источников фактически обработан, должный ряд ссылок имеется. Рекомендую данную статью «Пометы «уменьшительное» и «увеличительное» в «Толковом словаре русского языка» Н. Ю. Шведовой» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Демидов Н.М. Пре-пост эффект/парадокс: теоретическое осмысление термина и перспективы его использования в литературоведении // Litera. 2024. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.71327 EDN: TTXBBS
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71327

Пре-пост эффект/парадокс: теоретическое осмысление термина и перспективы его использования в литературоведении

Демидов Никита Михайлович

ORCID: 0000-0001-8336-4333

аспирант, кафедра теории литературы, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

123181, Россия, г. Москва, ул. Исаковского, 28к2, кв. 574

✉ josefkessler.vonwissenstein@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.7.71327

EDN:

TTXBBS

Дата направления статьи в редакцию:

19-07-2024

Дата публикации:

26-07-2024

Аннотация: В статье рассматривается проблема использования и включения термина «пре-пост эффект/парадокс» («пре-пост эффект»), введенного чешским компаративистом Иво Поспишилом, в терминологический аппарат литературоведения. Особое внимание уделяется отражению термином синтеза поверхностного заимствования определенного явления из иностранной литературы и элементов автохтонной традиции с опорой на междисциплинарную базу, где фактор заимствования лежит на пересечении как филологии, так и других гуманитарных наук, в частности социологии, истории, где ярким образом проявляется связь языка, текста и культуры, в результате чего формируется самобытная характеристика литературы-реципиента. Термин, отражающий эволюционный механизм подобного масштаба, нуждается в дополнительном комментарии и осмыслении

при обязательной опоре на труды его создателя с учётом доработки некоторых аспектов механизма его работы. Используется дескриптивный подход в части представления пре-пост эффекта как многоаспектного явления и уточнения взаимосвязи отдельных компонентов для определения точных семасиологических границ термина; отношение понятия к изучению художественного текста в контексте его общей культурной обусловленности в аспекте поэтического искусства слова отражает когнитивный (автор, текст, внетекстовая действительность) и аксиологический подход. По мнению автора, для успешного внедрения пре-пост эффекта существует необходимость определять его роль как синтез двух подходов к рассмотрению литературного произведения: сравнительно-исторического и теоретико-ценностного, что способствует точному рассмотрению истории восприятия произведения и включения его в литературный канон как свидетельства оригинальности данной литературной традиции. Подобный подход учитывает связанный с литературно-критической историей произведений теоретический аспект модификации жанровых моделей и объединяет их с целью обосновать специфику литературного явления, опираясь одновременно на проблемы поэтики и факторы внетекстуальные. Научная новизна состоит в доработке структурно-функциональной специфики пре-пост эффекта для включения его в широкий научный оборот и возможности практического его использования с предварительным устранением имеющихся спорных моментов и, как следствие, демонстрации возможности с его помощью последовательно придерживаться междисциплинарного аспекта (на стыке компаративистики, теории и истории литературы в их связи с аксиологией) при дальнейшей интерпретации литературных произведений дабы преодолеть односторонность анализа в литературоведческих исследованиях.

Ключевые слова:

пре-пост эффект, ареальные исследования, аксиология, литературный канон, мировая литература, литературный факт, компаративистика, автохтонность, рецепция, поэтика

Литературный процесс как комплексное явление рассматривается в науке сразу с нескольких точек зрения, и желательно, чтобы промежуточные выводы в рамках литературоведческих дисциплин образовывали синтез научного знания, которое могло бы послужить точным описанием литературной панорамы того или иного масштаба и исторического периода. Вопросы литературной эволюции традиционно находятся в ведении жанрологии, компаративистики и тесного взаимодействия истории литературы и теории литературы. Последняя должна давать обоснование явлениям в истории литературы, подвергая анализу, в том числе, литературную критику, которая нередко выступает как реакция на термин или явление в момент его расцвета или зарождения (как, например, понятие «диалектика души», введенное в русскую критику Н. Г. Чернышевским и впоследствии подвергнувшееся серьезному научному осмыслению). Существует потребность, при всем различии методологий этих дисциплин, прийти к некоторым универсалиям, которые бы если и не указывали на устойчивые и характерные признаки литературной эволюции одновременно на теоретическом и сравнительно-историческом уровне, но хотя бы отражали некоторые нетипичные случаи развития литературы на междисциплинарном уровне, которые вызывают наибольшие трудности в науке. Одной из самых успешных таких попыток может быть назван термин пре-пост эффект/парадокс, введенный в литературоведение чешским учёным Иво Поспишилом, но ещё не вошедший в общетеоретическую базу; ознакомимся с термином и изучим его содержание и перспективы взаимодействия со связанными понятиями теоретико-

литературного аппарата.

Предварительно пре-пост эффект можно определить как сложный процесс становления литературных произведений на стыке родной и чужой художественных традиций, когда литература-реципиент при заимствовании тех или иных художественных приемов «литературы-донора» усваивает их поверхностно, не в полном объеме, при этом образуя интересный синтез такого неглубокого заимствования с автохтонной для принимающей литературы традицией. В качестве примера можно указать на элементы сентиментализма в раннем творчестве Достоевского («Бедные люди»), барокко в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» у Гоголя (как справедливо замечает исследователь в одной из своих работ, это 1830-е годы — барокко как жанр уже принадлежит прошлому) [\[16, s. 61\]](#) и многие другие. Поспишил развивал свою концепцию на базе русских и славянских литератур в их взаимодействии между собой на фоне общеевропейского литературного пространства, что в целом отражает вектор научных интересов ученого — он последовательно использует термин для постулирования уникальности как русской, так и других славянских литератур, не употребляя его в контексте других литературных традиций. Означает ли это то, что применение понятия не только ограничено географией художественного творчества, но и не претендует на автономию как отдельного теоретико-литературного понятия, а описываемый им процесс указывает лишь на специфику славянской литературы? Попробуем доказать, что механизм, заложенный в основание пре-пост эффекта, все же реализуем как самостоятельный инструмент. Рассмотрим то, как ученый понимает историю литературы и компаративистику — без этого трудно описать пре-пост эффект как термин, находящийся на стыке сразу нескольких литературоведческих дисциплин, и сделаем свои предположения о перспективах термина в научной базе литературоведения.

Иво Поспишил в своих работах говорит как об истории литературы, так и теории истории литературы; необходимость теоретизирования хронологии литературного развития ученый связывает с ее априорно междисциплинарной спецификой. Так, в 1 главе своего фундаментального труда «K teorii ruské literatury a jejím souvislostem» под названием «Problém teorie literárních dějin a jeho interdisciplinární souvislosti: prostorovost/spaciálnost/areálovost» в самом названии отражены пространственность, специфика и ареальность литературного творчества славянских стран, непосредственно являющиеся ключевыми параметрами их развития [\[14\]](#). Выбор именно этих характеристик не случаен: достаточно вспомнить таких ученых прошлого, как Франк Воллман, Павел Йозеф Шафарик и Йозеф Добровский — патриархов славистики, отличительной чертой трудов которых является комплексный филолого-культурологический взгляд на литературный процесс как таковой и понимание языка и литературы как целого (язык как материал, а литература — как его реализация), при котором рамки научного исследования не ограничиваются собственно текстом художественного произведения. Сама идея, таким образом, не нова, но необходимость в её «ренессансе» совпадает с интенсивным развитием и усложнением отдельных литературоведческих дисциплин, в особенности компаративистики. Морфологический подход в истории литературы (сугубо текстовый, поэтологический) полезен и отражает имманентную структуру текста, но для его глубокого познания важно не только активное использование достижений таких методологических направлений, как формализм, структурализм, постструктурализм и проч., но и укрепление общего культурологического контекста как понятия более широкого, вмещающего в себя литературный процесс, за счет близких гуманитарных наук, прежде всего истории и социологии. Оригинальность подхода Поспишила заключается в том, что «методологический сдвиг» чешского ученого априорно не представляет историю литературы в отрыве от компаративистики, более того — проблемы сравнительного

литературоведения с его точки зрения носят фундаментальный теоретический характер, и от их разрешения зависят ключевые положения историко-литературного процесса. Ученый последовательно выделяет внешний круг компаративистики, связанный с ареалом и «пространственностью» (внешними связями литератур и их взаимодействием; указанная нами «поддержка» со стороны других дисциплин осуществляется как раз на этом уровне), и внутренний, отвечающий за развитие жанра (генеология как отдельная дисциплина, изучающая становление, развитие и модификацию жанрового сознания в историческом ракурсе). Такое широкое понимание компаративистики является характерной чертой ученого, хотя первые трудности возникают уже на этапе включения ареальных исследований в зону задач сравнительного литературоведения. Комментируя неприятие некоторыми филологами в начале XXI в. ареальных исследований, Поспишил признает, что «можно увидеть две причины: с одной стороны, интуитивное ощущение, что это что-то новое, имеющее перспективу и шанс поглотить или затмить традиционалистские исследования, с другой стороны — скорее в исключительных случаях — также серьезный страх потерять “ремесло”, само филологическое ядро» [14]. Ареал представляет собой масштабные природные, политические или общественные пространства на базе пространства географического, которые находятся в ведении, кроме указанных нами социологии и истории, также политологии, философии, психологии и других гуманитарных наук, являющихся особой сферой применения языка. Подчеркивается важное значение языка и текстов как исходного звена такой сложной интеграции. Чешский русист призывает к исследованию языка и литературы как связанного целого во всех сферах их применения, признавая, что цельность и структурность таких исследований пока вызывает сомнения, но такой подход необходим уже сейчас. Возникает вопрос: что, кроме уточнения литературно-языковых и культурологических реалий, помогающих прояснить отдельные этапы развития литературы в тот или иной период, дает само понятие ареала и его исследование? Ученый дает ответ: «преодоление имманентной замкнутости филологии, а с другой стороны — постепенное соединение языкознания и литературоведения как уже разобщенных частей первоначального филологического единства». Можно сказать, что такой синкретизм лингвистики и науки о литературе (на него делал упор и упомянутый нами предшественник И. Поспишила, Франк Воллман, который в своих исследованиях славянских литератур выходил далеко за пределы филологии) неминуемо включает в себе синхронический и диахронический аспект с целью установить специфику текста на фоне обширной историко-литературной панорамы, и аспект ареальный предполагает учитывать все внетекстовые реалии, которые имеют вспомогательное значение и оказывают влияние на восприятие и экзистенцию литературного текста в пространстве и времени. Принимая во внимание, что пре-пост эффект/парадокс реагирует на определенное явление в неродной литературе и одновременно вводит его в автохтонную, сообщая толчок ее дальнейшему развитию, можно согласиться с ученым в том, что такое явление должно одновременно иметь отношение как к сравнительному аспекту, так и историческому. Верно и то, что для нормального функционирования термина сначала нужно выстроить такую концепцию литературного развития, которая бы идеально, в равной степени подробно отражала стадийность этого процесса наряду с феноменом межлитературных связей, которые осложняются как раз высокой концентрацией факторов внефилологических. На наш взгляд, ареальные исследования только нащупывают свой предмет ввиду своей молодости как автономной области научного знания, что подтверждает и Поспишил: «негативная оценка ареальных исследований обычно связана с тем, что они могут оказаться новой уже упомянутой “мусорной корзиной”, т.е. областью, где все можно свести воедино, не приходя к каким-либо новым знаниям — эта область не имеет границ и собственного предмета

исследования. В этом нет ничего удивительного, потому что новые или старые дисциплины ищут свои границы и определения "на ходу"» [14, s. 47]. С целью решить данную проблему критически важно, на наш взгляд, установить некоторую иерархию внелитературных фактов по отношению к тексту произведения с целью упорядочить их иерархию, где важнейшую роль будут играть факторы этические и эстетические, теснее прочих взаимодействующих с литературным источником как искусством слова. Ареальные исследования включают в себя категорию пространственности, междисциплинарный аспект и историю литературы — и помимо перегруженности сферами исследования не могут похвастаться очевидностью отношений между ними, что отражается и на уточнении семасеологических границ термина «ареал». Так, сразу встает вопрос о соотношении истории литературы и культурного диалога между странами, сложных и противоречивых взаимодействиях отдельных социальных наук и филологии, проблеме конкретного ареала и художественного мира в них, связанной с образом чужого в родной культуре (имагология) и т.д. Представляется более логичным шагом не расширять границы филологии, к чему тяготеет Поспишил, а задействовать тот или иной инструмент компаративистики исходя из конкретных задач, что справедливо и для пре-пост эффекта.

При всей слабой структурированности ареальных исследований как отдельной дисциплины в рассуждениях Поспишила о культурологическом единстве литературы, языка и вспомогательных областей гуманитарного знания есть здоровое зерно: аксиологический аспект при таком широком подходе предстает в более определенном научном освещении, не ограничиваясь собственно литературной критикой. Поясню: для пре-пост эффекта/парадокса ключевым аспектом является, как мы уже отметили, реакция на западные литературные образцы — причем образцы в самом общем виде. Чаще всего в их роли выступают явления, отражающие более-менее крупные теоретико-литературные понятия, такие как жанр и направление. Комментируя внешний подход к изучению литературы, великий компаративист Рене Уэллек отмечал, что при всем многообразии подходов к определению специфики духовной деятельности, влияющей на функционирование литературного произведения (биография и психология творца, социальная и политическая ситуация, «дух времени»), они неоправданно детерминированы (что резко расходится с концепцией Поспишила, у которого, как мы показали, внешние культурологические и экстралитературные факторы очень важны и представляют собой плавильный котел, где учитывается не только одна сфера бытования литературного текста), и, что важно, «совокупность культурных устремлений человека должна быть понята как целостная система саморазвивающихся последовательностей, причем каждая из последовательностей обладает собственными нормами, отнюдь не обязательно идентичными нормам другой последовательности, даже близлежащей» [11]. В отличие от Уэллека Поспишил занимает менее компромиссную позицию касательно соотношения литературных и внелитературных факторов и классифицирует их исходя не из методов (биографический, фрейдистский, психологический и проч.), а из потенциальной непредсказуемости ареала, его подвижной культурологической наполненности. Признание сложности внетекстовой среды затрудняет выделить классификацию элементов, однако Поспишил находит свой способ увязать «внешнее» непосредственно с литературным творчеством.

Говоря о сравнительно-историческом значении истории литературы (теория истории литературы), следует заострить внимание на важнейшей проблеме, которую должен разрешить исследователь: что именно включать в историю литературы, какие явления каноничны, магистральны, а какие — нет? Поспишил пишет: «это — решающий момент, где сходятся воедино литературоведческая методология, теория литературы, история

литературы и, конечно, литературная критика, но только одна из этих дисциплин является аксиологической» [14, s. 50]. Аксиологический аспект, по его признанию, остается недооценен, несмотря на современные попытки актуализации, в том числе на базе философско-культурологического подхода к изучению типов ментальностей и духовно-ценностного восприятия художественного творчества [6]. Между тем для понимания механизма пре-пост эффекта аксиология представляет большую важность, актуализируя, как мы отмечали выше, категории эстетического и этического как важные маркеры специфики литературного явления, на обоснование которой и направлен — со сравнительно-исторической и теоретико-литературной точки зрения — пре-пост эффект. Прежде всего, аксиологический аспект вырывается за пределы имманентных литературоведческих методов, которые излишне сосредоточены на структуре текста и не уделяют внимание важным внетекстовым явлениям действительности, в пространстве которых текст функционирует (как наиболее очевидный пример — формальный метод в русском литературоведении). Сам по себе аксиологический контекст связан далеко не только с реагированием литературной критики на творчество писателя (при всей ее важности) — не случайно в попытке обобщить «аксиологическую ось» определенной эпохи в западной русистике используется термин «теория истории литературы» как попытка охарактеризовать изучение литературной традиции как суммы наивысших достижений в области художественного творчества. Речь должна идти о литературном каноне, но не в изоляции, а с культурно-пространственной точки зрения (ареальной), а также в эстетическом и социальном измерении, что подчеркивают и другие современные работы [9]. В контексте пре-пост эффекта это наблюдение интересно прежде всего тем, что реагирует на определенные жанровые явления иностранной литературы именно канон в целом, который формируется стихийно и непредсказуемо в силу аналогичной характеристики литературного процесса. Базой пре-пост эффекта является заимствование на уровне литературного направления или жанра, которое магистральная, каноническая линия развития литературы усваивает как обладающее значительным статусом — иначе сам разговор о концепте влияния будет бессмысленным, но при этом сфера применения термина не простирается дальше общих изменений в литературном процессе, и вопросы индивидуальных поэтик отдельных авторов должны быть, по логике раскрытия термина, сопоставлены с историко-литературным контекстом в целом, где соотнесение чужой и отечественной модели в пользу последней и есть сущность этого необычного термина.

Рассматриваемый нами термин состоит из пре- и пост-стадии. Описание механизма их работы связано с некоторыми трудностями. Как мы уже писали, пре-пост эффект изначально задумывался для обоснования специфики русской литературы (также и славянских, но у Поспишила это выражено декларативно). Само поверхностное восприятие поэтик иностранных литератур можно отсчитывать с XVIII в.: «Русская литература принимала импульсы поэтик “сильной” европейской литературы преимущественно с XVIII в. в несколько волн: это вносит определенные коррективы в теорию о том, что одного русского XVIII в., который считается кузницей русской литературы, было достаточно, чтобы основательно впитать эти импульсы» [14, s. 96]. Перед исследователем возникают две задачи: установить, в какой момент литературной эволюции срабатывает исследуемый эффект, а уже потом — выяснить, что конкретно отвечает за реализацию такого специфического вида заимствования. При всей важности литературных направлений и жанров как сложных структурных единиц, которые первыми усваивают поэтологические элементы чужих литератур, участвуя в «пре-стадии», излишняя схематизация этих фундаментальных теоретико-литературных понятий грозит стандартизацией тех явлений в литературе, которые признаны уникальными,

выдающимися: так, ученый справедливо указывает, что Пушкина нельзя связывать исключительно с романтизмом, Маяковского с футуризмом и т.д. Подобные теоретические построения, действительно, говорят не просто об упрощении представления творческого пути отдельно взятого писателя, а об игнорировании эволюционной специфики литературы, достигнутой за счет действия пре-пост эффекта/парадокса. Особенностью термина является то, что он отражает характерный эволюционный процесс с видимой опорой на его магистральные фигуры, сразу объединяя в себе эволюцию литературы в целом и акцентуацию развития творческих стратегий отдельных авторов — тех, что составляют литературный канон литературы-реципиента. Немаловажно, на наш взгляд, здесь то, что подобная описательная стратегия сильно помогает исследователю ориентироваться в неизбежных, с течением времени, новых интерпретациях примечательных литературных явлений, в том числе довольно оригинальных, позволяя исследователю возвращаться к объективным обстоятельствам истории и критического восприятия того или иного литературного источника. Например, исследование творчества Гоголя как писателя, предвосхитившего поэтику авангарда, в особенности абсурдизма, довольно продуктивно и позволяет взглянуть на поэтику произведения под другим углом, но сохраняется также и опасность перекоса в сторону внеисторического дискурса, не учитывающего автохтонные корни творчества писателя. Добавим также следующее: ни один канон не может быть установлен исключительно представителями национальных литератур данной зоны, в том числе в случае более традиционной, «чистой эволюции», когда поэтика чужой литературы является образцом для подражания без последующей творческой трансформации и о пре-пост эффекте говорить не приходится. На пост-стадии получается самобытное произведение, которое с очень высокой долей вероятности войдет в состав литературного канона, и важную роль в этом играют привнесенные элементы.

Универсальной закономерности для успешной «интеракции» родного и чужого, к сожалению, учёный не формулирует, нередко ограничиваясь отсылкой к биографическому контексту автора или его включенности в широкий историко-культурологический контекст. Во многом это связано с недостаточной теоретической разработкой аксиологии художественного произведения на более локальном уровне, на уровне принимающей автохтонной традиции. Как это исправить? Нам представляется, что «импульсы» чужой литературы своему поверхностному усвоению обязаны особым поведением как множества внелитературных факторов (прежде всего ареалу по определению Поспишила), так и более узкому обозначению нефикциональной реальности, окружающей то или иное значимое для определенной эпохи художественное произведение или жанр — литературному факту. В литературоведении он обстоятельно рассмотрен ещё Тыняновым, который писал, что «в литературе существуют явления разных пластов; в этом смысле нет полной смены одного литературного течения другим. Но эта смена есть в другом смысле — сменяются главенствующие течения, главенствующие жанры» [\[10\]](#). Несмотря на то, что русский ученый писал о литературном факте применительно к внутренней эволюции литературы, непосредственно в рамках автохтонной традиции, подразумевая сложный момент эволюционной смены, когда тот или иной жанр выдвигается из центра в периферию или наоборот, его наблюдения важны для представления о пре-стадии пре/пост эффекта как о промежуточном этапе между заимствованием элементов поэтик иностранных литератур и бытованием их в определенном статусе в заимствующей эти элементы литературе; иными словами, когда явление только входит в моду. При удачном срабатывании пре-стадии чужеродный литературный феномен отдает себя на произвол оценке, подчиненной исторической проекции и внелитературным факторам – и такие факторы, по Тынянову, лежат в сфере

быта: «художественный быт» поэтому, по функциональной роли в нем искусства, нечто отличное от искусства, но по форме явлений они соприкасаются. Разный метод обращения с одними и теми же явлениями способствует разному отбору этих явлений, а поэтому и самые формы художественного быта отличны от искусства» [10, с. 264]. Перед нами аксиологический аспект восприятия литературных явлений в национальной традиции, оказывающий решающее воздействие на непредсказуемость литературного процесса, генерализацию, канонизацию или же, напротив, забвение литературных явлений — в случае и Поспишила, и Тынянова систем крупных, как жанры и направления. Интересно, что Тынянов, в отличие от своего чешского коллеги использующий имманентный метод, — формалистский, буквально противоположный, — придает такую же важность внетекстовой реальности, пространственно-временным трансформациям культуры, однако для русского ученого больше важен ее локальный, даже камерный аспект. Характерен известный пример с эпистолярным жанром, зиждящимся на интимной, дружеской переписке и являющийся литературным фактом, обладающим литературностью, ценностью в зависимости от особенностей восприятия его в конкретную эпоху; эти особенности непосредственно связаны со сферой быта, где и имеет обращение письмо. Конечно, из факта быта и примыкающей к нему личной жизни писателя факт литературный может и не сформироваться, но в случае удачного формирования жанра или направления такая локальная среда всегда обладает определенным решающим влиянием. Тынянов предостерегает от неаккуратного использования психологического или автобиографического метода в литературоведении в связи с соблазном преувеличить значение этих внетекстовых факторов. Помимо того, что это предостережение не стоит понимать как недоверие к указанным методам, здесь важно пространственно-временное представление о литературной индивидуальности на фоне смены и эволюции жанров и направлений — а не отдельное изучение литературной индивидуальности или вообще личности автора (об опасности смешений этих двух понятий Тынянов также предупреждает). Выдающийся формалист пишет о явлениях, уже находящихся в лоне русского литературного процесса и подчиняющихся его закономерностям, пусть и с трудом поддающихся определению. Концепция Поспишила при этом от тыняновской отличается уровнем обобщения: для него важны не просто внетекстовые факторы, которые более-менее отчетливо можно охарактеризовать как условия формирования литературного факта, но даже факторы внефилологические; вопросы литературной эволюции для него лежат не просто в сложной борьбе разных тенденций, как у Тынянова, а в русле ареально понимаемой жанрологии [13]. Компаративистский аспект здесь естественен в связи с рассмотрением русской литературы как сложной системы в окружении других (взаимодействующих с ней иностранных литератур). На наш взгляд, теоретическое обоснование пре-стадии можно было бы подкрепить тем, что взгляды на литературную эволюцию Поспишила и Тынянова не являются взаимоисключающими, а, напротив, дополняют друг друга в линейной последовательности. «Трансфером» и, соответственно, ядром пре-стадии будет являться аксиологический аспект, непредсказуемый, но полноценно присутствующий как на стадии реакции на определенное явление и его заимствования, так и аккомодации в литературе-реципиенте и дальнейшей судьбы в рамках этой новой литературной традиции. С целью создания четких и, насколько это возможно, регламентированных теоретических оснований для практической реализации пре/пост-эффекта в качестве инструмента литературоведческого анализа мы бы предложили ограничить узус термина прежде всего рамками традиционного компаративистского метода с акцентом на автохтонность/аллохтонность явлений, рассматриваемых в русле аксиологического подхода. В этой связи ареальные исследования как достаточно неопределенная по части объекта изучения дисциплина в настоящий момент, на наш взгляд, ещё нуждается в

дополнительном ряде апробаций и систематизации, а потому круг явлений, не относящихся к самому литературному артефакту, стоит по возможности сузить, опираясь на понятие литературного факта как область приложения аксиологического. Широкий пласт литературных фактов и трансформация литературных моделей как база для объяснения специфики конкретного явления, таким образом, будет сопутствовать логике рассмотрения именно аксиологического аспекта. Последний необходимо представлять и раскрывать таким образом, чтобы рассмотрение ценностной структуры артефакта не мыслилось в отрыве, с одной стороны, от философско-эстетического осмысления художественной ценности, а с другой — от строго литературоведческого подхода, объединяя, таким образом, как минимум два вида анализа художественной структуры произведения: собственно аналитическую работу по рассмотрению необходимых внелитературных факторов (социальный, культурологический и иные контексты) и последующий имманентный анализ художественной структуры произведения с целью актуализации внешнего и внутреннего контура интерпретации произведения. Роль пре-пост эффекта применительно к данному процессу можно охарактеризовать как вспомогательную, позволяющую отбирать ключевые параметры аксиологического рассмотрения, которые ярко проявляют себя именно в процессе исторического взаимодействия автохтонной литературы с чужими. Задача исследователя должна заключаться в том, чтобы обнаружить следы жанровой трансформации под результатом пре-пост эффекта и рассматривать признаки такой трансформации как маркер зарождения аксиологической целостности артефакта (который неизменно присутствует в окружении других факторов). Пре-пост эффект, таким образом, укрепляет аналитический подход к аксиологии, стимулирует более последовательное постижение истории восприятия литературного произведения. Так, пре-пост эффект представляет критическое восприятие текста в тесной связи с историей трансформации жанровой модели, отражающей специфику данного воспроизведения и являющейся «триггером» критического восприятия соответственно. Например, показательным в отношении «Шинели» Гоголя является то, что сама повесть является результатом необычной трансформации инолитературных жанровых свойств, а именно французского физиологического очерка и немецкой (гофмановской) романтической традиции; генетическая связь с ними сохраняется, но при этом переосмысливается сам образ маленького человека, ценностное отношение к нему уже иное. Можно сказать, что сама поверхностная реакция на элементы поэтики иностранных литератур и их модификация способствовала выделению «Шинели» из множества повестей о бедном чиновнике, созданных в рамках натуральной школы, и привлекла внимание Хомякова, Шевырева, а за ним и Аксакова (в рамках полемики о романе «Бедные люди» Достоевского, где критик противопоставляет оригинальность «Шинели» «тенденциозности» романа). Запускается целый процесс, где существенное значение для включения произведения в литературный канон приобретает как его критическая история («внешняя» аксиология), так и ценностное осмысление автором собственного произведения (аксиология внутренняя). Последнее связано с тем, что модификация автором жанра как часть писательской стратегии при работе над произведением — это непременно явление аксиологическое: так, мотивы душевных страданий главного героя в поэме «Цыгане» Пушкина усложняют привычный конфликт цивилизации и природы, отражающей естественность и гармонию, перерастая в боязнь потерять равновесие духовное, опору чувствам в окружающем мире; подобный акцент усложняет традиционную романтическую схему, тяготея к реалистической попытке анализа колебаний героя и отклоняясь при этом от европейской романтической традиции — она уже сыграла свою роль и жанровые «отклонения» или колебания происходят уже в рамках русской литературы.

В том случае, если мы вслед за Поспишилом придерживаемся концепции синтеза

филологических и социальных наук, следует считать, что проблема автохтонного и чужого в русской литературе также должна решаться в масштабном подходе, соединяющем политические, экономические, культурные и другие исследования с учетом их языкового и текстуального базиса; однако стоит отметить, что сама эта основа идеологически гибка и трудно фиксируема как постоянная величина с самых ранних пор развития русской литературы — с древнерусского периода. Эта идеологическая пластичность прослеживается вплоть до XX в., постоянно подвергается трансформациям, но борьба своего и чужого как фундаментальная характеристика развития русской литературы существовала всегда; по мнению И. Поспишила, столкновение их было выразительнее, чем в литературах Европы. Истоки этой борьбы следует искать на этапе начала возникновения письменности на Руси, появления первых текстов и явления диглоссии. Главная проблема заключается в прерывистом развитии и особой жанровой характеристике древнерусской литературы, на что обращал внимание еще Д. С. Лихачев при анализе «Слова о полку Игореве», обосновывая роль «Слова» как центрального текста этого периода [\[8\]](#). Поспишил вслед за русским ученым «Слово» интересно прежде всего как наиболее очевидный элемент эволюционного процесса, ярко выделяющийся из массы других светских и церковных текстов и своей самобытностью задающий тон преемственности, в том числе поэтологической и жанрологической. Стремление чешского ученого обязательно учитывать внефилологические факторы органично сочетается с многоаспектным изучением древнерусской литературы, подразумевающим изучение территориальных вопросов, исторических перипетий и вопросов культурной идентичности наряду с вопросами текстологическими, лингвистическими. То, что для литературоведения до сих пор представляет известную трудность — периодизация древнерусской литературы и ее целостность — для Поспишила соединяется с вопросом об идентичности литературы и ее отношении к европейским средневековым моделям; а как мы помним, потребность в термине «пре/пост эффект» и возникает с целью пояснить специфику заимствования в междисциплинарном диалоге и его поверхностное отражение в эволюционной парадигме принимающей литературы. К сожалению, ученому не получается в полной мере увязать разнородность внетекстовых контекстов с механизмом работы пре-пост эффекта, но, невзирая на это, пре-пост эффект представляется инструментом, позволяющим сосредоточиться на проблеме, когда элементы аллохтонных моделей в русской литературе находят (рококо, барокко), но не всегда успешно объясняют их «внедрение» в специфическую модель древнерусской литературы, хотя и элементы, привнесенные «извне» (например, романтический аспект безумия в русской литературе), нередко сами нуждаются в уточнении.

Что показывает пример выше? Постоянные переходы Поспишила от специфики национальной литературы, рассмотренной генетически подробно, начиная с древнерусского периода, к ее встроенности в более глобальный контекст далеки от строгой систематизации, но, что показательно, сами являются следствием продуктивной методологической традиции, начало которой заложено было еще Д. Дюришиным. Словацкий компаративист не только обозначил проблему изоляционизма и ограничения исследовательской работы при изучении художественных произведений, когда база для изучения ограничивается лишь конкретной анализируемой литературой — эта мысль была нова лишь в рамках славистики — но подчеркнул, что без спаянности историко-литературного подхода с компаративистским страдает прежде всего литературный факт. Литературный факт Дюришин понимает как в тыняновском смысле, так и в более широком, утверждая, что связь между отдельным и всеобщим в литературе нельзя игнорировать; понятие национальной литературы немыслимо без концепта мировой

литературы как всестороннего и универсального явления [5, с. 7], вне зависимости от большого количества современных интерпретаций гетевских тезисов подразумевающего опору на широкий пласт культурологических и социально-исторических наблюдений [12]. Это наблюдение позволяет нам снять сомнение, касающееся возможности применения термина «пре-пост эффект/парадокс» вне контекста славянских литератур и говорит в пользу его эффективных инструментальных возможностей. Когда мы говорим о проблематике отдельно взятой литературы, в ходе междисциплинарного контакта реагирующей на специфику заимствуемых элементов, мы углубляем анализ прежде всего контактно-генетической сферы бытования литературных явлений, однако появляется нежелательный уклон в сторону диахронизма, где преемственность литературных явлений возводится в абсолют. Типологический аспект же, наиболее полным теоретическим обоснованием которого мы обязаны В. М. Жирмунскому, помогает систематизировать аналогии и схожие явления в мировом литературном процессе исходя из общих закономерностей теории литературы — и помогает выяснить, насколько отчетливо материалы, накопленные при генетико-контактных исследованиях, свидетельствуют о повторяемости определенного литературного явления, является ли оно вариантом другого [7]. На масштабном фоне филологических и общегуманитарных факторов, важных для функционирования литературных текстов, где литературы взаимодействуют друг с другом, пре-пост эффект в своей пре-стадии представляет непосредственно стадию заимствования; история развития крупных жанровых категорий (того же романа) априори интернациональна, и трудно в рамках изучения, например, истории развития русского романа ограничиваться историей исключительно русской литературы, что и легло в основу исследований Бахтина о романе [2]. Факт поверхностного заимствования, являющийся отличительной чертой пре-пост эффекта, регулируется пост-стадией: определенное явление, будучи частью литературного факта инациональной литературной традиции, сталкивается с непредсказуемостью собственной адаптации (в силу вышеуказанной непредсказуемости аксиологического аспекта) как части литературного факта уже автохтонной традиции. По замечанию румынского компаративиста А. Дима «соотнесение национальных достижений с инациональными создает условия для более четкого выявления национального своеобразия каждой литературы» [4, с. 191], и тот или иной литературный факт становится интересен с точки зрения типологических связей. Можно говорить о встроенности изучаемого термина в ход межнациональных рецепций художественных произведений — на важность активного взаимного интереса литератур друг к другу в рамках мирового литературного процесса как постулирование специфики каждой из них указывал еще Гете [1]. Приведём в качестве примера ценное отражение пре-пост эффекта на примере русского постмодернизма: важнейшие черты направления (амбивалентность, интертекстуальность, ценностная неопределенность) встречались и до его возникновения в славянских литературах — в частности, в чешской, польской и русской, но именно в русской литературе «встречу» с постмодернизмом подготовил специфически окрашенный феномен безумия, сумасшествия или просто чудачества [15, с. 2]. Расцветом его традиционно считаются 1920–1930-е гг., а именно творчество Платонова, Замятина, Булгакова, хотя истоки прослеживаются еще в творчестве Гоголя. Русский постмодернизм в лице В. Ерофеева и Вл. Сорокина механически «скопировал» основные положения западного варианта постмодернизма, например, смысловую амбивалентность и интертекстуальность, но главным ядром был феномен именно русского сумасшествия, ненормальности, кризис веры и коммуникации, который к концу XX в. проявлялся в том числе в кризисе толстых журналов. Важно, что примеры, представляющие для концепта пре-пост эффекта особую значимость (древнерусский период, вторая половина XIX в.,

русский постмодернизм и проч.), отражают поворотные эпохи литературного процесса, литературные открытия которых и формируют канон и самобытность литературы, в том числе и русской; пре-пост эффект же является термином, который описывает данный процесс — не всегда строго и четко, но вины чешского русиста в этом нет. Как мы считаем, попытка в общих чертах представить механизм становления определенного этапа национальной литературы на базе историко-литературных, компаративистских исследований и определенных отраслей гуманитарного знания удалась.

Так, пре-пост эффект как явление находится на перекрестье компаративистики, истории литературы и теории литературы, которые так или иначе затрагиваются существенным аспектом трансформации — жанровой модификацией произведения, осмысляемым как определённый аксиологический переворот, позволяющий литературному артефакту обрести прочные позиции в литературном каноне национальной традиции и играть важную роль в литературном процессе, в том числе и в мировом. Можно констатировать, что при недостаточном теоретико-литературном представлении пре-пост эффекта/парадокса, которое мы попытались восполнить в настоящей статье, сам термин представляет собой важное открытие, призванное соединить новейшие разработки в области компаративистики с выдающимся ключевыми выводами славистов прошлого (вплоть, как мы упоминали, до XIX в.: Волмана, Добровского и др.): во-первых, баланс литературоведческого и лингвистического метода при анализе литературного произведения, что в XX–XXI вв. вылилось в споры о стилистике литературоведческой и стилистике лингвистической (от Винокура до Тюпы), и во-вторых — важность междисциплинарного аспекта как при изучении литературных произведений, так и отдельных литературоведческих категорий. Пре-пост эффект, как мы считаем, является термином, который должен прочно войти в теоретико-литературный аппарат науки о литературе. Учитывая сложность и многогранность ареала, то есть пространства генетико-контактных связей литератур и многочисленных внефилологических факторов, рассматриваемых в рамках политологии, психологии, социологии и т.д., которые Поспишил совершенно справедливо учитывает, мы бы рекомендовали задействовать термин при изучении переходных этапов в истории литературы и развития творчества отдельных писателей (обязательно связывая их с общим литературным процессом как в рамках автохтонной традиции, так и в рамках мировой литературы, поскольку пре-пост эффект как механизм обслуживает категории, наиболее ярко отражающие ту или иную характеристику национальной литературы, ее своеобразие; принципиально важен сам интерес исследователя к поиску типологических связей с подобными явлениями в других литературах), что позволит в перспективе создать наиболее полную историю литературы изучаемой страны. Пре-пост эффект работает при изучении таких явлений переходного характера как, например, рубеж веков в русской литературе или с точки зрения направления пограничный характер творчества Гоголя, его т.н. предреалистический характер ^[3], и не имеет силы, когда «импульсы» фазы активного реагирования на чужое и его заимствование при опоре на традиции родной литературы постепенно сходят на нет и литературный факт воспринимается как обыденность. Ключевые точки развития, а не само развитие в целом является областью пре-пост эффекта, и предварительный взгляд историка литературы, по нашему мнению, всегда необходим. Невзирая на некоторые семантические и узуальные сложности термина, при грамотном использовании его ждет счастливая судьба как инструмента, без которого нельзя обойтись при синтезе литературоведческих дисциплин в рамках решения глобальных задач — и не только в рамках славистики, которой посвятил себя его автор.

Библиография

1. Аветисян В. Гете и французская литературная критика начала XIX века: диалог культур // Вопросы литературы, № 6, 1999. С. 129-165.
2. Бахтин М. М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. С. 447-483.
3. Демидов Н. М., Клинг О. А. Притчевость в произведениях Н.В. Гоголя: особенности авторского воплощения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. Т. 28, № 2, 2023. С. 199-209.
<http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-199-209>.
4. Дима А. Принципы сравнительного литературоведения. М.: Прогресс, 1977. 227 с.
5. Дюришин Д. Методология изучения межлитературной общности славянских литератур / пер. Л. Широковой // Специфика литературных отношений. Проблемы изучения общности славянских литератур. Сборник статей. М.: ИСЛ РАН, 1994. С. 5-22.
6. Есаулов И. А. Литературоведческая аксиология: опыт обоснования понятия // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 1. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1994. С. 378-383.
7. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад: Избранные труды. Л.: Наука, 1979. 493 с.
8. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.
9. Пахсарьян Н. Т. Актуальные проблемы современного французского литературоведения // Современная наука о литературе: основные тенденции и проблемы. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 11-45.
10. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 255-269.
11. Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы / Пер. с англ. А. Зверева, В. Харитонов, И. Ильина. М.: Прогресс, 1978. 328 с.
12. David J. Spectres de Goethe. Les métamorphoses de la «littérature mondiale». P.: Les prairies ordinaires, 2011. 306 p.
13. Pospíšil I. Areál a filologická studia. Vyd. 1. Brno: Masarykova univerzita, 2013. 154 s.
14. Pospíšil I. K teorii ruské literatury a jejím souvislostem. Brno: Masarykova univerzita, 2013. 271 s.
15. Pospíšil I. Fenomén šílenství v ruské literatuře 19. a 20. století. Brno: Masarykova univerzita, 1995. 151 s.
16. Pospíšil I. Проблема возникновения и генезиса русского романа // Litteraria humanitas. Západ-Východ: genologické studie. Brno: Ústav slavistiky na filozofické fakultě Masarykovy univerzity, 1995. S. 57-74

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вопросы теоретического порядка важны и актуальны не только для собственно теории литературы, но и истории литературы, а также литературной критики. Статьей ориентированных на расшифровку или введение понятия / категории в массу критических источников не так много. Следовательно, рецензируемый материал по определению привлекает внимание. Работа достаточно содержательна, самостоятельна, конструктивна. Автор ориентирован на объяснение / анализ такого понятия как «пре-пост эффект / парадокс»: «при всем различии методологий этих дисциплин, прийти к некоторым универсалиям, которые бы если и не указывали на устойчивые и характерные признаки литературной эволюции одновременно на теоретическом и сравнительно-

историческом уровне, но хотя бы отражали некоторые нетипичные случаи развития литературы на междисциплинарном уровне, которые вызывают наибольшие трудности в науке. Одной из самых успешных таких попыток может быть назван термин пре-пост эффект/парадокс, введенный в литературоведение чешским учёным Иво Поспишилом, но ещё не вошедший в общетеоретическую базу; ознакомимся с термином и изучим его содержание и перспективы взаимодействия со связанными понятиями теоретико-литературного аппарата». Считаю, что в режиме дискуссии данный термин может быть разобран. Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом: например, «литературный процесс как комплексное явление рассматривается в науке сразу с нескольких точек зрения, и желательно, чтобы промежуточные выводы в рамках литературоведческих дисциплин образовывали синтез научного знания, которое могло бы послужить точным описанием литературной панорамы того или иного масштаба и исторического периода. Вопросы литературной эволюции традиционно находятся в ведении жанрологии, компаративистики и тесного взаимодействия истории литературы и теории литературы», или «морфологический подход в истории литературы (сугубо текстовый, поэтологический) полезен и отражает имманентную структуру текста, но для его глубокого познания важно не только активное использование достижений таких методологических направлений, как формализм, структурализм, постструктурализм и проч., но и укрепление общего культурологического контекста как понятия более широкого, вмещающего в себя литературный процесс, за счет близких гуманитарных наук, прежде всего истории и социологии» и т.д. Статья логически выстроена, определенная позиция исследователя объективна, прозрачна. Серьезных фактических неточностей не выявлено. Вполне удачно выстраивается в работе диалог с оппонентами: «Возникает вопрос: что, кроме уточнения литературно-языковых и культурологических реалий, помогающих прояснить отдельные этапы развития литературы в тот или иной период, дает само понятие ареала и его исследование? Ученый дает ответ: «преодоление имманентной замкнутости филологии, а с другой стороны — постепенное соединение языкознания и литературоведения как уже разобщенных частей первоначального филологического единства». Это, на мой взгляд, придает тексту конструктивности. Цитации по ходу работы вводятся верно: например, «Говоря о сравнительно-историческом значении истории литературы (теория истории литературы), следует заострить внимание на важнейшей проблеме, которую должен разрешить исследователь: что именно включать в историю литературы, какие явления каноничны, магистральны, а какие — нет? Поспишил пишет: «это — решающий момент, где сходятся воедино литературоведческая методология, теория литературы, история литературы и, конечно, литературная критика, но только одна из этих дисциплин является аксиологической» [14, s. 50]». Само понятие «пре-пост эффект / парадокс» рассмотрено достаточно, при этом не исключена и иллюстративная стезя: «особенностью термина является то, что он отражает характерный эволюционный процесс с видимой опорой на его магистральные фигуры, сразу объединяя в себе эволюцию литературы в целом и акцентуацию развития творческих стратегий отдельных авторов — тех, что составляют литературный канон литературы-реципиента...» и т.д. Должным отмечу, что работу следует вычитать, есть неточности, опечатки: «Немаловажно, на наш взгляд, здесь то, что подобная описательная стратегия сильно помогает исследователю ориентироваться в неизбежных, с течением времени, новых интерпретациях примечательных литературных явлений...», или «характерен известный пример с эпистолярным жанром, зиждящимся на интимной, дружеской переписке и являющийся литературным фактом, обладающим литературностью, ценностью в зависимости от особенностей восприятия его в конкретную эпоху...» и т.д. К финалу автор приходит к следующим выводам: «так, пре-пост эффект как явление находится на перекрестье

компаративистики, истории литературы и теории литературы, которые так или иначе затрагиваются существенным аспектом трансформации — жанровой модификацией произведения, осмысляемым как определённый аксиологический переворот, позволяющий литературному артефакту обрести прочные позиции в литературном каноне национальной традиции и играть важную роль в литературном процессе, в том числе и в мировом», и «пре-пост эффект работает при изучении таких явлений переходного характера как, например, рубеж веков в русской литературе или с точки зрения направления пограничный характер творчества Гоголя, его т.н. предреалистический характер [3], и не имеет силы, когда «импульсы» фазы активного реагирования на чужое и его заимствование при опоре на традиции родной литературы постепенно сходят на нет и литературный факт воспринимается как обыденность» и т.д. Основные требования издания учтены, формальный грейд выдержан. Считаю, что тема работы как таковая раскрыта, цель достигнута; материал будет интересен и полезен в рамках изучения ряда теоретических (да и практических) дисциплин литературоведческого порядка. Рекомендую статью «Пре-пост эффект/парадокс: теоретическое осмысление термина и перспективы его использования в литературоведении» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Неренц Д.В. Особенности фейкового контента в медиапространстве в эпоху развития искусственного интеллекта // Litera. 2024. № 7. С. 107-114. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.43843 EDN: TETGUG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43843

Особенности фейкового контента в медиапространстве в эпоху развития искусственного интеллекта

Неренц Дарья Валерьевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра журналистики, Российский государственный гуманитарный университет

125993, Россия, Московская область, г. Москва, Мусская площадь, 6, ауд. 525

✉ ya.newlevel@yandex.ru[Статья из рубрики "Журналистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.7.43843

EDN:

TETGUG

Дата направления статьи в редакцию:

20-08-2023

Аннотация: Предметом исследования в данной статье выступает специфика фейкового контента в условиях активного развития искусственного интеллекта (ИИ). Первое полугодие 2023 года продемонстрировало, насколько серьезное влияние может оказать ИИ на жизнь общества в целом, и на информационную повестку в частности. В эпоху непрерывного потока получаемых данных все сложнее верифицировать контент и критически осмыслить все получаемые сведения. Так называемые дипфейки стали по-настоящему актуальной медиаугрозой, способной вызвать массовые волнения и повлиять на настроения аудитории. В связи с этим актуальным и важным является изучение фейков, созданных ИИ, с целью выявления способов их обнаружения и разоблачения. В статье затронуты такие важные аспекты, как понятие и характерные черты фейкового контента как угрозы информационной безопасности, отличительные особенности дипфейков как продукта ИИ, представлены ключевые шаги по распознаванию фейков. Научная новизна исследования заключается в раскрытии роли дипфейка в современном информационном пространстве, опасности, которые они в себе несут (в том числе и в силу своего мгновенного тиражирования через социальные сети)

и вариантов борьбы с ними в рамках медиапотребления широкой аудитории. Более того, демонстрируется необходимость выработки дальнейших шагов по повышению уровня медиаграмотности и упреждения негативных последствий, которые способны вызвать фейки.

Ключевые слова:

фейк, дипфейк, искусственный интеллект, медиaprостранство, информация, СМИ, журналистика, медиаграмотность, информационная безопасность, медиаугроза

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Медиабезопасность в эпоху цифровых трансформаций» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»)

Современное медиaprостранство состоит из непрерывного потока информации, поступающей со всего мира. В 2022 году общий объем данных в мире составил порядка 97 зеттабайт, а, согласно прогнозам, к 2025 году этот объем возрастет до 180 зеттабайт (Share of unique data and replicated data in the global datasphere in 2020 and 2024 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1185888/worldwide-global-datasphere-unique-replicated-data>). Большое количество из этого объема составлено уже не вручную, а искусственным интеллектом (ИИ). Именно нейросеть на данном этапе развития информационно-коммуникационных технологий создает базы данных, собирает и агрегирует информацию, составляет отчеты и даже пишет посты и тексты для медиаресурсов. Все чаще человек не способен отличить человеческий продукт от продукта, созданного «машиной». Несмотря на очевидные преимущества (экономия времени и снижение энергозатрат, способность переработать гораздо больший объем сведений, ускорение рабочих процессов, возможность уйти от рутинных задач и т.п.), есть целый ряд информационных угроз в медиасреде, которые способны существенно повлиять на поведение и настроения всего общества. В данной статье речь пойдет о роли ИИ в создании и распространении медиаугроз, поскольку их влияние становится по-настоящему заметным.

В первую очередь, это относится к созданию и распространению информации. Нейросети становятся как важным звеном производства цифровых продуктов, так и генератором медиаконтента. Информация в интернете настолько разнообразна и объемна, что даже критически мыслящий человек может быть введен в заблуждение и подвергнуться манипуляции. Данные, которые человек получает, могут быть неактуальными, устаревшими, неполными или специально сфабрикованными. И последний вид представляется наиболее опасным вариантом медиаугрозы. Речь идет о фейках, которые в условиях активного развития новых технологий, также подверглись изменениям и стали практически неотличимы от фактов.

Исследователи определяют фейк по-разному, при этом единогласно сходясь в описании сути этого феномена. Так А.Д. Кривоносов понимает фейк как ложную информацию, которая тиражируется в СМИ в качестве новостного сообщения [1, с. 175]. И.А. Стернин и А.М. Шестерина указывают, что фейк может представлять собой только новость или сообщение, выдающееся за новость и содержащее какое-либо утверждение, поскольку чье-то мнение или оценка не могут быть отнесены к категории фейк-ньюс [2, с. 4]. С.Н. Ильченко определяет фейк как журналистское сообщение, содержащее недостоверную или непроверенную информацию, не соответствующую действительности и опубликованную в СМИ [3, с. 12]. Ю.М. Ершов отмечает, что фейк по-другому можно

назвать дезинформацией, поскольку он представляет собой целенаправленное использование выдуманных новостей с целью подрыва репутации как отдельного человека, так и компании или даже целого института [4, с. 246].

Таким образом, фейк можно обозначить как материал, направленный на введение в заблуждение, иначе говоря ложный или несоответствующий действительности контент. Один из отличительных признаков – сенсационный характер сообщения. Эмоциональная подача первостепенна, а факты вторичны [5, с. 28].

В качестве причин появления фейка выделяются:

- 1) неверно расслышанная или неверно интерпретированная автором информация;
- 2) экономические причины (желание получить финансовую выгоду или увеличить количество подписчиков);
- 3) создание негативного отношения к определенной точке зрения (или конкуренту);
- 4) намеренное введение в заблуждение с политической целью.

Фейки могут распространяться стихийно и оказывать серьезное влияние на настроения общественности. В качестве факторов, способствующих распространению фейков, можно обозначить недостаточный уровень осведомленности аудитории в теме, «информационный голод» (невозможность проверить данные или получить информацию из официальных источников), восприимчивость к сенсационным заголовкам и шокирующему характеру подачи новости, недоверие или негативное отношение аудитории к эксперту или экспертизе, нежелание пересматривать собственные сформированные взгляды.

Более того, непрерывно растущий поток информации, неспособность отличить главное от второстепенного, активное развитие новых технологий (боты способны бесперебойно тиражировать нужные данные), эмоциональная нестабильность (тролли способны вызвать сильный стресс и ввести в заблуждение с помощью провокационных сообщений) создают благоприятную среду для растущего потока разного рода фейкового контента.

Ложные материалы могут выходить в разных форматах, будь то пост в социальной сети или мультимедийный лонгрид. Однако наиболее разрушительным потенциалом обладают так называемые дипфейки (deepfakes) [6, с. 74]. Дипфейк – фейки, созданные с помощью ИИ. Искусственный интеллект объединяет большое количество фотоизображений и делает из них видеозапись. Программа может с высокой точностью определить, как человек будет реагировать и себя вести в определенной ситуации. Иными словами, суть технологии заключается в том, что часть алгоритма детально изучает изображение объекта и пытается его воссоздать, пока другая часть не перестает различать реальное изображение и созданное нейросетью.

Дипфейки практически невозможно распознать, поскольку видео как правило отличается высокой степенью реалистичности [7, с. 69]. Широкое распространение эта технология получила в 2017 году в США, благодаря разработке технологии «глубокого обучения» (deep learning), в рамках которой ИИ на основе обработки больших данных учится воспроизводить определенные паттерны (модели). На современном этапе дипфейки используются во многих сферах жизнедеятельности. Например, в 2023 году во Флориде фейковый Сальвадор Дали открыл свою выставку (Museum creates deepfake Salvador Dalí to greet visitors // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=64UN-cUmQMs>).

Общеизвестны случаи, когда с помощью нейросети рисуют картины, прописывают диалоги в сценариях к сериалам, создают реалистичные фотографии и даже научные тексты. В журналистике дипфейк используют, чтобы скрыть лица источника, пожелавшего остаться анонимным, и при этом не делать изображение размытым. Однако есть и негативные примеры.

Дипфейк стали активно использовать для создания фейк-ньюс и поддельных видео. Одно из них – скандально известный видеоролик 2018 года, на котором бывший президент США Барак Обама прямо оскорбляет действующего на тот момент президента Дональда Трампа (Fagan K. A viral video that appeared to show Obama calling Trump a 'dips---' shows a disturbing new trend called 'deepfakes' // The Insider. URL: <https://www.businessinsider.com/obama-deepfake-video-insulting-trump-2018-4>). Этим видео автор ролика, Джордан Пил, продемонстрировал реальную информационную угрозу, которая способна серьезно повлиять на общественное мнение и настроения масс. И теперь публичный деятель, чиновник, политик или представитель шоу-бизнеса может обвинить нейросеть и заявить, что его высказывания – результат работы ИИ, и он там никогда не был и никогда такого не говорил. Насколько возможно это доказать – вопрос сложный и пока только начинающий подниматься в правовом, этическом и научном поле. Однако получить поддержку аудитории таким психологическим приемом уже очевидно можно. Например, продюсер Иосиф Пригожин назвал фейком скандальную аудиозапись своего разговора с бизнесменом Фархадом Ахмедовым (Баласян Л. Иосиф Пригожин отрицает подлинность аудиозаписи беседы с миллиардером Ахмедовым с критикой власти // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5899921>). Однако доказательств этого никто обнаружить не смог.

ИИ способен создавать настолько качественные фейки, что они неотличимы от оригинала. В будущем такие технологии из-за создания ложного видеоролика или фотоизображения могут не только испортить жизнь одному человеку, но привести к массовым беспорядкам, митингам и даже военным столкновениям.

Еще одним нашумевшим примером стала фейковая фотография Папы Римского, одетого в модный пуховик и гуляющего по улицам Нью-Йорка, которая была сделана с помощью нейросети Midjourney (Гостева А. Вирусное фото папы римского в стильном пуховике оказалось фейком // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2023/03/27/thepope1>). Или фотографии с арестом Д. Трампа, которого якобы насильно сажают в полицейскую машину (Макарычев М. В Сети появились фейковые снимки «силового ареста» Трампа полицейскими // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/03/21/v-seti-poiavilis-fejkovye-snimki-silovogo-aresta-trampa-policejskimi.html>). Нередкими становятся случаи, когда ИИ используется для модуляции голоса и создания поддельного номера телефона, что позволяет обмануть доверчивых граждан и выманить у них большие суммы денег.

Подобные примеры демонстрируют серьезные угрозы для неподготовленной аудитории со стороны ИИ. Этим «оружием» могут умело пользоваться манипуляторы и мошенники, преследующие свои цели. Особенно остро этот вопрос встал с созданием нейросети ChatGPT-4, тексты, фотографии, видео которой порой невозможно распознать и выявить генерацию. В Российской Федерации к развитию ИИ относятся осторожно, не стремясь внедрить его во всех сферы производства резко и оперативно.

При этом в качестве серьезных рисков для аудитории с позиции использования ИИ в медиа является создание фейкового контента, преднамеренно или по неосторожности. Социальные сети и блогерский контент является источником информации не только для молодежной аудитории, но и для многих журналистов, которые в погоне за трафиком и

популярностью стремятся не столько проверить новость, сколько стать первым и опубликовать «эксклюзив». Благодаря ИИ дипфейки могут обмануть даже опытных репортеров.

Другой вариант – когда сама нейросеть ошибается, неверно прочитав обозначения (например, вместо 1–7% указывая 17% или вместо 1925 г. говоря о 2025 г.). Такие фактические ошибки в рамках новостей о котировках акций или финансовых сделках могут привести к глобальным последствиям. В текстах, созданных нейросетью, может отсутствовать контекст происходящего, что также приведет читателя к неверному выводу.

С этической точки зрения важным аспектом является отсутствие указания, когда материал опубликован ИИ, а когда – реальным журналистом. Например, новостная лента во многих интернет-изданиях построена по принципу отсутствия авторства, что не позволяет читателю увидеть, кто и каким способом написал этот текст. Например, спортивное издание Sports.ru применяет ИИ при ведении спортивной хроники и генерации различных заголовков, которые иногда имеют ошибки и неточности. И тут уже встает следующий вопрос: кто несет ответственность за неточности, фактические ошибки, неверную интерпретацию данных или комментариев? Согласна ли аудитория читать тексты, сгенерированные нейросетями или смотреть новости с виртуальными ведущими?

Недоверие аудитории к нейросетям и компьютерным алгоритмам может стать существенной преградой на пути к развитию ИИ в медиасфере в целом. Согласно исследованию ВЦИОМ, в 2022 году более трети опрошенных (32%) россиян не доверяют технологиям ИИ. Самыми сильными страхами названы утечка собираемых им данных, использование в корыстных целях и риск принятия решений, за которые никто не несет ответственности (Россияне назвали свои главные страхи перед искусственным интеллектом // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/28/12/2022/63ab45de9a7947664c3ef893>). Помимо названного, респонденты считают, что ИИ приведет к деградации населения (что, в целом, может быть близко к истине, учитывая последние тенденции в сфере образования, когда студенты считают приемлемым сдавать сгенерированный нейросетями текст в качестве реферата, курсового проекта и даже ВКР), а также слишком велики риски систематических сбоев и ошибок в работе.

Важным является и недостаток квалифицированных кадров для настройки и управления таким программным обеспечением. Это не позволяет редакции углубляться и изучать все возможности нейросети, а, что называется, идти «по верхам», используя только доступные и понятные всем функции. Подобный подход приводит к низкому качеству создаваемого контента и негативному отношению аудитории к подобным опытам. А редакция в результате теряет большие деньги и не может продолжать свои эксперименты.

Значительной сложностью является отсутствие полной картины мира (алгоритмы создают «информационный пузырь»), когда именно ИИ решает за пользователя, что главное, а что второстепенно и может быть проигнорировано, тем самым, не позволяя человеку увидеть все происходящее вокруг, а сосредоточиться только на маленькой части. Это, в свою очередь, способствует поляризации мнений, ведь современная аудитория все реже прибегает к рефлексии, отказываясь доверять или даже воспринимать сведения, которые не отражают ее убеждения.

В целом, дипфейки представляют собой актуальную медиаугрозу, поскольку в отличие от фотографий, коррекция которых не является чем-то уникальным, видеозаписям пользователи склонны по-прежнему доверять. Поэтому дипфейки в видеоформате с большой долей вероятности будут восприняты как подлинные, а благодаря социальным сетям могут быть растиражированы за считанные минуты. И здесь главным оружием борьбы выступает только критическое мышление. Чем в большей опасности себя чувствуют люди, тем более они подвержены влиянию. Они менее критичны, меньше сил тратят на проверку информации. Даже рациональные люди могут быть введены в заблуждение. Этим умело пользуются манипуляторы. В этом случае определенный алгоритм позволит убедиться в подлинности получаемых данных:

- 1) прочесть полностью материал (заголовок не всегда отражает содержание или суть текста);
- 2) определить автора и дату публикации (это крупное СМИ или чей-то авторский блог, насколько автор текста авторитетен и знает тему);
- 3) проверить адресную строку (это могут быть «клоны», которые копируют страницы настоящих медиа, изменяя букву или добавляя какой-то знак пунктуации, или фейковые аккаунты, которые также отличаются буквально одним символом в названии);
- 4) найти и изучить первоисточник информации;
- 5) в фейковых материалах большое количество эмоциональных высказываний, субъективных суждений, оценочных выражений (упор на сенсацию или эксклюзив). Как правило, в журналистских материалах на первое место выходит фактическая информация, а эмоциональные высказывания играют второстепенную роль.

Однако если речь идет о дипфейках, этих правил может быть недостаточно. При сгенерированном видео стоит обращать внимание на качество изображения, естественность телодвижений, блики в глазах или на очках, естественность освещения и фоновых цветов и пр. Иными словами, увидеть искусственно созданные кадры может только крайняя внимательность и целенаправленный поиск.

По большей части отличить фейк от правды способен только сам пользователь. Конечно, наиболее крупные и резонансные фейки будут разоблачены публично, однако это лишь незначительная часть той неправды, с которой сталкивается ежедневно человек. На первый план выходит способность критически осмыслять любую важную информацию, обращаться только к проверенным источникам, перепроверять данные. Иными словами, как никогда важно продолжать повышать медиаграмотность и соблюдать основные правила информационной безопасности.

Библиография

1. Кривоносов А.Д. Эволюция фейков в эпоху диджитализации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 6 (138). С. 174-177.
2. Стернин И.А., Шестернина А.М. Маркеры фейка в медиатекстах. Рабочие материалы. Воронеж: ООО «РИТМ», 2020.
3. Ильченко С.Н. Фейк-контроль, или Новости, которым не надо верить: как нас дурачат СМИ. Ростов н/Д: Феникс, 2021.
4. Ершов Ю.М. Феномен фейка в контексте коммуникационных практик // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 52. С. 245-256.
5. Галяшина Е.И. и др. Фейковизация как средство информационной войны в интернет-

медиа: научно-практическое пособие. М.: Блок-Принт, 2023.

6. Колесникова Е.В. Технология deepfake в журналистике // Мир современных медиа: новые возможности и перспективы: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.В. Неренц. М.: Знание-М, 2022. С. 74-77.

7. Смирнов А.А. «Глубокие фейки». Сущность и оценка потенциального влияния на национальную безопасность // Свободная мысль. 2019. № 5 (1677). С. 63-84.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Оценка и анализ фейкового контента в медиапространстве все чаще встречается в научной сфере. Действительно, тема вполне актуальна, интересна, причем она рассматривается с разных точек зрения, например, появления данного сегмента, или же его распространение, или определение роли / функции указанного блока. Следовательно, выбор автора вполне оправдан, а работа является неким дополнением уже существующей достаточно большой массы источников (РИНЦ, сеть Internet, ВАК-издания и т.д.). Причем фейк-вариант и его распространение связывается с галопирующим развитием искусственного интеллекта. Работа, на мой взгляд, имеет реферативно-обобщенный характер, в ней нет продуктивно-концептуальной идеи, которая была бы отлична, оригинальна, явно нова. Однако общая системная оценка имеющихся данных тоже необходимо, ибо она позволяет прогнозировать развития научной мысли далее. Цель и задачи, которые ставит перед собой автор рецензируемого сочинения, воплощены; методология анализа ориентирована на эмпирико-системный тип, не помешала бы работе ярко выраженная гипотеза природы фейкового контента, м.б. полярная раскладка этой достаточно непростой проблемы. Стиль тяготеет к научному типу. Например, это проявляется в следующих фрагментах: «фейки могут распространяться стихийно и оказывать серьезное влияние на настроения общественности. В качестве факторов, способствующих распространению фейков, можно обозначить недостаточный уровень осведомленности аудитории в теме, «информационный голод» (невозможность проверить данные или получить информацию из официальных источников), восприимчивость к сенсационным заголовкам и шокирующему характеру подачи новости, недоверие или негативное отношение аудитории к эксперту или экспертизе, нежелание пересматривать собственные сформированные взгляды», или «ложные материалы могут выходить в разных форматах, будь то пост в социальной сети или мультимедийный лонгрид. Однако наиболее разрушительным потенциалом обладают так называемые дипфейки (deepfakes). Дипфейк – фейки, созданные с помощью ИИ. Искусственный интеллект объединяет большое количество фотоизображений и делает из них видеозапись. Программа может с высокой точностью определить, как человек будет реагировать и себя вести в определенной ситуации. Иными словами, суть технологии заключается в том, что часть алгоритма детально изучает изображение объекта и пытается его воссоздать, пока другая часть не перестает различать реальное изображение и созданное нейросетью», или «важным является и недостаток квалифицированных кадров для настройки и управления таким программным обеспечением. Это не позволяет редакции углубляться и изучать все возможности нейросети, а, что называется, идти «по верхам», используя только доступные и понятные всем функции. Подобный подход приводит к низкому качеству создаваемого контента и негативному отношению аудитории к подобным опытам. А редакция в результате теряет большие деньги и не может продолжать свои

эксперименты» и т.д. Не лишена работа практической составляющей, хотя большая часть высказанного автором, «находится на поверхности». Нарочито автор обозначает в тексте т.н. предупредительный характер «фейков» и «дипфейков», думается, что это вполне рационально. Например, «в целом, дипфейки представляют собой актуальную медиаугрозу, поскольку в отличие от фотографий, коррекция которых не является чем-то уникальным, видеозаписям пользователи склонны по-прежнему доверять. Поэтому дипфейки в видеоформате с большой долей вероятности будут восприняты как подлинные, а благодаря социальным сетям могут быть растиражированы за считанные минуты. И здесь главным оружием борьбы выступает только критическое мышление. Чем в большей опасности себя чувствуют люди, тем более они подвержены влиянию. Они менее критичны, меньше сил тратят на проверку информации. Даже рациональные люди могут быть введены в заблуждение. Этим умело пользуются манипуляторы. В этом случае определенный алгоритм позволит убедиться в подлинности получаемых данных...» и т.д. Материал, на мой взгляд, затрагивает «свежую» тему и может быть интересен / полезен как опытным читателем, так и тем, кто только приближается к проблеме анализа «фейковых материалов». Основные требования издания учтены, структура выдержана, наличного объема достаточно для раскрытия темы, но примеров / иллюстраций могло быть введено более. Итоги по тексту объективны, они соотносятся с основным блоком данных: «по большей части отличить фейк от правды способен только сам пользователь. Конечно, наиболее крупные и резонансные фейки будут разоблачены публично, однако это лишь незначительная часть той неправды, с которой сталкивается ежедневно человек. На первый план выходит способность критически осмысливать любую важную информацию, обращаться только к проверенным источникам, перепроверять данные. Иными словами, как никогда важно продолжать повышать медиаграмотность и соблюдать основные правила информационной безопасности». Библиографические источники актуальны, тип изданий вариативен. Рекомендую статью «Особенности фейкового контента в медиапространстве в эпоху развития искусственного интеллекта» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Лобанова Ю.В. Эмоционализация массового дискурса как компенсация кризиса референции // Litera. 2024. № 7. С. 115-123. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.43788 EDN: TFELTT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43788

Эмоционализация массового дискурса как компенсация кризиса референции

Лобанова Юлия Владимировна

ORCID: 0000-0003-2970-7520

кандидат философских наук

доцент кафедры "Гуманитарные дисциплины", Московский политехнический университет

107023, Россия, г. Москва, ул. Большая Семёновская, 38, оф. Москва

✉ lobanova_diss@mail.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.7.43788

EDN:

TFELTT

Дата направления статьи в редакцию:

14-08-2023

Аннотация: В статье всесторонне исследуются и анализируются основные причины возникновения явно наметившегося дисбаланса между эмоциональными и рациональными компонентами коммуникативного пространства современного массового дискурса, а также имитационная роль эмоций участника современных дискурсивных практик, которые, по существу, призваны компенсировать имеющуюся у него дефицитность возможностей, способов и каналов для реферирования получаемой информации. Особое внимание уделено анализу таких ситуаций манипулирования эмоциями на индивидуальном или массовом уровне в рамках современного массового дискурса, которые находятся на грани соблюдения закона, или даже выходят за эту грань. В заключение рассматриваются взаимосвязанные феномены неискреннего дискурса и кризиса референции, корреляция между которыми оценивается как одно из самых значительных и весомых подтверждений распространенности и частоты использования процессов принудительной эмоционализации целого ряда дискурсивных практик. В значительном большинстве дискурсивных практик эмоции объекта

информирования сегодня играют роль маски, ширмы, занавесы, декораций, на фоне которых происходит имитация отсутствующей на самом деле референции. В современном массовом дискурсе вся информация без купюр редко доносится до аудитории, при этом факты заменяются интерпретациями или оказываются постановочными событиями. Основной причиной эмоционализации массового дискурса становится якобы следование представлениям, ожиданиям и эмоциям массовой аудитории – информация подается таким образом, что все видят, слышат, читают то, что они сами и хотели бы видеть, слышать, читать. Кризис референции внутри массового дискурса имеет искусственный и преднамеренно спровоцированный характер. Кризис референции, навязанный обществу основными модераторами массового дискурса, деформирует семантическую, синтаксическую и прагматическую нормы естественного языка, что позволяет манипулировать как самими значениями слов и синтаксисом, так и их массовым восприятием.

Ключевые слова:

коммуникация, дискурс, эмоции, аффективность, эмоциональный капитализм, дефицит референции, имитация референции, модерация эмоций, неискренний дискурс, кризис референции

Коммуникация в рамках современного массового дискурса в числе своих основных отличительных черт отмечена явным переизбытком эмоций и крайне суженными возможностями сторон в отношении референции получаемых ими информационных сообщений. В значительном большинстве дискурсивных практик первое оказывается не только следствием последнего, но и его маской, ширмой, занавесом, декорацией, на фоне которых происходит имитация этой референции – то есть того, чего нет [\[19\]](#). Невозможно перечислить все причины этой неискренности, доходящей до степени манипулирования, но основные из них, безусловно, подлежат исследованию и всестороннему, тщательному анализу.

В поздней современности информация вносится в пространство массового дискурса главным образом через массмедиа – СМИ и интернет, которые позиционируются в качестве свободных от цензуры и пропагандирующих полную, ничем не ограниченную свободу распространения и обмена информацией [\[8\]](#). Начиная уже с этих стартовых деклараций, отметим, что в процессе изучения реального положения дел оказывается, что в действительности происходит формирование цифрового контроля, в определенных свойствах даже более тотального и жесткого, чем традиционный социально-политический. У современных массмедиа в цифровом бытии не меньше возможностей не доносить всей информации до аудитории, заменять факты интерпретациями или вообще постановочными событиями [\[20\]](#). Выражение «независимая журналистика» в таком контексте воспринимается как оксюморон.

Однако настоящая проблема состоит в том, что вместе с недобросовестными СМИ такого подхода начинают придерживаться некоторые политики, несмотря на то что в уголовных и административных кодексах большинства государств, причисляющих себя к демократическим, имеются соответствующие статьи, предусматривающие наложение санкций за распространение заведомо недостоверной информации [\[6; 7; 9; 10; 11\]](#).

Аргументами за сохранение без изменений этой противоестественной ситуации массовой

«полуправды» вместо массового информирования являются одни и те же доводы: подача информации осуществляется таким образом, что она вполне соответствует представлениям, ожиданиям и эмоциям массовой аудитории [\[13\]](#), иначе говоря, все видят, слышат, читают то, что они сами и хотели бы видеть, слышать, читать. Секс и война (Эрос и Танатос) продолжают оставаться самыми желанными информационными поводами, вызывающими сильные эмоции [\[5\]](#). Можно констатировать существование целого ряда специальных приемов, ориентированных на создание информационным сообщением эмоционального эффекта, заранее планируемого, ожидаемого, и целенаправленно формируемого в результате воздействия на восприятие и сознание потенциальных реципиентов. Именно это, по существу, и определило актуальность настоящего исследования.

Цель исследования связана с его актуальностью, и была определена как выявление, фиксация и анализ особенностей действия основных специальных приемов и механизмов принудительного перемещения внимания потенциальной аудитории с достоверности транслируемых информационных сообщений на формируемый ими эффект эмоционального воздействия, неизбежно снижающий не только общий уровень рационализации содержательной стороны этих сообщений, но и саму общественную потребность в нем.

Методология исследования: в статье были использованы методы анализа текстов и контент-анализа, а также кросс-факторного анализа ряда аналитических материалов смежной тематики по параметрам, обладающим собственным значимым содержанием, пригодным для достижения цели настоящего исследования.

В подавляющем большинстве случаев за спиной каждого «независимого журналиста» обнаруживаются как минимум два цензора – внешний в лице его редакционного руководства и внутренний в сознании самого журналиста – «цензор», обладающий памятью и постоянно опирающийся на опыт собственной профессиональной деятельности. Одного этого достаточно, чтобы информация о номинальной совокупности фактов, формально объединяемых в понятие «реальное положение дел», оказалась ограниченной в объеме. Тем самым любой нарратив или сюжет превращается в такой свой образ, который вполне соответствует представлениям о случившемся тех, кто определяет редакционную политику всего журналистского коллектива, либо тех, кто является негласным спонсором или владельцем «независимого» издания. Любая история, прежде рассматриваемая как фактология, пройдя горнило редакционной цензуры, тем самым превращается в свою интерпретацию. То есть в такую, которая правильным образом воздействует на нужные эмоции своей потенциальной аудитории [\[23, с. 601\]](#).

Если говорить об аксиологии деятельности по информированию, то идеалы истины или объективности не актуальны, потому что они в ситуации эмоционального капитализма и общества впечатлений [\[21\]](#) вытеснены иными ценностями – эффектностью, силой эмоционального воздействия, производимым впечатлением.

Одновременная активизация формально разных СМИ по поводу происходящего наполняет формируемый массовый дискурс эмоциями, но эти масштабируемые эмоции должны многократно и тщательно контролироваться. Те, кто вопреки описанной атмосфере сложившейся цензуры и принуждения пытается донести до общества принудительно замалчиваемую информацию, подвергаются системному остракизму в форме так называемой «культуры отмены» либо подвергаются внешнему давлению или

физическому уничтожению [\[18\]](#).

Ряд исследователей медиапространства современных СМИ в этой связи выдвигают понятие «Insincere Discourse» («неискренний дискурс»), который, с одной стороны, противоположен концепту «искренность», который в лекции М. Фуко о дискурсе рядоположен с истиной, объективностью и прозрачностью [\[15\]](#), с другой – в социолингвистических исследованиях отождествляется с ложью. К уточнению этого феномена следует отнести абсолютную ясность его телеологии – это манипулирование собеседником и извлечение выгоды. Например, работник торгового зала, расписывающий многочисленные достоинства «принципиально новой суперсовременной модификации» чего-либо перед потенциальным покупателем, занимается именно этим видом дискурсивной практики. Делает он все это главным образом через воздействие на эмоции покупателя, который, очарованный сказанным, даже не просит продавца подтвердить высказанную информацию. Это значит, что цель неискренного дискурса достигнута и пассивное потребление товара или услуги состоялось путем произведенной покупки.

Что входит в обязательную схему «неискренного дискурса»? Преувеличение и приукрашивание, умолчание, искажение, кроме того, традиционная демагогия, максимально заполняющая монолог эвфемизмами, метафорами и суперлативами, обладающими чарующим и убаюкивающим рациональную часть восприятия воздействием [\[14\]](#).

Потенциальная жертва манипуляции либо полностью лишается возможности реферирования содержания информационного сообщения, либо времени, необходимого для проведения этой процедуры. Реальные масштабы манипуляции в информационной массовой культуре современного общества таковы, что это явление также получило свое, собственное наименование – кризис референции.

Этот кризис имеет искусственный и преднамеренно спровоцированный характер. Операциональная часть его создания может быть сведена к целенаправленно вводимым и негласным запретам, к преднамеренному разделению информации о реальном и замалчивании его части, к деформации понятий истинного и ложного. Мы согласны с исследователями, которые указывают на эмоционализацию дискурса как на ведущую составляющую кризиса референции: «В результате современного медиапотребления, основанного на потреблении образов, у граждан складывается новый – упрощенный – тип понимания и поведения: безответственного и инфантильного. Перенасыщенность современного информационного пространства образами создает великолепные возможности для использования механизма переключения. Мнения, основанные на эмоциях, упрощаются, легко меняются, становятся подвижны и управляемы» [\[1, с. 94\]](#). Литературной иллюстрацией обрисованной процедуры может быть латентный, но крайне устойчивый кризис референции в развитии сюжета двух выдающихся романов Ф. Кафки – «Процесс» и «Замок» [\[3; 4\]](#), поскольку главный герой как одного, так и другого романа, принудительно помещается автором в ситуацию, содержательно во все в большей степени реализуемую для индивида в условиях современного манипулирования транслируемой ему информацией так же, как и его эмоциями.

В начале августа 2023 года совершено несколько информационных атак со стороны Украинских и западных СМИ и политиков, нацеленных на ослабление диалога и сотрудничества России и Китая. В большинстве из новостных текстов и монологических высказываний обнаруживаются явные признаки кризиса референции, в частности

заметен упор на образы, эмоциональную окраску, метафоризацию смыслов. Так, посол Украины в Китае П. Рябикин назвал отношения Москвы и Пекина *«браком по расчету»*, в котором Россия превращается в китайский сырьевой придаток. Метафора *брака по расчету* в данном выступлении является сильным концептом с негативной коннотацией, отвлекающей внимание реципиента, генерирующей у воспринимающего целый спектр эмоций, которые вытесняют желание и возможность проанализировать действительные факты.

Другой информационный «вброс» этого же периода: сообщения о том, что Россия якобы планирует проинформировать Пекин о «нежелательности» пребывания посла страны в Москве. Информация о «намерениях», которые якобы есть у МИД России в отношении китайского посла в стране, опубликовал анонимный Telegram-канал. После данные подхватили другие ресурсы, эти непроверенные данные опубликовали для нагнетания обстановки. В МИД России отметили, что не удивлены такой провокацией. Там подчеркнули, что такие публикации служат для нагнетания негативного информационного фона, чтобы подорвать отношения между двумя странами. Отметим, что в реальности ничего не произошло, фейковая новость была также не о действиях, а о намерениях, после распространения фейка никаких действий в отношении китайского дипломата не последовало. Но при этом отсутствии фактов нагнетание негативных эмоций гнева, подозрения и страха все равно осуществилось, что является убедительным аргументом для заявления разразившегося кризиса референции.

Процедура референции реализуется в знаковой системе (например – в системе естественного языка) через проверку семантического соответствия знака объекту и прагматического соответствия в отношении «субъект – знак» в части использования правил соблюдения субъектом семантической нормы знака в процессе его употребления [12, с. 239]. Кроме того, процедура референции может быть отнесена по таким же самым причинам и к проверке употребления синтаксической нормы как соответствия в системе «знак – знак» в процессе употребления совокупностей разных знаков, что по отношению к языку и представляет собой такие модели информирования, как речь или текст [17]. В числе таких средств референции по отношению к языку находятся словари, учебники, грамматические справочники, однако представить обывателя, смотрящего по телевизору или слушающего новостную сводку по радио со стопкой лингвистической справочной литературы рядом крайне затруднительно. Обыватель начинает справляться в первоисточниках только тогда, когда почувствует, что его обманывают, причем, это ведет к финансовым потерям или другому вреду [22].

В известной книге Ги Дебор назвал данную ситуацию «спектаклем», который по сути своей является ничем иным, как симуляцией бытия – и тем самым, симулируя также и атрибуты которого – представляется своему зрителю вечным, бесконечным, самодостаточным, и не нуждающимся для своего обоснования ни в чем другом, кроме себя самого [2, с. 39]. Однако всякий спектакль требует не одного только присутствия, но также и эмоционального вовлечения, «захвата» своих зрителей в предлагаемое их восприятию действо. Вовлечения до состояния полного неразличения между сценой и всем тем, что находится за ее пределами.

Настоящей пошаговой инструкцией замены в дискурсе фактов на интерпретации, оценки и эмоции является фильм Б. Левинсона «Хвост виляет собакой» (1997 г.) (в отечественном прокате – «Плутство»). Чтобы отвлечь внимание электората от сексуального скандала с президентом, в информационном пространстве телевидения создается «маленькая война против терроризма в Албании». Фильм подробно

демонстрирует, что главным инструментом среди манипуляций (создание и использование образа врага; усиленные персонифицированные образы; мнимый выигрыш; влияние «сильной» темы, скованной ещё более «сильной» темой; слабое информационное позиционирование; обращение к клиповому (калейдоскопическому) мышлению; подача информации в рамках зрелища (шоу); вовлечение в действие; логические подмены; программирование реакций через подачу ролевых моделей; противоречивая информация; авторитетный аноним; подделка под старину; написание истории) является апеллирование к эмоциям, генерирование сильного эмоционального накала. Поэтому очень кропотливо создается фейковый видеоролик с бегущей по горящему мосту албанской девушкой, спасающейся от террористов, захвативших её деревню. Подбор животного для видео с девочкой, которая прячется от бомбежки, происходит очень тщательно, так как нужно такое, которое максимально вызовет нужную эмоциональную реакцию. Записанный чувственный ролик об албанской беженке, который воздействует на эмоции американцев и закрепляет их внимание на ситуации, сюжетно продолжается появлением этой девочки в аэропорту и обращением к президенту, который со своего плеча отдаёт ей свое пальто, что и вовсе разогревает пронзительные человеческие чувства ^[16] по отношению к президенту.

Выводы:

1. В значительном большинстве дискурсивных практик эмоции объекта информирования сегодня играют роль маски, ширмы, занавесы, декораций, на фоне которых происходит имитация отсутствующей на самом деле референции.
2. В современном массовом дискурсе вся информация без купюр редко доносится до аудитории, при этом факты заменяются интерпретациями или оказываются постановочными событиями.
3. Основной причиной эмоционализации массового дискурса становится якобы следование представлениям, ожиданиям и эмоциям массовой аудитории – информация подается таким образом, что все видят, слышат, читают то, что они сами и хотели бы видеть, слышать, читать.
4. Кризис референции внутри массового дискурса имеет искусственный и преднамеренно спровоцированный характер.
5. Кризис референции, навязанный обществу основными модераторами массового дискурса, деформирует семантическую, синтаксическую и прагматическую нормы естественного языка, что позволяет манипулировать как самими значениями слов и синтаксисом, так и их массовым восприятием.

Библиография

1. Быстров С. В. Применения манипулятивных политических технологий в современной политике: правда и вымысел фильма "Плутство" // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2013. № 4. С. 92-95.
2. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Опустошитель, 2020, 280 с.
3. Кафка Ф. Замок. М.: АСТ, 2021, 384 с.
4. Кафка Ф. Процесс. М.: АСТ, 2020, 352 с.
5. Картунов В. В., Саенко Н. Р. Эмоциональные антиномии современности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Т. 11, № 5-1. С. 83-91.
6. Лобанова Ю. В. Манипуляция сознанием и социальный контроль // Наука, техника,

- педагогика. Новые технологии высшей школы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 26 февраля 2019 года. – Москва: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Московский политехнический университет", 2019. – С. 293-296.
7. Лобанова Ю. В. Манипуляция сознанием: усиление воздействия в информационном пространстве // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2019. № 6(93). С. 117-120.
8. Лобанова Ю. В. От телевидения к интернету: открытая стратегия коммуникации // Точки над Ё. 2012. № 1(2). С. 74-77.
9. Лобанова Ю. В. Роль экранных технологий в формировании новой культуры эмоций и чувств // Коммуникология. 2022. Т. 10, № 3. С. 116-122.
10. Лобанова Ю. В. Человек в системе символического потребления и эмоциональный капитализм // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 3. С. 6-12.
11. Лобанова Ю. В. Эмоциональные особенности восприятия фейковых сообщений // Образовательный вестник Сознание. 2022. Т. 24, № 11. С. 59-65.
12. Рабенко Т. Г. Проблема референции художественного и естественного дискурсов в контексте современной лингвистики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 5. С. 236-241.
13. Саенко Н. Р. Судьба принципа удовольствия в эпоху постсовременности // Современное культурное пространство : Философия. Искусство. Технология. Информация / Научная редакция В. Х. Разакова. Волгоград : Волгоградское региональное отделение Молодежного союза юристов РФ, 2004. С. 22-28.
14. Федорова О. В., Деликишкина Е. А., Малютина С. А., Успенская А. М., Фейн А. А. Экспериментальный подход к исследованию референции в дискурсе // <https://www.dialog-21.ru> (Электронный ресурс) –URL: <https://www.dialog-21.ru/media/1701/76.pdf> (Дата обращения: 04.08.2022).
15. Фуко М. Порядок дискурса // Monocler.ru (Электронный ресурс) URL: <https://monocler.ru/poryadok-diskursa-fuko/> (Дата обращения: 05.08.2022).
16. Шатунова Т. М. Событие чувства как феномен современности // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 1. С. 188-198.
17. Andryukhina N. V. Assertive speech acts as an expressive mean of insincere discourse // Researchgate.net (Электронный ресурс). URL: https://www.researchgate.net/publication/316205826_Assertive_speech_acts_as_an_expressive_mean_of_insincere_discourse (Дата обращения: 06.08.2022).
18. Assange J. A CYPHERPUNK IN HIS OWN WORDS // Researchgate.net (Электронный ресурс). Pp. 199 – 215. URL: <https://www.researchgate.net/publication/337425438> (Дата обращения: 06.08.2022).
19. Features of the modern process of differentiation of sense and meaning in communication / P. S. Volkova, E. S. Orekhova, N. R. Saenko [et al.] // Media Watch. 2020. Vol. 11, No. 4. P. 679-689.
20. Legal status of fake news: global challenges and possible solutions / E. F. Tsokur, M. G. Repina, N. R. Saenko, S. L. Grigoryev // Relacoes Internacionais no Mundo Atual. 2022. Vol. 2, No. 34. P. 60-73.
21. Schulze G. Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart. Campus, Frankfurt am Main, 1992.
22. Somer M. Insincere Public Discourse, Inter-Group Trust, and Implications for Democratic Transition: The Yugoslav Meltdown Revisited // Semantic scholar.org [Electronic resource]: Corpus ID: 73715236 – Code access URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Insincere->

Public-Discourse%2C-Inter-Group-Trust%2C-and-Somer/35b861a3d44d92bcf646 (Reference date: 05.08.2022).

23. Zappettini F., Ponton D. M., Larina T. V. Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda. (Заппеттини Ф. и др. Эмоционализация современного медиадискурса: исследовательская повестка дня) // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25. № 3. Pp. 586-610.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Litera» автор представил свою статью «Эмоционализация массового дискурса как компенсация кризиса референции», в которой проведено исследование практик формирования у потребителей желаемого мнения и эмоционального фона при развивающемся кризисе референции.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что коммуникация в рамках современного массового дискурса в числе своих основных отличительных черт отмечена явным переизбытком эмоций и крайне суженными возможностями сторон в отношении референции получаемых ими информационных сообщений. В значительном большинстве дискурсивных практик эмоции оказываются не только следствием умышленно искаженной подачи информации, но и ее маской, ширмой, занавесом, декорацией, на фоне которых происходит имитация этой референции, и как следствие наблюдается формирование цифрового контроля, в определенных свойствах даже более тотального и жёсткого, чем традиционный социально-политический.

Актуальность исследования обусловлена современной социокультурной ситуацией, а именно частой подменой достоверной информации интерпретациями или постановочными событиями.

В статье были использованы методы анализа текстов и контент-анализа, а также кросс-факторного анализа ряда аналитических материалов смежной тематики по параметрам, обладающим собственным значимым содержанием, пригодным для достижения цели настоящего исследования. Теоретическим обоснованием исследования послужили труды М. Фуко, Г. Шульце, Н.Р. Саенко, Ю.В. Лобановой и др. Эмпирическим материалом выступили образцы современного кинематографа, литературных произведений и новостных ресурсов.

К сожалению, автором не проведен анализ научной обоснованности проблематики, несмотря на то, что изучаемая проблема уже долгое время вызывает интерес научного сообщества и довольно широко освещена как в отечественном, как и зарубежном научном дискурсе. Следовательно, представляется затруднительным делать выводы о научной новизне исследования.

Целью данного исследования является выявление, фиксация и анализ особенностей действия основных специальных приемов и механизмов принудительного перемещения внимания потенциальной аудитории с достоверности транслируемых информационных сообщений на формируемый ими эффект эмоционального воздействия, неизбежно снижающий не только общий уровень рационализации содержательной стороны этих сообщений, но и саму общественную потребность в нем.

Автором раскрывается сущность понятия «неискренний дискурс» - это манипулирование собеседником и извлечение выгоды, в обязательную схему которого входит преувеличение и приукрашивание, умолчание, искажение, кроме того, традиционная демагогия, максимально заполняющая монолог эвфемизмами, метафорами и

суперлативами, обладающими чарующим и убаюкивающим рациональную часть восприятия воздействием.

Как отмечает автор, реальные масштабы манипуляции в информационной массовой культуре современного общества таковы, что это явление также получило свое, собственное наименование – кризис референции. Автор особо подчеркивается, что этот кризис имеет искусственный и преднамеренно спровоцированный характер, имеющий целью упрощенного типа понимания и поведения: безответственного и инфантильного. Кризис референции, навязанный обществу основными модераторами массового дискурса, деформирует семантическую, синтаксическую и прагматическую нормы естественного языка, что позволяет манипулировать как самими значениями слов и синтаксисом, так и их массовым восприятием. Перенасыщенность современного информационного пространства образами создает великолепные возможности для использования механизма переключения. Мнения, основанные на эмоциях, упрощаются, легко меняются, становятся подвижны и управляемы.

Действие данного механизма и его результаты автор иллюстрирует сюжетами романов Ф. Кафки «Замок» и «Процесс», современными новостями и информационными вбросами, сюжетом фильма Б. Левинсона «Плутство».

В заключении автором представлен вывод по проведенному исследованию, в котором приведены все ключевые положения изложенного материала.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение формирования общественного мнения как культурной универсалии и манипулирования им представляет несомненный научный и практический культурологический интерес и заслуживает дальнейшего изучения.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует также адекватный выбор соответствующей методологической базы. Библиография исследования составила 23 источника, в том числе и иностранного, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Литягина Е.А., Климова К.М. Поведенческие паттерны и лингвистическая специфика деловых переговоров с партнерами из Латинской Америки // Litera. 2024. № 7. С. 124-135. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.71249 EDN: TDAJIS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71249

Поведенческие паттерны и лингвистическая специфика деловых переговоров с партнерами из Латинской Америки

Литягина Елена Андреевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра международной коммуникации; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1 стр. 51, 5 этаж

✉ git-opa@mail.ru

Климова Ксения Михайловна

старший преподаватель; кафедра международной коммуникации; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1 стр. 51, Этаж 5

✉ klimovakm@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.7.71249

EDN:

TDAJIS

Дата направления статьи в редакцию:

13-07-2024

Аннотация: В настоящее время взаимодействие между различными культурами и народами становится все более важным, поэтому переговоры играют ключевую роль в политическом и деловом общении. С целью обеспечения эффективной и успешной межкультурной деловой коммуникации необходимо изучать социокультурные и лингвистические характеристики переговоров в Латинской Америке, а также разрабатывать рекомендации для лиц, контактирующих с латиноамериканскими

партнерами. В данной статье ставятся задачи определить и описать социокультурные и лингвистические особенности политических и деловых переговоров в Латинской Америке, обозначить важные культурные и поведенческие паттерны при ведении переговоров с латиноамериканскими партнерами, выявить слова, терминологические словосочетания, грамматические модели и речевые конструкции, использующиеся в процессе общения на деловом испанском языке. Для данного исследования используются научные работы отечественных и зарубежных культурологов, лингвистов, социологов, политологов, интервью с политическими деятелями и бизнесменами. В статье применяется аналитический, описательный, интерпретативный, дедуктивный, эмпирический методы, а также анализ научной литературы. Научная новизна данной работы заключается в выявлении коммуникативно-релевантных черт латиноамериканского делового менталитета и систематизации общих культурных и поведенческих паттернов латиноамериканцев при политических и деловых переговорах. Установлено влияние культурных особенностей поведения латиноамериканцев на лингвистические особенности делового дискурса региона, представляющие собой использование субхунтива, *Condicional Simple*, деловых терминов-регионализмов, особой лексики для выражения превосходства, приемов усиления. Из проведенного анализа можно сделать вывод, что народы Латинской Америки, которые являются уникальным регионом с богатой культурой и историей, отличаются дружелюбием, открытостью, экспрессивностью, патриотизмом и любовью к искусству, однако иногда в деловой сфере может присутствовать нехарактерная для европейцев эмоциональность, непунктуальность и склонность уходить от ответственности и прямых суждений.

Ключевые слова:

межкультурная деловая коммуникация, деловые переговоры, политические переговоры, испанский язык, Латинская Америка, бизнес, политика, национальные особенности, социокультурный аспект, лингвистический аспект

В настоящий момент наблюдается заметное увеличение количества интеграционных блоков, политических и экономических объединений, транснациональных компаний, что приводит к сближению экономик различных стран и их значительной взаимозависимости. Проистекающие глобальные процессы структурно усложняются активным обменом технологическими и инновационными достижениями, быстрым развитием средств коммуникации и увеличением туристического потока. Стремительно возрастает количество контактов между политиками, предпринимателями, специалистами, исследователями и учеными, каждый из которых является представителем определенной культуры и имеет особенный менталитет и ценностные установки.

Статья посвящена исследованию социокультурных и лингвистических особенностей политических и деловых переговоров в Латинской Америке, типичных культурных и поведенческих паттернов при ведении переговоров с латиноамериканскими партнерами, а также анализу слов, терминологических словосочетаний, грамматических моделей и речевых конструкций, использующихся в официальном дискурсе.

Необходимость ведения профессиональных и успешных переговоров как с поведенческой точки зрения, так и с точки зрения языка очевидна, как и потребность специалистов в особых прагмалингвистических и психологических навыках. Представляется логичным рассмотреть данную проблему с позиций теории межкультурной коммуникации, культурологии, социологии и политологии.

Некоторые исследователи, определяя межкультурные переговоры как процесс, при котором две или более стороны с различными потребностями и точками зрения пытаются прийти к соглашению по обоюдно интересующей их теме, отмечают, что данное взаимодействие характеризуется принадлежностью сторон к различным культурам, вероисповеданиям и их определёнными культурными особенностями в поведении, нравственными ценностями. При этом переговоры проходят в межкультурной среде и представляют интерес для обеих культур (Н.П. Громова, Е.И. Ренер, Л.В. Скопова (2013)). Общие и частные вопросы теории межкультурной коммуникации также рассматриваются в работах Э. Т. Холла (1976), М. М. Бахтина (1986), Дж. Л. Грэма (1989), Ю.Сано (1989), С. Тинг-Туми (1999), В. И. Андреева (1995), И. Аджановой (1996), М. В. Колтуновой (1998), Т. В. Анисимовой (2000), Л. К. Аверченко (2001), Г. Хофстеде (2001) Н. Ф. Вишняковой (2002), Р. И. Мокшанцева (2002), В. П. Ратникова (2002), И. И. Аминова (2005), А. Морито (2006), Н. И. Леонова (2003), Ф. А. Кузина (2003), М. Бом (2003), Н. П. Вольской (2004), В. Н. Лавриненко (2005) И. А. Стернина (2006), Л. А. Самовар (2010), Р. Э.Портера (2010), Э. Р. Макдэниела (2010).

Культурно-обусловленные стили ведения деловых переговоров могут варьироваться в зависимости от страны или региона. Латиноамериканские культурные особенности и характеристики политической культуры региона описаны в трудах Э.Я. Соловьева (2001), Е.М. Киречко (2017), Е.Л. Самариной (2017), Х. Лопера (2021), М. Инес (2021), Я.Г. Шемякиной (2001). При этом поведенческие паттерны с точки зрения социологии определяются как положительные или негативные образцы или шаблоны общественного поведения, а в культурологическом плане представляют собой стереотипы поведения, которые формируются в определенной культурной среде (И.В. Леонов (2011), Р. Бенедикт (1934), И.И. Валишина (2016)).

Международные переговоры невозможно анализировать без данных лингвистики, однако следует подчеркнуть небольшое количество отечественных и зарубежных научных исследований на тему лексических, грамматических и стилистических особенностей деловых переговоров на испанском языке Латинской Америки. Освещение данной темы обнаруживаются в работах А.Е. Земской (2011), Е.А.Литягиной (2019), М.М. Раевской (2020), А.С. Коваленко (2020), А.И. Ковригиной (2023).

Для последующего выявления и анализа паттернов и особенностей делового дискурса, целесообразно представить основные характеристики данного региона. Латинская Америка – это уникальная территория, которая объединяет разнообразные этносы и культуры. Население этого региона состоит в основном из коренных народов и племен, говорящих на различных языках, а также иммигрантов из Европы и Африки. В результате смешения этих групп образовался слой метисов – потомков европейцев и индейцев. Существует некоторая дискуссия относительно геополитического термина "Латинская Америка". По определению Института Латинской Америки РАН, это "совокупность стран и территорий, расположенных в Западном полушарии между южной границей США и Антарктидой". В ООН и других международных организациях данный регион называется "Латинская Америка и Карибский бассейн". Принято выделять 21 страну Латинской Америки: Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гаити, Гватемала, Гондурас, Доминиканская Республика, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Мексика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Пуэрто-Рико, Сальвадор, Уругвай, Чили, Эквадор.

Сложно привести обобщенное описание населения 21 страны Латинской Америки, так как в каждой стране есть свои уникальные черты и особенности. Например, мексиканцы известны своей вежливостью, чувствительностью к собственному авторитету, скрытностью, беззаботностью и небрежностью в быту, а также доброжелательностью и

готовностью оказать помощь. Возможно, это связано с географическим положением Мексики, которая граничит с США на севере и другими латиноамериканскими странами на юге, что позволяет народу заимствовать черты от всех соседей.

В Латинской Америке распространены этнические стереотипы: аргентинцев называют «гордецами», «креольскими пруссаками», колумбийцев — «наркотизированными», бразильцев — «инфантильными», кубинцев — «горячими и привлекательными», боливийцев — «дикими», мексиканцев — «кровожадными». Исследователи отмечают, что в данном регионе практически отсутствует средний класс, что приводит к сильному социальному разрыву. Бедные люди живут на улице или в непригодных для жизни домах, в то время как богатые обладают роскошными резиденциями и особняками. Потомки европейских поселенцев (креолы) до сих пор занимают влиятельные должности в политике и бизнесе. В целом, население Латинской Америки разнообразно и имеет свои уникальные черты в каждой стране. Неравенство и социальные различия являются значительной проблемой в регионе, но страны активно работают над укреплением демократии и сокращением неравенства. Однако на всем континенте присутствуют общие проблемы, такие как социальное неравенство, организованная преступность, коррупция, наркобизнес, бедность и безработица. Тем не менее, правительства стремятся развивать благоприятные внешнеэкономические связи и решать эти проблемы.

Официальному представителю необходимо знать о блоках и объединениях региона, уметь обсудить данные процессы и проанализировать перспективы развития в рамках современной ситуации, так как интеграция является отличительной и важной чертой Латинской Америки. Интеграционные процессы в Латинской Америке имеют свои особенности и сложности, которые отличают их от европейского опыта. Влияние на интеграцию оказывает географическое положение стран, их экономическая сопряженность и доступность коммуникаций между ними, авторитетность и эффективность правовой системы, уровень государственных расходов и структура налогообложения, а также геополитические конфликты и слабость некоторых демократий в регионе. Также важным фактором является уровень дохода населения, согласованность политики, историческое прошлое и общность происхождения, особенно для стран Карибского Сообщества (КАРИКОМ). С конца 1940-х годов в Латинской Америке были созданы несколько интеграционных учреждений, которые стремились укрепить политическую стабильность и улучшить экономическое положение региона, например, Организация Американских Государств (ОАГ) для сотрудничества между странами региона или экономический центр для Латинской Америки (ЭКЛАК), Межамериканский банк развития (МБР), который предоставлял финансовую поддержку для проектов развития в Латинской Америке. Однако эти интеграционные учреждения не могут считаться полностью латиноамериканскими, так как большинство их фондов принадлежит североамериканским странам, что иногда не отвечает интересам региона. В связи с этим появились Андская Корпорация развития (CAF), Банк развития ФОНПЛАТА (FONPLATA), Центральноамериканский общий рынок (МСС), Андское сообщество наций (CAN), Карибское сообщество (КАРИКОМ), Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР) и другие.

Еще одним важным аспектом политического сознания латиноамериканцев является отношение к политическим лидерам, которые вызывают гордость и чувство патриотизма, например, Симон Боливар. В XX веке в латиноамериканских странах уважением и любовью пользовались Сальвадор Альенде, Хуан Перон, Фидель Кастро и Эрнесто Че Гевара, они же отражали политические ценности общества. Однако, в истории большинства стран региона также были периоды жестоких военных диктатур, например,

Аугусто Пиночет в Чили и Хорхе Рафаэль Видела в Аргентине. Отношение к этим лидерам является противоречивым и характеризует политическую культуру, но обсуждение их с деловыми партнерами считается табу.

Латинская Америка отличается от западной культуры, несмотря на влияние католической традиции. Люди в этом регионе дружелюбны, доброжелательны и улыбки. Латиноамериканцы также известны своим романтизмом, мечтательностью и высокой эмоциональностью. Они ценят чувство юмора и с удовольствием слушают забавные истории. Однако из-за своей эмоциональности они могут быть обидчивыми и злопамятными.

Одна из черт, объединяющих народы данного региона, – это патриотизм. Например, в Мексике распространена фраза «Como México no hay dos» – «Нет другой такой страны, как Мексика». Воспитание патриотических чувств является важной частью национальной политики и проявляется в уважении к историческим памятникам, включая музеи. В то же время мексиканцы относятся к себе и своим политикам с некоторой иронией.

Литература, поэзия, танцы, музыка представляют из себя удачную тему для разговора с партнерами из стран Латинской Америки. Среди жанров музыки и танца выделяют танго, олицетворяющее страсть, доблесть и честь, кубинскую сальсу, доминиканскую бачату, бразильскую самбу, колумбийскую кумбию, бразильско-африканскую форро, меренге, реггетон. Культурная идентичность народа Латинской Америки раскрывается в работах известных писателей, в том числе возникшего в этом регионе литературного течения «магический реализм»: Хорхе Луис Борхес, Жоржи Амаду, Габриэль Гарсиа Маркес, Марио Варгас Льюса, Пабло Неруда, Хулио Кортасар, Пауло Коэльо, Лаура Эскивель, Исабель Альенде. Среди выдающихся художников следует упомянуть Фриду Кало, Руфино Тамайо, Альфредо Рамоса Мартинеса, Роберто Матта, Хосе Мария Веласко, Диего Риверу.

Необходимо помнить о важных для партнеров по переговорам достопримечательностях, которыми они гордятся и неосведомленность о которых может обидеть собеседника. На территории континента располагаются уникальные природные зоны и памятники архитектуры, признанные объектами Всемирного наследия ЮНЕСКО, например, Пещера Куэва-де-лас-Манос в Аргентине, национальный парк Игуасу на границе Аргентины и Бразилии, руины древнего города Мачу-Пикчу в Перу, национальный парк Рапануи в Чили на острове Пасхи, Галапагосские острова в Эквадоре, гора Рорайма на стыке территорий Бразилии, Венесуэлы и Гайаны, ледник Перито-Морено в аргентинской Патагонии, радужные горы Виникунка в Андах Перу.

Праздники и впечатляющие, масштабные шоу играют важную роль в жизни латиноамериканских стран и являются незаменимой частью их культуры, поэтому необходимо знать основные даты праздников, чтобы грамотно планировать переговоры и деловые встречи. Все страны региона празднуют такие события, как Новый Год, Рождество, День Труда, День Флага и День Независимости. Кроме того, в некоторых странах есть особые праздники: Годовщина дня сражения при Пуэбло в 1862 году (праздник индейцев), Бразильский карнавал и День Мертвых - Día de los Muertos (наследие ЮНЕСКО). Большое количество праздников также свидетельствует о легком и позитивном отношении латиноамериканцев к жизни, любовью к красочным зрелищам, отдыху и развлечениям.

Латиноамериканская культура отличается открытостью и готовностью принять и уважать другие культуры и традиции. Они проявляют толерантность по отношению к различным политическим, расовым и религиозным убеждениям. Власть в их понимании может стать

источником богатства, а богатство может привлечь политическую поддержку. Россия воспринимается ими как «исторический противовес» Северной Америке, с которой у многих стран региона напряженные отношения. Власти Российской Федерации также высоко ценят связи со странами Латинской Америки как с важными и перспективными партнерами. Социальные нормы и установки в странах Латинской Америки во многом схожи с российскими, а различия между странами обосновываются историческими процессами и самоидентификацией.

Культура латиноамериканских переговоров отличается высоким контекстом и акцентом на эмоции. Используются невербальные сигналы, такие как жесты и выражение эмоций, а также поддерживают визуальный контакт во время переговоров. Латиноамериканцы больше реагируют на интонацию и общее настроение, чем на содержание речи. Они не доверяют отстраненности и дистанции (на деловых встречах приветствуется раскованное поведение), при этом умеют создать комфортную атмосферу во время переговоров и улыбаться, избегая агрессивности. Данная культура не принимает холодность, они внимательно следят за настроением своего собеседника, способны сопереживать. Важной чертой является спонтанность во время переговоров, отсутствие формальных рамок. Обсуждения могут быть оживленными, артистичными, красноречивыми, страстными, поскольку латиноамериканцам нравится сам процесс.

Установление доверия перед деловыми переговорами может потребовать времени, но это необходимо для успешного ведения бизнеса в Латинской Америке. Личные отношения и связи имеют большое значение, поэтому будет полезным познакомиться и наладить контакты до начала деловых переговоров. Также стоит обратить внимание на статусность и профессионализм, указать свои заслуги и достижения на визитке, чтобы продемонстрировать свою компетентность и профессионализм. Высоко ценится «palanca» «паланка» (рычаг воздействия), такой человек называется «persona bien colocada» (человек с хорошими связями).

В Латинской Америке принято обмениваться рукопожатиями, использовать соответствующие звания и ранги. На первые деловые переговоры приглашают «энчуфадос» (enchufados), человека, обладающего связями на высоком уровне в сфере бизнеса и политики. При знакомстве с женщинами может быть уместен легкий поклон, после чего ожидается рукопожатие с ее стороны. Предпочитается строгий деловой костюм как во время переговоров, так и в повседневной жизни, большое значение придается эlegantности и консерватизму в гардеробе.

Во время беседы латиноамериканцы обычно сидят и разговаривают на близком расстоянии и могут использовать жесты, положить руку на плечо, взять за локоть или за руку. Избегать физического контакта и класть руки в карманы не рекомендуется, так как это может оскорбить партнера. Для обозначения высоты рекомендуется использовать указательный палец, поскольку вся ладонь используется исключительно для обозначения роста животного.

Население Латинской Америки придерживается традиций и консервативных взглядов, поэтому во время переговоров рекомендуется использовать ясные аргументы, статистику и экономические расчеты. Люди здесь живут в настоящем времени, поэтому они заинтересованы в сиюминутных результатах сделок. Необходимо обязательно попросить официальное подтверждение всех договоренностей в письменном виде, так как в Латинской Америке нельзя полагаться только на обещания - могут быть даны много обещаний, но ничего не выполнено.

Деловые обеды обычно предназначены для обсуждения сложных и серьезных вопросов. Часто самый старший и уважаемый человек оплачивает счет за всю компанию в ресторане, но хорошим тоном считается возразить или пригласить коллег на следующую встречу за свой счет. Деловым женщинам не следует приглашать мексиканского партнера на ужин в ресторане без его супруги или коллеги. Если партнеру предложили мате, это может свидетельствовать об особом расположении. Кроме того, в данном регионе люди обожают юмор, они склонны к острым шуткам и анекдотам, подшучивают друг над другом и любят слушать ироничные истории коллег.

Большинство латиноамериканцев придерживается традиционных ценностей и религиозных убеждений, особенно католицизма. Поэтому во время деловых переговоров важно избегать негативного обсуждения религии или других моральных ценностей, чтобы не оскорбить своего партнера. Церковь играет значительную роль в жизни латиноамериканцев и имеет большое влияние на их мировоззрение и политическую культуру. Уважение к религии – важный фактор при ведении деловых отношений в Латинской Америке.

Основой духовной жизни латиноамериканцев стал католицизм, который принесли на континент конкистадоры. Впитав местные особенности, он стал неотъемлемой частью его политической культуры [\[9\]](#). Религиозный синкретизм является характерной отличительной чертой духовной жизни латиноамериканских народов. Несмотря на усилия некоторых колонизаторов, стремящихся полностью уничтожить доколумбовые религиозные традиции, некоторые элементы этих культов все же сохранились и смешались с христианской культурой, преобладающей в Испании. Со временем эти два различных культурных влияния стали взаимодействовать, и сформировались определенные устойчивые формы слияния индейской языческой и иберийско-христианской религиозности. [\[15\]](#). Среди основных форм сохранившихся элементов доколумбовых культов в рамках системы католической религии и церкви следует выделить retablo. «Ретабло» и «экс-вото» — это картинки, приносящиеся в дар святым. Их рисовали в благодарность за какое-то чудесное событие, избавление от опасности или болезни. К концу XX в. псевдонародные ретабло получили широкое распространение среди туристов и стали популярной формой современного искусства.

В странах Латинской Америки, несмотря на некоторые региональные различия, население в целом склонно к непунктуальности. Жители этих стран часто живут размеренной жизнью в теплом климате и не так строго придерживаются расписания, как в других регионах. Даже на деловых встречах партнеры могут опоздать на полчаса или даже час, и это считается приемлемым и нормальным. Однако, стереотипно считается, что иностранцы более пунктуальны, поэтому латиноамериканцы могут постараться быть более точными, если речь идет о встрече с иностранным гостем или высоко оценить его четкое и внимательное отношение к времени. С 9.00 до 13.00 коммерческие структуры работают, а затем с 15.00 до 18.00 проводится сиеста. Если вы хотите провести встречу с латиноамериканским партнером, может быть хорошим тоном предоставить ему выбор времени, чтобы показать свою вежливость и уважение. Также принято проводить бизнес-завтраки, которые могут перетекать в обед, а также ланчи и обеды в отеле иностранного гостя.

Важнейшим аспектом для латиноамериканцев является семья, рабочие обязанности всегда занимают второстепенное место. Женщины имеют высокий статус в латиноамериканском обществе и ассоциируются с Девой Марией, так как религия имеет большое значение в этой культуре. В Латинской Америке существует много выдающихся

женщин-президентов и активистов в политической и деловой сферах. Женщинам в деловом мире рекомендуется одеваться классически и вести себя сдержанно, так как в латиноамериканских странах преобладает мачизм.

Латиноамериканцы могут проявлять недоверие к своим партнерам путем небрежности и необязательности. Однако они относятся с уважением и интересом к иностранцам, особенно к американским партнерам, к которым могут проявлять особое уважение. Принятие решений важно хорошо обдумать и не спешить, так как латиноамериканцы могут подумать, что они слишком много уступили.

Для подарков коллегам из Латинской Америки подходят музыкальные записи, небольшие электронные устройства, ручки, зажигалки, часы, духи. При гостевом визите уместно принести шоколадные конфеты, шампанское, виски, коньяк или клубнику. Следует избегать дарить ассоциирующиеся с похоронами и трауром красные и белые цветы. При первой деловой встрече лучше ограничиться небольшими национальными сувенирами или сувенирами с символикой компании.

Изучение особенностей лингвистической специфики переговоров является не менее важным, чем соблюдение правил поведения. Название "Латинская Америка" произошло именно от латинского корня романских языков. Испанский язык является официальным государственным языком почти во всех странах этого региона. Однако более 10% населения Латинской Америки говорят на индейских языках, в Бразилии - на португальском, а в Гаити - на французском. Многие латиноамериканцы владеют английским языком, однако будут намного более расположены, если их партнеры говорят на испанском. Можно нанять переводчика, так как презентации, деловые документы и визитные карточки лучше составлять на испанском языке.

Партнерам будут приятны любые слова на их родном языке, особенно приветствия: *buenos días*, *buenas tardes*, *buenas noches* (доброе утро, добрый день и добрый вечер соответственно). В деловой Латинской Америке принято обращаться по должности или профессии, что отображает статус собеседника: врач – *doctor*; преподаватель – *profesor*; инженер – *ingeniero*; юрист – *abogado* и тд. К коллегам, не имеющим профессиональных титулов, нужно обращаться так: *señor*, *señora*, *señorita* (сеньор, сеньора, сеньорита) и далее фамилия человека.

В деловом мире также рекомендуется использовать следующие слова: *muchas gracias* (большое спасибо), *por favor* (пожалуйста), *usted es muy amable* (вы очень любезны). Уместными будут хвалебные формы: *perfecto* (совершенный, превосходный, отличный), *bárbaro* (смело), *espectacular* (эффектно, броско), *impresionante* (впечатляющее), *lindo*, *bonito*, *hermoso*, *grandioso*, *fenomenal* (прекрасно). Говорится это как уместно, так и неуместно: при плохом исполнении можно услышать ободряющее: «*iExelente! iMuy bien!*» – «Великолепно, очень хорошо!». Даже в случае ошибки человеку скажут: «*iEstá bien!*» (все хорошо). Стоит отметить, что несмотря на яркие региональные отличительные особенности, многое в вербальной коммуникации соответствует классическим приемам и способам выражения испанского делового языка.

Латиноамериканская культура коммуникации характеризуется высоким эмоциональным фоном и драматизмом. В ходе обсуждения они могут прерываться на звонки, выражать радость или негодование. У латиноамериканцев нет возможности ответить "плохо" (*mal*) или "так себе" (*así así*) на вопрос "как дела?" (*¿Como estás?*). Для них "более-менее" уже означает "плохо", поэтому коллега обязательно спросит, что произошло. Это показывает их оптимистическое отношение к жизни и желание сохранять бодрость духа.

Если коллега избегает прямого ответа на вопрос, можно повторить его в измененной форме.

Иногда используются глаголы типа *creer, opinar, suponer*, смягчающие следующие за ними суждения или лексические единицы, позволяющие избежать прямого высказывания *simplemente, solo*. Повышенная экспрессивность типично выражается через эмоционально-оценочные глаголы и субхунтив (*espero que usted sea más competitivo*), средства речевой агрессии (*usted me está tomando el pelo* или через условные предложения с союзом «*si*»). Манипуляции реализуются с помощью местоимения «*nosotros*» для создания ложного чувства совместных усилий и совместной выгоды. Давление на оппонента может достигаться при помощи иронии или через использование Conditional Simple в его модальном значении вежливой просьбы (*¿Esa es su nueva propuesta? Podría proponer algo mejor*) [7].

Еще одной особенностью является использование заимствований из английского языка без перевода и фонетического оформления или близко к оригиналу, например, термин *email* (e-mail) в странах Латинской Америки, в отличие от Испании (*correo electrónico*), используется в оригинальной форме. Слова «компьютер - *computer*» латиноамериканцы переводят как *computadora*, контрастируя с испанским *ordenador*.

Так как в Латинской Америке успех деловой коммуникации в большей степени зависит от личных отношений и дружеского контакта, то в разговоре приветствуется переход с вежливой формы «*Usted*» (Вы) на «*tú*» (ты).

Латиноамериканцы часто используют речевые формулы вежливости, содержащие в себе Imperfecto de Subjuntivo de cortesía (*quisiera saber*), средства выражения частичного согласия с контраргументом (*tiene razón, pero*), а также глаголы в форме 1-го лица Conditional Simple (так называемого *condicional de modestia*) для формулировки потенциально конфликтогенных суждений (*yo diría que eso no es así*) [7].

Так как одной из национальных черт многих народов региона является склонность к избеганию прямой ответственности, латиноамериканцы в деловой сфере говорят намеками, используют уклончивые ответы, избегают четких формулировок. С этой целью употребляются формы Conditional Simple, вносящие модальный оттенок «предположение, возможность»; глаголы в Futuro Simple для откладывания процесса на будущее, уклончивые ответы «*por ahí*». Местоимение *se* используется для снятия ответственности с говорящего (*se nos agotó contrato*).

Как было описано выше, в латиноамериканском обществе высоко ценится власть, статус и авторитетность персоны, поэтому на грамматическом и лексическом уровне отмечается использование различных средств, усиливающих выразительность фразы для привлечения внимания собеседника: местоименного подлежащего «*yo*», которое опускается в кастильском диалекте язка, дублирование слов, лексические конструкции усиления и частицы (*realmente, en verdad, sí, sí que, ya*), оформляемые также интонационно.

При анализе Словаря Американизмов Королевской академии испанского языка [17], а также эмпирическим путем было выявлено, что несмотря на сходства латиноамериканского варианта делового языка с классическим испанским деловым языком, обнаруживается большое количество регионализмов, использующихся в деловой сфере исключительно в странах Латинской Америки. например, *briefing* (инструктаж), *income tax* (подходный налог), *changa* (временная, низкооплачиваемая

работа), *boleto de compraventa* (предварительный контракт купли-продажи), *expendio* (продажа в розницу), *rezago* (бесхозный груз), *cuentapropista* (самозанятый), *cheque volador* (просроченный чек), *capo* (шеф, начальник), *appointment* (назначение встречи, испанский вариант: *cita*), *cuerpo de delegados* (профсоюз), *chamuyar* (угговорить), *estampar la millonaria* (подписывать документ), *tratativa* (подготовка к переговорам), *bill* (счет), *cash* (наличные деньги), *deal* (сделка), *field* (поле деятельности), *locker* (камера хранения), *credula de identidad* (удостоверение личности), *monotributo* (монотакс, единый налог), *informe de dominio* (документ о праве собственности), *locador* (арендодатель). Необходимо обозначить, что этот список также включает термины в форме ассимилированных и неассимилированных англицизмов из спанглиша (Spanglish), который также активно используется в дискурсе переговоров в форме предложений: «*Llamenos para delivery*» (рекламные щиты в Перу), «*Se venden bloques*» (объявления в Гватемале), «*Tips para marketing*» (реклама в Мексике).

Таким образом, прослеживается влияние культурных особенностей поведения латиноамериканцев на лингвистические особенности делового дискурса региона, представляющие собой использование субхунтива, *Condicional Simple*, деловых терминов-регионализмов, терминов из спанглиша (Spanglish) в форме ассимилированных и неассимилированных англицизмов, особой лексики для выражения превосходства, приемов усиления и другие.

Вышеописанные вопросы позволяют сделать вывод, что сложность и многоплановость межкультурного аспекта коммуникации требуют междисциплинарного подхода с точки зрения психологии, социологии, истории, лингвистики, этики, экономики и политологии. Сегодня специалист международного класса должен быть космополитом и экспертом по межкультурной коммуникации и связям с общественностью, а педагог уметь осветить проблематику межкультурных отношений во всех сферах жизнедеятельности человека.

Библиография

1. Александрова Ю.Г. Особенности ведения деловых переговоров европейских стран / Ю.Г. Александрова // Российский внешнеэкономический вестник. 2011. №2. С. 63-68.
2. Василенко И.А. Политические переговоры: учебное пособие / И.А. Василенко. М.: Гардарики, 2006. 398 с.
3. Гестеланд Р.Л. Кросс-культурное поведение в бизнесе / Ричард Гестеланд. М., Баланс Бизнес букс, 2004. 288 с.
4. Земская Е.А. Испания и Латинская Америка: «Сообщающиеся языковые сосуды» // Вестник МГИМО Университета. 2011. No 6 (21). С. 71-77.
5. Зыков Е.А. Искусство ведения деловых переговоров на английском языке // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. No 10 (2). С. 106-111.
6. Игнатьева Е. С. Международный деловой этикет на примере 22 стран мира / Е. С. Игнатьева. Бомбора, 2020. 1221 с.
7. Кавригина А.И. Культурно-обусловленные стратегии коммуникативного поведения в деловых переговорах в Латинской Америке // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. No 5 (116). С. 164-175.
8. Кадочников П. А. Интеграционные процессы в Латинской Америке и перспективы участия в них России (Таможенного союза) // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. No 12. С. 3-18.
9. Киречко Е.М. Основные характеристики политической культуры Латинской Америки. // Мировая политика. 2017. № 4. С. 14-21. DOI: 10.25136/2409-8671.2017.4.24502 URL: https://e-notabene.ru/wi/article_24502.html
10. Коваленко А.С. Лексические особенности делового языка в Аргентине // Moscow

University Young Researcher's Journal. 2021. № 9.

11. Константинова Н.С. Культурная идентичность стран Иберо-Америки: мифы и реальность // Латинская Америка. 2015. № 12. С. 77-86.
12. Лопера Х., Инес М. Вина коровы. Библос, 2021.
13. Самарина Е.Л. Анализ социокультурных характеристик стран Латинской Америки и России // Дискурс. 2017. (2). С. 86-97.
14. Сапожникова Е. Э. Сопоставительный анализ национально-культурных особенностей языка делового общения (на материале переговоров на английском, испанском и русском языках): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2004. 260 с.
15. Соловьев Э.Я. Современный этикет. Деловой протокол / Э.Я. Соловьев. М.: Издательство «Ось-89», 2001. 320 с.
16. Шемякин Я.Г. Латиноамериканский праздник как предмет цивилизационного исследования // Латинская Америка. 2001. № 11. С. 43-62.
17. Diccionario de la Lengua Española/Diccionario de Americanismos: <https://dle.rae.es/>
18. Llamazares O. Cómo negociar con éxito en 50 países. Global Marketing Strategies / Olegario Llamazares García-Lomas. Madrid: S.L. 2003. 244 p.
19. Ogliastri E., Salcedo G. La cultura negociadora en el Perú. Un estudio exploratorio // Journal of Economics, Finance and Administrative Science. 2008. Vol. 13 (25). P. 9-34.
20. Parrado F. A., Cabezas Rodríguez L. M., Calderón Saray C. S. Estudio de estilos de negociación en Perú, México y Argentina // Palermo Business Review. 2018. Vol. 18. P. 281-298.
21. Perea Mosquera L. N., Redondo Ramírez M. I., Rodríguez Henai L. J., Aristizábal Henao M. M. El arte de negociar en Europa, América Latina y Asia. Pereira, 2021. 225 p.
22. Risager K. Language textbooks: windows to the world // Language, Culture and Curriculum. 2021. Vol. 34, iss. 2. P. 119-132.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию социокультурных и лингвистических особенностей политических и деловых переговоров в Латинской Америке, типичных культурных и поведенческих паттернов при ведении переговоров с латиноамериканскими партнерами, а также анализу слов, терминологических словосочетаний, грамматических моделей и речевых конструкций, используемых в официальном дискурсе. Выбранный ракурс исследования соотносится с одной из рубрик издания, тема, на мой взгляд, интересна и актуальна. Авторская позиция манифестирована точно, вариатив объективирован. Стиль соотносится с собственно научным типом: например, «Некоторые исследователи, определяя межкультурные переговоры как процесс, при котором две или более стороны с различными потребностями и точками зрения пытаются прийти к соглашению по обоюдно интересующей их теме, отмечают, что данное взаимодействие характеризуется принадлежностью сторон к различным культурам, вероисповеданиям и их определёнными культурными особенностями в поведении, нравственными ценностями. При этом переговоры проходят в межкультурной среде и представляют интерес для обеих культур (Н.П. Громова, Е.И. Ренер, Л.В. Скопова (2013))», или «Латиноамериканская культура отличается открытостью и готовностью принять и уважать другие культуры и традиции. Они проявляют толерантность по отношению к различным политическим, расовым и религиозным убеждениям. Власть в их понимании может стать

источником богатства, а богатство может привлечь политическую поддержку. Россия воспринимается ими как «исторический противовес» Северной Америке, с которой у многих стран региона напряженные отношения. Власти Российской Федерации также высоко ценят связи со странами Латинской Америки как с важными и перспективными партнерами. Социальные нормы и установки в странах Латинской Америки во многом схожи с российскими, а различия между странами обосновываются историческими процессами и самоидентификацией» и т.д. Эмпирика является допустимой составляющей данного труда, при этом это не противоречит научной вариации. Фактические данные представлены объективно: «деловые обеды обычно предназначены для обсуждения сложных и серьезных вопросов. Часто самый старший и уважаемый человек оплачивает счет за всю компанию в ресторане, но хорошим тоном считается возразить или пригласить коллег на следующую встречу за свой счет. Деловым женщинам не следует приглашать мексиканского партнера на ужин в ресторане без его супруги или коллеги. Если партнеру предложили мате, это может свидетельствовать об особом расположении. Кроме того, в данном регионе люди обожают юмор, они склонны к острым шуткам и анекдотам, подшучивают друг над другом и любят слушать ироничные истории коллег». Иллюстративный фон выверен: «Партнерам будут приятны любые слова на их родном языке, особенно приветствия: *buenos días*, *buenas tardes*, *buenas noches* (доброе утро, добрый день и добрый вечер соответственно). В деловой Латинской Америке принято обращаться по должности или профессии, что отображает статус собеседника: врач – *doctor*; преподаватель – *profesor*; инженер – *ingeniero*; юрист – *abogado* и т.д. К коллегам, не имеющим профессиональных титулов, нужно обращаться так: *señor*, *señora*, *señorita* (сеньор, сеньора, сеньорита) и далее фамилия человека». И все же текст необходимо вычитать, устранить некоторые языковые опусы: «несмотря на сходства латиноамериканского варианта делового языка с классическим испанским деловым языком, обнаруживается большое количество регионализмов, использующихся в деловой сфере исключительно в странах Латинской Америки. например, *briefing* (инструктаж), *income tax* (подходный налог), *changa* (временная, низкооплачиваемая работа), *boleto de compraventa* (предварительный контракт купли-продажи), *expendio* (продажа в розницу), *rezago* (бесхозный груз), *cuentapropista* (самозанятый), *cheque volador* (просроченный чек), *capo* (шеф, начальник), *appointment* (назначение встречи, испанский вариант: *cita*), *cuerpo de delegados* (профсоюз), *chamuyar* (угворить), *estampar la millonaria* (подписывать документ), *tratativa* (подготовка к переговорам), *bill* (счет), *cash* (наличные деньги), *deal* (сделка), *field* (поле деятельности), *locker* (камера хранения), *credula de identidad* (удостоверение личности), *monotributo* (монотакс, единый налог), *informe de dominio* (документ о праве собственности), *locador* (арендодатель)». Материал практически универсален, его целесообразно использовать в вузовском обучении; ряд позиций есть смысл расширить в новых изысканиях. Формальные требования издания учтены, итоги работы соотносятся с основной частью. Считаю, что статья «Поведенческие паттерны и лингвистическая специфика деловых переговоров с партнерами из Латинской Америки» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Пак Л.Е. Лингвокультурная специфика спортивного медианарратива (на материале спортивных комментариев Канады и России) // Litera. 2024. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.71184 EDN: TDMBIC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71184

Лингвокультурная специфика спортивного медианарратива (на материале спортивных комментариев Канады и России)

Пак Леонид Евгеньевич

ORCID: 0000-0003-2181-0259

кандидат филологических наук

доцент, кафедра межкультурных коммуникаций и переводоведения; Владивостокский государственный университет

690002, Россия, Приморский край, г. Владивосток, пр-т Красного Знамени, 51, кв. 230

✉ leonid.pak@wsu.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.7.71184

EDN:

TDMBIC

Дата направления статьи в редакцию:

03-07-2024

Аннотация: Данное исследование посвящено сопоставительному изучению специфики спортивного медианарратива. Целью исследования является сопоставление спортивного медианарратива в лингвокультурной парадигме (на материале спортивных комментариев Канады и России). Объектом исследования является спортивный медианарратив в канадской и российской лингвокультурах. Предметом исследования является лингвокультурный аспект спортивного медианарратива России и Канады. Актуальность настоящей статьи заключается в том, что события в сфере спорта отражают проблемы глобализации и прогнозирования будущего, что обуславливает важность как комплексного, так и аспектного изучения коммуникации в данной области и, в частности, спортивного медианарратива. Кроме того, сопоставительные исследования, выявляющие лингвокультурные особенности современного медиатекста, его экспрессивные возможности как средства организации повествования, соответствуют

методологии современной науки о языке. Основными методами, использованными в настоящей работе, являются сопоставительный дискурс-анализ и лингвонарративный метод. Кроме того, использованы методы количественной обработки данных. Новизна данной работы обусловлена тем, что впервые проводится сопоставительный анализ спортивного медианарратива на английском и русском языке (на материале спортивных комментариев). Выводы: устные тексты, продуцируемые в рамках обоих дискурсов, характеризуются внутренней динамикой, поликодовостью (речь комментатора сопровождается видеорядом) и выстраиваются в соответствии с канонической нарративной последовательностью. Описывая образ события, комментаторы, носители разных лингвокультур, используют экстрадигетическую стратегию (всезнающий наблюдатель-нарратор), иногда применяя интродигетическую стратегию (стремление опосредованно стать участником повествуемых событий). Лингвокультурные различия наиболее ярко прослеживаются на уровне типов речи. Российские комментаторы характеризуются использованием информативного повествования, в то время как канадские комментаторы используют описательное повествование. Вторым наиболее значимым типом речи в российском медиадискурсе является рассуждение. Для канадских комментаторов более свойственно описание. Российский спортивный медианарратив следует драматургическому (сюжетному) способу показа событий, в то время как канадский – хронотопическому, т. е. определяется привязкой ко времени и месту. Выявленные отличия могут указывать на то, что при повествовании о происходящем событии, комментаторы создают «вторую реальность» исходя из своих аксиологических установок, обусловленных культурными различиями двух стран.

Ключевые слова:

спортивный комментарий, спортивный медианарратив, нарратология, лингвонарративный метод, лингвокультурная специфика, поликодовость, характер нарративной стратегии, нарративная последовательность, типы речи, показ событий

Данное исследование посвящено сопоставительному изучению специфики спортивного медианарратива.

Классическая нарратология сформировалась в трудах таких известных исследователей как М. М. Бахтин, В. Шмид, Ц. Тодоров, Ж. Женетт, В. Я. Пропп, Р. Барт и других. По мнению М. М. Бахтина, повествование должно равнозначно сочетать как событие самого рассказывания, так и событие, которое разворачивается в художественном произведении [\[1\]](#). При этом данные аспекты повествования могут изучаться обособленно, так как нарратология делится на две ветви: сюжетология (порождение истории и изменение данной истории в ходе движения сюжета от завязки к кульминации и развязке) и перспективология (исследование повествовательных инстанций и фокализации) [\[2\]](#).

Важную роль в становлении нарратологии как науки сыграли структуралистские работы В. Я. Проппа о морфологии волшебной сказки [\[3\]](#) и литературоведческие работы Р. Барта [\[4\]](#). Согласно Ж. Женетту и Ц. Тодорову нарративом является особый тип текста, содержащий следующие обязательные элементы: событие, сюжет и позицию, с которой представлен повествуемый мир [\[5, 6\]](#).

На основе работ классической нарратологии сформировалось достаточно новое

направление – лингвистика нарратива или лингвонарратология. В рамках данной молодой отрасли знания изучаются лингвопрагматические и лингвостилистические особенности моделей наррации в интернет-коммуникации [\[7\]](#), а также отражение медианарративов в молодежный онлайн-сообществах, которые, по мнению авторов, направлены на воспитание традиционных ценностей [\[8\]](#).

В статьях современных исследователей активно изучается журналистский медианарратив, например, миромоделирование в журналистском нарративе США [\[9\]](#), тактики речевого воздействия на базовых содержательных уровнях журналистского нарратива [\[10\]](#), виды нарративов в политическом дискурсе [\[11\]](#), хроно-диахроническое изучение нарративного фольклора как вида информационного оружия [\[12\]](#).

Кроме того, можно определенно говорить о появлении новостного медианарратива. Нарратологический взгляд на новостной дискурс был сформирован под влиянием работ Т. А. ван Дейка, который считал значимой особенностью данной разновидности нарратива стремление начать сообщение о событии выражением основной главной темы в заголовке, распространяя ее на вводку (лид) [\[13\]](#), в то время как в большинстве нарративных текстов релевантная тема выносится в конец. Вслед за Т. А. ван Дейком, изучению особенностей новостного нарратива посвятили свои работы такие отечественные исследователи как В. И. Тюпа (нарратологическая проблема новостного дискурса) [\[14\]](#) и А. Е. Агратин (структурные особенности события в «угрожающих» сообщениях) [\[15\]](#).

Выявлению лингвокультурной специфики медианарративов пока посвящено достаточно незначительное количество работ. Например, статья О. В. Николаевой о медианарративе «Азиатский век». В исследовании устанавливается роль национальных нарративов в формировании сюжетов на Востоке и Западе (на материале англоязычных медиатекстов азиатских стран, США и стран Европы) [\[16\]](#). Кроме того, существует работа, посвященная бразильскому медианарративу о России [\[17\]](#). Данное исследование продолжает аспектное изучение лингвокультурных особенностей медианарративов. Спортивный медианарратив в данном исследовании мы будем определять как совокупность тематически связанных медиатекстов, которые описывают события в спортивной сфере в свете авторского восприятия причинно-следственных связей.

Актуальность настоящей статьи обусловлена несколькими причинами. Во-первых, события в сфере спорта отражают проблемы глобализации и прогнозирования будущего, что обуславливает важность как комплексного, так и аспектного изучения коммуникации в данной области и, в частности, спортивного медианарратива. Во-вторых, сопоставительные исследования, выявляющие лингвокультурные особенности современного медиатекста, его экспрессивные возможности как средства организации повествования, соответствуют методологии современной науки о языке. В-третьих, несмотря на наличие некоторых работ в выделенном проблемном поле, изучению спортивного медианарратива сквозь призму лингвокультурной специфики уделялось пока недостаточно внимания.

Новизна данной работы обусловлена тем, что впервые проводится сопоставительный анализ спортивного медианарратива на английском и русском языке (на материале спортивных комментариев). Описаны особенности нарративной последовательности и характера нарративной стратегии; сопоставлена специфика создаваемого рассказа и показа фактов разворачивающегося события; выявлены сходства и различия типов речи

при описании события.

Целью исследования является сопоставление спортивного медианарратива в лингвокультурной парадигме (на материале спортивных комментариев Канады и России).

Материалом для исследования являются спортивные комментарии чемпионата мира по хоккею на русском и английском языке. Российские репортажи были отобраны из трансляций канала МАТЧ ТВ (8 трансляций общей длительностью 24 часа, комментаторы: Владимир Гучек, Леонид Васин, Артем Батрак, Андрей Юртаев, Кирилл Корнилов). Комментарии Канады на английском языке были отобраны из трансляций канала TSN (The Sport Network) (8 трансляций длительностью 24 часа, комментаторы: Горд Миллер и Майк Джонсон).

Объектом исследования является спортивный медианарратив в канадской и российской лингвокультурах.

Предметом исследования является лингвокультурный аспект спортивного медианарратива России и Канады.

Основными методами, использованными в настоящей работе, являются сопоставительный дискурс-анализ и лингвонарративный метод. Кроме того, использованы методы количественной обработки данных.

Работа предполагала последовательное выполнение нескольких этапов. Нами было изучено, как в рамках спортивного комментария проявляются базовые особенности медиатекста: антропоцентричность (отражение мировосприятия автора (комментатора), особенности трактовки явлений и событий) и диалогичность. В то же время были выявлены и описаны значимые свойства устной медиаречи: поликодовость, характер нарративной стратегии, соблюдение нарративной последовательности, специфика типов речи при описании события и показа фактов/событий. Далее проводился сопоставительный анализ спортивного медианарратива на основе выделенных особенностей и свойств медиатекста и медиаречи на русском и английском языках, были описаны сходства и различия.

Результаты исследования. К общим чертам текста спортивного медианарратива (на материале спортивных комментариев) можно отнести такую его характеристику как *поликодовость*, т.е. одновременную иллюстрацию события как вербально (устной речью комментатора), так и видеорядом. Спортивное событие изображается в процессе развития, что делает его более привлекательным для зрителя-адресата.

Далее обратимся к такому параметру спортивного медианарратива как характер нарративной стратегии. Разновидностями нарративной стратегии являются: экстрадигетическая и интрадигетическая [\[18\]](#). В рамках экстрадигетической стратегии, автор при подаче события берет на себя роль «всезнающего, надмирного существа», которое не участвует в происходящем. При этом, если автор непосредственно участвует в разворачивающемся событии и рассказывает о нем с точки зрения действующего лица, то используется интрадигетическая стратегия. В проанализированном материале можно обнаружить доминирование экстрадигетической нарративной стратегии в обеих лингвокультурах:

«So we've reached the final, it is the host team Czechia against Switzerland in this bubbling cauldron here in Prague, not a seat to be had, it's a country of 10 half million people, an estimated 2.5 million watched their semi-final win over Sweden yesterday»

(Перевод: «Итак, мы достигли финала, сборная Чехии на домашнем льду против Швейцарии в этом кипящем котле в Праге, нет ни одного свободного места. Страна с десятиmillionным населением, и при этом два с половиной миллиона смотрели вчера полуфинал с Швецией») [\[19\]](#).

«Канада и Латвия совсем скоро начнут свой матч. Все внимание на площадку, стартовое вбрасывание. Сэмюэл Монтенбо в воротах у Канады, Латвийские ворота защищает Артур Шилов, проводший просто бесподобный матч четвертьфинальный против Швеции, ну, по-другому никак, там нужно было выпрыгнуть из штанов, чтобы добиться этого успеха, исторического успеха» [\[20\]](#).

В приведенных примерах спортивные комментаторы представляют событие со стороны.

При этом для преодоления опосредованности общения со зрителем-адресатом, спортивные комментаторы могут отчасти применять интрадигетическую нарративную стратегию, выходя из роли просто рассказчика, стремясь принять косвенное участие в происходящем. Как российские, так и канадские комментаторы обращаются к зрителям трансляции и к участникам спортивного события:

*«I don't know how **you're expecting** to see anything or find the puck through that massive people»* (Перевод: «Я не знаю, как вы ожидаете разглядеть здесь что-то или найти шайбу среди этих огромных людей») [\[19\]](#).

*«It's hard to describe to **you, guys**, how this tournament has taken over this country, countless squares, sports bars, you name it, it is everywhere»* (Перевод: «Сложно описать это для вас, ребята, всю важность этого турнира в этой стране, заполненные площади, спортивные бары, далее везде, он повсюду») [\[19\]](#).

*«Удаление уже, **че вы разговариваете еще?** Ну, да, подножка, хорошая такая, вернее это плохо, что нарушение за лицевой линией такое очевидное в зоне соперника»* [\[20\]](#).

*«**Вы думаете, что-то изменится?** Но пока середина игры и выглядят они равными, и при этом 1:0 Латвия. Большинство, просто моментов нет! Канада в большинстве против Латвии! И нет моментов!»* [\[20\]](#).

Таким образом, в рамках данной нарративной стратегии комментатор стремится стать действующим лицом и повествовать о событии с позиции участника, выстраивая поликодовый нарратив, что выполняет функцию усиления привлекательности происходящего для зрителя.

Нарративная последовательность является важным свойством устной медиаречи в спортивном нарративе. Типичная схема данного явления представляется следующим образом: 1) описание исходной ситуации; 2) завязка (осложнение); 3) кульминация; 4) развязка (кода); 5) финальная ситуация [\[21\]](#). Комментарий каждого матча хоккейного чемпионата мира представляет собой нарратив о происходящих событиях, данный нарратив состоит из нарративов меньшего объема (микронарративов). Внутри каждого из таких микронарративов описанная последовательность представлена в каноническом виде.

Рассмотрим комментарий полуфинального матча чемпионата мира 2023 между Германией и США: 1) описание исходной ситуации *«В перовом матче Латвия чуть было не сделала сенсацию, но естественно вполне ожидаемо уступила команде Канады со счетом 4:2.*

Канада в финале. Здесь же у нас тоже есть коллектив, который в полуфинале оказался достаточно неожиданно...»; 2) завязка (осложнение): «Сборная Германии полетела в чужую зону»; 3) кульминация: «Перехват, смотрим, выход 1 на 1, гол!! Это 2:0 и это Гримальди, 20-летний один из самых опытных и это 11-е его очко на чемпионате мира, даже 12, 11 он набрал уже. Смотрите: получил, ускорился, побежал и просто не раздумывая в ближний, пока никто не успел с ним сблизиться»; 4) развязка (кода): «США закрепляет лидерство, активное начало»; 5) финальная ситуация: «Как бы вот этот полуфинал неожиданно не стал формальностью, ну, просто уж слишком здорово американцы начали! Четыре с половиной минуты 3 момента, а у сборной Германии вообще моментов нет» [20].

Для англоязычного спортивного нарратива данная специфика тоже применима, обратимся к полуфинальному матчу между Чехией и Швецией на чемпионате мира 2024: 1) описание исходной ситуации «*There are thousands of people there, the fan zone here is packed and of course the arena is standing*» (Перевод: Здесь тысячи людей, зона для болельщиков забита до отказа, и, конечно, вся арена на ногах); 2) завязка (осложнение): «**Майк Джонсон:** *Czech just has to go back to work, this game hasn't yet felt like it's started with the early penalties and the gold... it hasn't really found its flow yet.* **Горд Миллер:** *Kampf kicks and pokes at that but it's moved back to Palat ...*» (Перевод: Майк Джонсон: «Чехам снова нужно приниматься за работу, такое ощущение, что игра еще и не началась: раннее удаление и золотые медали... игра еще не вошла в колею». **Горд Миллер:** «Кампф ведет шайбу и передает ее Полату ...»); 3) кульминация: «*Kubalik, scores!*» (Перевод: «Кубалик, забивает!»); 4) развязка (кода): «*And it's 2:2, the swedes have not allowed a first period goal coming in, now they're allowed two in the first 10 minutes in the semi-final*» (Перевод: «И счет 2:2, шведы позволяли забивать в свои ворота в первом периоде, а теперь позволили дважды за десять минут полуфинала»); 5) финальная ситуация: «*another response goal coming back, to tie it, not letting Sweden play from in front like they have all tournament*» (Перевод: «Еще один ответный гол, чтобы сравнять счет, не позволяют шведам играть с фронта, как они это делали весь турнир») [19].

Таким образом, нарративная последовательность спортивного комментария не обнаруживает лингвокультурных отличий (представляет классическую последовательность), каждый микронарратив включается в повествование обо всем матче в целом, в то время как комментарии каждого отдельного матча могут становиться элементами нарративной последовательности в рамках макронарратива, который представляет повествование обо всем чемпионате мира в целом.

В ходе сопоставительного исследования лингвокультурных особенностей спортивного медианарратива на материале спортивных комментариев были выявлены и некоторые различия. При описании «образа события» комментаторы использовали все основные типы речи свойственные русскому и английскому языку: повествование, описание и рассуждение, однако соотношение и, следовательно, значимость перечисленных типов различна в спортивных нарративах на разных языках. Так, русскому спортивному медианарративу больше свойственно *информативное* повествование:

Андрей Юртаев: «И это гол! Вот так Йон Петерка открывает счет и Германия выходит вперед!» **Кирилл Корнилов:** «Причем это уже не первая атака сборной Германии». **Андрей Юртаев:** «Запрос будет» ...**Кирилл Корнилов:** «Не, ну, это нормальный вход в зону. Тут еще и левый конек Петерки находится на синей линии, в тот момент, когда шайба находится у него на крюке». **Андрей Юртаев:** «Ну, в какой-то момент у него

левый конек уже в зоне, а шайба на синей линии, вот этот момент, вот эта доля секунды, когда коньки уже в зоне, а шайба еще нет, вот, видимо это вызывает вопросы у тренерского штаба сборной Канады». **Кирилл Корнилов:** «Ну это прям совсем миллиметры и по нынешним правилам МФК – это гол». **Андрей Юртаев:** «Ну, и решение принято. Гол защищен – удаление сборной Канады. Я начал говорить уже, просто любопытства ради, посмотрите, была недавно на сайте КХЛ опубликована статистка по тренерским запросам в КХЛ в этом сезоне. И вы может быть удивитесь, но мало запросов, очень мало. Такая команда, как АК Барс всего один раз за сезон взяла тренерский запрос...» [\[20\]](#).

В приведенном фрагменте комментаторы не просто рассказывают о том, что происходит на катке, но и стараются объяснить зрителям все нюансы хоккейных правил («левый конек Петерки находится на синей линии, в тот момент, когда шайба находится у него на крюке», «вот эта доля секунды, когда коньки уже в зоне, а шайба еще нет, вот, видимо это вызывает вопросы у тренерского штаба сборной Канады»), приводят статистику («Такая команда, как АК Барс всего один раз за сезон взяла тренерский запрос»), что делает повествование ясным и логичным, активизирует внимание зрителей.

Для англоязычного спортивного медианарратива более характерно повествование изобразительное:

«Lead pass to Colton Parayko, leading the rush for Canada, Colton Parayko drops it back for Bunting beads it back and Genoni... Here's Parayko back at the point for Power who holds the line in for Parayko and Cozens slammed there by Kevin Fiala, had that knocked away picked up by Bunting – Bunting got spun around, it's loose in front for Cozens, couldn't quite reach it, and Jonas Siegenthaler has it back for the Swiss, he got pumped there by Genoni as he bounces it down to Binnington, finds Dawson Mercer, in comes, Mercer winds it and shoots that goes just wide off the other side, Tavares couldn't reach it he was tied up by Glauser...» (Перевод: «Передает пасс Колтону Парайко, который ведет канадцев вперед, Колтон Парайко отдает назад Бантингу, еще пасс назад, Дженони... И вот Парайко снова – отдает Пауэру, который держит линию для Парайко и Козенс, силовой прием от Кевина Фиалы, сбит с ног и шайба у Бантинга – Бантинг, ведет по кругу, шайба свободно проходит перед Козенсом, не смог дотянуться до нее, Йонас Зигентхалер забирает ее назад для Швейцарцев, он встречает Дженони, передает Биннингтону, находит Доусона Мерсера, в зоне, Мерсер проносится и бросает – шайба проходит мимо с другой стороны, Таварес не смог дотянуться, так как был скован Глаузером...») [\[19\]](#).

Данный фрагмент иллюстрирует выдвинутый ранее тезис, комментаторы, выстраивая нарратив, смещают фокус на изменяющиеся события, показывают действия в привязке ко времени и месту.

Кроме того, в российском спортивном нарративе доминирует такой тип речи как рассуждение:

«Тут опять тревожный звоночек для Германии, Канада это сборная, которая умеет играть по-разному и может прибавить по ходу матча. Я думаю, может прибавить в скорости, может прибавить в давлении. И эта сборная Канады выделяется своими габаритами. Много высокорослых ребят много мощных ребят, и, следовательно, немцам ни на секунду нельзя терять концентрацию. Очень легко вышли из-под давления. В такой ситуации самое главное не зарабатывать удаления, потому, что, если канадцы почувствуют контроль шайбы и смогут перехватить инициативу, то немцам очень будет тяжело возвращать ее назад» [\[20\]](#).

Комментатор выражает свое мнение о происходящем («Я думаю, может прибавить», «В такой ситуации самое главное не зарабатывать удаления») развивает и подтверждает свою мысль, используя придаточное условия («если канадцы почувствуют контроль ..., то немцам очень будет тяжело») и вводные слова («следовательно»). Таким образом, описывая образ события российский комментатор нацеливается на то, чтобы опосредованно воздействовать на зрителя, убедить, доказать свою точку зрения, пригласить к соразмышлению.

При этом в канадском спортивном комментарии данную нишу занимает такой тип речи как описание:

«It's a **wildandwoolly** event here in Prague, there are **alotofupsets**, a lot of **unusualevents**», «It's been a **tremendous** tournament, it has been **spectacular**, the people of Prague have been **extraordinary**, this has just been **ajoy** for the players who played here, it has really been a **firstclass** event» (Перевод: «Это безумное событие в Праге, было множество разочарований, множество неожиданных событий» «Это был невероятный турнир, это бело незабываемо, жители Праги были необычайны, это было истинное наслаждение для всех игроков, сыгравших здесь, это было первоклассное событие»)^[19].

В приведенном примере объектом описание выступает и сам турнир, и его место проведения, текст статичен, преобладают существительные и прилагательные с эмоционально-оценочной коннотацией («**alotofupsets**», «**unusualevents**», «**extraordinary**»), имеют место образные средства, в данном случае адъективный фразеологизм («**wildandwoolly**»).

Таким образом, при описании события спортивные комментаторы используют одни и те же типы речи (повествование, рассуждение и описание) для создания повествуемого мира (другой реальности). Различное соотношение типов речи обусловлено разной авторской позицией, аксиологическими и аксиоматическими установками и постулатами, которые отличаются в российской и канадской лингвокультурах.

Количественные данные об удельном весе разных типов речи в рамках российского и канадского спортивного медианарратива приведены в таблице 1.

Таблица 1. Процентное соотношение типов речи в рамках российского и канадского спортивного медианарратива.

Тип речи	Российский спортивный медианарратив (комментарий)	Канадский спортивный медианарратив (комментарий)
Повествование	61%	62%
Рассуждение	29%	11%
Описание	10%	27%

Заключение. В ходе настоящего исследования был проведен сопоставительный анализ спортивного медианарратива в лингвокультурной парадигме. Материалом послужили спортивные комментарии Канады и России на русском и английском языках.

Следует отметить, что устные тексты, продуцируемые в рамках обоих дискурсов, характеризуются внутренней динамикой, поликодовостью (речь комментатора сопровождается видеорядом) и выстраиваются в соответствии с канонической

нарративной последовательностью. Описывая образ события, комментаторы, носители разных лингвокультур, используют экстрадигетическую стратегию (всезнающий наблюдатель-нарратор), иногда применяя интродигетическую стратегию (стремление опосредованно стать участником повествуемых событий).

Лингвокультурные различия наиболее ярко прослеживаются на уровне типов речи. Российские комментаторы характеризуются использованием информативного повествования (стремление объяснить нюансы события, мотивы участников спортивного действия), в то время как канадские комментаторы используют описательное повествование (смещение фокуса на изменяющиеся события, показ действия в привязке ко времени и месту). Вторым наиболее значимым типом речи в российском медиадискурсе является рассуждение: поиск причинно-следственных связей, выражение своего мнения и вывод тезисов, приглашение зрителей к соразмышлению. Для канадских комментаторов более свойственно описание: статическое изображение происходящего, изучение особенностей и свойств интересующего явления или объекта.

Таким образом, российский спортивный медианарратив следует драматургическому (сюжетному) способу показа событий, в то время как канадский – хронотопическому, т. е. определяется привязкой ко времени и месту.

Выявленные отличия могут указывать на то, что при повествовании о происходящем событии, комментаторы создают «вторую реальность» исходя из своих аксиологических установок, обусловленных культурными различиями двух стран.

Проведенное исследование обозначает перспективу дальнейшей работы над проблемами сопоставительного анализа спортивного медианарратива, реализованного на разных языках. Во-первых, необходимо привлекать новый эмпирический материал. Во-вторых, исследовать другие типы медианарративов с точки зрения их гендерной и лингвокультурной специфики.

Библиография

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М.: Худ. лит., 1975. – 504 с.
2. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
3. Пропп, В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропп. – М.: Наука, 1969. – 168 с.
4. Барт, Р. Семиология / Р. Барт // Структурализм: «за» и «против»: сб. статей. – 1975. – С. 114–164.
5. Женетт, Ж. Фигуры / Ж. Женетт. – М.: Азбука, 1998. – 944 с.
6. Тодоров, Ц. Поэтика / Ц. Тодоров // Структурализм: «за» и «против»: сб. статей. – 1975. – С. 37–114.
7. Моштылева, Е. С. Модели наррации в современной русскоязычной интернет-коммуникации: лингвопрагматический и лингвостилистический анализ, дисс. канд. филол. наук. / Моштылева Екатерина Сергеевна [Место защиты: Нижний Новгород], 2021. – 190 с.
8. Дунас, Д. В. Отражение метанарративов в молодежных онлайн-сообществах (на примере VK и Telegram) / Д. В. Дунас, Д. А. Бабына, О. А. Бойко, С. А. Вартанов, Д. М. Вьюгина, А. Н. Гуреева, А. А. Гладкова, Е. А. Салихова, А. В. Толоконникова, Г. С. Филаткина // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. – 2023. – №12. – С. 2285–2297.
9. Кушнерук, С. Л. Челябинск и челябинцы: миромоделирование в американском журналистском нарративе / С. Л. Кушнерук, О. А. Самиева // Вестник ЧелГУ. – 2022. – №9 (467). – С. 122–132.
10. Кудрявцева, З. Г. Тактики речевого воздействия на основных уровнях содержания

- нарратива / З. Г. Кудрявцева // Вестник Башкирск. ун-та. – 2020. – №1. – С. 181–186.
11. Кудрявцева, З. Г. Виды нарративов в политическом дискурсе / З. Г. Кудрявцева // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2021. – №4 (43). – С. 142–146.
12. Первых, Д. К. Нарративный «фольклор» как информационное оружие прошлого и настоящего / Д. К. Первых // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2022. – №4. – С. 180–190.
13. Дейк, ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
14. Тюпа, В. И. Новостной дискурс как нарратологическая проблема / В. И. Тюпа // Новый филологический вестник. – 2017. – №3 (42). – С. 40–51.
15. Агрятин, А. Е. К вопросу о событийной структуре новостного нарратива (на материале «угрожающих» сообщений) / А. Е. Агрятин // Новый филологический вестник. – 2019. – №2 (49). – С. 79–90.
16. Николаева, О. В. Медианарратив «Азиатский век» сквозь призму национальных нарративов Востока и Запада / О. В. Николаева // Вопросы современной лингвистики. – 2023. – №4. – С. 73–86.
17. Сикуэйра, Ф. Л. Бразильский медианарратив о россии: конструирование реальности и корреляция с американскими медиа / Ф. Л. Сикуэйра, Л. И. Батурина, А. Б. Маркондес // Медиалингвистика. – 2022. – №2. – С. 140–166.
18. Леонтьев, А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ // Язык средств массовой информации: учеб. пособие для вузов / А. А. Леонтьев, под ред. М. Н. Володиной. – М.: Академический проспект. Альма Матер, 2008. – С. 146–152.
19. TSN. URL: <https://www.tsn.ca/live> (дата обращения: 01.06.2024).
20. Sportbox. URL: https://news.sportbox.ru/Vidy_sporta/Hokkej/world_championship/stats/turnir_20728 (дата обращения: 09.04.2024).
21. Labov, W. (2001) Uncovering the event structure of narrative. Georgetown University Round Table (Pp. 63–83). Georgetown: Georgetown University.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Как отмечает автор, «данное исследование посвящено сопоставительному изучению специфики спортивного медианарратива», «в статьях современных исследователей активно изучается журналистский медианарратив, например, миромоделирование в журналистском нарративе США [9], тактики речевого воздействия на базовых содержательных уровнях журналистского нарратива [10], виды нарративов в политическом дискурсе [11], хроно-диахроническое изучение нарративного фольклора как вида информационного оружия [12]». Думаю, что подобный вектор исследования вполне оправдан, он имеет нужную научную новизну, конструктив исследования понятен и оправдан. Необходимые ссылки и купюры даны в смешанном режиме, фрактальность позиции понятна и объективна. Например, «Кроме того, можно определенно говорить о появлении новостного медианарратива. Нарратологический взгляд на новостной дискурс был сформирован под влиянием работ Т. А. ван Дейка, который считал значимой особенностью данной разновидности нарратива стремление начать сообщение о событии выражением основной главной темы в заголовке, распространяя ее на вводку (лид) [13], в то время как в большинстве нарративных текстов релевантная тема

выносятся в конец. Вслед за Т. А. ван Дейком, изучению особенностей новостного нарратива посвятили свои работы такие отечественные исследователи как В. И. Тюпа (нарратологическая проблема новостного дискурса) [14] и А. Е. Агратин (структурные особенности события в «угрожающих» сообщениях) [15]» и т.д. Считаю, что базовые составляющие такие как «актуальность» и «новизна» прописаны верно: «Новизна данной работы обусловлена тем, что впервые проводится сопоставительный анализ спортивного медианарратива на английском и русском языке (на материале спортивных комментариев). Описаны особенности нарративной последовательности и характера нарративной стратегии; сопоставлена специфика создаваемого рассказа и показа фактов разворачивающегося события; выявлены сходства и различия типов речи при описании события». Фактический блок с рядом эмпирики удовлетворителен: «Материалом для исследования являются спортивные комментарии чемпионата мира по хоккею на русском и английском языке. Российские репортажи были отобраны из трансляций канала МАТЧ ТВ (8 трансляций общей длительностью 24 часа, комментаторы: Владимир Гучек, Леонид Васин, Артем Батрак, Андрей Юртаев, Кирилл Корнилов). Комментарии Канады на английском языке были отобраны из трансляций канала TSN (The Sport Network) (8 трансляций длительностью 24 часа, комментаторы: Горд Миллер и Майк Джонсон)». Иллюстративная база находится в пределах нормы: «При этом для преодоления опосредованности общения со зрителем-адресатом, спортивные комментаторы могут отчасти применять интрадиггетическую нарративную стратегию, выходя из роли просто рассказчика, стремясь принять косвенное участие в происходящем. Как российские, так и канадские комментаторы обращаются к зрителям трансляции и к участникам спортивного события: «I don't know how you're expecting to see anything or find the puck through that massive people» (Перевод: «Я не знаю, как вы ожидаете разглядеть здесь что-то или найти шайбу среди этих огромных людей»)). Автор старается полномерно исследовать тему, максимально точно достичь цели исследования. Суждения по ходу работы оправданы и верны: «Таким образом, нарративная последовательность спортивного комментария не обнаруживает лингвокультурных отличий (представляет классическую последовательность), каждый микронарратив включается в повествование обо всем матче в целом, в то время как комментарии каждого отдельного матча могут становиться элементами нарративной последовательности в рамках макронарратива, который представляет повествование обо всем чемпионате мира в целом». Сравнительно-сопоставительный ритм работы выдержан, фактическая правка излишня: «Комментатор выражает свое мнение о происходящем («Я думаю, может прибавить», «В такой ситуации самое главное не зарабатывать удаления») развивает и подтверждает свою мысль, используя придаточное условия («если канадцы почувствуют контроль ..., то немцам очень будет тяжело») и вводные слова («следовательно»). Таким образом, описывая образ события российский комментатор нацеливается на то, чтобы опосредованно воздействовать на зрителя, убедить, доказать свою точку зрения, пригласить к соразмышлению». Выводы по тексту соразмерны основной части, противоречий нет и в этом блоке: «сюжетному» способу показа событий, в то время как канадский – хронотопическому, т. е. определяется привязкой ко времени и месту. Выявленные отличия могут указывать на то, что при повествовании о происходящем событии, комментаторы создают «вторую реальность» исходя из своих аксиологических установок, обусловленных культурными различиями двух стран. Проведенное исследование обозначает перспективу дальнейшей работы над проблемами сопоставительного анализа спортивного медианарратива, реализованного на разных языках. Во-первых, необходимо привлекать новый эмпирический материал. Во-вторых, исследовать другие типы медианарративов с точки зрения их гендерной и лингвокультурной специфики». Материал удобен для практического применения, текст

научно оправдан, методологически объективен. Рекомендую рецензируемую статью «Лингвокультурная специфика спортивного медианарратива (на материале спортивных комментариев Канады и России)» к открытой публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжан Х., Мескин В.А. Антон Чехов в творчестве Ван Цзэнци // Litera. 2024. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.71090 EDN: STVPLK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71090

Антон Чехов в творчестве Ван Цзэнци

Чжан Хуэйчжэнь

ORCID: 0009-0004-5281-9074

аспирант; кафедра русской и зарубежной литературы; Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1042225077@pfur.ru

Мескин Владимир Алексеевич

ORCID: 0000-0003-2260-8060

доктор филологических наук

профессор; кафедра русской и зарубежной литературы; Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ vameskin@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.7.71090

EDN:

STVPLK

Дата направления статьи в редакцию:

21-06-2024

Аннотация: В статье рассматривается отражение творчества Антона Павловича Чехова в произведениях известного современного китайского писателя Ван Цзэнци, неоднократно заявлявшего о влиянии русского прозаика на его сочинения. Цель настоящей работы заключается в рассмотрении генезиса творчества Ван Цзэнци, в определении того, как конкретно проявляется влияние прозаика XIX века на прозаика XX века. Опираясь на теорию сравнительного литературоведения А. Веселовского и В. Жирмунского, анализируются наиболее известные рассказы Ван Цзэнци, такие, как

«Лао Лу» (1945), «Смерть лебедя» (1980), «Истязания котов» (1986), «Блины с маслом» (1980), «Роса» (1993), «Мясо голландской коровы» (1988), «Седан Хунци» (1993), «Тетя Сюэ» (1995), в которых особенно отчетливо проявилось влияние мастера и учителя. Литературоведы относят названные рассказы к самым выразительным в художественном отношении. В сопряжении с методом сравнительного изучения в ходе исследования использовались другие методы – биографический, герменевтический. Авторы статьи указывают на узнаваемые доминанты стиля русского писателя, отчетливо проявившиеся в работах Ван Цзэнци – тяготение к объективности, к детальному отображению действительности при некоторой недоговоренности, к амбивалентности, к легкой иронии в обрисовке жизненных явлений. Все эти и другие особенности стилевой манеры Ван Цзэнци позволяют утверждать, что он действительно внял урокам русского мастера. При этом отмечается гибкость восприятия чеховской поэтики китайским прозаиком, его умение органично соединять национальные и зарубежные начала. Новаторство статьи заключается в обнаружении типологических и генетических связей творчества Антона Чехова и Ван Цзэнци, связей, которые ранее не были отмечены литературоведами ни в Китае, ни в России. Данная работа может способствовать активизации рассмотрения историко-литературных связей России и Китая, способствовать расширению тематики работ такого рода, что в итоге будет углублять дальнейшее взаимопонимание двух народов.

Ключевые слова:

Антон Чехов, Ван Цзэнци, литературоведение, русская литература, китайская литература, рассказы, поэтика, типология, рецепция, влияние

Сравнительное литературоведение – продуктивное направление современной филологии. В. Жирмунский, продолжая учение А. Веселовского, кроме прочих, как особо важное, выделил сравнение литературных явлений, обусловленных генетическими связями на основе культурных взаимодействий, влияний, заимствований, обусловленных близостью народов, схожестью общественно-исторических обстоятельств [\[1, с. 194\]](#). В эпоху глобализации изучение взаимосвязи литератур разных народов, в частности русской и китайской, стало особенно актуально.

В этом плане есть основание обратить внимание на Антона Павловича Чехова, который является одним из наиболее известных и читаемых зарубежных писателей в Китае. Почти все его произведения переведены на китайский язык. Знакомство китайской аудитории с творчеством мастера началось в начале XX века с перевода повести «Черный монах» (1907). Интенсивное развитие китайского чеховедения началось после основания Китайской Народной Республики в 1949 году.

Несомненно, творчество Чехова оказало самое существенное влияние на китайскую словесность. Лу Синь, основоположник современной китайской литературы, считал творчество Чехова важнейшим в ряду работ известных зарубежных авторов, поскольку оно «особенно понятно китайскому миру» [\[2, с. 219\]](#). Мастерство русского прозаика близко многим выдающимся китайским писателям, в том числе и Ван Цзэнци (1920–1997) – одному из крупнейших прозаиков и драматургов новейшей китайской литературы. Сам он неоднократно признался, что «из зарубежных писателей, Чехов больше всех других вдохновлял его» [\[3, с. 288\]](#). При этом литератор, исходя из своего опыта, отмечал, что «произведения великих предшественников формируют мастерство писателей

последующих поколений, их личностные качества» [\[4, с. 336\]](#).

Любовь к Чехову китайский прозаик пронес через все годы творчества. В конце жизни он утверждал, что Чехов-экспериментатор открыл «новую эру в жанре рассказа». Ван Цзэнци акцентировал внимание на чеховском отображении подлинной жизни, на переходе мастера «от традиционной устоявшейся структуры к более свободной, способствовавшей аутентичности повествовательной манеры» [\[4, с. 340\]](#). Сам Ван Цзэнци относился к писателям-экспериментаторам, обращаясь к приему «потока сознания», разрушал границы между прозой и поэзией. В итоге многие его рассказы «перестают быть просто рассказами» [\[4, с. 165-166\]](#). Лирическая стихия, как известно, была характерна для прозы и особенно для драматургии Чехова. То есть и здесь, можно предполагать, есть чеховское влияние.

Для примера можно обратиться к раннему рассказу прозаика «Лао Лу» (1945), примечательному, в частности, тем, что в нем упоминается герой из «Крыжовника» Чехова. В этом повествовании обрисован персонаж, который мечтает купить дом с садом, выращивать овощи, цветы и на этом построить свое счастье. Представленный характер, несомненно, вызван к жизни чеховским Чимшой-Гималайским, не случайно близкие называют его «господин крыжовник». Значительно и то, что техника построения этого рассказа именно чеховская. Как известно, движение сюжета у Чехова определяется движением не «от события к событию», а именно «от настроения к настроению» [\[5, с. 53\]](#). Показательно, что и в «Лао Лу» сюжетная линия едва просматривается, все идет по заложенному в произведение лирическому настроению. «Никаких сюжетов не нужно, – говорил Чехов – нужны новые формы» [\[6, с. 291\]](#). Поиском новых форм выделялись художества Ван Цзэнци. Согласно его мнению, в отличие от классиков прошлого, например, от О. Генри или Г. Мопассана, русский писатель не думает о формальностях, о композиции, пишет непринужденно, свободно, уходя от «сложившихся штампов» [\[3, с. 288\]](#).

Вряд ли Чехов совсем не думал о построении своих произведений, но в целом мысль китайского литератора понятна и ее уловил последователь из Поднебесной. К свободной форме чаще обращался поздний Чехов, в этом смысле характерны такие его сочинения, как «Отрывок» или «Из записной книжки старого педагога», представляющие собой описания слабо связанных между собой фрагментов жизни. В схожей манере написаны такие сочинения Ван Цзэнци, как «Знакомый» или «Сон» (год написания не указан). Ван Цзэнци, писатель эпохи модернизации искусства, и в этом направлении шел дальше, более поздние его, условно говоря, рассказы по своей форме сближаются со стихотворениями, обилием диалогов – с пьесами. У него наблюдается сознательная установка – уйти от формальностей классического рассказа. Это отчетливо заявлено во многих его сочинениях, в таких, например, как «Биография кавалериста» (1979), «Смерть лебедя» (1980), «Восемь тысяч лет» (1983).

После культурной революции 1970-х годов в китайской литературе появились такие литературные течения, как «литература шрамов», «литература переосмысления», «литература реформ», которые тесно связаны с пониманием возможностей человека [\[7, с. 190-191\]](#). К середине 1980-х годов сфера переосмысления расширилась, при этом в поле основного внимания наряду с вопросами социально-политическими вошли вопросы истории, культурной идентичности. Так образовалось новое течение – литература поиска корней. Все эти литературные течения, естественно, связаны происходившей модернизацией китайского общества. В такой период репрессированный на десять и

более лет Ван Цзэнци вернулся на литературную арену со своим близко чеховским пониманием народности, историзма [с. 8, 83–86].

Примечателен в этом смысле рассказ «Смерть лебедя», отдаленно напоминающий стихотворение в прозе. Бывшая балерина, чью судьбу сломали репрессии, наблюдает вместе с детьми за лебедями, плавающими по озерной глади. Неожиданно раздаются выстрелы, одну птицу охотники убивают, другие, напуганные, улетают. Дети в смятии просят улетевших лебедей вернуться, на этом и заканчивается рассказ. «Смерть лебедя» – реминисценция чеховской «Чайки».

В русском культурном сознании присутствует целый ряд чеховских мемов, связанных с такими словами, как палата, футляр, сад, с судьбами типичных персонажей. Так и Ван Цзэнци внес в сознание своих соотечественников ряд запоминающихся образов, породил запоминающиеся мемы. В этом рассказе образ лебедя имеет глубокое обобщение. Убитая птица соотносится с поломанной репрессией судьбой женщины-балерины, некогда танцевавшей на сцене партию лебедя в известном балетном спектакле.

Мем рожден и рассказом «Истязания котов» (1986). Дети находят удовольствие в том, чтобы мучить несчастных животных. Рассказ аллегоричен, его суть в том, что мучители – дети репрессированных родителей. Истязаемые коты – прямая корреляция с истязаемыми репрессиями людьми, и те, и другие – без вины виноватые. По мнениям китайских литературоведов, гуманизм и сочувствие к маленьким людям являются одной из особенностей творчества Ван Цзэнци [9, с. 43]. Понятно, то же самое можно говорить о творчестве Чехова, гуманизм которого изначально скрыт глубоко в подтексте. С другой стороны, можно заметить, Ван Цзэнци, писатель жесткий, создавший много трагических картин «вне событий», в некотором смысле по-чеховски хладнокровен, предельно объективен. И здесь чувствуется влияние русского мастера, советовавшего писателям пребывать как бы вне изображаемого, при этом зная изображаемое до последней мелочи, глядеть на описываемые события «как бы сверху вниз» [6, с. 299]. Именно с этой позиции Ван Цзэнци и показал драматичные события китайской истории.

Известно, Чехов выступал против лжи в искусстве [6, с. 280]. Путем суровой правды шел и Ван Цзэнци. О несправедливости, о страшном голоде 1960-х годов в Китае его рассказ «Блины с маслом» (1980). В центре повествования мальчик, который не может понять, почему одни люди ведут сытый образ жизни, другие, как его бабушка, умирают от голода. В финале ребенок ест блины и плачет, вспоминая бабушку. Ван Цзэнци скуп на психологическое описание, он не описывает напрямую внутренние переживания ребенка, он иначе заставляет читателя прочувствовать драматизм происходящего. И здесь вспоминаются советы Чехова, отмечавшего, что лучше всего избегать описывать душевное состояние героев; нужно стараться, чтобы оно было понятно из действий героев [6, с. 36]. В этом контексте с необходимостью вспоминаются многие сочинения прозаика, достаточно назвать такие, как «Приданое», «Горе», «Тоска», «Нахлебник», «Душечка». Внутренний мир персонажей здесь заслоняется их словом, поведением, жестом.

Говоря об объективности, Чехов признавался, что садился писать тогда, когда чувствовал себя «холодным, как лед» [6, с. 298]. Очевидно, что и Ван Цзэнци старался писать в этом состоянии, его «объективное повествование» признавали и признают многие китайские ученые. [10, с. 68]. Яркий пример – рассказ «Роса» (1993), повествование о женщине, потерявшей мужа, ребенка, второго мужа, но ей надо жить,

выживать, выходить на работу. Автор ничего не говорит о чувствах несчастной женщины, но они совершенно понятны читателю. По мнению Ван Цзэнци, недоговоренность есть «уважение к читателю» [\[11, с. 112\]](#). В другом случае он уточняет сказанное, пишет, что в идеале произведение создается «совместно автором и читателем», что процесс творчества завершается тогда, когда читатель прочтет созданный автором текст [\[3, с. 292\]](#). Известно, некогда за «недосказанность» упрекали и Чехова, тогда как этим приемом он проявлял доверие читателям: «Когда я пишу, я вполне рассчитываю на читателя, полагая, что недостающие в рассказе субъективные элементы он подбавит сам» [\[6, с. 146\]](#).

Для Ван Цзэнци реализм, – это и есть правдивое изображение жизни. О важности правдивого изображения жизни, как известно, не раз высказывался и Чехов, причем это изображение оба писателя понимали широко, было в их сочинениях место и гротеску, и иронии. В драматичном рассказе «Мясо голландской коровы» (1988) Ван Цзэнци возвращается к голодному периоду истории. Работники сельскохозяйственного института радуются случайной смерти коровы, с нетерпением ждут возможности поживиться мясом падшей буренки. Этими ожиданиями был недоволен их начальник. При этом после работы он сам спешит в столовую, много и жадно ест. В рассказе по-чеховски соединяется драматическое и комическое, а образ лицемерного начальника типологически напоминает чеховских персонажей, типа Очумелова из «Хамелеона». И у одного, и у другого автора важен поступок, который бросает яркий свет на их внутренний мир.

Ирония «работает» во многих сочинениях Ван Цзэнци, таких, например, как «Седан Хунци» (1993) или «Умер» (1996). Очень чеховская ситуация обыгрывается в рассказе «Седан Хунци», осмеивается извечное приспособленчество. Полиция грубо обходится с человеком на велосипеде, решительно выписывает штраф за нарушение правил дорожного движения, но не смеет сделать замечание тому же человеку, когда тот едет на машине престижной, на которой, как правило, разъезжает высокое начальство. И здесь срабатывает принцип «как бы чего не вышло», но уже в другой ситуации.

Много общего у Ван Цзэнци и Чехова в тематике, в последнее десятилетие творчества – в произведениях о любви и даже о запретной любви, о которой немало писал Чехов, но очень мало китайские авторы. Характерен рассказ Ван Цзэнци «Тетя Сюэ» (1995). Его главная героиня, сорокалетняя Сюэ, впервые почувствовала себя настоящей женщиной, греховно сойдясь с коллегой. Женщина по-настоящему влюблена, не обращает внимание на разговоры о ее измене мужу, считает себя естественным человеком, который имеет право на любовь.

Тетя Сюэ – это тип Гурова из «Дамы с собачкой», человека, который, прожив сорок лет, не познал настоящей любви. В обоих рассказах описывается шторм чувств. При этом Чехов скрывает свое отношение к описываемым событиям, предпочитает открытый финал, Ван Цзэнци передает авторскую идею более определенно. Повествователь «Тети Сюэ» видит в женщине «свободную личность», здоровую и физически, и психологически [\[12, с. 435\]](#). В своем отношении к личности Ван Цзэнци переосмысляет здесь традиционные взгляды, этику конфуцианства, которая до сих пор значима для китайцев [\[13, с. 123\]](#). Прозаик писал «об освобождении человеческой природы», предлагал более гуманную концепцию любовных отношений [\[11, с. 76\]](#). В этих и других рассказах на тему адюльтера Ван Цзэнци не формально смотрит на явления жизни, понимает их, как и Чехов, во всей сложности, высоко ставя истинные чувства.

Ван Цзэнци неоднократно выражал уважение и любовь к русскому художнику слова. «Мне очень нравится Чехов, – писал он, будучи уже известным прозаиком, – его свободный стиль, горькие размышления о жизни, в которых чувствуется теплая душа мастера. Я воспринимаю его как чрезвычайно современного писателя» [14, с. 286]. Не удивительно, что в творчестве Ван Цзэнци отчетливо проявляются и генетические, и типологические связи с чеховскими сочинениями. Они заявляют о себе на уровне содержания, в аллюзиях, реминисценциях, на уровне формы особенно в сочетании «говорящей» детали, символики, иронии – с недосказанностью, с указаниями на амбивалентности жизни и т.д.

Ван Цзэнци – национально настроенный писатель, ему принадлежит утверждение о необходимости создания таких произведений, которые сияли бы «блеском китайской культуры» [15, с. 371]. Именно поэтому его дань глубокого уважения русскому писателю особенно значима.

Библиография

1. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Ленинград.: Наука. Ленинградское отделение, 1979. С. 194.
2. Лу Синь. Пол. соб. соч. Лу Синя, том шестой. Пекин.: Народная литература, 1981. С. 219. (鲁迅. 鲁迅全集第6卷. 人民文学出版社, 1981)
3. Ван Цзэнци. Пол. соб. соч. Ван Цзэнци. Том четвертый, сборник эссе. Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 1998. (汪曾祺. 汪曾祺全集第4卷. 北京师范大学出版社, 1998.)
4. Ван Цзэнци. Пол. соб. соч. Ван Цзэнци. Том третий, сборник эссе. Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 1998. (汪曾祺. 汪曾祺全集第3卷. 北京师范大学出版社, 1998.)
5. Крючков В.П. Рассказы и пьесы А. П. Чехова: ситуации и персонажи. Саратов: Лицей, 2002. С. 53.
6. Чехов. А.П. Чехов о литературе. М.: Гослитиздат, 1955.
7. Тянь Чжунъян, Чжао Шуцин. История современной китайской литературы. Хайкоу: Наньхайская издательская компания, 2006. С. 190–191. (田中阳, 赵树勤. 中国当代文学史. 南海出版公司, 2006.)
8. Лин Сяньчжи. Ван Цзэнци: китайский лирический гуманист // Литературное обозрение реки Янцзы. 2023. № 2. С. 83–86. (林贤治. 汪曾祺: 一个中国式的抒情的人道主义者 // 扬子江文学评论. 2023. № 2.)
9. Дун Цзяньсюн. О влиянии Чехова на новеллистику Ван Цзэнци // Журнал Цинхайского педагогического колледжа. 2004. № 6. С. 43. (董建雄. 论契诃夫对汪曾祺小说创作的影响 // 青海师专学报. 教育科学. 2004. № 6.)
10. Чжай Ецзюнь. Дождь в западном окне, стук в колокол – о Ван Цзэнци и зарубежной литературе // Исследование современной китайской литературы. 2023. № 7. С. 68. (翟业军. 西窗雨, 叩响一口钟——论汪曾祺与外国文学. 中国现代文学研究丛刊. 2023. № 7.)
11. Ван Цзэнци. Пол. соб. соч. Ван Цзэнци, том восьмой. Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 1998. (汪曾祺. 汪曾祺全集第8卷. 北京师范大学出版社, 1998.)
12. Ван Цзэнци. Пол. соб. соч. Ван Цзэнци, том второй. Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 1998. С. 435. (汪曾祺. 汪曾祺全集第2卷. 北京师范大学出版社, 1998.)
13. Чжай Вэньчэн. О конфуцианском эстетическом духе творчества Ван Цзэнци // Журнал теории. 2010. № 8. С. 123. (翟文铖. 论汪曾祺创作的儒家美学精神. 理论学刊. 2010. № 8.)

14. Ван Цзэнци. Пол. соб. соч. Ван Цзэнци, том пятый, сборник эссе. Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 1998. С. 286. (汪曾祺. 汪曾祺全集 第5卷. 北京师范大学出版社, 1998.)
15. Ван Цзэнци. Пол. соб. соч. Ван Цзэнци, том шестой, сборник эссе. Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 1998. С. 371. (汪曾祺. 汪曾祺全集 第6卷. 北京师范大学出版社, 1998.)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Антон Чехов в творчестве Ван Цзэнци», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения творчества одного из известных русских писателей 19 века А. П. Чехова. Кроме того, актуальность обуславливается возрастающим интересом к изучению китайского языка и культуры в нашей стране, а также сравнительно- сопоставительными исследованиями литератур двух стран. Автор обращается к чеховским образам, нашедших реализацию в произведениях китайского писателя Ван Цзэнци.

Материалом исследования послужили произведения китайского писателя, содержащие рецепции творчества А.П. Чехова.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: биографический, герменевтический, диалектический. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Отметим скрупулёзный труд автора по отбору практического материала и его анализу.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Библиография статьи насчитывает 11 источников, среди которых представлено 8 книг- художественных произведений, что делает ничтожно малой теоретическую составляющую работы.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. БОльшее количество ссылок на авторитетные работы, такие как монографии, докторские и/ или кандидатские диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком.

К сожалению, отсутствует научная терминология, используется публицистический стиль речи. Однако, отметим, что текст статьи требует стилистической правки.

К примеру, «Положительное отношения к свободной ...» - рассогласование;

Оба писатели признаются, что в жизни бывает любовь, сопротивляться которой ей не в силах. «которой ей?»

Тете Сюэ во многом похожа на Гурова из ... (вероятно тётя?) и далее по тексту.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения

рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по истории отечественной и зарубежной литературы, теории литературы и текстологии. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Антон Чехов в творчестве Ван Цзэнци» может быть рекомендована к публикации в научном журнале, после 1) усиление научной составляющей статьи, обращения к терминологии литературоведения, 2) усиления списка теоретических источников и их цитирование в тексте статьи, 3) стилистической редакции текста, исправления грамматических и пунктуационных ошибок.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Сложно не согласиться, что «сравнительное литературоведение – продуктивное направление современной филологии», «в эпоху глобализации изучение взаимосвязи литератур разных народов, в частности и взаимопонимание русской и китайской литературы стало особенно актуально». Предмет исследования рецензируемой статьи – восприятие наследия А.П. Чехова в творчестве китайского писателя Ван Цзэнци. Выбранная для исследования тема, на мой взгляд, актуальна, интересна, нетривиальна. Как отмечается в начале работы, «необходимо обратить внимание на Антона Павловича Чехова, который является одним из наиболее известных и читаемых зарубежных писателей в Китае. Почти все его произведения переведены на китайский язык. Знакомство китайской аудитории с творчеством мастера началось в 1907 году с перевода повести «Черный монах». Изначально информация о Чехове была получена китайскими литературоведами из статей о нем, переведенных с японского, немецкого, английского и русского языков». Следовательно, признание значимости А. Чехова в Китае объективно, при этом влияние на литературу также верифицировано и конкретно. Область сопоставлений конкретизирована, что можно оценить положительно: «Мастерство русского прозаика близки многим выдающимся китайским писателям, в том числе и литератору Ван Цзэнци (1920–1997) – одному из крупнейших прозаиков и драматургов новейшей китайской литературы. Сам прозаик неоднократно признался, что «из зарубежных писателей, Чехов больше всех других вдохновлял его» [3, с. 288]. Писатель также отметил, что «произведения, которым отдает предпочтение писатель, часто влияют на его темперамент и становятся частью его личности», «любовь к Чехову китайский прозаик пронес через всю жизнь. В конце жизни он утверждал, что Чехов открыл «новую эру в жанре рассказа». Ван Цзэнци акцентировал внимание на чеховском отображении подлинной жизни, на переходе мастера «от традиционной устоявшейся структуры к более свободной, способствовавшей аутентичности повествовательной манеры». Материал имеет достаточно выверенный вид, общая концептуальная канва прописана достоверно. Режим сравнительного толка поддерживается в работе, собственно, это и определяет методологический пласт: «К свободной форме чаще обращался поздний Чехов, в этом смысле характерны такие его сочинения, как «Отрывок» или «Из записной книжки старого педагога», представляющие собой описания слабо связанных между собой фрагментов жизни. В схожей манере написаны такие сочинения Ван Цзэнци, как «Знакомый» или «Сон» (год написания не указан). Ван Цзэнци, писатель эпохи модернизации искусства, и в этом

направлении шел дальше, более поздние его, условно говоря, рассказы по своей форме сближаются со стихотворениями, обилием диалогов – с пьесами. У него наблюдается сознательная установка – уйти от формальностей классического рассказа. Это отчетливо заявлено во многих его сочинениях, например, «Биография кавалериста» (1979), «Смерть лебедя» (1980), «Восемь тысяч лет» (1983)». Ссылки / цитации даются по ходу работы равномерно, выверено: «По мнениям китайских литературоведов, гуманизм и сочувствие к маленьким людям являются одной из особенностей творчества Ван Цзэнци [9, с. 43]. То же самое можно говорить о творчестве Чехова, гуманизм которого изначально не был понятен. С другой стороны, можно заметить, Ван Цзэнци, писатель жесткий, создавший много трагических картин «вне событий», в некотором смысле по-чеховски хладнокровен, предельно объективен. Здесь чувствуется влияние русского мастера, советовавшего вне изображаемого, при этом «знать их хорошо, до мелочи, но глядеть на них как бы с презрением, стреху вниз» [6, с. 299]. С этой позиции Ван Цзэнци ярко и убедительно показал драматичные события китайской истории». Стиль в целом соотносится с научным типом, но, некоторые языковые неточности следует устранить, например, «и обеих рассказах описывается шторм чувств, сопротивляться которому у героев нет сил. Если говорить об отличиях, Чехов-повествователь, как известно, скрывает свое отношение к описываемым событиям, предпочитает открытый финал, Ван Цзэнци чаще пишет иначе, он по-своему возвышает Сюэ» и т.д. Желательно утяжелить выводы по тексту, расширить их в режиме дальнейшей разверстки темы. Список источников нуждается в правке, унификации необходима для придания тексту нужной научной значимости. В целом тема работы раскрыта, но материал желательно центрически обработать; позиция начала и конца труда нуждается в правке. После внесения необходимых корректив статья «Антон Чехов в творчестве Ван Цзэнци» может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Антон Чехов в творчестве Ван Цзэнци» выполнена в русле сравнительного изучения литератур. В ней в научный оборот вводится новый материал – выявлен корпус произведений Ван Цзэнци, которые связаны с русской литературной традицией. Данное обстоятельство обусловило ценность рецензируемой статьи. Необходимо отметить, что автору статьи удалось избежать главной трудности, с которой сталкиваются ученые, осуществляющие сравнительно-сопоставительные исследования. Он отмечает не только типологическое сходство (и даже не столько его), но выявляет генетическую связь художественной манеры и художественного мышления Ван Цзэнци с творчеством А.П. Чехова. Именно это придает особую значимость и достоверность наблюдениям и выводам автора статьи.

В чем усматривает автор статьи влияние А.П. Чехова на творчество китайского автора? Прежде всего он отмечает, что Ван Цзэнци использует чеховские сюжетные ситуации (рассказ «Лао Лу», например, он рассматривает как переосмысление рассказа Чехова «Крыжовник»), а также сам чеховский принцип организации сюжета, когда его движение осуществляется не от события к событию, а от настроения к настроению. Важно, что в качестве аргументов автор статьи использует не только свои читательские наблюдения и ассоциации, а привлекает высказывания Ван Цзэнци о принципах чеховской поэтики, его размышления над сюжетами чеховских рассказов.

Кроме переключек на сюжетном уровне, автор статьи указывает на более тонкие типы

рецепции творческой манеры Чехова китайским автором. Так, анализируя рассказ «Смерть лебедя» он выявляет в нем реминисцентный слой чеховской «Чайки», указывает на нестандартность его формы (находит аналогию со стихотворениями в прозе), создающую особую лирическую тональность в произведении.

В статье отмечен еще один фактор, который связывает творчество Ван Цзенци с чеховской традицией, - это близкое к чеховскому понимание народности, историзма.

Автор статьи, выявляя связь творчества Ван Цзенци с творчеством Чехова, показывает, как адаптируются настроения, идейное содержание, предметные реалии, сюжетные ситуации в другой культурной традиции. По сути, он ставит вопрос о том, почему именно творчество Чехова так глубоко освоено китайской культурой.

Методологическую основу статьи составили труды В.М. Жирмунского по сравнительному литературоведению, а также работы китайских исследователей творчества Ван Цзенци. Автор демонстрирует уверенное владение заявленной методологией, ее продуктивность в исследовании русско-китайских литературных связей.

Выводы убедительны. Последовательно выдерживается научный стиль. В статье есть некоторые стилистические огрехи, но они немногочисленны и не влияют на понимание ее содержания.

Все вышесказанное позволяет рекомендовать статью «Антон Чехов в творчестве Ван Цзенци» к публикации.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжу Ц. Путешествие из ада в ад в романе Владимира Набокова «Король, дама, валет» // Litera. 2024. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.71278 EDN: SZRUNE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71278

Путешествие из ада в ад в романе Владимира Набокова «Король, дама, валет»

Чжу Цзывэй

ORCID: 0009-0009-2810-8877

аспирант; кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса;
Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

518172, Китай, Гуандун область, г. Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюэюань, 1

✉ zhuziweilove@163.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.7.71278

EDN:

SZRUNE

Дата направления статьи в редакцию:

17-07-2024

Аннотация: В статье анализируются особенности путешествия главного героя романа В. В. Набокова «Король, дама, валет». Тривиальная ситуация переезда героя из провинции в столицу в поисках успеха оборачивается в книге метафизическим путешествием, мифологические и литературные корни которого уходят в «Божественную комедию» Данте Алигьери. В свёрнутом, метафорическом виде этот сюжет проявляется в самом начале «Короля, дамы, вала», когда герой переходит в поезде из вагона третьего класса в вагон второго. При этом Набоков иронически сопоставляет этот переход с перемещением из ада в рай. Роман «Король, дама, валет» полон ошибок, которые совершают персонажи вследствие своей физической (у Франца) и духовной (у всех) слепоты, однако главная ошибка книги – аберрация восприятия внутренней реальности близких людей, которая определяет и искажение рецепции мира внешнего. Франц вместо вознесения на небо любящих обнаруживает себя в состоянии пребывающего в нижних кругах, где испытывают мучения прелюбодеи и убийцы. Отталкиваясь от сюжета путешествия героя, представленного в мифологии и осмысленного в нарратологии, в данной статье автор использует метод мотивного

анализа и герменевтико-интерпретационный метод. При этом настоящее исследование является частью большой работы, посвящённой анализу жанровых компонентов травелога в прозе Набокова русского периода. Актуальность статьи определяется интересом российского и зарубежного литературоведения к смысловой и поэтической многослойности и плотности набоковских текстов, к специфике их сюжетики, к своеобразию их мотивной системы и т.д. Мифологический подтекст романа «Король, дама, валет» в литературоведении обозначен, но не исчерпывающе проанализирован. В статье сделан ряд наблюдений, касающихся иронического переосмысления Набоковым в указанном произведении дантовских мотивов в русле его представлений о характере конкретных героев и об устройстве реальности. Набоков одновременно следует дантовской схеме и отказывается от неё: Франц в набоковской оптике – духовно несостоятельный и статичный герой, а мир в значительной степени основан на случайных событийных сцепках. Тем не менее сюжет реального и метафизического перемещения героя в романе демонстрирует ситуацию трагического самообмана человека, совершающего путешествие из ада в ад.

Ключевые слова:

набоковская проза, русский период, путешествие, травелог, дантовский мир, ад, рай, интертекст, иллюзия, трансцендентная реальность

Роман В. В. Набокова «Король, дама, валет» (1928) за почти сто лет не раз оказывался в центре внимания российского и иностранного литературоведения, и, конечно, анализировался с различных точек зрения. Одним из неразработанных пластов этого произведения является сюжет метафизического путешествия главного героя.

В статье «Мифологические подтексты романа "Король, дама, валет"» Д. З. Йожа обращает внимание на связи книги с «Божественной комедией» Данте Алигьери. В первой главе романа Франц решает на переход из купе третьего класса в купе класса второго: и это представляется ему «переходом из мерзостного ада, через пургаторий площадок и коридоров, в подлинный рай» [\[7, с. 137-138\]](#). Писатель далее сравнивает эту развёрнутую метафору со средневековой мистерией: «в мистерии, по длинной сцене, разделенной на три части, восковой актер переходит из пасти дьявола в ликующий парадиз» [\[7, с. 138\]](#). В. Б. Полищук в примечании к роману комментирует этот эпизод так: «Сцена, на которой разыгрывались мистерии, как и кукольный вертеп, обычно состояла из трех частей: ад, пургаторий (чистилище) и парадиз (рай)» [\[7, с. 699\]](#).

Нора Букс пишет о том, что название второго набоковского романа содержит намёк на вальсовый счёт и на то, что танец является основной сюжетной моделью для «Короля, дамы, вальса» [\[2, с. 44\]](#). Тройной счёт вальса реализуется в книге в многочисленных тройных повторах. Можно сказать, что один из таких повторов проявляется в трехчастной структуре реальности, отсылающей к «Божественной комедии».

Интересно также, что безымянная книга, которую читает Драйер в купе, в английской версии «Короля, дамы, вальса» оказывается «Мёртвыми душами» Н. В. Гоголя в немецком переводе. В русской версии романа Марта про себя определяет её как «переводную новеллу» [\[7, с. 137\]](#), где прилагательное «переводная» актуализирует не только мотив перевода с языка на язык, но может быть понято как перевод из одного пространства или состояния в другое. Гоголевская поэма в замысле должна была

состоять из трёх частей, ассоциативно соотносясь с «Божественной комедией»: «Законченные "Мертвые души" должны были рождать три взаимосвязанных образа: преступления, наказания и искупления» [6, с. 99]. В «Лекциях по русской литературе» Набоков предлагает свою версию, почему Гоголю не удалась такая трилогия. С его точки зрения, гоголевский гений сломал бы любую схему (в том числе, видимо, схему изображения иномирья), и, кроме того, Чичиков слишком маленькая личность, не соответствующая роли грешника.

В «Короле, даме, валете» происходит обращение к дантовской схеме и одновременно её отчасти ироническое [8] пародийное [2, с. 56] отрицание. Франц, подобно Чичикову (в набоковском прочтении), оказывается персонажем, не вполне соразмерным греху (или осознанию греха) прелюбодеяния и насилия над ближним, а значит, несоразмерным и третьему дантовскому небу. Неслучайно старик Менетекелфарес, «мелкий бес» [3, с. 24], считает его плодом своей фантазии («весь мир романа с его персонажами оказывается игрой сумасшедшего старика» [2, с. 43]) и отменяет его существование в тот момент, когда Франц съезжает от него. Франц взвешен, измерен и признан недостойным — преобразования на пути. (Нужно, однако, отметить, что английская версия романа, созданная Набоковым спустя много лет заострит негативные черты Франца, в нём обозначится и более грубый и активный эротизм, и садизм, и даже будут сделаны намёки на его будущее среди нацизма [5, с. 604].)

Г. Хасин в статье «Между микро и макро: повествование и метафизика в романе В. Набокова "Король, дама, валет"» видит в героях книги монад, не способных к сущностным изменениям, подобно шахматным фигурам или игральным картам: «Трансценденция и становление им недоступны» [10, с. 646]. В этом смысле духовное путешествие Франца изначально обречено на провал, на возвращение в исходную точку.

Франц переходит из третьего класса, который видится ему адом, во второй класс, который он воспринимает в качестве рая, но существует ведь также первый класс, о котором Франц просто запрещает себе мечтать, потому что там едут «почти неземные актрисы» [7, с. 134], то есть «небожительницы», «ангелы». Второй класс, в котором оказался Франц, это обманный рай, «фальшивый эдем» [9, с. 181], если не ад, то его подобие. Марта, сидящая в купе, в романе «получает черты трансцендентного существа: у нее "мадоннообразный профиль"» [4, с. 685] и проч., но на самом деле она «стареющая женщина — красивая, пожалуй, — а все-таки чем-то похожая на большую белую жабу» [7, с. 294]. В. Б. Полищук отмечает, что «в фольклоре образ жабы обычно ассоциируется с атрибутами ведовства» [7, с. 705], то есть Марта — не Мадонна, не «туманная дама» [7, с. 148] (или блоковская «Прекрасная Дама»), а ведьма, василиск, вампир, обездвиживающий и умерщвляющий своего любовника: Марта «рассмеялась, плотоядно обнажив зубы» [7, с. 163], она «позевывала, как тигрица» [7, с. 147]. Марта обладает способностью к тёмному визионерству, к симпатической магии: она предчувствует возможную смерть мужа в автоаварии и пытается способствовать ей (в английской версии Набоков после того, как Драйер, появляется живой и здоровый, добавил фразу Марты «Мои чары не действуют» [5, с. 609]), она провоцирует Франца на семяизвержение во время сна, как будто входя в его сновидение. Д. З. Йожа отмечает также, что образ Марты схож с образом Лилит из одноимённого набоковского стихотворения 1930 года, писавшегося параллельно «Королю, даме, валету». Герою этого произведения, как и Францу, вначале кажется, что он в раю, но в финале он обнаруживает, что оказался в аду.

Другой образ, повлиявший на образ Марты, по замечанию Д. З. Йожа, это пушкинская Русалка. Неслучайно реальная возможность убить Драйера оказывается для неё связана с водой: как известно, в мифах русалки заманивают мужчин к воде и топят их. Марта и в целом связана с мотивом влаги. Она вспоминает троих своих возможных любовников во время дождя. Образы «черного, влажного, нежного асфальта» [\[7, с. 178\]](#) соединяются у Франца с образом Марты и вызывают у него поллюцию. Марта во время дождя впервые приходит к Францу для любовной утехы. Д. З. Йожа пишет, что «Скрытое наличие мотива русалки в романе сказывается» в том числе в «образе тюленя» [\[4, с. 693\]](#) в мюзик-холле. Думается, однако, что в этом эпизоде русалочья реальность проявляет себя сразу во всех мюзик-холловых героях — в тюлене, чьё тело, по замечанию исследователя, похоже на тело русалки, в полуголой девице, целующей тюленя (подобно тому, как Марта целует Франца), в артистке «в чешуйчатом платье» [\[7, с. 206\]](#).

В третьем классе Франц, как ему кажется, сталкивается с «чудовищем», или с дьяволом, образ которого восходит к образам бесов мировой литературной традиции — к чёрту, например, И. В. Гёте или Ф. М. Достоевского. Как и у Гёте, набоковский чёрт, вероятно, хромает. Его раскачивающийся вход в отделение третьего класса можно понять и как реакцию на движение поезда, и как следствие хромоты. Описание чёрта у Набокова и Достоевского начинается с именованного того «господином». Чёрт там и там хорошо одет, но в обоих случаях в его облике ощущается несообразность: в «Братьях Карамазовых» костюм чёрта устарел, в «Короле, даме, валете» нарядность «чудовища» резко контрастирует с его уродливым лицом. Все три чёрта пластичны, обладают способностью подстраиваться под людей. На лице набоковского дьявола — «целая география оттенков — желтоватость, розоватость, лоск» [\[7, с. 132\]](#). Метафора здесь говорит не только о сходстве цвета лица у пугающего Франца господина с картой мира, но и указывает на его скитания, как и его черный, склизкий, пёстрый от наклеек чемодан» [\[7, с. 133\]](#). Лицо чёрта у Набокова похоже на череп: «нос — крохотный, обтянут по кости белесой кожей, кругленькие, чёрные ноздри непристойны и асимметричны» [\[7, с. 132\]](#). Этот чёрт станет причиной, почему Франц окажется в купе с Мартой и Драйером. Франц перейдёт во второй класс по шаткой площадке, рифмующейся с шаткостью пола под ногами господина из отделения для третьего класса, что в свою очередь отсылает к фразеологизму «встать на шаткую дорожку». В последний раз в романе этот персонаж примерещится Францу в манекене, у которого окажется «бледное, в странных географических пятнах» [\[7, с. 241\]](#) тело. Соприкосновение с ним, с его нечистоплотностью окончательно лишит Франца воспоминаний о первом восприятии Марты как чудесной мадонноподобной дамы.

Позже, в Берлине, где «райскими голосами перекликались гудки» [\[7, с. 146\]](#), Франц, как кажется, вновь встретит его, «туманного прохожего» (это определение обозначит его метафизическую природу), и тот укажет ему нужный дом. В этот раз «география оттенков» лица этого господина будет увидена Францем как пятнистость. Этот образ порождён движением веток и листвы, но заставляет подумать о шкуре хищника. В поезде этот персонаж держит в руках порнографический журнал, в городе, созидаясь по «прихоти теней» [\[7, с. 146\]](#) (слово в значительной степени созвучно однокоренному слову «похоть»), направляет Франца в дом Драйера и Марты, любовником которой он станет.

Когда господин из третьего класса вместе с другими пассажирами начинает есть, в памяти у Франца возникают отвратительные образы прошлого, связанные с полостями, внутренностями, с едой и перевариванием. Франц бежит из своего отделения, но в купе-

раю второго класса он снова сталкивается с образом ротовой полости: Марта «зевнула, дрогнув напряженным языком в красной полутьме рта и блеснув зубами» [7, с. 138]. Поезд, в котором едет Франц, втягивает в себя «огромная железная полость вокзала» [7, с. 142]. Подземка будет восприниматься им как «прохладные недра» [7, с. 167]. По приезду Франц отметит, что в Берлине «под аспидной тучей тлеет узкий, жёлтый закат» [7, с. 141]. Определение «аспидная» отсылает здесь, конечно, не только к цвету, но и к змее как символу дьявола. Иными словами, «пасть дьявола», из которой переходит герой мистерии в «ликующий парадиз», никуда Франца не отпустила.

Франц — «восковой актёр», оказывающийся возле Марты в пространстве смерти: он «мертвец в очках», он спит, протянув «мёртвую ногу» [7, с. 140]. В магазине он как «веселая кукла», по ночам — как «мёртвая кукла» [7, с. 230]. Марта умерщвляет всё и всех. Её слуги «спят мёртвым сном» [7, с. 233], её и Францева мысль вращается вокруг «мёртвой точки» [7, с. 248], наконец, она хочет превратить в покойника Драйера, поскорее пройти с ним дорогу от обмёртвелого до мёртвого мужа [7, с. 258]. Марта не Мадонна, как видится Францу, не Прекрасная Дама блоковского первого тома, но демоническое существо тома второго. Она влечёт его не в третий круг рая, но во второй, а затем в седьмой круг ада — к сладострастникам, а после — к совершающим насилием над ближним.

Д. З. Йожа обращает также внимание на регулярные путешествия Франца на метро. Франц ездит на работу и машинально повторяет рекламные стихи «Чисти зубы нашей пастой, улыбаться будешь часто» [7, с. 260]. В английской версии они звучат так: «Clean your teeth with Dentophile, every minute you will smile» [11, с. 121] — и в названии зубной пасты «Дантофайл» слышится имя великого итальянского писателя. А за этими словами для Франца была «чёрная тьма, тьма, в которую не следовало вникать» [7, с. 261], и кошмары. Можно добавить, что в каламбуре «Dentophile», «любитель Данте», скрывается не только намёк на реальность «Божественной комедии», но и указание на один из объектов францевского страха — Марту. В романе Набоков часто концентрирует внимание именно на её зубах: она скалит зубы, стучит зубами, ощупывает пломбу. Её рот для Франца — образ дьявольской пасти из финала «Ада».

Франц, приехавший в Берлин, разбил очки и потому воспринимает город искажённо. Берлин и все его насельники призрачны: «Внизу, по улице, как медузы, скользили люди, среди внезапно замершего автомобильного студня» [7, с. 145], «откуда-то появился призрак собаки» [7, с. 149], «хищные призраки автомобилей» [7, с. 144]. Реальный мир оборачивается иномиром, где Франц оказывается «вне себя», в «беспокойном небытии» [7, с. 137]. Он ощущает слоистость и сновиденческий характер реальности, утрачивает границу между реальностью и сном: «кто её знает, явь ли это, окончательная явь, или только новый обманчивый слой?» [7, с. 143]. В конце концов не только за сбой разума старика Менетекелфареса можно принять его идею о том, что Франц — плод его фантазии: можно предположить, что происходящее с Францем, его яви и его сны, также находятся внутри сна Менетекелфареса. В свою очередь эта утрата границы между реальностью и сном заставляет подумать о пребывании Франца в состоянии смерти или перехода к ней.

Марта заболевает. Доктор говорит о «*pneumonia cruposa*», Д. З. Йожа предполагает, что речь может идти о родильной горячке. Символически же страдания Марты и Франца на

курорте в курзале напоминают о третьем и седьмом кругах дантовского ада. Марта кружится в музыке и танце, ощущая жар и испытывая перекаты боли в теле. Франц чувствует, что его «мучат изощренно, безобразно мучат, выворачивают наизнанку, — и нет конца, нет конца...» [7, с. 291], чувствует себя смертельно усталым, Марта позже буквально уходит в смерть. На фразу вежливости одного из гостей Франц невпопад отвечает, что он «много греб. Гребной спорт очень полезен» [7, с. 292]. И этот ответ намекает не только на попытку убийства на озере, но и о кипящем Флегетоне, по которому плывут дантовские грешники.

Рай и ад в «Короле, даме, валете» — понятия относительные. Одни и те же пространство, время, ситуации разными героями воспринимаются по-разному: человек определяет собой реальность. Так, на протяжении всего романа Драйер бросает сияющий отблеск на реальность, воспринимает мир как чудо, как рай. Буквосочетание «рай» даже присутствует в его фамилии. Драйер в купе читает «солнцем освещенные страницы» [7, с. 137] Гоголя. Когда он позвонил Францу насчёт работы, в комнате «райским блеском заиграло на стене телефонное сооружение» [7, с. 169]. Выходные дни и курортное время Драйер воспринимает через оптимистическую призму: «райский день» [7, с. 251], «погода райская» [7, с. 292]. При этом всё то же самое для Франца и Марты выглядит совершенно иначе. Болезнь Марты — шок для Драйера. Его рай также оборачивается адом. Когда он возвращается на курорт, узнав об опасном состоянии Марты, то часть пейзажа для него «ухает в тартарары» [7, с. 298] (этот фразеологизм прямо отсылает к античному аду — Тартару). Однако в отличие от Франца Драйер не путает рай и ад: его ад — следствие искреннего страдания от смерти любимой жены.

Смерть Марты для Драйера — катастрофа, для Франца — освобождение. Драйер, отражая на лице последнюю улыбку Марты, печалится об ушедшей красоте, Франц в это же время разражается смехом. Но последнее предложение романа кажется фиксацией не столько психологической разрядки, сколько чего-то вроде одержания, рифмующего со смехом Марты во сне-бреду, в котором она убивает Драйера: «Барышне в соседнем номере показалось спросонья, что рядом, за стеной, смеются и говорят, все сразу, несколько подвыпивших людей» [7, с. 305]. Два дополнения, разбивающие предложение, создают эффект захлёбывающегося ритма.

В романе «Король, дама, валет» можно увидеть несколько сюжетных конструкций, одна из них — это сюжет путешествия. Главный герой, молодой провинциал, приезжает в столицу и, ходя по ней пешком и перемещаясь в подземке, исследует новый для него большой город. Путешествие Франца по Берлину представляет собой набор ошибок, кружений [2, с. 48] и заходов в тупики. Но главное его путешествие, по характеру схожее с реальным, — это путешествие метафизическое. Его прообраз — переход Франца в поезде из вагона из третьего класса во второй, которое прокомментировано Набоковым как переход из ада в рай.

Но, как и в случае с путешествием по реальному пространству города, главный герой совершает множественные ошибки. Вместо райской реальности, отсылающей к «Божественной комедии» Данте Алигьери, Франц оказывается в реальности адской. Его «мадонноподобная» возлюбленная оборачивается злой ведьмой, втягивающей его в подготовку к убийству и лишаящей его свободы. Его мечты о карьере упираются в образ тоскливой жизни со стареющей женщиной. Франц, как и Марта, вместо «обители влюблённых» обнаруживают себя во втором круге ада и в «огненной реке» душевного и телесного помрачения.

Реальность «Короля, дамы, валета» — это не только мир карточной игры плоских персонажей, составивших любовных треугольник, но и сновиденческий кошмарный мир, в котором несоразмерные великому духовному путешествию герои оказываются не способны ни обрести настоящий рай, ни полностью осознать подлинный ад: Франц не ощущает себя виновным, поскольку не проник по-настоящему в понятие греха. (Драйер в английской версии говорит о Марте, что той «даже не известно само слово „прелюбодеяние“» [\[11, с. 175\]](#)).

Жизненный путь главного героя, охваченный набоковским романом, можно охарактеризовать как круговое слепое [\[10, с. 635\]](#), нетворческое [\[1, с. 333\]](#) путешествие из ада неприятия людей в ад мучения от связывающего его прелюбодеяния и возможного убийства. Хотя в «Лекциях по русской литературе», подвергая критике философию и художественную практику Ф. М. Достоевского, Набоков отрицает идею о том, что «преступление доводит преступника до душевного ада, неизбежного удела всех злодеев» [\[6, с. 185\]](#), однако именно это — превращение жизни в ад — происходит с героями «Короля, дамы, валета».

Библиография

1. Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы: Биография / Пер. с англ. СПб.: Издательство «Симпозиум», 2010. 696 с.
2. Букс Н. Эшафот в хрустальном дворце. О русских романах Владимира Набокова. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 208 с.
3. Долинин А. А. Истинная жизнь писателя Сирина // Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 2. / Сост. Н. Артеменко-Толстой. Предисл. А. Долинина. Прим. М. Маликовой, В. Полищук, О. Скопечной, Ю. Левинга, Р. Тименчика. СПб.: «Симпозиум», 2009. С. 9-41.
4. Йожа Д. З. Мифологические подтексты романа "Король, дама, валет" // В. В. Набоков: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2001. Т. 2. С. 662-694.
5. Коннолли Дж. «Король, дама, валет» / Перевод Ксения Тверинович // В. В. Набоков: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2001. Т. 2. С. 599-618.
6. Набоков В. В. Лекции по русской литературе / Пер. с англ. С. Антонова, Е. Голышевой, Г. Дашевского и др. СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. 448 с.
7. Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах Т. 2. / Сост. Н. Артеменко-Толстой. Предисл. А. Долинина. Прим. М. Маликовой, В. Полищук, О. Скопечной, Ю. Левинга, Р. Тименчика. СПб.: «Симпозиум», 2009. 784 с.
8. Стрельникова Л. Ю. Игра как художественный метод в русскоязычных романах В. В. Набокова в контексте западноевропейской эстетики модернизма и постмодернизма: монография. Негосударственное частное образовательное учреждение высшего образования "Армавирский лингвистический социальный институт". Армавир: НЧОУ ВО АЛСИ, 2017. 471 с.
9. Форрестер В. Блестящее произведение молодости: Писатель в зеркале критики "Король, дама, валет" (1928): 40 лет без Набокова // Иностранная литература. 2017. № 6. С. 180-181.
10. Хасин Г. Между микро и макро: повествование и метафизика в романе В. Набокова «Король, дама, валет» // В. В. Набоков: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2001. Т. 2. С. 619-649.
11. Nabokov V. King, Queen, Knave. Translated by Dmitry Nabokov in collaboration with the author. New York; Toronto: McGraw-Hill, 1968. 273 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Творчество В. Набокова представляет собой достаточно интересное поле не так объемно изученных (даже при большом количестве работ) текстов. Не является исключением роман «Король, дама, валет» написанный в 1928 году. Критики отзываются в частности: «несмотря на лежащую в основе сюжета банальную адюльтерную интригу, позаимствованную из бульварного чтива, художественное своеобразие романа, во многом определяется пародийно-игровой стихией, с годами игравшей всё большую роль в набоковской поэтике. Автор виртуозно балансирует между банальностью литературного штампа и остроумной пародией. Идя навстречу массовому читателю, он, на первый взгляд, всерьёз следует тривиальной схеме, но в то же время «отстраняет», пародирует её, порой выворачивая наизнанку» (Н.Г. Мельников). Рецензируемая статья имеет достаточно четкую структуру, методы оценки романа Владимира Набокова актуальны, серьезных фактических нарушений не выявлено. Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом: например, «реальность «Короля, дамы, валета» — это не только мир карточной игры плоских персонажей, составивших любовных треугольник, но и сновиденческий кошмарный мир, в котором несоразмерные великому духовному путешествию герои оказываются не способны ни обрести настоящий рай, ни полностью осознать подлинный ад: Франц не ощущает себя виновным, поскольку не проник по-настоящему в понятие греха. (Драйер в английской версии говорит о Марте, что той «даже не известно само слово “прелюбодеяние”» [11, с. 175]). Как видно, цитации / ссылки даются в режиме не противоречащем изданию. Основные позиции оценки текста даны в выверенном режиме. Стоит отметить, что автор статьи достаточно внимателен к своим оппонентам, так как диалог сложился полновесно, строго и грамотно. Думаю, что автор статьи старался дать объективный срез роману «Король, дама, валет» В. Набокова, отчасти обобщить критическую панораму. Например, «роман В. В. Набокова «Король, дама, валет» (1928) за почти сто лет не раз оказывался в центре внимания российского и иностранного литературоведения, и, конечно, анализировался с различных точек зрения. Одним из неразработанных пластов этого произведения является сюжет метафизического путешествия главного героя», или «Нора Букс пишет о том, что название второго набоковского романа содержит намёк на вальсовый счёт и на то, что танец является основной сюжетной моделью для «Короля, дамы, валета» [2, с. 44]. Тройной счёт вальса реализуется в книге в многочисленных тройных повторах. Можно сказать, что один из таких повторов проявляется в трехчастной структуре реальности, отсылающей к «Божественной комедии», или «Рай и ад в «Короле, даме, валете» — понятия относительные. Одни и те же пространство, время, ситуации разными героями воспринимаются по-разному: человек определяет собой реальность. Так, на протяжении всего романа Драйер бросает сияющий отблеск на реальность, воспринимает мир как чудо, как рай. Буквосочетание «рай» даже присутствует в его фамилии. Драйер в купе читает «солнцем освещенные страницы» [7, с. 137] Гоголя. Когда он позвонил Францу насчёт работы, в комнате «райским блеском заиграло на стене телефонное сооружение» и т.д. Материал самостоятелен, отчасти нов; думаю, что его можно использовать в вузовской практике. Итоговые суждения соотносятся с основным блоком: «жизненный путь главного героя, охваченный набоковским романом, можно охарактеризовать как круговое слепое [10, с. 635], нетворческое [1, с. 333] путешествие из ада неприятия людей в ад мучения от связывающего его прелюбодеяния и возможного убийства. Хотя в «Лекциях по русской литературе», подвергая критике философию и художественную практику Ф. М.

Достоевского, Набоков отрицает идею о том, что «преступление доводит преступника до душевного ада, неизбежного удела всех злодеев» [6, с. 185], однако именно это — превращение жизни в ад — происходит с героями «Короля, дамы, валета». Стандарт требований журнала учтен, тема как таковая автором раскрыта, цель поставленная в начале достигнута. Рекомендую статью «Путешествие из ада в ад в романе Владимира Набокова «Король, дама, валет» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Крижановский Н.И. М. О. Меньшиков о Н. Н. Страхове: некролог как проявитель общности взглядов и основа для сближения судеб русских критиков // Litera. 2024. № 7. С. 167-184. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.69501
EDN: SXTNWT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69501

М. О. Меньшиков о Н. Н. Страхове: некролог как проявитель общности взглядов и основа для сближения судеб русских критиков

Крижановский Николай Игоревич

ORCID: 0000-0002-2764-7117

кандидат филологических наук

доцент, кафедра публицистики и журналистского мастерства, Кубанский государственный университет

350040, Россия, 350040 Г. Краснодар, край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

✉ nicolaykri@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.7.69501

EDN:

SXTNWT

Дата направления статьи в редакцию:

05-01-2024

Дата публикации:

28-07-2024

Аннотация: В статье проанализирован некролог известного публициста, критика, журналиста рубежа XIX – XX веков М. О. Меньшикова, посвященный выдающемуся русскому критику Н. Н. Страхову. Некролог этому критику представляет собой достаточно необычное явление, поскольку написан о малоизвестном Меньшикову человеке. Важная составляющая исследования – восстановление в деталях историко-литературного контекста эпохи и выявление причин написания Меньшиковым некролога Страхову. В центре представленной работы интерес М.О. Меньшикова к Николаю Страхову, проявлявшийся на разных этапах творчества известного публициста, а также сближение творческих и биографических черт центральных персонажей научной работы. Предметом

исследования становятся отношением М.О.Меньшикова и Н.Н.Страхова к художественному и публицистическому творчеству Л. Н. Толстого, толстовству и таким явлениям искусства, как критический реализм и декаданс. Методология данного исследования основана на ключевых принципах научного филологического познания: принципе историзма, последовательности, объективности и системности. Автором использовались сравнительно-типологический и историко-генетический методы, а также комплексный подход к анализу текста. Работа, проделанная автором, впервые позволила определить степень интереса критика «Недели» к творчеству Страхова, выявить биографические и творческие сближения двух критиков, сопоставить их восприятие рассказа Л. Н. Толстого «Хозяин и работник» и отношение к художественному и публицистическому наследию яснополянского гения. В исследовании обоснована мысль о глубоком интересе Меньшикова к национальному вопросу, сформировавшемуся еще до перехода в газету «Новое время». Автор отметил, что в некрологе отражены характерные для творчества публициста темы, заложены зерна его негативного отношения к революционному движению, обозначена идеологическая непоследовательность и неоднозначность позиции публициста в 1890-е годы. С помощью анализа текста автор доказал, что Меньшиков вел в 1890-е годы идейный поиск в области традиционных ценностей, тесно связанный с его постепенным внутренним духовным ростом.

Ключевые слова:

Михаил Осипович Меньшиков, Николай Николаевич Страхов, некролог, сближение, Лев Николаевич Толстой, литературная критика, русская литература, национальная культура, творчество, толстовство

Михаил Осипович Меньшиков (1859–1918) – выдающийся русский публицист, журналист, критик, получивший в 1870-е годы образование штурмана военного флота и дослужившийся к началу 1890-х до звания штабс-капитана. Еще во время службы он публиковался в газетах «Кронштадтский вестник», «Санкт-Петербургские ведомости», «Морская газета» и стал тесно сотрудничать с либерально-народническим изданием «Неделя» П. А. Гайдебурова, где после отставки в 1892 году стал членом редакции и с 1894 года выполнял порой обязанности редактора. В 1890-е гг. Меньшиков вошел в круг столичных литераторов и журналистов, зарекомендовал себя талантливым, трудолюбивым и оригинальным автором заметок, корреспонденций, литературно-критических, публицистических работ и журналистских расследований. В 1901 году после развала редакции «Недели» публицист был приглашен А.С. Сувориным в «Новое время» и на протяжении шестнадцати лет несколько раз в неделю публиковался как ведущий журналист-аналитик. С 1902 года Меньшиков начал печатать в газете цикл статей «Письма к ближним», которые впоследствии выходили отдельными брошюрами по месяцам и объединялись в годовой том. К началу 1917 года свет увидели пятнадцать томов «Писем к ближним».

Жанр некролога – редкое явление среди многих сотен работ М. О. Меньшикова. Если внимательно присмотреться к публикациям этого жанра, то можно увидеть, что практически все они о людях, с которыми публицист был хорошо знаком или близко общался: о С. Я. Надсоне, П. А. Гайдебурове, В. А. Гайдебурове, Н. А. Рыкачёве, Н. С. Лескове, Я. П. Полонском, А. К. Шеллере, Ф. Ф. Павленкове, Е. К. Гайдебуровой, В. С. Соловьеве, А. П. Чехове, Л. Н. Толстом.

Особняком в этом ряду стоит некролог Н. Н. Страхову, с которым Меньшиков, насколько

нам известно, мог быть знаком, но близко не общался и не имел личной переписки. Что же заставило публициста написать в 1896 году об ушедшем из жизни великом русском критике?

При прочтении некролога возникает еще один вопрос, связанный с пониманием творческой эволюции публициста: каким образом Меньшиков смог в середине 1890-х гг. так глубоко понять и затем выразить в тексте сущность творчества Страхова-патриота и национального мыслителя? Ведь публицист работал в либерально-народнической газете «Неделя» и сам в молодости увлекался революционными идеями [\[11, с. 76, 141-143\]](#). Кроме этого, ряд современников М. О. Меньшикова (Н. М. Михайловский [\[34, с. 121\]](#), П. М. Пильский [\[34, с. 179\]](#), И. И. Колышко [\[34, с. 238\]](#) и др.), как и некоторые исследователи его творчества, говорят о принципиальной перемене во взглядах публициста до перехода в «Новое время» и после: «...идеалы Меньшикова – публициста “Недели” и Меньшикова – публициста “Нового времени” оказались во многом противоположными» [\[10, с. 101\]](#).

Конечно, творчество Николая Николаевича Страхова Меньшикову было известно. Об этом свидетельствуют несколько фактов, к которым обратимся ниже. В начале 1890-х годов публицист два раза упоминал в дневнике о чтении произведений Н.Н. Страхова. Например, в феврале 1890 года (и это первое известное обращение к творчеству критика) после чтения статьи «Из предисловия к сочинениям Аполлона Григорьева» он выписал несколько ключевых цитат. В одной из них выражена тесно связанная с трудами А. А. Григорьева формулировка понимания Страховым сущности искусства и его идеала, : «Искусство не есть простое изображение жизни: оно есть непременно и суд над нею, суд во имя самых высших начал, только не существующих в отвлечении, а тех, которые живут и стремятся воплотиться в изображаемой жизни. Идеал души человеческой (здесь и далее подчеркнуто М. О. Меньшиковым. – Н. К.), по убеждению Григорьева, – всегда и везде остается неизменным. <...> ...искусство по самой сущности своей национально. Творчество заключ^{ается} в создании типов, т.е. образов определ^{енного}, органичес^{кого} склада душевной жизни» [\[38, л. 22\]](#). В другой выписке из этой же работы, содержится осмысление критиком сути пушкинского творчества: «Деятельность Пушкина представляет борьбу с различн^{ыми} идеалами, с различн^{ыми} историч^{ески} сложивш^{имися} типами душевной жизни» [\[38, л. 22\]](#). Если осмыслить вместе оба отрывка, то становится очевидным, что Меньшикова они привлекли прежде всего мыслью о воплощении национального начала в искусстве. Только в первой цитате речь идет об общем подходе А. А. Григорьева и Н. Н. Страхова к задачам искусства и творчества, а во второй – о национальной по своей сути творческой деятельности А. С. Пушкина. И по большому счету эти цитаты отразили сверхзадачу всего творчества как Страхова, так и самого Меньшикова, заключавшуюся в отображении и утверждении национального идеала в критике и публицистике.

4 ноября 1894 года в дневнике публициста мимоходом отмечено, что он прочитал «несколько страничек» книги Н. Н. Страхова о философской антропологии и теории научного знания «Мир как целое» [\[39, 53 об.\]](#).

Есть и другие дневниковые записи, связанные с консервативным автором. О желании М. О. Меньшикова узнать поближе известного критика и мыслителя, пообщаться с ним свидетельствует дневниковая запись от 4 декабря 1891 года: пришедший в гости к публицисту не совсем трезвый приятель писатель И. Л. Леонтьев (Щеглов) «вызвался познакомить» его с Н. Н. Страховым, Д. В. Аверкиевым и другими известными литераторами и критиками [\[37, л. 28\]](#). Впоследствии это обещание осталось

невыполненным, но соединение в записи двух фамилий литераторов, близко знавших Ап. А. Григорьева и друживших с ним, говорит о целенаправленном интересе Меньшикова сойтись поближе с представителями консервативного направления.

В дневниковой записи, сделанной 27 июня 1892 года, Меньшиков радостно отмечал, что за статью «О литературе и писателях» он удостоился множества похвал от известных людей: «...Ге (восторг), Щеглова (восторг), Скабичевского (восторг), Сиповского, Велички, Потапенки, Лескова, Страхова, Суворина, Яковлевой...» [\[1, с. 360\]](#). Упоминание похвалы от Страхова в ряду влиятельных в 1880–1890-е годы писателей, публицистов и критиков красноречиво говорит о внимании к высокой оценке пожилого русского критика.

Сегодня мы можем утверждать практически наверняка: в 1890-е гг. Меньшиков и Страхов встречались и могли быть знакомы. Наиболее вероятное место встречи – заседания Русского литературного общества осенью-зимой 1892-1893 гг. Драматург Д. В. Аверкиев, давний друг Н. Н. Страхова, входил в состав правления общества, а сам критик был его постоянным членом [\[52, с. 189\]](#).

Н.Н. Страхов был в обществе 26 октября на знаменитом выступлении Д.С. Мережковского, ставшим основой работы «О причинах упадка и о новых течениях в современной русской литературе». Свидетельство этому есть в письме Л. Н. Толстого Софье Андреевне от 30 октября или 1 ноября 1892 года. Граф, ссылаясь на полученное накануне несохранившееся послание Страхова, сообщал жене: «Страхов пишет очень интересно о чтении поэта Мережковского о литературе. Признаки совершенного распада нравственности людей *fin de siècle*’а и у нас» [\[40, с. 432\]](#). Нам думается, что комментарий Л. Н. Толстого в послании («признаки ... распада нравственности») одновременно проявляет мнение и критика, и писателя по отношению к докладу Мережковского. Письмо Страхова тронуло Толстого, поэтому в его дневнике 6 ноября 1892 года появилась запись: «От Страхова письмо о декадентах. Ведь это опять искусство для искусства. Опять узкие носки и панталоны после широких, но с оттенком нового времени» [\[48, с. 76\]](#).

Страхов отмечал в 1894 году, что главное в декадентстве – гибельный отказ от национальных традиций, предательство русской поэтической школы Пушкина, Жуковского и Батюшкова и подражание худшим европейским (французским) тенденциям: «...вместо того, чтобы сохранять превосходные предания этой (пушкинской. – Н. К.) школы, наши новые стихотворцы, будучи, очевидно, очень мало знакомы с нею, принимают писать по руководству своего собственного вкуса, не воспитанного на чтении светил родной поэзии, или же подражают современным европейским поэтам, всегда находящим у нас себе читателей. Дело дошло до того, что явились даже подражатели французским декадентам» [\[46, с. 4\]](#).

Меньшиков на этом выступлении Мережковского не присутствовал (что косвенно подтверждает одна из его публикаций в «Неделе» [\[15, Стб. 1650-1654\]](#)), хотя неоднократно приходил на собрания Русского литературного общества. И не просто присутствовал, а к началу 1893 года был одним из активных участников. Об этом свидетельствует запись в дневнике публициста, датированная 18 января 1893 года. В этот день в редакцию «Недели» для встречи с Гайдебуровым пришел А. П. Чехов. Писатель не узнал Меньшикова в штатском платье, поэтому публицист первый с ним поздоровался. Чехов, торопясь, спросил: «Вы бываете в литературном обществе? – Бываю, сегодня буду. – Ну, там встретимся, поговорим» [\[37, л. 47 об.\]](#). Далее в дневнике отмечено, что вечером на

заседании общества, где выступал исполнитель былин и народных песен Иван Тимофеевич Рябинин, им «поговорить по душе не удалось. Так, несколько фраз в разных концах вечера...» [37, л. 47 об.]. На встречу со сказителем пришло много слушателей: «Были: Григорович, Т. Филиппов, Авенариус (комплимент моим заметкам), Мережковский, Чехов, Кигн, Червинский, поэт Крестовск<неразб.> и пр. и пр. Незеленова я принял за учителя Виноградова... Репин рисовал Рябинина, и я вышел как раз за спиной сказителя на самом левом плане (рисунок сохранился и опубликован [21, – Н. К.])» [37, л. 47 об.]. О роли публициста среди авторитетных деятелей литературы и искусства говорит следующая запись: «...по моей инициативе собрали 20 рублей» [37, л. 47 об.]. То есть Меньшиков был «своим» в собрании и выступил организатором благотворительного попечения о русском народном таланте, знавшем более 6000 строчек наизусть. Именно поэтому мы полагаем, что встреча и знакомство Меньшикова со Страховым на заседаниях Русского литературного общества вполне возможны.

Необходимо отметить, что в работах Меньшикова в 1890-е – начале 1900-е гг. упоминания о декадентстве как явлении и о творчестве одного из первых декадентов и символистов Д.С. Мережковского всегда связаны с реакцией отторжения. Общее неприятие декадентства в искусстве публицист выразил в ранней статье «Литературная хворь» (1893), назвав это заимствованное на Западе явление поэзией «упадка культуры и разложения общественной жизни» (с. 429). В работах «Две правды» (1893), «О Любви» (впервые трактат опубликован в 1897 г. с названием «Элементы романа»), «Клевета обожания» (1899), «Надсон» (1902), «Поганое в паганизме» (1902), «О гробе и колыбели» (1902), «Среди декадентов» (1903) Меньшиков обратил внимание не только на эстетизацию зла, но и на «распадение нравственности», связанное в новом явлении культуры, как и в творчестве Д.С. Мережковского, с отказом от христианства и культом язычества, с воспеванием крайнего эгоизма и страстного безудержа.

Таким образом, мнения Страхова, Толстого и Меньшикова в отношении нового явления в русской словесности, одним из провозвестников которого стал Д. С. Мережковский, были чрезвычайно схожи.

Значимым источником информации о Стахове была для публициста близкая ему писательница Л. И. Веселитская (литературный псевдоним – В. Микулич). С ней он познакомился летом 1893 года благодаря Н. С. Лескову. Веселитская общалась со Страховым, который в письмах Л. Н. Толстому очень высоко отзывался о ее произведениях: «Прочитал *Мимочка отравилась* (так называлось произведение В. Микулич; здесь и далее курсив Н. Н. Страхова. – Н.К.); разговоры дочери с матерью — прелесть...» [9, с. 929]; «С каким наслаждением читаю это *настоящее писание*, не выдуманное, не *фальшивые бумажки*...» [9, с. 948]; «*Зарницы* (еще одно произведение В. Микулич. – Н. К.) доставили мне большое наслаждение. Читал и перечитывал. Какая прелесть, когда что-нибудь не сочинено, а действительно вылилось из души!» [9, с. 953]. Мнение Л. Н. Толстого о творчестве Л. И. Веселитской более сдержанно: «Вчера мы читали Мимочку, 2-ю часть. Хорошо, но есть преувеличения и подражания самой себе» [39, с. 459].

Лидия Ивановна после сближения с отставным военным и журналистом «Недели» Меньшиковым искренне привязалась к его пятилетнему сыну Якову, брошенному родной матерью Евгенией Шапиро, и по-матерински заботилась о нем: стала наставницей и воспитательницей ребенка, чему часто занятый в редакции «Недели» Михаил Осипович был несказанно рад. Он настолько был расположен к талантливой писательнице, что во

второй половине 1890-х рассматривал возможность женитьбы на ней.

Думается, М.О. Меньшиков и Л.И. Веселитская, как два литератора схожих взглядов, не могли не говорить об известном критике Н.Н. Страхове. Свидетельством такого общения Меньшикова и Веселитской стало письмо Л.Н. Толстого Н.Н. Страхову от 26 апреля 1895 года: «Узнал на днях от Меньшикова, кот<орый> узнал это от Веселитской, что вы больны, и одиноки, и унылы, и сердцем захотелось помочь, облегчить, успокоить вас» [\[9, с. 992\]](#).

В свою очередь Страхов, как большой любитель книг и чтения (о чем Меньшиков упоминал в некрологе), был знаком не только с издателем «Недели» П. А. Гайдебуровым (подтверждение этого факта можно найти в переписке с Л. Н. Толстым), но и с работами Меньшикова – набиравшего популярность в начале 1890-х годов отставного штабс-капитана, автора многих публикаций об общественной жизни и о литературе в газете «Неделя» и журнале «Книжки "Недели"».

О внимании критика к Меньшикову говорит в своей книге биограф Н. Н. Страхова В. А. Фатеев, утверждая, что русский Зоил знал «множество издателей от А. А. Краевского до А. С. Суворина и его главных сотрудников М. О. Меньшикова, В. П. Буренина и В. В. Розанова» [\[51, с. 563\]](#). Однако отметим неточность в утверждении Фатеева: Меньшиков стал сотрудником «Нового времени» только через пять лет после смерти Н.Н. Страхова – весной 1901 года, поэтому русский философ и литературный критик мог читать статьи Меньшикова только в пору его работы в гайдебуровских изданиях.

* * *

После смерти Страхова, случившейся 24 января 1896 года, в конце января-феврале литераторы, хорошо знакомые с покойным (В. В. Розанов, Б. В. Никольский, К. Н. Бестужев-Рюмин, Н. Я. Грот и другие), опубликовали в разных изданиях несколько некрологов: М. О. Меньшиков опубликовал свой некролог несколько позже – в марте 1896 года на страницах ежемесячного журнала «Книжки "Недели"» [\[17\]](#) и, как мы уже указали, единственный раз создал материал в этом печальном жанре о человеке, с которым он близко не общался.

Тем не менее, несколько внутренних причин могли подтолкнуть ведущего критика и публициста газеты «Неделя» написать некролог. Думается, основная связана с тем, что литературные интересы и предпочтения не так давно вошедшего в большой мир журналистики, литературы и критики Меньшикова пересекались с интересами и предпочтениями покинувшего мир русского критика, публициста и философа. А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, Я. П. Полонский, Л. Н. Толстой – это те авторы, о которых немало написал Н. Н. Страхов и которые притягивали внимание М. О. Меньшикова-критика. Как и Страхов, Меньшиков внимательно всматривался в отношения западников и славянофилов. Как и Страхов, искренне и всем сердцем любил Л. Н. Толстого.

С начала 1860-х годов и до конца своей жизни Страхов был поклонником художественного таланта Льва Николаевича Толстого. Одним из первых критик создал ряд глубоких работ о произведениях великого автора «Войны и мира» и «Анны Карениной», среди которых «Сочинения гр. Л. Н. Толстого» (1866), «Война и мир. Сочинение графа Л. Н. Толстого...» (1869-1870), «Литературная новость» (1869), «Обучение народа» (1874), «Чем люди живы» (1881), «Взгляд на текущую литературу» (1883), «Французская статья об Л. Н. Толстом» (1884), «Толки о Толстом» (1891) и др.

Таким образом, Страхов стал мощным защитником и апологетом художественного гения Толстого.

Почитателем таланта и последователем некоторых идей Толстого стал в конце 1880-х – 1890-е гг. и Меньшиков, написавший о произведениях великого творца статьи «Тринадцатый том сочинений графа Л. Н. Толстого» (1891), «Великое детство. По поводу 40-летия литературной деятельности гр. Л. Н. Толстого» (1892), «Работа совести. (По поводу статьи “Неделание” гр. Л. Н. Толстого)» (1893) и «Сбились с дороги (По поводу рассказа “Хозяин и работник” Л.Н. Толстого)» (1895). В них Меньшиков порой совпадал с суждениями, выраженными в статьях Страховым. Это, например, касается понимания художественной задачи произведений Л. Н. Толстого.

Вот мнение Страхова о реализме автора романа «Война и мир»: «...художник ищет следов красоты души человеческой, ищет в каждом изображаемом лице той искры Божией, в которой заключается человеческое достоинство личности, – словом, старается найти и определить со всею точностью, каким образом и в какой мере идеальные стремления человека осуществляются в действительности» [\[45, с. 272\]](#). Мысль, близкую к этой, Страхов выразил и в работе «Толки об Л. Н. Толстом»: «...центр его учения составляют не какие-нибудь догматы, а христианские правила жизни, изложение и объяснение наших обязанностей. Он проповедник не какой-нибудь теории, а практического христианства, учитель нравственности. Сюда тяготеют все его мысли...» [\[47, с. 113-114\]](#).

Свое понимание сущности толстовского творчества Меньшиков сформулировал в 1891 году следующим образом: «...Толстой ищет коренного закона счастья и находит его в Христовом учении о самоотверженной любви» [33 с. 338]. В 1895 он писал: «Религиозная мысль “Хозяина и работника”, как мне кажется, та же, которою живет Л. Н. Толстой последние 15 лет: мысль о Высшей воле, посылающей человека в мир для любви, в которой – благо жизни. Поэтому не надо иметь своей воли, не надо сопротивляться Богу, а нужно радостно покориться Его воле, открываемой совестью» [\[32, с. 543\]](#).

Оба критика стремились защитить творчество Л. Н. Толстого от придирчивых и недалеких литературных поденщиков. Так, в 1891 году в работе «Толки об Л. Н. Толстом» Страхов отмечал: «Против Толстого с воплем поднимаются люди, не замечающие, что сами они не имеют никакого права подавать голос в религиозных и нравственных вопросах» [\[47, с. 112\]](#). О подобных людях писал и Меньшиков, защищая автора рассказа «Хозяин и работник» от необоснованных нападок некоего бойкого «харьковского журналиста», «московского критика, историка Иловайского» [\[32, с. 534\]](#) и «огромного хора провинциальных критиков» [\[32, с. 535\]](#).

Еще одна черта, объединяющая Страхова и Меньшикова, – использование для характеристики образного мира произведений Л. Н. Толстого выделенных Ап. А. Григорьевым ведущих национальных героических типов: «хищного» и «смирненного» [\[3, с. 524\]](#). Страхов применял формулу Григорьева при анализе романа-эпопеи «Война и мир» и расширил ее понимание. По мнению критика, в большом историческом романном повествовании автор показал столкновение «смирненного» и «хищного» типов с победой первого не только на национальном, но и на мировом уровне: «...эта огромная пестрая эпопея – что она такое, как не апофеоза русского смирненного типа? Не тут ли рассказано, как, наоборот, хищный тип спасовал перед смиренным, – как на

Бородинском поле русские люди победили всё, что только можно представить себе самого героического, самого блестящего, страстного, сильного, хищного, т.е. Наполеона и его армию?» [\[45, с. 306\]](#).

Формула Григорьева использовалась Страховым при осмыслении рассказа Л.Н. Толстого «Хозяин и работник» (1895). Критик участвовал в подготовке его к печати и был одним из первых читателей. В письмах автору в январе-феврале 1895 года он чрезвычайно высоко оценил произведение: «Боже мой, как хорошо, бесценный Лев Николаевич! <...> Целая драма, простейшая, яснейшая и потрясающая!» [\[9, с. 977\]](#); «Какое умение понимать душу, и какое доброе понимание души!» [\[9, с. 986\]](#); «Как хорошо, бесценный Лев Николаевич, как удивительно и бесподобно!» [\[9, с. 986\]](#). В письме от 21 февраля 1895 г. Страхов по-григорьевски обрисовал центральных персонажей произведения: «Василий Андреич теперь у меня так и мечется перед глазами, и даже стал заслонять Никиту. <...> Никита и Вас[илий] Андр[еич] это как бы два слоя русского народа: один слой деятельный, а другой пассивный. Деятельный кажется очень противным, но он спасает пассивный и сам погибает. Никита все вынесет и никому зла не сделает; но Василий Андреевич — ах, как он хорош! Сломленная энергия... Нет, возрожденная энергия!» [\[9, с. 986\]](#). Особенное внимание критика, как мы видим, привлек «деятельный» («хищный») образ Василия Андреевича Брехунова, в минуту испытаний духовно преобразившийся. Страхов восхитился умением автора рассказа создавать живую, правдивую картину жизни при помощи деталей и действий персонажей: «В первый раз я читал торопясь, отрываясь на несколько часов, и все-таки у меня осталась в памяти всякая черта. Василий Андреич, Никита, Мухортый стали моими давнишними знакомыми. Как ясно, что Вас[илий] А[ндреич] — под хмельком! Его страх, его спасение в любви — удивительно! удивительно! А Мухортый ушел от него к Никите...» [\[9, с. 977\]](#). В одном из писем Л.Н. Толстому Страхов сообщал о духовно-покаянном воздействии рассказа на него: «... постоянно ловлю себя на самолюбивых мыслях; рассказывая о Василье Андреече, Вы обо мне написали. <...> Как бы мне вытравить свой эгоизм, как бы приобрести добродушие и спокойствие Никиты?» [\[9, с. 995\]](#).

Если тяжело болевший Страхов за год до кончины лаконично выразил свое понимание рассказа в переписке с Толстым, то Меньшиков посвятил произведению большую статью «Сбились с дороги. (По поводу рассказа «Хозяин и работник» гр. Л. Н. Толстого)» (впервые опубликована в журнале «Книжки «Недели»», 1895, №3). В ней публицист «Недели», как и Страхов, высоко оценил новый рассказ писателя: ««Хозяин и работник» — это уголок жизни, перенесенный со всеми ее красками на бумагу» [\[22, с. 536\]](#); «Толстой рисует жизнь, как она есть, и самая тяжкая драма выходит очень простой и обиходной» [\[22, с. 540\]](#). По мнению критика, Толстой дал в своем рассказе «дорогие уроки литературного мастерства» [\[22, с. 538\]](#) для молодых литераторов. Меньшиков указал и на явное превосходство реалистического отображения действительности в «Хозяине и работнике» Л. Н. Толстого над произведениями Д. Н. Мамина-Сибиряка [\[22, с. 539-540\]](#) и М. Е. Салтыкова-Щедрина [\[22, с. 541\]](#).

Осмысление содержания рассказа М. О. Меньшиковым также отсылает нас к типологии героев Ап. А. Григорьева: «Возьмите Брехунова: вот человек-«хозяин», энергичный, ненасытный, покоривший себе человека-«работника», вечно преследующий какую-то личную особенную цель. Он самоволен — его воля отделена от интересов других существ, и, увлекшись своей волею, он неизбежно отнимает их счастье» [\[22, с. 543\]](#). Развивая противопоставление «хищный» хозяин — «смиранный» работник, критик

отдалился от национальной мысли Григорьева и пришел к толстовской идее непротivления злу силою, которая соединилась с идеалистическим представлением о народе и его художественном воплощении в рассказе – Никите: «Народ сам по себе не способен на насилие; все виды насилия создаются людьми, выдающимися из народа и выродившимися в хищный тип. Народ всегда и всюду подчиняется безропотно; борются насильники. Народное непротivление есть естественное свойство масс, их инерция. Непротivление дает жизнь хищникам, но, может быть, оно же спасает человечество от общей гибели» [22, с. 550]. Нетрудно увидеть историческую ошибочность наивного понимания Меньшиковым образа народа, в любую эпоху способного на бунты и жестокость. В этих размышлениях о рассказе проявилась идеализация критиком низовой, природной народной жизни, источником которой как нам представляется, стали работы Л. Н. Толстого, прежде всего «Исповедь» (1882), «В чем моя вера?» (1884). Историософский смысл противопоставления героев рассказа Меньшиков находил в том, что «Брехунов – отживающее язычество», а «Никита – растущее из стихии народной истинное Христианство» [22, с. 552]. Свой тезис критик подкреплял мыслью о христианстве как царстве не от мира сего, удел исповедников которого – «служение ближним и неизбежное при этом слияние с народом, чувство равенства и любви к человеку» [22, с. 552]. А язычество, напротив, – «господство внешних забот и материальных радостей, захват богатства и неизбежное при этом насилие над ближним» [22, с. 552]. Как нам представляется, Меньшиков в этих рассуждениях «отдалился» от понимания смысла рассказа Толстого, поскольку ключевой фигурой своего анализа сделал непротivленца Никиту, «отодвинув» на задний план образ Василия Брехунова с его предсмертным самоотверженным поступком, свидетельствовавшим о духовном росте героя-«хищника».

Природное, инстинктивное начало в образе смиренного Никиты критик ставит выше религиозного: «Никита – истинный христианин не по науке, не по религии, а по инстинктам своим. Христианство свое он впитал не из книг, а из окружающей природы вместе с жизнью» [22, с. 553]. Выраженная в статье уверенность Меньшикова в спасительности для человечества толстовской идеи непротivления злу делает для него неактуальной даже идею патриотизма: «...убить турка при известных условиях он (работник Никита. – Н. К.) еще в состоянии и именно под видом воли Божьей. Будет, однако, время, когда и последний поступок станет для него невозможным, и никакими хитростями его нельзя будет убедить в том, что это воля Божия. По мере раскрытия сознания он все далее и далее будет отходить от участия в зле, и зло исчезнет» [22, с. 554]. Таким образом, в рассуждениях Меньшикова о рассказе «Хозяин и работник» соединились и ироничные ответы на необоснованные нападки критиков на произведение, и меткие критические замечания о художественном методе и мастерстве Толстого-рассказчика, и проявившийся в анализе текста наивный идеализм публициста, связанный непротivленческими идеями Л.Н. Толстого. В отличие от Н.Н. Страхова, М.О. Меньшиков поставил на первый план образ Никиты, осмыслив его как стихийно-мудрого и природно-чувственного выразителя толстовской концепции христианского непротivления злу. А сущность этой концепции, как утверждал Меньшиков, заключена «в возможности непрерывного возрождения, и отсюда готовность отдать себя в материал для другой жизни» [22, с. 546].

Л.Н. Толстой, познакомившись со статьёй Михаила Осиповича, в письме к нему не согласился с утверждением превосходства природного начала человека над разумным при осмыслении образов-персонажей рассказа [4]. Вскоре граф прочитал статью Л.П. Никифорова о «Хозяине и работнике» и попросил Меньшикова в письме 26-29 августа

1895 года опубликовать ее в «Книжках "Недели"» [\[49, с. 148-149\]](#). Понравившаяся писателю статья по-своему развивала высказанную Страховым мысль о внутреннем преображении Василия Брехунова. Никифоров акцентировал внимание на сущностно меняющемся герое-хозяине и отмечал, что образ Брехунова, а не Никиты, заслуживает наибольшего внимания: «...они неизбежно погибли бы оба, если б в последнюю минуту Брехунов не понял, что все, что он делал всю свою жизнь – совсем не то, что нужно и не решился бы пригреть собой того Никиту, которого он заставлял всю жизнь и голодать, и холодать и сбивал с настоящего пути» [\[35, с. 252\]](#). В противовес Меньшикову, Никифоров сформулировал тезис: истина не в равнодушии к жизни Никиты, «не в пассивности, а добром активном деле» [\[35, с. 252\]](#). Остается только отметить, что близкий к революционным кругам Никифоров мог подразумевать под «активным делом» не духовное возрождение, а, скорее, социальную революцию.

Л. Н. Толстой в упомянутом выше письме Меньшикову о статье «Ошибки страха» отметил, что не принял его восхваления образа Никиты, поскольку любовь работника – это «низшая степень любви», она «непосредственная, неразумная, доброжелательство, одинаковое к злым и добрым, поэтому <то> оно не различает злых от добрых» [\[49, с. 148\]](#). Указывая, что есть иная, высшая степень любви, писатель объяснял критику: «Я понимаю, что Никиты могут прельщать своей стихийной христианственностью, но про них можно только сказать, что они то дерево, из которого легко делаются хорошие святые, но нельзя говорить, что человек, работающий над единственно свойственной человеку работой, старающийся не противиться злу насилием, несущий всю тяжесть этого, но не в силах еще вырвать из сердца раздражение на злых, стоит ниже того, который еще не начинал этой работы...» [\[49, с. 149\]](#)

Таким образом, Меньшиков и Страхов при осмыслении рассказа «Хозяин и работник», уловив мастерство автора и общий христианский настрой, по-разному его интерпретировали: Меньшиков – осмысляя в первую очередь природу непротивленчества смиренного работника Никиты, а Страхов – стремясь выразить глубинные, национально-сущностные особенности содержания рассказа, определяющие поведение его персонажей, и выделяя нравственную сущность образа Василия Брехунова.

Мы не будем касаться обширного вопроса личных взаимоотношений с Л.Н. Толстым Меньшикова и Страхова: об этом написан ряд научных работ [\[4; 5; 6; 7; 36; 43; 50; 51\]](#). Отметим прежде всего, что оба критика видели в художественном творчестве писателя великое проявление его гения, а к высказанным в публицистике идеям имели свое особое отношение. Так, Страхов, по мысли В. А. Фатеева, искренне поддерживал дружбу с писателем, но «моральное учение Толстого и его протестантское толкование Евангелия содержало множество элементов, которые он считал ошибочными и даже еретическими» [\[51, с. 421\]](#), Меньшиков же в своих статьях 1890-х гг. в чем-то совпадал с публицистической мыслью Л. Н. Толстого, но, как правило, по-своему ее понимал, что доказывает и восприятие критиком «Недели» рассказа «Хозяин и работник», и высказывания самого публициста, не считавшего себя последователем яснополянского старца. Так, весной 1900 года Меньшиков, возражая П. П. Перцову, который назвал его «самым авторитетным из толстовцев», «самым талантливым и корректным» [\[19, стб. 595\]](#), недвусмысленно писал о совпадениях своих взглядов с идеалами Толстого и отличиях от них: «Я глубоко и неизменно уважаю нравственное стремление Л. Н. Толстого, его тревожную, пророческую совесть, его убеждение в необходимости каждому прежде всего работать над собой. Но я не беру у него ничего чужого, беру свое; если

некоторые идеалы у нас общие, то я чувствую, что с ними родился и они столько же мои. Невольные совпадения со столь живою и мощною мыслью – для меня лучшая радость жизни, это поддержка огромная, много способствовавшая обнаружению для меня собственной моей природы. Но было бы неправдой сказать, что я разделяю все миросозерцание великого писателя. Я даже не знаю его всего, а из того, что мне известно, не все мне свойственно» [\[19, стб. 595\]](#).

Несовпадение мнений публициста и писателя зафиксировано в работах современных исследователей их биографии и творческого наследия. Так, Г. В. Жирков называет Меньшикова «несостоявшимся преемником» [\[5, с. 664\]](#), а Д. В. Жаворонков отмечает, что «публицист не был “слепым” последователем писателя», неоднократно полемизируя с ним в 1890-е гг. [\[4\]](#).

С течением времени отношение критика к публицистике Толстого менялось. В 1900 году Меньшиков в газете «Неделя» встал на защиту писателя, резко выступив против, как ему виделось, излишне ироничного и вульгарного отображения этического учения великого писателя в работе Владимира Соловьева «Три разговора...» [\[16\]](#). Однако уже с 1904 года публицист резко критиковал отношение Толстого к русско-японской войне и открыто противостоял иным анархическим выступлениям писателя в печати (см., например, статьи «Лев Толстой, Менделеев, Верещагин» (1904), «Два пророка» (1907), «Толстой и власть» (1908), «Фальшь толстовщины» (1912) и др.), до конца своей жизни оставаясь поклонником художественного таланта яснополянского творца.

Страхов, будучи поклонником литературного таланта графа и его другом, не разделял высказанных в публицистике убеждений великого Льва и выражал, на наш взгляд, довольно спорную уверенность, что «Толстой своим поворотом к религии сумеет отвлечь молодежь от революционных увлечений» [\[51, с. 421\]](#). Отношение Страхова к философии Толстого, на наш взгляд, удачно сформулировал В. В. Розанов: «...он (Страхов. – Н. К.) не сливался с его “учением”, даже просто отвергал его или почти отвергал; во всяком случае, не придавал ему значения. Но смысл его учения, но направление, в котором пошел Толстой, – его восхищало, вызывало в нем великий восторг...» [\[42, с. 203\]](#).

Человеческая и творческая близость критика Н. Н. Страхова и писателя Л. Н. Толстого как сверстников (оба – 1828 года рождения), связанных дружбой, очень похожи на взаимоотношения критика М. О. Меньшикова и писателя А. П. Чехова. Они также были сверстниками (Меньшиков родился в сентябре 1859 г., а Чехов – в январе 1860 г.), в результате общения ставшими чрезвычайно близкими людьми [см. об этом: 1; 8]. И Страхов, и Меньшиков активно защищали своего мировоззренчески родственного друга-писателя, переписывались с ним, бывали у него в гостях и, главное, посвятили ряд серьезных работ анализу творчества.

Можно сказать, что как Н.Н. Страхов в своих работах выступил открывателем для широкой публики мощи таланта Л.Н. Толстого и защищал величие его творений, так и М.О. Меньшиков осмыслял, пропагандировал и защищал огромный художественный дар А.П. Чехова. Достаточно вспомнить такие статьи Меньшикова, как «Больная воля (Палата №6. Рассказ Чехова)» (1893), «Прогресс и предание. (По поводу книги А. П. Чехова “Остров Сахалин”» (1896), «Слово о мужиках» (1897), «Три стихии» («В овраге» повесть А. П. Чехова) (1900).

* * *

Наверняка Меньшиков при знакомстве с работами Страхова не мог не почувствовать родственного ему негативного отношения к «натуральной школе» в искусстве. В статье Страхова «Некрасов и Полонский» (1870) обрисованы два направления искусства, представителями которых явились названные в заглавии поэты. Первое, некрасовское, осмыслено как обличительное и презрительно-эгоистическое по отношению к народу: «Все эти обличители суть вместе и просветители; они не хотят учиться у народа, а сами хотят его учить» [\[44, с. 137\]](#). Сущность понимания русской жизни этого направления Страхов иллюстрирует уничижительными по отношению к России строками самого Некрасова из известного стихотворения «Песня Ерёмушке»:

В нас под кровлю отеческой

Не запало ни одно

Жизни чистой, человеческой

Плодотворное зерно [\[44, с. 137\]](#).

Поэта Я. П. Полонского критик противопоставил Н. А. Некрасову на основании отсутствия у первого «узкого и резкого направления» творчества, «односторонних, кидających в глаза тенденций» [\[44, с. 138\]](#). Поэзия Полонского – это, по определению Страхова, «поклонение всему прекрасному и высокому, служение истине, добру и красоте, любовь к просвещению и свободе» [\[44, с. 138\]](#). В ней есть стремление к правде и отражение особенностей русской души [\[44, с. 175\]](#).

Социально-критическое, обличительное изображение русской действительности, умаляющее и унижающее всё родное и близкое, Меньшиков не принимал с самого начала своего творчества. В первом большом произведении молодого публициста цикле очерков «По портам Европы» (1884) молодой штурман с возмущением описывал картины художников в русской части Всемирной парижской выставки 1878 года: «У нас в отделе (выставки. – Н. К.) гостят купцы и купчихи с их нечесаными "овчинами", потными расплывшимися лицами, у нас в переднем углу невозможный дьякон г. Репина, истинный сюжет для искусства. Вот, ей Богу, сокровище кисти, на которое взглянешь да и отвернешься поскорей: отвернешься, да поздно: впечатление уже испорчено, вы далеко от картины, а за вами гонится этот дьякон, пьяный звериный взгляд, эти рыжие клочья волос, испитое лицо...» [\[31, с. 64\]](#) В русском отделе Меньшиков находил образцы иного, нетенденциозного понимания роли искусства, связанного с воплощением идеала красоты. Это картины «Светочи христианства» Семирадского, «Болгарская мученица» Маковского, «Украинская ночь» Куинджи, работы Айвазовского. Главный идеал человека для публициста связан с христианством: «Спасибо Семирадскому. Он поддерживает бодрость духа и энергию борьбы со злом. Он пропагандирует кистью ту уверенность, что, как бы ни был силен зверь в человеке, как бы ни была непроглядна тьма невежества, злобы и насилия – в конце концов, всё-таки заговорит в человеке Христос, взойдёт великое солнце знания, всепрощения, свободы...» [\[31, с. 66\]](#). И в дальнейшем Меньшиков неоднократно отмечал, что задача настоящего искусства – облагораживать и показывать высокий идеал. Эта задача воплотилась в словах из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Журналист, писатель и читатель», несколько раз упоминаемых критиком в статьях разных лет:

...И мир мечтою благородной

Пред ним очищен и обмыт.

По мысли публициста «Недели», выраженной в статье «Литературная хворь» (1893), представители обличительной школы не видят светлой правды жизни и показывают лишь ее «уродливые стороны»: «С особенной радостью они останавливаются на уродливых явлениях жизни, привязывают к ним все внимание читателя, бережно описывают все нравственные бородавки, прыщи, шишки, искривления человека, выворачивают его грязное белье, скрытые раны под бельем, раздвигают края ран и любуются диким мясом в них, а если находят червей, то тем превосходнее» [\[25, с. 147-148\]](#). Поэтому критик и публицист, выступая против обличительного направления в литературе, против поэтизации безнравственности и пошлости, связывал настоящее искусство с отображением эстетического, этического, религиозного идеала народа, поскольку настоящая поэзия должна поддерживать и утверждать положительные начала жизни, влияя тем самым на окружающий мир.

При написании некролога Страхову Меньшиков не мог не осознавать не только творчески-эстетическую, но и биографическую близость с покинувшим мир критиком. Страхов «родился "поповичем"» [\[22, с. 622\]](#), и Меньшиков был внуком священника [\[11, с. 12\]](#). Страхов «терпел бедность» [\[22, с. 622\]](#), и Меньшиков вышел в люди из крайне бедного рода [\[11, с. 11, 31\]](#). Страхов не смог «окончить курса в университете», и автор некролога недолго пробыл в университете вольнослушателем. Меньшиков заметил также, что «Страхов отдался вначале совсем не той науке, к какой имел призвание» [\[22, с. 622\]](#), наверняка понимая, что с ним случилось то же самое: он почти двадцать лет посвятил русскому военному флоту, служил штурманом и гидрографом, а только после этого смог отдать всего себя любимому с юности делу публицистики и критики. Кроме того, у каждого был свой литературный гений-благодетель: Страхову помог в творческом утверждении неравнодушный литератор Аполлон Григорьев, отметивший его «выдающийся талант» [\[22, с. 622\]](#), а Меньшикову – Семен Надсон [\[11, с. 149-154\]](#).

В некрологе Михаил Меньшиков отметил, что Страхов вступал на поприще литературной критики в 1860-е гг., когда «на это нужно было большое мужество, так как тогдашняя печать почти сплошь состояла из людей враждебного Страхову тона» [\[22, с. 622\]](#) – представителей революционно-либерального лагеря. А многие из них обладали «манерой полемизировать, напоминающей поединок не на жизнь, а на смерть» [\[22, с. 622\]](#). Ко времени написания некролога и сам публицист, ощутивший в 1892 году первый восторженный прием литераторов (о нем писали выше), уже знал, насколько сложно отстаивать в печати свою аргументированную позицию. Так, в 1895 году он опубликовал расследование о лжестарце из Серпуховского уезда обедневшем князе В. В. Вяземском, которого в интеллигентской среде стали почитать за пророка и поговаривали даже о том, что Лев Толстой своим «опрощением» копирует именно его [\[24\]](#). Вскоре после доказательного разоблачения легенд о князе Меньшиков вынужден был отвечать на нападки и травлю либеральных журналистов [\[26\]](#). В личном дневнике накануне своего 37-летия, 22 сентября 1896 года, публицист подводя итоги прошедшего года, записал: «В октябре-ноябре продолжалась гнусная травля меня со стороны защитников кн. Вяземского, и я на опыте убедился, как легко, будучи безупречно-чистым, попасть в омут грязи, когда ближние сделают все усилия, чтобы утопить» [\[37, л. 78-78 об.\]](#). Здесь же Меньшиков признавался, что история с Вяземским сильно подмочила его литературную репутацию [\[37, л. 78 об.\]](#).

Стоит вспомнить и о том, что, начиная с середины 1890-х гг. (когда Меньшиков был

умеренно-либерально настроен: поддерживал идеи Толстого, выступал за свободу вероисповедания, за ослабление цензурного давления и мечтал о парламенте) и практически до самой смерти, Меньшиков получал негативные отклики о своем творчестве от критиков и журналистов революционного и народнического толка: от В. Г. Короленко, А. И. Богдановича, А. Л. Волынского, М. А. Протопопова, Н. К. Михайловского, П. М. Пильского и др. [см.: 34]. Так публицист практически повторял судьбу Страхова, постоянно критикуемого крайне враждебными лево-радикалами и либералами в лице Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, В. С. Соловьева и др.

В 1911 году публицист, десять лет проработавший в «правой» газете «Новое время», подвергался нескончаемым обвинениям литераторов «слева» и осознал непроходимую пропасть между конфликтующими друг с другом революционно-либеральными монополистами печати и горсткой сторонников национально-консервативного лагеря. Поэтому он предупреждал пришедшего в суворинское издание молодого автора А. В. Селитренникова: «Имейте в виду, что быть "нововременцем" – это в русской литературе клеймо. С нашим клеймом вас уже ни в какой толстый журнал или в книгоиздательство, кроме суворинского, не пустят. Если вы напишете книгу, ни в одной левой газете об вас никакого отзыва не дадут, даже ругательного. Левый лагерь, от которого зависит в России успех или неуспех писателя, накладывает на "нововременца" настоящее библейское прещение до седьмого поколения. Всероссийская критика приговаривает нас к гражданской смерти» [\[34, с. 252\]](#).

Сходство человеческих и творческих судеб Н.Н. Страхова и М.О. Меньшикова на этом не кончается. Всем известно, что Страхов помогал становлению талантов в публицистике. Так, он вывел из безвестности талантливый публицист и философ В.В. Розанов. В свою очередь, Меньшиков тоже помогал молодым способным литераторам пробиться в люди. Например, устроил в «Новое время» уже упомянутого выше талантливого журналиста А.М. Селитренникова, взявшего псевдоним А.М. Ренников. [\[41, с. 135-159\]](#).

Революционно-либеральная журналистика, доминировавшая во второй половине XIX века, о Страхове и его творчестве (как при жизни критика, так и сразу после его смерти) предпочитала либо отзываться негативно, либо молчать. Начиная с 1917 года, работы Страхова, защищавшие отечественную классику, религиозные и русские национальные ценности, были изъяты из широкого пользования и преданы забвению. Подобное происходило и с Меньшиковым. Разница лишь в том, что в 1890-е его неистово травили и революционеры и их многочисленные сторонники, но после перехода Меньшикова в самую влиятельную газету «Новое время» и вплоть до его отстранения от работы в «Новом времени» в 1917 году радикалы не могли полностью исключить влияние публициста на общество: авторитет «Нового времени» и его авторов был высок. Советская власть менее чем через год после октября 1917 нашла публициста в провинциальном Валдае и расстреляла, сделав после этого всё, чтобы уничтожить и память о нем.

Более семи десятилетий творчество двух русских публицистов и критиков лежало под спудом. Но как только в конце XX века запреты в науке, журналистике и критике были сняты, работы и Страхова, и Меньшикова оказались востребованными, а сами авторы вновь обрели читателей и почитателей.

* * *

Впервые некролог Меньшикова об ушедшем из жизни Н. Н. Страхове был опубликован в 1896 году в журнале «Книжки "Недели"» под заголовком «Памяти Н. Н. Страхова» [\[17\]](#) и

повторно включен автором во второй том «Критических очерков» (1902) в раздел «Литературные характеристики» с названием «Н. Н. Страхов». В комментариях к современной перепечатке этого некролога сказано, будто в книге «Критические очерки» опубликован «расширенный вариант статьи» [\[22, с. 694\]](#). Однако это утверждение не соответствует действительности: публикации 1896 и 1902 годов полностью идентичны.

В тексте некролога отразились типичные для публициста темы. Одна из них – внимание к личному и общественному, народному здоровью. Этой теме Меньшиков посвятил многочисленные страницы дневника [см.: 11, с. 13, 21, 32, 105-106, 227, 248, 282, 294, 321, 332], а также ряд статей, опубликованных как в период работы в «Неделе» [см., например: 13; 14; 12; 18; 21], так и во время сотрудничества с «Новым временем» [\[29; 30; 20\]](#). Композиционным обрамлением некролога стали посвященные теме здоровья отрывки письма Страхова к г-же В. (оригинал послания, к сожалению, нами не обнаружен). В письме адресант размышлял об изменении своего самочувствия и о лечении у докторов, считавших, что организм у него крепкий [\[22, с. 621, 625\]](#). При этом сам Страхов думал иначе и, как пишет Меньшиков, был прав: «Оказалось, что Бог судил именно так, как подсказывало больному самочувствие, и врачи ошибались» [\[22, с. 621\]](#).

Другая тема – отображение противостояния двух лагерей – прогрессивно-революционного и консервативного, к которому принадлежал Страхов. Меньшиков понимал, что Страхов «чувствовал себя и был на самом деле одним из просвещеннейших людей, какие только жили в России, чего нельзя сказать о многих его литературных противниках» [\[22, с. 623\]](#). Кроме этого, публицист подчеркивал, что «ведя в течение ряда лет "борьбу с Западом", Страхов по крайней мере знал, против чего воюет. Он знал европейскую науку, философию, литературу. Он был математик и натуралист не по популярным книжкам, а по высшей школе и, в сущности, всю жизнь не выходил из школы, учась до самой смерти всему, что есть важного в мире» [\[22, с. 623\]](#). «Зная европейские языки, Страхов всю жизнь прожил в сфере самых высших откровений современного и прошлого человечества» [\[22, с. 623\]](#), – писал Меньшиков и отмечал, что ушедший в иной мир ученый был «сластолюбец знания, тонкий знаток его и ценитель» (624). Подчеркивая мысль о высоком интеллектуальном уровне Н.Н. Страхова («по крайней мере знал», «всю жизнь не выходил из школы», «всю жизнь прожил в сфере самых высших откровений ... человечества» [\[22, с. 624\]](#)) критик недвусмысленно намекал на слабые знания о западной науке у главных представителей западничества – В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева...

Н. Н. Страхов, по мнению Меньшикова, не желал идти в ногу со временем, что можно увидеть уже в его антидарвинистских, антинигилистических и антиреволюционных работах. При сходстве с революционерами в социальном происхождении (Страхов, как и Белинский, Чернышевский, Добролюбов, был по происхождению «попович») у критика было с ними полное «расхождение путей» [\[22, с. 622\]](#). «"Поповичи" стояли во главе прогресса, составляя его разрушительный авангард» [\[22, с. 622\]](#), а Страхов-консерватор противостоял им. Кстати, этот ряд «прогрессивных» и леволиберальных деятелей продолжили современные дети священнослужителей К. А. Жуков и С. А. Шаргунов.

Умение отстаивать свое мнение практически в одиночку, как писал Меньшиков, проявляло одну из главных черт покойного – мужество: «...он бросил свою уже 10-летнюю учительскую службу и отдался литературе. На это нужно было большое мужество, так как тогдашняя печать почти сплошь состояла из людей враждебного

Страхову тона» [\[22, с. 622\]](#).

Характеристики стилового своеобразия выступлений Н.Н. Страхова в некрологе контрастны и проявляют черты критика. С одной стороны, он «изящный, сдержанный, приличный в высшей степени, тихий» [\[22, с. 622\]](#), «со своею сдержанною, простодушною иронией» [\[22, с. 622-623\]](#), высказывавший «без большого блеска и без всякого треска» [\[22, с. 623\]](#) свои мысли. С другой – решительный, смелый в творчестве человек, открыто заявивший страшную для своего времени «ересь»: «...говорил об ошибках революционного нигилизма, о бесплодности слепого преклонения пред Западом, о необходимости независимой, самобытной работы русской мысли, об односторонности дарвиновской теории и пр., и пр.» [\[22, с. 623\]](#). Кроме того, Страхов выступал «очень настойчиво, а главное – с величайшим бесстрашием, совершенно пренебрегая литературными "лагерями"» [\[22, с. 624\]](#).

Еще одним важным качеством Страхова-критика названо в некрологе умение обнаруживать, оценивать и защищать национальные русские и зарубежные таланты: он открыл для «русской публики огромный талант Л. Н. Толстого», «разъяснил значение Аполлона Григорьева, беспристрастно оценил Тургенева, выдвинул Н. Я. Данилевского, боролся за поэзию Пушкина», а также «знакомил русскую публику с корифеями западной мысли» [\[22, с. 624\]](#).

Большое дарование, обширные знания, желание всецело отдаваться науке, страстная любовь к книгам, мужество в принятии решений и противостоянии оппонентам, сдержанность и изящество в полемике и изложении мыслей, умение, оценив талант, стать «Колумбом для русской публики» [\[22, с. 624\]](#) и отсутствие лицемерия и карьеризма – вот важнейшие черты Страхова, указанные в некрологе.

Фатеев отмечает, что Меньшиков (в отличие от ряда современников) выразил глубокое понимание личности Страхова, сумев непредвзято отнестись к русскому публицисту, философу и критику [\[51, с. 60\]](#). Именно так, по мнению современного исследователя, публицист «Недели» показал взаимоотношения Страхова с влиятельнейшими людьми эпохи – К. П. Победоносцевым и И. А. Вышнеградским. Приведем этот отрывок из некролога: «Страхова упрекали, что он льнул к сильным мира, к знаменитостям, старым и молодым. Действительно, среди "сильных мира" у него было много друзей, но он был совершенно независим от них и не извлек никакой корысти из этой дружбы. Не со всеми, а только с избранными по уму и дарованию водился он, причем имел бесстрашие любить, кого хотел» [\[22, с. 624\]](#). Биограф Страхова увидел непредвзятый взгляд Меньшиков и в том, как он отразил глубокое знание Страховым тех сил, с которыми критик всю жизнь сражался, – Запада и его цивилизации. Развивая мысль публициста, Фатеев отмечает: «...Страхов был одним из настоящих европейцев в России — не тех, кто слепо заимствует с Запада тамошние новомодные идеи, а тех, кто использует богатство европейской культуры для обретения собственной духовной независимости» [\[51, с. 213\]](#); «...Страхов, как и Тютчев, потому и выступил с критикой духовных основ европейской цивилизации, что познал суть западного мира» [\[51, с. 213\]](#).

В небольшом некрологе Меньшиков свел различные факты жизни покойного в единую полноцветную картину. Ее последним штрихом стала цитата из упомянутого выше письма Страхова к знакомой о том, как критик во время болезни понял: многие его знакомые и друзья – настоящие отзывчивые и добрые русские люди: «Моя операция как-то всех испугала, и я увидел столько участия, как и не ожидал. Это открытие доброты в людях

меня очень занимает. Очень отчетливо я различаю вполне добрых людей от типа деятельного, эгоистического, который везде играет главную роль. Вполне добрые – истинно русский тип, воплощение наших нравственных понятий. <...> Не могу вспомнить о таких людях без отрады. О, мы не пропадем, мы свое дело сделаем в мире» [22, с. 625].

Это «открытие доброты в людях» «бесстрашным Страховым» стало для Меньшикова свидетельством «доброго расположения духа» у «ненавидимого и бранимого», но стоявшего на пороге могилы критика. Так опять в подтексте звучит мысль о типологии национальных героев и о постоянной борьбе скромного и тихого защитника национального и христианского начал Н.Н. Страхова с полуобразованной и крикливой революционно-леволиберальной средой.

* * *

В середине – второй половине 1890-х годов творчество Меньшикова трудно назвать во всем последовательным и национально ориентированным. Скорее, публицист находился в идейном поиске, общий вектор которого был направлен в сторону традиционных ценностей. Об этом свидетельствуют опубликованные им статьи. Например, в работе «Высшая цель» [23] Меньшиков утверждал, что важнейшие составляющие цели жизни любого человека – «жажда подвига» [23, с. 238], «любовь к человеку» [23, с. 244] и «работа совести», при которой борьба со злом идет без по-толстовски без «физического насилия», но «нравственным убеждением, любовью» [23, с. 257]. Идеалом такого служения в статье стали разные по убеждениям люди: великие русские педагоги В. Я. Стоюнин, К. Д. Ушинский, Л. Н. Толстой, С. А. Рачинский [23, с. 242], милосердный доктор-протестант В.Д. Гинденбург [23, с. 244-246], а также критик В. Г. Белинский [23, с. 248-249]. Причем, последние (Гинденбург и Белинский) названы «апостолами любви» [23, с. 262]. В этой работе Меньшиков отверг идею улучшения человека через революционное преобразование общества, выдвинув тезис личного совершенствования: «...улучшайте себя, если хотите усовершенствовать общество» [23, с. 258]. Таким образом, высшая цель жизни – «апостольство любви», а средство достижения этой цели – «подвижничество любви» [23, с. 267]. К подобному подвижничеству любви, только связанному с памятью о долге перед народом, Меньшиков звал и приступившее к обучению в университетах русское студенчество в статье «На пороге храма» [28].

Подводя итог, отметим, что некролог М.О. Меньшикова Н.Н. Страхову, как и написанный в 1898 году некролог Я.П. Полонскому, – это своеобразное зеркало, отразившее постепенный внутренний духовный рост публициста, связанный с осознанием расстановки общественно-политических сил в России на рубеже XIX – XX вв., с выработкой национально ориентированной позиции, с пониманием необходимости усиления русского национального ядра и укрепления отечественной национальной культуры.

Библиография

1. Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: Переписка. Дневники. Воспоминания. Статьи / Сост., подгот. текстов, примеч. А. С. Мелковой. Москва : Русский путь, 2005. 475 с.
2. Грановский, Б. Б. Русская песня в жизни Репина [Текст]: Новые материалы / Б. Б. Грановский, И. Н. Грановский. Москва: Советский композитор, 1962. 32 с.
3. Григорьев А. А. Литературная критика. Москва: Художественная литература, 1967. 632 с.

4. Жаворонков Д. В. Писатель и его критик: письма М. О. Меньшикова Л. Н. Толстому 1890-х-начала 1900-х гг. // Филология: научные исследования. 2018. № 3. С. 75-89. DOI: 10.7256/2454-0749.2018.3.26881 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26881.
5. Жирков Г. В. Се человек... Публицистическое слово Л. Н. Толстого к человеку и человечеству: монография / Жирков Г. В. – Москва: Флинта, 2019. – 768 с.
6. Кокшенёва К.А. Об искренности, простоте и правде: Ап. Григорьев и Н. Страхов читают Льва Толстого. Статья вторая // Культурологический журнал. 2023. № 1(51). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/609.html&j_id=55.
7. Крижановский Н.И. Л.Н. Толстой в зеркале записных книжек М.О. Меньшикова. К пониманию забытой публикации // В сборнике: Творчество В.И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар, 2020. – С. 66-73.
8. Крижановский Н.И. Публицистика М.О. Меньшикова в контексте критико-философской мысли рубежа XIX-XX веков. Армавир: АГПА 2012. 188 с.
9. Л. Н. Толстой – Н. Н. Страхов: Полное собрание переписки / Оттавский ун-т. Славян. исследоват. группа; Гос. музей Л. Н. Толстого; Сост. Громова Л. Д., Никифорова Т. Г.; Ред. Донсков А. А. Т. II: Письма, 1879–1896. LXV–LXX. [Москва; Оттава], 2003. 489 – 1079 с.
10. Лапшина Г. С. Газета «Неделя» (1866–1901). – Г. С. Лапшина. Москва: Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2009. 168 с.
11. Летопись жизни и творчества М. О. Меньшикова: монография / Н. И. Крижановский, С. М. Санькова, Е. В. Алехина [и др.]. Москва: Знание-М, 2022. 572 с.
12. М. Естественное питание // Неделя. 1893. № 17. Стб. 539-543.
13. М. Заметки // Неделя. 1892.
14. Стб. 464-466. 14. М. Заметки // Неделя. 1892. № 38. Стб. 1241-1245.
15. М. Заметки // Неделя. 1892. № 50. Стб. 1650-1654.
16. М. Заметки // Неделя. 1900. № 6. Стб. 218-220.
17. М. Памяти Н.Н. Страхова // Книжки «Недели». 1896. №3. С. 253-257.
18. М.О.М. Отклики IX // Неделя. 1899. № 12. Стб. 413-416.
19. М.О.М. Отклики LXIII // Неделя. 1900. № 17. Стб. 593-595.
20. Меньшиков М. О. Берегите здоровье // Новое время. 1913. № 13530 (10 ноября).
21. Меньшиков М. О. В чем братство? II // Неделя. 1900. № 2. Стб. 61-67.
22. Меньшиков М. О. Великорусская идея / Сост., предисл., коммент. В. Б. Трофимовой / Отв. ред. О. А. Платонов. Москва: Институт русской цивилизации, 2012. Т. II. 720 с.
23. Меньшиков М. О. Высшая цель // Книжки «Недели». 1894. № 11. С. 236-267.
24. Меньшиков М. О. Дознание. // Книжки «Недели». 1895. № 8. С. 191-232.
25. Меньшиков М. О. Литературная хворь // Меньшиков М. О. Критические очерки. Т.1. Санкт-Петербург, 1899. С. 147-148.
26. Меньшиков М. О. Литературное следствие. // Неделя. 1895. №№ 37, 38, 41.
27. Меньшиков М. О. Н. Н. Страхов // Меньшиков М. О. Критические очерки. Т.2. Санкт-Петербург, 1902. С. 497-502.
28. Меньшиков М. О. На пороге храма // Книжки «Недели». 1895. № 9. С. 191-226.
29. Меньшиков М. О. О здоровье народном // Меньшиков М.О. Письма к ближним: Полное собрание в 16 тт. Т. 1. 1902 г. / Михаил Меньшиков. / Сост., ред. Д. В. Жаворонков. Санкт-Петербург: Издательство «Машина времени», 2019. 832 с. С. 21-28.
30. Меньшиков М. О. Памяти А.П. Чехова // Меньшиков М.О. Письма к ближним: Полное собрание в 16 тт. Т.3. 1904 г. / Михаил Меньшиков. / Сост., ред. Д. В. Жаворонков. Санкт-Петербург: Издательство «Машина времени», 2021. С. 594-610.
31. Меньшиков М. О. По портам Европы. 1878-1879. Очерки заграничного плавания на

- фрегате «Князь Пожарский». Ч. 1. / М. О. Меньшиков. Кронштадт: Типография «Кронштадтского вестника», 1884. 390 с.
32. Меньшиков М. О. Тринадцатый том сочинений гр. Л.Н. Толстого // Меньшиков М. О. Критические очерки. Т.2. Санкт-Петербург, 1902. С. 335-343.
33. Меньшиков М. О. Сбились с дороги // Меньшиков М. О. Великорусская идея / Сост., предисл., коммент. В. Б. Трофимовой / Отв. ред. О. А. Платонов. Москва: Институт русской цивилизации, 2012. Т. II. С. 529-561.
34. Михаил Осипович Меньшиков: pro et contra. Личность и творчество публициста в оценках современников / Под ред. Н. И. Крижановского, О. А. Дорофеевой. Сост., подг. текста, имен. указ. Н. И. Крижановский, О. А. Дорофеева, Н. А. Рыжкина. Москва: Знание-М, 2020. 532 с.
35. Никифоров Л. П. Где же дорога? // Книжки «Недели». 1896. № 3. С. 242-252.
36. Орлов А. С. Творчество Л. Н. Толстого в оценках М. О. Меньшикова раннего периода (фрагменты дневников) // История: факты и символы. 2023. № 1 (34). С. 140-150.
37. ОХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 23.
38. ОХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 24.
39. ОХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 31.
40. Письма графа Л. Н. Толстого к жене. 1862-1910 гг. / [предисловие: Софья Толстая]. – Издание второе, исправленное и дополненное. Москва: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1915. 604 с.
41. Ренников А. М. Минувшие дни. Нью-Йорк, 1954. 353 с.
42. Розанов В. В. Н. Н. Страхов (24 января 1896 г.) // Розанов В. В. Полное собрание сочинений: В 35-и томах. Том 2. О писательстве и писателях: литературные очерки. Тайна. Москва: Росток, 2015. С. 199-222.
43. Санькова С. М., Орлов А. С. Михаил Меньшиков. – Санкт-Петербург: Наука, 2017. – 252 с.
44. Страхов Н. Н. Заметки о Пушкине и других поэтах / Н. Страхов. – 2-е изд., доп. Киев: [И. Матченко], 1897 (тип. И. И. Чоколова). 281 с.
45. Страхов Н. Н. Литературная критика. Москва: Современник, 1984. 431 с.
46. Страхов Н. Н. Сочинения графа Голенищева-Кутузова. Т. I-II. СПб, 1894 // Отчет о десятом присуждении премий А.С. Пушкина 1894 года. Санкт-Петербург: Тип. Императорской Академии наук, 1895. 74 с.
47. Страхов Н. Н. Толки об Л. Н. Толстом. (Психологический этюд) / Н. Н. Страхов // Вопросы философии и психологии. – М., 1891. – Год II, кн. 9. С. 98-132.
48. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 52. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1952. 428 с. С. 76.
49. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 68. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1954. 304 с.
50. Туниманов, В.А. Достоевский, Страхов, Толстой (лабиринт сцеплений) / В.А. Туниманов // Русская литература. 2006. №3. С. 38-96.
51. Фатеев В. А. Н. Н. Страхов: Личность. Творчество. Эпоха: монография. Санкт-Петербург : Издательство «Пушкинский Дом», 2021. 652 с.
52. Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. Москва : Новое литературное обозрение, 2004. 448 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вопросы литературной критики не так часто рассматриваются в современной науке, более исследователи выходят на анализ собственно самих текстов, уровневую оценку литературных произведений. Тема же рецензируемой статьи объясняется автором данного сочинения, следующим образом: «жанр некролога – редкое явление среди многих сотен работ М.О. Меншикова. Если внимательно присмотреться к публикациям этого жанра, то можно увидеть, что практически все они о людях, с которыми публицист был хорошо знаком или близко общался: о С. Я. Надсоне, П. А. Гайдебурове, В. А. Гайдебурове, Н. А. Рыкачёве, Н. С. Лескове, Я. П. Полонском, А. К. Шеллере, Ф. Ф. Павленкове, Е. К. Гайдебуровой, В. С. Соловьеве, А. П. Чехове, Л. Н. Толстом. Особняком в этом ряду стоит некролог Н. Н. Страхову, с которым Меншиков, насколько нам известно, мог быть знаком, но близко не общался и не имел личной переписки. Что же заставило публициста написать в 1896 году об ушедшем из жизни великом русском критике?». Отмечу, что предметная область работы соотносится с одной из рубрик журнала. На мой взгляд, вариант разверстки вопроса, конструктивен, научно оправдан, актуален, как следствие, нов. Собственно информационные блоки логически выверено соотносятся с аналитическими; каких либо сбоев стилового порядка нет. Материал информативен, например, это проявляется в следующих фрагментах: «Михаил Осипович Меншиков (1859–1918) – выдающийся русский публицист, журналист, критик, получивший в 1870-е годы образование штурмана военного флота и дослужившийся к началу 1890-х до звания штабс-капитана. Еще во время службы он публиковался в газетах «Кронштадтский вестник», «Санкт-Петербургские ведомости», «Морская газета» и стал тесно сотрудничать с либерально-народническим изданием «Неделя» П. А. Гайдебурова, где после отставки в 1892 году стал членом редакции и с 1894 года выполнял порой обязанности редактора...», или «творчество Николая Николаевича Страхова Меншикову было известно. Об этом свидетельствуют несколько фактов, к которым обратимся ниже. В начале 1890-х годов публицист два раза упоминал в дневнике о чтении произведений Н.Н. Страхова. Например, в феврале 1890 года (и это первое известное обращение к творчеству критика) после чтения статьи «Из предисловия к сочинениям Аполлона Григорьева» он выписал несколько ключевых цитат. В одной из них выражена тесно связанная с трудами А. А. Григорьева формулировка понимания Страховым сущности искусства и его идеала...», или «Необходимо отметить, что в работах Меншикова в 1890-е – начале 1900-е гг. упоминания о декадентстве как явлении и о творчестве одного из первых декадентов и символистов Д.С. Мережковского всегда связаны с реакцией отторжения. Общее неприятие декадентства в искусстве публицист выразил в ранней статье «Литературная хворь» (1893), назвав это заимствованное на Западе явление поэзией «упадка культуры и разложения общественной жизни» (с. 429). В работах «Две правды» (1893), «О Любви» (впервые трактат опубликован в 1897 г. с названием «Элементы романа»), «Клевета обожания» (1899), «Надсон» (1902), «Поганое в паганизме» (1902), «О гробе и колыбели» (1902), «Среди декадентов» (1903) Меншиков обратил внимание не только на эстетизацию зла, но и на «распадение нравственности», связанное в новом явлении культуры, как и в творчестве Д.С. Мережковского...» и т.д. Считаю, что данные работы можно продуктивно использовать при изучении предметов филологической / гуманитарной направленности. Статья имеет законченный вид, она основательна, серьезна; точности того или иного факта подтверждается ссылками на выверенные источники. Библиографический блок объемлен, фактические требования по оформлению учтены. Стиль работы соотносится с собственно научным типом. Например: «тем не менее, несколько внутренних причин могли подтолкнуть ведущего критика и публициста газеты «Неделя» написать некролог. Думается, основная связана с тем, что

литературные интересы и предпочтения не так давно вошедшего в большой мир журналистики, литературы и критики Меньшикова пересекались с интересами и предпочтениями покинувшего мир русского критика, публициста и философа. А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, Я. П. Полонский, Л. Н. Толстой – это те авторы, о которых немало написал Н. Н. Страхов и которые притягивали внимание М. О. Меньшикова-критика. Как и Страхов, Меньшиков внимательно всматривался в отношения западников и славянофилов. Как и Страхов, искренне и всем сердцем любил Л. Н. Толстого», или «таким образом, Меньшиков и Страхов при осмыслении рассказа «Хозяин и работник», уловив мастерство автора и общий христианский настрой, по-разному его интерпретировали: Меньшиков – осмысляя в первую очередь природу непротивленчества смиренного работника Никиты, а Страхов – стремясь выразить глубинные, национально-сущностные особенности содержания рассказа, определяющие поведение его персонажей, и выделяя нравственную сущность образа Василия Брехунова...» и т.д. Значим в статье и фактор безупречной цитации, для научного исследования это, несомненно, важно. Основной вопрос данного сочинения раскрыт, однако, тема может быть расширена и далее, что также ценно. Оценка по ходу работы дается безупречно, основательно: «при написании некролога Страхову Меньшиков не мог не осознавать не только творчески-эстетическую, но и биографическую близость с покинувшим мир критиком. Страхов «родился "поповичем"», и Меньшиков был внуком священника. Страхов «терпел бедность», и Меньшиков вышел в люди из крайне бедного рода. Страхов не смог «окончить курса в университете», и автор некролога недолго пробыл в университете вольнослушателем. Меньшиков заметил также, что «Страхов отдался вначале совсем не той науке, к какой имел призвание», наверняка понимая, что с ним случилось то же самое: он почти двадцать лет посвятил русскому военному флоту, служил штурманом и гидрографом, а только после этого смог отдать всего себя любимому с юности делу публицистики и критики» и т.д. Структурные части статьи соразмерны, дробность оправдана. В финальном блоке обозначается: «подводя итог, отметим, что некролог М.О. Меньшикова Н.Н. Страхову, как и написанный в 1898 году некролог Я.П. Полонскому, – это своеобразное зеркало, отразившее постепенный внутренний духовный рост публициста, связанный с осознанием расстановки общественно-политических сил в России на рубеже XIX – XX вв., с выработкой национально ориентированной позиции, с пониманием необходимости усиления русского национального ядра и укрепления отечественной национальной культуры». Таким образом, с учетом сказанного можно тезировать: статья «М.О. Меньшиков о Н.Н. Страхове: некролог как проявитель общности взглядов и основа для сближения судеб русских критиков» рекомендуется к открытой публикации в научном журнале «Litera» ИД "Nota Bene".

Litera

Правильная ссылка на статью:

Похаленков О.Е. Особенности авторской прозы о Первой мировой войне // Litera. 2024. № 7. С. 188-193. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.70460 EDN: SYCSHM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70460

Особенности авторской прозы о Первой мировой войне

Похаленков Олег Евгеньевич

доктор филологических наук

профессор, кафедра литературы, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

248002, Россия, Калужская область, г. Калуга, ул. Николо-Козинская, 56, кв. 8

✉ olegpokhalenkov@rambler.ru[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.7.70460

EDN:

SYCSHM

Дата направления статьи в редакцию:

15-04-2024

Дата публикации:

28-07-2024

Аннотация: В данной статье рассматривается авторская проза о Первой мировой войне двух знаменитых европейских писателей (и участников войны) – британца Роберта Грейвза («Прости-прощай, всему этому», 1929) и немца Людвиг Ренна («Война», 1928). Предметом исследования являются жанровые особенности произведений, некоторые черты которых можно отнести как к автобиографии, так и к художественному вымыслу. Особое внимание уделяется двум поэтологическим категориям: роли протагониста и хронотопу. амбивалентности жанровых характеристик самих произведений, так как, с одной стороны они документальны, а с другой – фикциональны. Документальность или фактуальность задается конкретной биографией самораскрывающегося «Я» автора. Фикциональность вырастает из полномочного владения речевой структурой произведения, автора, субъекта и объекта повествования. Сравнительно-исторический и сравнительно-типологический методы дали возможность рассмотрения литературных взаимодействий, параллелей, схождений, а также заимствований и взаимовлияний

литератур. Типологический метод позволил рассмотреть сходство и различие в литературных явлениях путем выяснения степени сходства и различий культурной жизни. Основные выводы проведенного исследования заключаются в том, британец Роберт Грейвз изменил «Прости-прощай, всему тому» в документальное повествование, а Ренн, наоборот, дневниковые записи трансформировал в художественный вымысел (роман «Война»). Целью обоих авторов, как на это указал сам Ренн было показать войну так, как она есть на самом деле. Научная новизна работы состоит в следующем: было выявлено, что, если пространственные и временные указатели совпадают, то все же пространство и время в автобиографических текстах не совпадают с реальным, так как вспоминаемый хронотоп является не перцептивным, т.е. конкретно данным, он носит характер реконструированного в памяти автора-субъекта-протагониста. Именно поэтому мы говорим о синтезе жанров в произведениях Р. Грейвза и Л. Ренна, которые аккумулировали черты как автобиографии, так и художественного вымысла.

Ключевые слова:

Роберт Грейвз, Людвиг Ренн, Первая мировая война, жанр, герой, художественное пространство, художественное время, протагонист, биография, художественный вымысел

Вот уже более ста лет после окончания Первой мировой войны в литературоведении ведутся споры о жанровой принадлежности произведений ее участников, объектом которых становится такой неоднозначный образ как война. За рубежом дискуссии начались практически сразу после завершения сражений и появлений первых книг, которые одни критики относили к автобиографиям, а другие, наоборот, не принимая эту точку зрения, видели в них в большей степени художественный вымысел. Например, Бернард Бергонци в «Сумерках героев» («Heroes' Twilight: A Study of the Literature of the Great War») разделяет такие тексты, как «Прости-прощай, всему тому» Роберта Грейвза, «Смерть героя» Ричарда Олдингтона и «Война» Людвиг Ренна. Критик рассматривает Грейвза в разделе автобиографии (autobiography), а Олдингтона и Ренна в художественного вымысла, т.е. – романа (fiction). Пол Фассел в монографии «Великая война и память» анализирует «Прости-прощай, все это» в главе «Театр военных действий» и говорит о нем следующее «Из всех военных воспоминаний самой "сценической" является книга Роберта Грейвза "Прости-прощай, всему тому" ("Good-bye to All That")» [\[4, с. 271\]](#). Другой исследователь, Джон Аньенз, полностью исключает такие тексты, как, например, «Прости-прощай, всему тому» Роберта Грейвза из «Английской художественной литературы и драмы Великой войны, 1918-1939», но включает «Смерть героя» Олдингтона [\[12\]](#).

Среди отечественных литературоведов также нет единого мнения. Отметим, что, несмотря на популярность Людвиг Ренна, его произведение «Война», как британская «окопная» поэзия и проза с точки зрения жанровой принадлежности практически не анализировалась. Отечественная критика (П.М. Топер [\[3\]](#) и др.) относил «Войну» Ренна к художественному вымыслу, т.е. – роману. Л.Б. Караева в докторской диссертации «Английская литературная автобиография: трансформация жанра в XX веке» дает оценку «Прости-прощай, всему тому» с точки зрения влияния теории психоанализа З. Фрейда на эволюцию жанра: «В 20-е годы XX века в английской литературе автобиография как форма психотерапии была использована непосредственными участниками боев на Западном фронте во время Первой Мировой войны поэтами

Робертом Грейвзом, Зигфридом Сассуном и Эдмундом Бланденом. Наглядней всего она представлена в полемической автобиографии Роберта Грейвза "Прощание со всем этим" ("Goodbye to All That", 1929)» [1, с. 14]. Отметим также авторитетное мнение Б. Фанни, который «относит литературную биографию к поджанру автобиографии, потом определяет её как особую форму автобиографии и характерную именно для XX века, и называет её субъективной» [8].

Противоречивость взглядов критиков, по нашему мнению, произрастает из амбивалентности жанровых характеристик самих произведений, так как, с одной стороны они документальны, а с другой – фикциональны. Документальность или фактуальность задается конкретной биографией самораскрывающегося «Я» автора. В основе ретроспективной рефлексии в автобиографии находится феномен «память», который, в свою очередь, является двигателем воспоминательных процессов, которые находят отражение в изображении событий, связанных с военными буднями на Западном фронте. Астрид Эрл отмечает, что «Образы будущих героев произведений имели в большинстве случаев реальные фронтовые прототипы» [7, с. 27-43]. Однако далее она оговаривает, что «никто не шел на войну без определенных сюжетов, стереотипов о том, что она из себя представляет. Это ведет к столкновению того, "как я представлял войну", с тем, "что я увидел на самом деле"» [7, с. 27-43]. Автобиограф, в этом случае существует одновременно в двух временных пластах, осуществляя скачки из одного времени в другое.

Фикциональность вырастает из полновластного владения речевой структурой произведения, автора, субъекта и объекта повествования. Внутренний мир произведения создается автором сквозь призму реальности и творческого воображения. И, в этом случае, мир произведения перестает быть документальным. Таким образом, фикциональность – это одна из характеристик отнесения текста к художественному – «то обстоятельство, что изображаемый в тексте мир является фиктивным, вымышленным», а в его основе лежит вымысел как «художественная конструкция возможной действительности» [5, с. 22]. В.Ю. Клейменова отмечает, что «в художественном тексте вымысел может быть жизнеподобным» [2, с. 94-102]. Именно эта характеристика позволяет проявляться стилевым особенностям автора воспоминаний, так как воспоминания о себе и других объединяют автобиографическую прозу в своеобразный феномен, в котором повествование развивается на фоне определенного культурно-исторического контекста (в нашем случае это Первая мировая война) и социального контекста – переживание травмы военного прошлого. Ш. Монтей отмечает: «Первая мировая война стала приобретать мифологические черты в сознании населения благодаря так называемой "литературе воспоминаний". Посредством использования таких текстов, как личные воспоминания, автобиографии и автобиографическая поэзия, исторические события приобретали новый смысл» [10, с. 53].

Таким образом, гипотеза, которая находит отражение в представленной работе, сводится к следующему: рассматриваемым авторам удалось создать альтернативный жанр, который аккумулировал в себе и стер традиционную границу между художественным вымыслом и автобиографией. Этот жанр синтезировал черты обоих и стал полуавтобиографическим /полухудожественным.

Однако подобный синтетический жанр совсем не нов в истории мировой литературы. Стоит вспомнить, что большинство романов XIX века носили полуавтобиографический характер. Сам И.-В. Гете назвал свое автобиографическое сочинение «Dichtung und

Wharheit» (1811-1831) – «Поэзия и правда». Но именно в творчестве писателей Первой мировой войны этот синтетический жанр приобрел новый виток развития, который, по своему характеру может быть отнесен к модернистской волне с ее тенденцией к пересмотру внутренней структуры произведения.

В представленном исследовании будет проанализировано «Прости-прощай, всему этому» (1929) британца Роберта Грейвза, который даже дал подзаголовок своему произведению «автобиография» и «Война» (1928) немца Людвига Ренна.

I. Роберт Грейз «Прости-прощай, всему этому»

С самого начала повествования Грейвз стремится подчеркнуть, что его повествования носит характер именно автобиографии, а не художественного вымысла. Отметим, что категория пространства и времени превращаются в автобиографических текстах в категорию хронотопа, неотъемлемую связь временных и пространственных отношений. Маркерами авторбиографического пространства и времени являются даты, топонимы, реалии, конкретные имена и т.п. Грейвз, например, начинает повествование с детских воспоминаний: он рассказывает о встрече с поэтом А. Суинберном (Суинберн, Алджернон Чарлз – английский поэт (1837-1909)), когда был ребенком. Но его повествование несет пародийные черты: тот же Суинберн характеризуется как любитель остановить мамочку с детской коляской и послать воздушный поцелуй ребенку («inveterate pram-stopper» and children-kisser).

Далее автор переходит к описанию юношества, но, опять таки, представляет его в ироничной форме: свое пребывание в разных частных школах, классовое разделение британского общества, консерватизм – все то, за что Британия подвергалась критики перед началом войны [см.подрб.:4]. Однако, начиная с 10 главы, Грейвз переходит к описанию изображения военных будней, непосредственным участником которых он являлся, делая акцент на достоверности описания. Например, он воссоздает портреты исторических личностей: Принца Уэльского или английского «окопного» поэта Зигфрида Сассуна, даже дает примеры реальных фронтовых сводок, газетных статей, своих писем домой и фотографии с фронта.

Акцент на то, что повествование носит характер больше исторической хроники, чем художественного вымысла, указывает сам автор, говоря, что на раннем этапе повествование он начинал писать автобиографию, но затем его первоначальный замысел изменился: «[I was] ashamed at having distorted my material with a plot, and yet not sure enough of myself to turn back into undisguised history, as here» [\[9, с. 191\]](#). Отметим, что Грейвз был не единственным, кто осознал, что традиционная форма не подходит для предмета повествования. Ричард Олдингтон в части, посвященной описанию образа войны в романе «Смерть героя», подчеркнул, что «It is [...] not a novel at all. Certain conventions of a form and method in the novel [...] are entirely disregarded here [\[9, с. 79\]](#)». Но все это не говорит о том, что Олдингтон отказался от традиционной формы романа.

Отметим, что Грейвз, в отличие от Олдингтона, пытался найти связь (сцепку) между традиционной формой сюжета и описанием индивидуального военного опыта. Несоответствие обнаруживается на уровне передачи воспоминаний о пребывании на фронте, так как они даются с точки зрения простого солдата, который «транслирует» только то, что видит вокруг и, самое главное, для которого сражения и сама война не являются «повседневным» процессом. Это подтверждается тем фактом, что Грейвз идет на большие обобщения, чем те, которые коррелируют с его личным военным опытом или

его сослуживцев. Именно поэтому его повествование носит несколько разрозненный характер – это напоминает определенное количество эпизодов, которые связаны между собой только топосом, в котором пребывает герой и другие персонажи – Западный фронт. Но и эти бессвязанные эпизоды носят саркастический характер, что подтверждается словами самого Грейвза, который их называет «карикатурные сцены»: «Two young miners [...] disliked their sergeant, who had a down on them and gave them all the most dirty and dangerous jobs. When they were in billets he crimed them for things they hadn't done; so they decided to kill him. Later, they reported at Battalion Orderly Room and asked to see the adjutant. [...] The adjutant [...] asked: "Well, what is it you want?"

Smartly slapping the small-of-the-butt of their sloped rifles, they said: "We've come to report, sir, that we're very sorry, but we've shot our company sergeant-major."

The adjutant said: "Good heavens, how did that happen?"

"It was an accident, sir."

"What do you mean, you damn fool? Did you mistake him for a spy?"

"No, sir, we mistook him for our platoon sergeant."

The two soldiers are court-martialled, and when they are shot by a firing-squad, an officer makes a little speech saying how gloriously British soldiers can die» [\[9, с. 94\]](#).

Другая «карикатурная сцена»: «Bloke in the Camerons wanted a cushy, bad. Fed up and far from home, he was. He puts his hand over the top and gets his trigger finger taken off, and two more beside. That done the trick. He comes laughing through our lines [...]. "See, lads", he says, "I'm off to bonny Scotland. Is it na a beauty" But on the way down the trench to the dressing-station, he forgets to stoop low where the old sniper's working. He gets it through the head, too. Finee. We laugh, fit to die!" [\[9, с. 95\]](#)

Все повествование Грейвза пронизано такими анекдотами, небылицами, сценами фарса, которые напоминают больше сцены из театра абсурда. Автор вводит особый метод фиксации реальности – он описывает реальные военные будни в анекдотической форме.

Стоит отметить, что многие исследователи указывали на то, что произведение подобно «Прости-прощай, все это» напоминают роман-воспитание (Bildungsroman), но не в традиционной форме, в преимущественно в отрицательной, где у героя не происходит интеграция в общество на конечном этапе инициации. Подобные элементы романа-воспитания могут быть обнаружены в «Воспоминания пехотного офицера» Зигфрида Сассуна («Memoirs of an Infantry Officer», 1930). Но, на наш взгляд, Грейвз сознательно дистанцируется от подобной формы, так как она ведет к определенному развитию героя.

Его «отрицательное» развитие в итоге превращает его в социалиста и пацифиста и заставляет сказать Англии прощай и покинуть ее навсегда. Однако после войны его социализм уже не был столь ярко выраженным. Как впрочем и его пацифистские взгляды, которые также поменялись со временем. Здесь уместно вспомнить его знаменитую речь, которая была посвящена храброй смерти солдат его взвода и была воспринята на ура [\[9, с. 235\]](#). Подобное включение психологизма, который дает возможность судить о состоянии рассказчика в конце романа, достаточно уникальна для романа-воспитания, впрочем, также необычна и для автобиографии. Как отметил Рой Паскаль: «[Автобиография] подразумевает описания жизненного образца, который

вытекает из последовательного повествования» [\[13, с. 6\]](#).

Описанные выше примеры показывают, что рассказчик Грейвза изображается как тот, кто так и не смог найти последовательное отношение к происходящему после войны и, поэтому в самом сюжете просматриваются эти колебания и противоречивое отношение к собственному опыту, что, в свою очередь, отражается и в колебании между автобиографией и художественным вымыслом. В его повествовании мы замечаем, что Грейвз идет на расщепление автобиографического «Я» в рассуждении о создании биографии, о процессах повествования и осознания своего прошлого.

II. Людвиг Ренн «Война».

Роман Людвиг Ренна «Война» вышел в 1928 г., т.е. на год раньше, чем «Прости-прощай, всему этому» Роберта Грейвза. Ренн, как и Грейвз, происходил из аристократии, и, как и англичанин, базировал свое произведение на том же военном опыте: был пехотным офицером, выжил в сражениях на севере Франции.

Перейдем к рассмотрению типологических схождений между текстами. Отметим, что, несмотря на разную национальную принадлежность, тексты имеют много общего, если проанализировать их генезис.

Первоначально, Людвиг Ренн «фиксировал свои впечатления от военных будней в форме дневниковых записей, затем трансформировал их в мемуары, а уже после этого в роман» [\[11, с. 1069-1083\]](#). Таким образом, Ренн трансформировал свои дневниковые записи в художественное произведение, а Грейвз, наоборот, свой роман в хронологическое повествование. Это подтверждается и решением самого Ренна, урожденного немецкого аристократа Арнольда Фридриха Фит фон Гольсенау, не только опубликовать роман под псевдонимом Людвиг Ренн (следуя совету своего издателя), но и дистанцироваться от своего протагониста – Ренна. Отличия, на которые указывает автор, начинаются со звания: Ренн – рядовой, в то время как Гольсенау – офицер. Автор не говорит о происхождении героя, указывая лишь на то, что он плотник. Отметим, что писатель наделяет своего героя неповторимым стилем письма, который бы сразу выдавал его происхождение: книга изобилует короткими и простыми предложениями, просторечьями и др. Например: «Sch! S! S! S! kam es von vorn und rauschte hinter. Ram! Ra! Ramm! hinter im Grunde. SsSsSsSs! Ging es rechts hinüber. Pst! Machte Ziesche» [\[14, с. 101\]](#). Как видно из текста, Ренн сознательно пытается создать впечатление, что его протагонист (низкого происхождения) не может найти нужные слова, в то время как герой Грейвза всегда придерживался своего циничного и едкого тона, не оставляя его даже в пылу сражений.

Ренн не использует способы аутентификации, которыми пользовался английский автор: карты, отрывки документов, воспоминания об исторических личностях. Тем не менее, это не наделяет «Войну» отличительными чертами от «Прости-прощай, всему этому». Гольсенау был не первым, кто создал себе личность – Людвиг Ренна – для повествования. Бергонци говорит о том, что Грейвз также создал такую личность, которую он описывает следующим образом: «крайне эксцентричная личность, почти невыносимо всезнающая и самоуверенная, с ироничным самообладанием» [\[3, с. 155\]](#). Основной причиной к появлению такой выдуманной личности является тот факт, что ни Гольсенау, ни Грейвз не могли более себя ассоциировать со своими социальными идентичностями: Грейвз не мог этого делать из-за того, что отец был британцем, а мать – немкой. Гольсенау же попытался отречься от своего статуса прусского аристократа и пошел даже дальше – стал и в повседневной жизни называть себя Людвиг Ренн и продолжил публиковаться под этим именем.

Еще одна черта, которая роднит эти два произведения – это повествование от первого лица, которое дает читателю ту самую знаменитую точку зрения рядового солдата: «Ich sah das alles und sah es nicht» [14, с. 118]. Как и авторы, оба протагониста с течением войны были дисориентированы, раздавлены и находились в состоянии отчаяния. Однако в конце романа Ренн не становится коммунистом и пацифистом, как автор произведения, но теряет последние надежды, как герой Грейвза.

Эта потерянности отражается и на сюжете произведений. Можно сказать, что «Война» и «Прости-прощай, всему этому» не имеет сюжета в традиционном смысле этого слова – это эпизоды и сцены, связанные между собой фигурой героя и местом – Западным фронтом. Время от времени Ренн показывает нам центрального персонажа на в разных военных компаниях, передовой, в увольнительной и, когда почти все его сослуживцы мертвы его образ практически не меняется.

Это может объясняться тем фактом, о котором упоминалось ранее, Грейвз изменил роман в документальное повествование, а Ренн, наоборот, дневниковые записи трансформировало в художественный вымысел. Целью обоих авторов, как на это указал сам Ренн было показать войну так, как она есть на самом деле: «wie der Krieg wirklich ist» [14, с. 13].

Таким образом, если пространственные и временные указатели совпадают, то все же пространство и время в автобиографических текстах не совпадают с реальным, так как вспоминаемый хронотоп является не перцептивным, т.е. конкретно данным, он носит характер реконструированного в памяти автора-субъекта-протагониста. Именно поэтому мы говорим о синтезе жанров в произведениях Грейвза и Ренна, которые аккумулировали черты как автобиографии, так и художественного вымысла.

Библиография

1. Кареева Л.Б. «Английская литературная автобиография: трансформация жанра в XX веке»...автореферат на соискание степени доктора филологических наук. Москва, 2010. 38 с.
2. Клейменова В. Ю. Фикциональность и вымысел в тексте // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. № 143. С. 94-102.
3. Топер П.М. Людвиг Ренн. Москва: Высш. школа, 1965. 58 с.
4. Фассел П. Великая война и память. СПб., 2015. 470 с.
5. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 608 с.
6. Aldington R. Death of a Hero (with Dedication to Halcott Glover). London, 1984. 308 p.
7. Erl A. Wars We have Seen: Literature as a Medium of collective Memory in the «Age of Extremes» // Lamberti E., Fortunati V. (eds.) Memories and Representations of War: The Case of World War I and World War II. Amsterdam and New York: Rodopi, 2009. Pp. 27-43.
8. Finney Br. The Inner I: British Literary Autobiography of the Twentieth Century. London, Boston: Faber and Faber, 1985. 286 с.
9. Graves R. Goodby to All That. London: Harmondsworth, 1960, 281 p.
10. Monteith S. Pat Barker. Horndon: Northcote House, 2002. 130 p.
11. Müller H-H. Der Krieg und der Schriftsteller: Der Kriegsroman der Weimarer Republik. Stuttgart, 1986. S. 200; Sinn und Form, №21, 1969. Pp. 1069-1083.
12. Onions Jh. English drama and fiction 1918-1939. Macmillan, 1990. 199 p.
13. Pascal R. Design and truth in autobiography. London, 1960. 214 p.
14. Renn R. Krieg. Nachkrieg. Reinbeck, 1988. 520 s.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вопрос жанровых дифференциаций в теории литературы, пожалуй, самый сложный. Еще с античности ведется диалог, а порой и спор, что есть жанр. Устоялся взгляд, что жанр это особый мирозобраз, особый тип построения текста (как вариант художественного), но буквально типологию жанров выстроить достоверно и точно не получается до сих пор. Существует достаточно серьезных, фундаментальных работ относительно этой проблемы, есть хорошие частные исследования, и все же дискуссия продолжается. Поэтому статья, ориентированная на объяснение-анализ т.н. авторской прозы, прозы автобиографической, причем основанной на военных событиях мне представляется актуальной, злободневной и востребованной. Текст работы соотносится с научным изысканием, автор старается объективировать тему, обозначить свой взгляд, систематизировать имеющийся ряд наработок. Как такой формальный грейд работы имеет законченный вид; предмет исследования, что важно, соотносится с одной из рубрик издания. В начале труда отмечено, что «вот уже более ста лет после окончания Первой мировой войны в литературоведении ведутся споры о жанровой принадлежности произведений ее участников, объектом которых становится такой неоднозначный образ как война. За рубежом дискуссии начались практически сразу после завершения сражений и появлений первых книг, которые одни критики относили к автобиографиям, а другие, наоборот, не принимая эту точку зрения, видели в них в большей степени художественный вымысел». Точечно автор статьи останавливается на двух текста, чтобы повесно создать фронтал сопоставлений: «в представленном исследовании будет проанализировано «Прости-прощай, всему этому» (1929) британца Роберта Грейвза, который даже дал подзаголовок своему произведению «автобиография» и «Война» (1928) немца Людвиг Ренна». Отмечу, что суждения по ходу работы объективны, наукообразны, в должной степени аргументированы: например, «фикциональность вырастает из повновластного владения речевой структурой произведения, автора, субъекта и объекта повествования. Внутренний мир произведения создается автором сквозь призму реальности и творческого воображения. И, в этом случае, мир произведения перестает быть документальным», или «акцент на то, что повествование носит характер больше исторической хроники, чем художественного вымысла, указывает сам автор, говоря, что на раннем этапе повествование он начинал писать автобиографию, но затем его первоначальный замысел изменился...», или «Роман Людвиг Ренна «Война» вышел в 1928 г., т.е. на год раньше, чем «Прости-прощай, всему этому» Роберта Грейвза. Ренн, как и Грейвз, происходил из аристократии, и, как и англичанин, базировал свое произведение на том же военном опыте: был пехотным офицером, выжил в сражениях на севере Франции» и т.д. Считаю, что цель исследования достигается планомерно, статья дробиться на т.н. смысловые блоки, логика перехода выверена. Цитации / ссылки на первоисточники даются в строго номинативном режиме: «Автор не говорит о происхождении героя, указывая лишь на то, что он плотник. Отметим, что писатель наделяет своего героя неповторимым стилем письма, который бы сразу выдавал его происхождение: книга изобилует короткими и простыми предложениями, просторечьями и др. Например: «Sch! S! S! S! kam es von vorn und rauschte hinter. Ram! Ra! Ramm! hinter im Grunde. SsSsSsSs! Ging es rechts hinüber. Pst! Machte Ziesche» [14, с. 101]. Как видно из текста, Ренн сознательно пытается создать впечатление, что его протагонист (низкого происхождения) не может найти нужные слова, в то время как герой Грейвза всегда придерживался своего циничного и

едкого тона, не оставляя его даже в пылу сражений». Серьезных фактических нарушений в работе не выявлено, текст не нуждается в дополнении и расширении анализируемого материала. Практический характер данного труда налицо, работу можно использовать при изучении зарубежной литературы. Выводом по тексту является тезис: «если пространственные и временные указатели совпадают, то все же пространство и время в автобиографических текстах не совпадают с реальным, так как вспоминаемый хронотоп является не перцептивным, т.е. конкретно данным, он носит характер реконструированного в памяти автора-субъекта-протагониста. Именно поэтому мы говорим о синтезе жанров в произведениях Грейвза и Ренна, которые аккумулировали черты как автобиографии, так и художественного вымысла». Стоит признать его как итоговый, однако, вопрос может быть рассмотрен и на примере других произведений жанрово-смежных указанным. Библиография к тексту достаточна, она полновесно используется по ходу работы. Рекомендую статью «Особенности авторской прозы о Первой мировой войне» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ян Ц. Изображение русского народа в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского // Litera. 2024. № 7. С. 197-203. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.71237 EDN: SUMVZB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71237

Изображение русского народа в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского

Ян Цзинхун

ORCID: 0009-0000-7340-7184

кандидат филологических наук

аспирант; кафедра истории русской литературы; Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Лебедева, Ленинские горы, д. 1, Главное здание МГУ, корпуса Е

✉ yangj@my.msu.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.7.71237

EDN:

SUMVZB

Дата направления статьи в редакцию:

11-07-2024

Дата публикации:

28-07-2024

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу образа русского народа в русле почвеннической идеологии и его христианской символики в «Преступлении и наказании». Объектом исследования стали народные образы в романе, предметом – народная сцена и система образов как средства художественного выражения нравственного идеала Достоевского. Материалом исследования являются роман «Преступление и наказание», а также художественные, публицистические и эпистолярные произведения писателя, отражающие его взгляды на национально-религиозную проблематику. Целью исследования являются выявление ассоциативных связей народных образов и основных сюжетов и воплощение идей почвенничества и проблемы народности Достоевского в образах русского народа. Особое внимание

уделяется проблемам народа и народной религиозной культуры, отраженным в образах русского народа. К методам исследования относятся анализ, синтез, обобщение, индукция, описание, культурно-исторический и сравнительно-типологический методы. Научная новизна исследования заключается во впервые проведенном комплексном анализе образа народа в творчестве писателя с идеологической и мифологической точки зрения. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что созданные Достоевским образы народа исполнены глубокого смысла, а голос народа влияет на развитие сюжета и судьбу главного героя. Дихотомия русского народного характера раскрывается через противопоставление двух Миколок: с одной стороны, благочестие, стремление к покаянию и жертвенности, с другой – жестокость, грех и забвение Бога. Достоевский отмечает, что испорченность и развращенность части народной почвы не могут отменить основы православной культуры, заложенные в народном сознании. Русскому народу суждено взять на себя мессианскую роль для спасения всего человечества. Практическая значимость заключается в возможности использования результатов работы при исследовании творчества Достоевского в вузах.

Ключевые слова:

Достоевский, Преступление и наказание, русский народ, православие, нравственность, почвенничество, народность, духовность, вера, раскол

В 1860-е годы отношение Достоевского к народу и народной жизни претерпевало решающий поворот. Увидев глубину духовной почвы в народе, его самостоятельную культуру и силу веры, Достоевский был воодушевлен идеями «народного православия» и поставил их в центр своей идеологии. Естественно, что в «Преступлении и наказании», как одном из важнейших произведений Достоевского этого периода, не могла не отразиться специфика мировоззрения и самосознания русского народа. Народные образы в романе имеют не только индивидуальное значение, но и символическое и религиозно-метафорическое значение, тесно связанное с темой раскола и мифом о земле.

Как показывает А. Б. Криницын, «бесконечная и часто алогичная изменчивость характеров большинства персонажей и переплетение множества сюжетных мотивов, многозначных до неопределенности», составляют главные черты поэтики Достоевского [7, с. 139]. Действительно, персонажей произведений Достоевского часто нельзя понимать просто как конкретных личностей в реальном обществе, а скорее как носителей определенных философских доктрин, религиозных убеждений или моральных представлений. Судьба героев представляет собой окончательный выход из ситуации столкновения и пересечения множества теорий. Когда внутренний мир героев осознается как поле битвы, начинается борьба между добром и злом, верой и неверием, христианским гуманизмом и индивидуалистическим своеволием, христианскими моральными концепциями и утилитаризмом. Народные персонажи часто появляются в якобы незначущих событиях, которые переплетаются с основным сюжетом романа, и они пробуждают в личности Раскольникова скрытые психоэмоциональные силы, заставляющие его сопротивляться идеям, идущим от логики холодного разума.

Хотя описание народа в романе занимает лишь небольшое пространство, представляемые им социальные проблемы и морально-психологические состояния не только демонстрируют многообразие и сложность характеров героев Достоевского, но и углубляют понимание основных проблем романа. Как предполагает Г. А. Мейер, в

«Преступлении и наказании» Достоевского «нет второстепенных персонажей, все там значительно, все связано друг с другом изнутри, и совсем не случайно» [\[8, с. 396\]](#). Целостное осмысление народной проблематики предусматривает исследование произведения в нескольких направлениях: во-первых, выявление ассоциативных связей народных образов и основных сюжетных линий и толкование их; во-вторых, анализ образов из русского народа с идеологической и мифологической точки зрения; в-третьих, изучение воплощения идей почвенничества Достоевского в образах русского народа.

Как следует из семантики самого имени, Раскольников «расколот» и «своеволен» в мышлении. Он обитает духовно в двух мирах: в мире образованных сословий (исповедующих позитивизм и рационализм) и мире мифологического сознания русского народа (народное христианство, приближавшееся к древним языческим верованиям Руси). Если игнорировать внутренний монолог главного героя, который доминирует в развитии сюжета, нетрудно обнаружить скрытый между строк голос русского народа. Например, Раскольников сталкивается с пьяным мужиком; он проходит мимо нищих уличных музыкантов и мелких торговцев. Он становится свидетелем попытки простой женщины покончить жизнь самоубийством. Он дает деньги молодой проститутке и получает милостыню от купчихи. Когда он наконец решается на явку с повинной, ему приходится пройти через группу крестьян, чтобы добраться до участка. Служанка Настасья появляется во время его болезни и тяжелого бредового сна в ночь после убийства, а также во время визитов его матери, сестры и Сони. Едва слышный «народный глас» выполняет особую функцию в жанровой структуре романа, который генетически связан с хором древнегреческой трагедии. Народная мировоззрение активно вмешивается в развитие романного сюжета, поскольку десятки малозначимых персонажей оценивают действия героя, интуитивно осуждая его поступки. По наблюдению Р. Г. Назирова, «на всем протяжении действия Раскольников окружен океаном народного морального сознания. Не только Соня, но и множество случайных голосов из уличной толпы опровергают его "идею" и мощно влияют на его судьбу. Уличная толпа играет исключительную роль: она дана в действии, участвует в развитии сюжета, порою напоминая хор античной трагедии» [\[10, с. 104\]](#).

Наиболее символическими народными типами в «Преступлении и наказании» являются два Миколки – Миколка из первого сна Раскольникова и Миколка-красильщик (Дементьев Николай). Они представляют собой двойников-антиподов, которые рассматриваются как проекция двойственности сознания главного героя романа. Как подчёркивает Б.Н. Тихомиров, «только взгляд на двух Миколок как на полярные проявления народного духа дает ключ к истолкованию художественной функции этого имени в романе. <...> Двойственный, двоящийся, двуединый образ Миколки в "Преступлении и наказании" – ключ к постижению "незавершенной и нерешенной" (Бахтин) души России» [\[13, с. 111\]](#). Действительно, полярные выражения национального характера в образах двух Миколок в определенной степени необходимы для понимания общей духовной картины русского народа.

Во сне Раскольникова о лошади пьяный мужик Миколка с садистской жестокостью забивает до смерти старую «ненужную» лошадь. Грубая жестокость и простая, ненавязчивая вера делят сон на две части. С одной стороны, Миколка и поддерживающие его пьяные мужики, а кабак – символ неверующего, грешного и развращённого мира, с другой – церковь, старик, который пытается упрекнуть Миколку, невинная и умирающая лошадь и мальчик, плачущий из-за того, как стал свидетелем

злодеяний. Поведение Миколки – это психологическая проекция внутренней веры Раскольникова в сверхчеловеческую философию, верят в свое превосходство над другими существами и их объединяет одно и то же неверие (без креста). Не случайно Миколка дважды был обвинен народной толпой: «Креста на тебе нет». За словами «Не трожь! Мое добро! Что хочу, то и делаю» – стоит зеркальное отражение теории Раскольникова о «тварях дрожащих» и «право имеющих» [4, т. 6, с. 48]. Это символизирует сознательное неприятие Раскольниковым креста, а также подразумевает, что Раскольников позже так же жестоко зарежет старуху-процентщицу и его сестру, которых он считал бесполезными для общества. Маленький Родион во сне подразумевает, что в человеческой натуре Раскольникова всё ещё заложена доброта. А идея «сверхчеловека» и жестокая социальная среда вызвали отчуждение человечества – кто-то стал чертовски холодным Миколкой, а кто-то – несимпатичными зрителями, которые громко смеялись и присоединялись к веселью.

По мнению Т. А. Касаткиной, Раскольников «одновременно и “лошаденка”, и убийца-Миколка, требующий, чтобы запряженная в непосильную для нее телегу лошадка “вскачь пошла”. Это его дух, своевольный и дерзкий, пытается принудить его натуру, его плоть сделать то, чего она не может, что ей претит, против чего она восстает» [6, с. 193]. С ней невозможно не согласиться, именно сон о лошади заставил Раскольникова осознать, что он убьет, как Миколка, – но не в пьяной ярости, а на основании тщательно выдуманной «рациональной» теории. Можно сказать, что Миколка просветляет сознание Раскольникова. Полная утилитарной логики софистика Раскольникова уже не могла преодолеть его внутреннее нравственное сознание, поэтому он (временно) отказался от своего замысла.

А Миколку-красильщика автор представляет раскольником-сектантом, желающим взять на себя вину за убийство и ограбление для того, чтобы спасти «нигилиста» по фамилии Раскольников. По мнению Г. А. Мейера, «Если Соня Мармеладова — крестовая сестра злодейски умерщвленной Лизаветы, то Миколка — названный брат замученной праведницы, узревшей Бога. <...> Миколка, подобно Соне, проводник спасительных излучений, направленных к Раскольникову от мученически погибшей Лизаветы» [8, с. 81]. Неслучайно Миколка подбирает упавшую коробочку с серьгами и защищает главного героя своим неожиданным признанием от саморазоблачения перед Порфирием Петровичем. Достоевский использовал такое символическое совпадение, чтобы показать общность судеб героев, разделивших ответственность за преступление. В решении раскольника Миколки «пострадать» Порфирий Петрович прозревает дальнейший путь покаяния и спасения Раскольникова: «Я вас почитаю за одного из таких, которым хоть кишки вырезай, а он будет стоять да с улыбкой смотреть на мучителей, - если только веру или Бога найдет» [4, т. 6, с. 351]. Как показывает Анджей де Лазари, «Родион не раскольник в прямом смысле слова, но его бунт против господствующих общественных норм и в итоге “принятие страдания”, делают из него своеобразного символического старовера» [2, с. 120]. Невинный человек искупает чужие грехи и страдает добровольно, что является аналогом поведения и духа святых в русской христианской культуре, и это единственный путь для верующих следовать за Христом и спасти себя. Эта концепция по существу является воплощением христианского учения о первородном грехе и падшей человеческой природе. Миколке предстоит нести ответственность не только за одного Раскольникова, но и искупать общие грехи всего человечества. Мир – неделимое целое, каждый несет ответственность за зло в мире, и каждый потенциально может спастись и пережить духовное возрождение.

Как известно, имя и фамилия персонажа у Достоевского нередко служат значащим добавлением к его портрету и всегда полны глубочайшего смысла. «Семантический ореол имени может становиться частью портрета героев Достоевского», построенного «на сочетании реалистической экспрессии и зашифрованной символики» [11, с. 149]. Имя Миколка является народной огласовкой имени Николай, значение которого можно трактовать как "победитель народа" или "народная победа". В русском религиозном сознании оно связано с образом Николая Чудотворца, которого в народе часто называют «лошадиным святым» и считают покровителем урожая, земледелия, защитником и помощником крестьян.

По мнению А.П. Власкина, «образ маляра Миколки обескураживающе "уравновешен" другим народным образом. <...> Это другой лик того же народа, буйного и грешного, забывшего Бога и теряющего человеческий облик» [3, с. 81]. Действительно, одноименность двух Миколок не случайна, они воплощают два «лика» русского народа, народной души и представляют противоположные полюса в народном характере. С одной стороны, это народ набожный, стремящийся к покаянию, жертвенный, с другой стороны, жестокий, грешный, забывший Бога. Как показывает Г. Г. Амелин, «одноименность здесь отражает единственность, реализует ту же антиномичность "русской идеи", два противоположных момента – "отрицания" и "восстановления" образа Христа» [1, с. 301]. Миколка из сна является олицетворением злой, бессмысленной жестокости, дикости и ярости, а маляр Миколка добрый, безобидный, он наивен и прост сердцем. Два Миколки имеет ощутимую близость с двумя Власами, – «жертвой» и «мучителем» из «Дневника писателя». Генезис образа маляра Миколки восходит к читающему Библию арестанту из «Записок из мертвого дома», который бросился с кирпичом на начальника не для того, чтобы причинить ему никакого вреда, а просто для того, чтобы «пострадать». А в изверге Миколке замечаются жестокость и зверство Газина из «Записок из мертвого дома».

Как показывает Г. А. Мейер, «Раскольников духовно связан с Миколкой-красильщиком и злодуховно с другим Миколкой, насмерть избивающим лошадь» [8, с. 339]. Он колеблется и выбирает между двумя Миколками, то есть между верой и надеждой на искупление у одного и бездной разврата и греха у другого. От Миколки-изверга до Миколки-красильщика символически пролегает путь Раскольникова от убийства к страданию и самопожертвованию. И этот выбор проходит также между Соней и Свидригайловым. Не случайно писатель помещает комнаты Свидригайлова и Сони рядом в одном доме. Сам Раскольников признавался, что ему пришлось выбирать «либо ее путь, либо его путь».

Соня - путь к возрождению главного героя, и этот путь реализуется через соединение оторвавшейся от почвы русской интеллигенции с народным началом. Образ народа, связанного с ее образом, – юродивая Лизавета. Как крестовая сестра невинной мученицы Лизаветы, она является живым воплощением страждущей души Лизаветы и носительницей крестьянской правды. Узнав, что Раскольников убил процентщицу и Лизавету, она неожиданно спрашивает его, «есть на тебе крест», вторя упреку народной толпы в адрес Миколки во сне Раскольникова. Она передала Раскольникову крест, унаследованный от Лизаветы, что сыграло важную роль в том, что Раскольников впоследствии осознал свои грехи и раскаялся, двигаясь к самоочищению и духовному возрождению. Соня не может понять теорию Раскольникова о существовании «высших людей», обладающих правом нарушать нравственные законы, и оценивает преступления Раскольникова с точки зрения народа: «От Бога вы отошли, и вас Бог поразили, дьяволу предал!...» [4, т. 6, с. 321]. Образ Сони также связан с культом Матери-Земли, который

является частью русского национального самосознания и включает в себя народные поверья о силе Земли принимать покаяние и исцелять. Соня считает, что для того чтобы по-настоящему возродиться, Раскольников должен покаяться перед Матерью-Землей и народом: «Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: "Я убил!" Тогда Бог опять тебе жизни пошлет» [4, т. 6, с. 322]. Как показывает Н.М. Чирков, «возрождение Раскольникова осуществляется не только через раскаяние перед землей, но и через восстановление органической связи с народом, в результате приобщения к "правде" Сони» [14, с. 108]. Однако насмешки народной толпы означали, что Раскольникову в это время еще не удавалось воскресить.

Можно сказать, что путь Сони — это, по существу, путь Лизаветы. Она была неуклюжая, робкая, смиренная и юрдовая девка, и даже почти идиотка. В сцене убийства старухи-процентщицы топор направлен лезвием на самого Раскольникова. А в сцене убийства Лизаветы, Раскольников ударит ее лезвием. «Протянутая рука» Лизаветы означает, что она прощает ему грех против нее. Поэтому впоследствии он о Лизавете почти и не думает, «точно и не убивал» [4, т. 6, с. 212]. Можно сказать, что неожиданное убийство кроткой Лизаветы сыграло большую роль в решении Раскольникова добровольно принять наказание за свои преступления. Неслучайно Соня убеждена, что Лизавета «Бога узрит». Бог посеял в убийце семена покаяния через убитую Лизавету, кротчайшую, как невинно забиваемая лошадь. Лизавета существовала для того, чтобы посвятить все всем, включая свое тело и даже свою жизнь. По мнению Т. А. Касаткиной, Лизавета является «неоформленной» личностью, «все ее описание состоит из странных, несообразных, неотделанных или "поломанных" черт» [5, с. 188]. Наиболее близкими Лизавете по святости и безличности женскими персонажами Достоевского являются Лиза в «Записках из подполья» и Акулька в «Записках из Мертвого дома».

А путь Свидригайлова ведет к отчаянию и самоубийству. По судьбе он — Раскольников, не пожелавший покаяться и принять правду своего народа, а его решимость на самоубийство означает его враждебность к Матери-Земле. Помимо собственного, Свидригайлов стал причиной как минимум двух самоубийств: четырнадцатилетней глухонемой девочки и слуги Филиппа, над верой которого Свидригайлов издевался. Народ считал, что Мать-Земля не принимает трупов самоубийц, склонных покидать могилы и причинять вред живым. Свидригайлов отмечает, что призраки его жены Марфы Петровны и его слуги Филиппа посетили его. Он рассказывает, как призрак Филиппа явился ему вскоре после смерти, может быть, чтобы отомстить ему, но он спокойно велел ему уйти, спрашивая, как он посмел предстать перед ним с продранной локтем. А по словам Дуни, Филипп был ипохондриком, домашним философом, который, как говорили, «зачитался», и предполагает, что он покончил с собой скорее в результате насмешек, чем побой Свидригайлова.

Имя Филипп также имеет глубокий замысел, который дословно можно перевести с греческого как «любящий лошадей». В православном контексте Филипп был одним из апостолов Иисуса Христа, известным глубокой верой и преданностью Божьей воле. Злопыхательство и насмешки Свидригайлова в отношении Филиппа предвещают, что для такого циника путь к народной правде и к исцелению верой закрыт. И самоубийство Филиппа также предвещает суицид Свидригайлова.

Служанка Настасья также является одним из важнейших народных образов и символов Матери сырой Земли в «Преступлении и наказании». Она простая, сердобольная деревенская баба, простодушно и бескорыстно заботящаяся о Раскольникове. Перед

преступлением присутствие Настасьи на кухне не позволяет Раскольникову сразу заполучить топор, на который он рассчитывал как на орудие убийства, почти заставляя его отказаться от своего плана. А после совершения злодеяния Раскольников, будто одержимый нечистой силой, видит сон о квартальном Илье Петровиче, который бьет хозяйку. Во сне выражается страх Раскольникова того, что его разоблачат и арестуют. «...Страх, как лед, обложил его душу, замучил его, окоченил его...» [\[4, т. 6, с. 91\]](#). Пока Раскольников находился в таком невыносимом, безграничном отчаянии и ужасе, появилась Настасья со свечой, и яркий свет озарил его комнату. Она пристально смотрит на испуганного Раскольникова и на его вопрос: «Кто бил хозяйку?» – отвечает, что «это кровь в тебе кричит». Её слова о «крике крови», по мнению Б. Н. Тихомирова, «вполне определенно коррелируют с библейскими словами Бога, обращенными к Каину: "...голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли", — как бы являя собой их простонародный аналог» [\[13, с. 157\]](#). Это также близко к прямому высказыванию Сони: «От Бога вы отошли, и вас Бог поразил, дьяволу предал!..» [\[4, т. 6, с. 321\]](#). Слова Настасьи, героини из народа, являются репликой «народного хора» в романе, которые получают скрытый символический смысл. Настасья бессознательно изобличает убийцу, и слова её производят на убийцу поразительное впечатление, словно внезапное обличение. В то же время она заботится о Раскольникове, который пытается прервать все контакты с внешним миром, являя ему возможность возрождения, прощения и воскресения.

Стоит отметить и еще одного эпизодического, но символически очень важного персонажа из народа – мещанина из дома старухи-процентщицы, почувствовавшего по поведению Раскольникова во время его прихода на квартиру к старухе после преступления, что это убийца. Вскоре мещанин приходит к нему на квартиру и говорит не узнавшему его Родиону после долгого молчания: «Убийец!», чем поражает героя немым ужасом в самое сердце. Раскольников долго не может понять, откуда взялся этот неожиданный свидетель «из-под земли». Народная огласовка («убийца», а не «убийца») придает обвинению особый психологический эффект, ибо она, с ощутимой интуитивно резкой отрицательной коннотацией, звучит безкомпромиссным осуждением, как голос всего «христианского мира», не оставляя места для самооправдания «образованному» преступнику с его «оригинальной» головной теорией. Не менее важно и второе появление мещанина перед героем: донеся на него Порфирию, мещанин сидит у него «в секрете» во время психологического «поединка» следователя с Раскольниковым, ради последнего, решающего «удара» обличения. Затем, когда задуманный следователем театральный эффект срывается из-за прихода Миколки, Раскольников уходит домой необличенным, и тут мещанин снова приходит к нему, на сей раз – с покаянием в злом умысле и кланяется низким земным поклоном. На первый взгляд, это очень странно: ведь мещанин невзлюбил Раскольникова, а после того, что он услышал у Порфирия, должен был окончательно убедиться в правоте своих подозрений. Однако мещанин пожалел убийцу, поняв меру уже испытываемых им страданий и мучений совести, которые приближают его уже к искуплению вины. Не случайно каторжников, по воспоминаниям Достоевского, называли в народе «несчастливыми». Эволюция отношения мещанина к Раскольникову знаменует собой открытую для него дорогу к спасению. Аналогично изменится отношение к нему каторжников в остроге, когда они почувствуют его раскаяние.

Анализ народных образов в «Преступлении и наказании» дает возможность понять идеи почвенничества Достоевского 1860-х годов. Возвращаясь, по словам Мережковского, «от Христа вселенского к Мессии народному» [\[9\]](#), Достоевский убежден, что огромную роль играют такие типы из народа, как некрасовский Влас, занимающиеся «делом

божьим». Писатель выступал за то, чтобы по-разному относиться к добродетелям (милосивость, жертвенность и сила покаяния) и недостаткам (насилие, жестокость и алкоголизм) народа. По его мнению, дефекты и загнивание части почвы не означают порчу ее в целом, поскольку вся почва никогда не была затронута и народ сохранил в неприкосновенности духовную основу православной культуры. Писатель верит, что «ведь последнее слово скажут они же, вот эти самые разные "Власы", кающиеся и не кающиеся; они скажут и укажут нам новую дорогу и новый исход из всех, казалось бы, безысходных затруднений наших. Не Петербург же разрешит окончательно судьбу русскую» [\[4, т. 21, с. 34\]](#).

Достоевский считал русский народ единственным «народом-богоносцем». Православие является основой веры и символом традиционного культурного духа русского народа, оказывает решающее влияние на формирование культурного характера и нравственной личности русского народа. Русское православие не пострадало от Возрождения, промышленной революции и движения Просвещения, напротив, оно было интегрировано с общинным коллективизмом и политеистическими идеями, сохраняя большую часть аутентичности и чистоты христианства. В условиях усиления концепции утилитаризма и общего упадка христианства Достоевский твердо верил, что православие является той «панацеей», которая может спасти Россию, Европу и даже все человечество от всех бед и катастроф. В этом заключалась историческая миссия русского народа. Как показывает Н. И. Пруцков, «все это разные типы, но именно они выражают единую великую нравственную силу русского народа, являются "эмблемой" всей народной России, хранителями красоты лика Христа, а поэтому именно они примером своей самоотверженной жизни, заполненной деятельной любовью, состраданием и самопожертвованием, и могут указать путь в грядущее» [\[12, с. 68\]](#). Чтобы спасти свои души и обрести возрождение, русские заблудшие интеллектуалы, такие как Раскольников, должны выбрать путь народа, принять страдания и вернуть утраченную веру.

Итак, в «Преступлении и наказании» вопрос о противоречивом и дуалистическом характере русской души раскрывается через дихотомию двух Миколок. И красильщик Миколка, и подобные герои из народа, как Лизавета, Настасья и Филипп, воплощают высшие критерии идеала социально-нравственной правды. А Миколка-извочик из сна Раскольникова олицетворяет отрицательную сторону русской души – жестокость, насилие и дерзость «переступления» за «последнюю черту» Божьих законов. Реплики «народного гласа» играют важную роль в развитии романного сюжета. Писатель раскрывает существование Бога через возрождение веры, обращение в православие и возвращение к народной правде Раскольникова в конце романа. Бог сокрыт глубоко в человеческой природе и проявляется через крещение страданием и трагедией. А русский народ — народ Богоносец. Достоевский верит, что русскому народу суждено служить делу нравственного спасения всечеловечества с широким умом, искренностью и смирением. Благочестие и смирение русского народа как богоизбранного народа являются фундаментальной гарантией выполнения им своей священной исторической миссии осуществления гармонического соединения Востока и Запада. Русская заблудшая интеллигенция должна вернуться на почву народа и объединиться с народом, чтобы добиться духовного возрождения.

Библиография

1. Амелин Г. Г. Лекции по философии литературы: памяти Мераба Мамардашвили. М.: Языки славянской культуры: издатель Алексей Кошелев, 2005. 416 с.
2. Анджей де Лазари. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество. М.: Интербук,

2004. 205 с.

3. Власкин А. П. Творчество Ф.М. Достоевского и народная религиозная культура. Магнитогорск: Изд-во Магнитогор. гос. пед. ин-та, 1994. 195 с.

4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972–1990. Т. 6. 423 с. Т. 7. 416 с. Т. 21. 551 с.

5. Касаткина Т. А. Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций. М.: Наследие, 1996. 336 с.

6. Касаткина Т. А. Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.

7. Креницын А. Б. К вопросу о типизации героев в романах «пятикнижия» Ф. М. Достоевского // Научный диалог. 2016. № 4 (52). С. 128–142.

8. Мейер Г. А. Свет в ночи: (О «Преступлении и наказании»). Опыт медленного чтения. Frankfurt/Main: Посев, 1967. 517 с.

9. Мережковский Д. С. Пророк русской революции: К юбилею Достоевского. Санкт-Петербург: Издание М. В. Пирожкова, 1906. 152 с.

10. Назиров Р. Г. Творческие принципы Ф.М. Достоевского. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1982. 160 с.

11. Назиров Р. Г. Проблема художественности Ф.М. Достоевского // Творчество Ф.М. Достоевского: Искусство синтеза. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 125–156.

12. Пруцков Н. И. Достоевский и христианский социализм // Достоевский: материалы и исследования. Л.: Наука, 1974. Т. 1. С. 58–82.

13. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.

14. Чирков Н. М. О стиле Достоевского. Проблематика, идеи, образы. М.: Наука, 1967. 303 с.

15. Шестопалова Г. А. «Все замутилось! Где же обетование...»: (Христ. идеи и символы в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») // Религиозные и мифологические тенденции в русской литературе XIX века. 1997. С. 127–136.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой статьи филологически оправдан, автор обращает внимание на изображение русского народа в романе Ф.М. Достоевского «Преступлении и наказание». Должная актуализации проблемы дана в самом начале работы: «в 1860-е годы отношение Достоевского к народу и народной жизни претерпевало решающий поворот. Увидев глубину духовной почвы в народе, его самостоятельную культуру и силу веры, Достоевский был воодушевлен идеями «народного православия» и поставил их в центр своей идеологии. Естественно, что в «Преступлении и наказании», как одном из важнейших произведений Достоевского этого периода, не могла не отразиться специфика мировоззрения и самосознания русского народа». Считаю, что указанный проблемный вектор для исследователя объективирован, собственно это доносится и до читателя. Роман «Преступление и наказание» – текст – изученный достаточно серьезно, многие уровни этой классической книги дешифрованы и объяснены. Но и новым проектам место быть, так как они поддерживают неугасающий интерес к первому романному тексту из «великого Пятикнижия». Автору удастся балансировать на грани уже сказанного, при этом собственный взгляд конкретизируется без буквальной копии

мыслей. Считаю, что подбор акцентов на критические также филологически точен: это и Р.Г. Назиров, и Б.Н. Тихомиров, и Т.А. Касаткина, и А.П. Власкин, и А.Б. Криницын и другие. Цитаты на сам роман даются в режиме стандарта: например, «а Миколку-красильщика автор представляет раскольников-сектантом, желающим взять на себя вину за убийство и ограбление для того, чтобы спасти «нигилиста» по фамилии Раскольников. По мнению Г. А. Мейера, «Если Соня Мармеладова — крестовая сестра злодейски умерщвленной Лизаветы, то Миколка — названный брат замученной праведницы, узревшей Бога. <...> Миколка, подобно Соне, проводник спасительных излучений, направленных к Раскольникову от мученически погибшей Лизаветы» [8, с. 81]», или «как известно, имя и фамилия персонажа у Достоевского нередко служат значащим добавлением к его портрету и всегда полны глубочайшего смысла. «Семантический ореол имени может становиться частью портрета героев Достоевского», построенного «на сочетании реалистической экспрессии и зашифрованной символики» [11, с. 149]. Имя Миколка является народной огласовкой имени Николай, значение которого можно трактовать как «победитель народа» или «народная победа» и т.д. Не исключается в работе и т.н. литературный контекст, он дает возможность предмет исследования преподнести более фактурно: например, «по мнению Т. А. Касаткиной, Лизавета является «неоформленной» личностью, «все ее описание состоит из странных, несообразных, неотделанных или «поломанных» черт» [5, с. 188]. Наиболее близкими Лизавете по святости и безличности женскими персонажами Достоевского являются Лиза в «Записках из подполья» и Акулька в «Записках из Мёртвого дома» и т.д. Рассуждения по ходу статьи объективны, стиль же соотносится с научным типом: «На первый взгляд, это очень странно: ведь мещанин невзлюбил Раскольникова, а после того, что он услышал у Порфирия, должен был окончательно убедиться в правоте своих подозрений. Однако мещанин пожалел убийцу, поняв меру уже испытываемых им страданий и мучений совести, которые приближают его уже к искуплению вины. Не случайно каторжников, по воспоминаниям Достоевского, называли в народе «несчастливыми». Эволюция отношения мещанина к Раскольникову знаменует собой открытую для него дорогу к спасению. Аналогично изменится отношение к нему каторжников в остроге, когда они почувствуют его раскаяние». Методология исследования спектральна, проблема воспринимается исследователем многополярно: «целостное осмысление народной проблематики предусматривает исследование произведения в нескольких направлениях: во-первых, выявление ассоциативных связей народных образов и основных сюжетных линий и толкование их; во-вторых, анализ образов из русского народа с идеологической и мифологической точки зрения; в-третьих, изучение воплощения идей почвенничества Достоевского в образах русского народа». На мой взгляд, серьезных фактических нарушений нет, тема работы раскрыта, цель достигнута. Итоги не противоречат основной части. Стоит согласиться, что «в «Преступлении и наказании» вопрос о противоречивом и дуалистическом характере русской души раскрывается через дихотомию двух Миколок. И красильщик Миколка, и подобные герои из народа, как Лизавета, Настасья и Филипп, воплощают высшие критерии идеала социально-нравственной правды. А Миколка-извозчик из сна Раскольникова олицетворяет отрицательную сторону русской души – жестокость, насилие и дерзость «переступления» за «последнюю черту» Божьих законов. Реплики «народного гласа» играют важную роль в развитии романного сюжета. Писатель раскрывает существование Бога через возрождение веры, обращение в православие и возвращение к народной правде Раскольникова в конце романа...». Библиографический список полновесен, формальная правка излишня. Материал имеет практический характер, он универсален как для средней, так и высшей школы. Рекомендую статью «Изображение русского народа в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского» к

публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ли В. Лексические особенности описания природных объектов Москвы и Подмосковья (на материале статей Н. М. Карамзина в журнале «Вестник Европы» 1802-1803 гг.) // Litera. 2024. № 7. С. 208-218. DOI:

10.25136/2409-8698.2024.7.71309 EDN: SUEYSW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71309

Лексические особенности описания природных объектов Москвы и Подмосковья (на материале статей Н. М. Карамзина в журнале «Вестник Европы» 1802-1803 гг.)

Ли Вэнвэнъ

аспирант; кафедра русского языка; Московский государственный университет имени МВ. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ 18103654701wen@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.7.71309

EDN:

SUEYSW

Дата направления статьи в редакцию:

21-07-2024

Дата публикации:

28-07-2024

Аннотация: Объектом исследования является лексика, используемая в описаниях природных объектов в статьях, опубликованных Н. М. Карамзиным в журнале «Вестник Европы» в 1802-1803 гг. В этот период русский язык находился на переломном этапе своего развития, журнал «Вестник Европы» был одним из самых влиятельных в России того времени, и работы Н. М. Карамзина в качестве редактора не только расширили знания о природе и культуре для жителей Москвы, но и показали его уникальное понимание и способы его языкового выражения. В данной работе изучаются три типа природных объектов: водные объекты, элементы рельефа поверхности земли и участки растительности. Целью работы является установление лексических особенностей описания природных объектов Москвы и Подмосковья в этих статьях. В данном

исследовании сочетаются описательный и историко-сравнительный методы языкового анализа статей Н. М. Карамзина. В результате проведенной работы установлено, что Н. М. Карамзин описывает природные объекты таким образом, чтобы сообщить читателю о естественных характеристиках объектов (размер, длина, цвет, высота и под.), изменениях, происходящих с ними (возникновение, исчезновение и под.), влиянии на них человеческой деятельности и их роли в жизни человека. Кроме того, проанализирована лексика, используемая Н. М. Карамзиным, в том числе нарицательные существительные и имена собственные, прилагательные и описательные конструкции, установлена традиционность лексики для наименования природных объектов, определены особенности параграфематики. Результаты исследования актуальны для лингвистики и литературоведения и открывают новые перспективы для понимания восприятия и отношения к природным объектам в русском обществе начала XIX века.

Ключевые слова:

описание природных объектов, Вестник Европы, Николай Михайлович Карамзин, Москва, Подмосковье, лексические особенности, начало XIX века, деятельность человека, топонимы, лексические средства

Природные объекты являются важной экологической составляющей жизни человека вне зависимости от места его проживания. Неудивительно, что их изучение актуально в самых различных областях знания, в том числе и для лингвистических исследований.

В соответствии с ФЗ от 10.01.2002 N 7-ФЗ (ред. от 25.06.2012) «Об охране окружающей среды» под природным объектом понимается «естественная экологическая система, природный ландшафт и составляющие их элементы, сохранившие свои природные свойства». Таким образом, речь идет об объектах, которые не являются искусственными по своему происхождению. Именно о них пойдет речь в нашей статье.

То, что природа играет важную роль в жизни человека, подтверждается разнообразными языковыми фактами, в том числе тем, как используются в текстах, включающих описания природы, лексические средства. Как правило, данная тематика ассоциируется у носителей русского языка с художественной литературой, однако в действительности описания природы обнаруживаются в текстах разных жанров, в том числе публицистических. Материалом нашего исследования послужили статьи Н. М. Карамзина, опубликованные в журнале «Вестник Европы» в 1802-1803 гг., посвященные истории и современной жизни Москвы и Подмосковья. Целью исследования является выявление лексических особенностей описания природных объектов Москвы и Подмосковья в этих статьях. В работе используется описательный метод. Объектом исследования является лексика, используемая Н. М. Карамзиным.

Изучение использования языка в определенный период позволяет выявить особенности эволюции языка, его взаимодействие с социальными и культурными факторами. Однако до сих пор практически отсутствуют работы, посвященные изучению лексических особенностей описания природных объектов Москвы и Подмосковья в публицистике начала XIX в. Этим определяется актуальность настоящего исследования.

В рассматриваемых статьях Н. М. Карамзина встречается упоминание многих московских и подмосковных природных объектов, которые могут быть классифицированы на группы, традиционно выделяемые в исследованиях по лексикологии, таких как [\[1, с. 595-607\]](#), [\[2, с.](#)

[48, 57, 127, 146\]](#).

Описание каждого из выявленных слов, называющих природные объекты, имеет следующую структуру:

- имя нарицательное, называющее объект (М / П «пример из статьи Н. М. Карамзина»), (М и П – сокращения, указывающие на то, описывается ли во фрагменте московский (М) или подмосковный (П) объект).
- имя собственное, называющее объект (М / П «пример из статьи Н. М. Карамзина»),
- комментарий к употреблению слова и/или описанию объекта (в случае необходимости приводится после отдельных примеров).

Примеры к использованию имени нарицательного или собственного приводятся при наличии. В большинстве случаев на каждое словоупотребление приводится один пример.

Именования объектов приводятся в орфографии Н. М. Карамзина (в том числе в использовании строчных и заглавных букв) в алфавитном порядке.

В конце каждого раздела дается общий комментарий к использованию слов данной группы.

В работе рассматриваются три типа природных объектов: водные объекты, элементы рельефа земной поверхности и участки растительности.

1. Водные объекты

1. *Болото* (П «Вопервыхъ, по мѣрѣ истребленія лѣсовъ, изсушенія болотъ и другихъ успѣховъ гражданской дѣятельности, климатъ становится теплѣе» [\[3, с. 221\]](#)).

Н. М. Карамзин описывает изменения, происходящие с *болотами* – их исчезновение; вероятно, *изсушение* болот связано с целенаправленной деятельностью человека, поскольку упоминается в ряду с *истреблением лесов*, явно имеющим целеполагание. Эти изменения интересуют Н. М. Карамзина постольку, поскольку они связаны с условиями жизни человека (приводят к тому, что «климатъ становится теплѣе»).

2. Ключъ

ключи Мытищскіе (П «ЕКАТЕРИНА хотѣла, чтобы всякой бѣдной человѣкъ находилъ бли своего дому колодезь свѣжей, здоровой воды, и поручила Генералу Бауеру привести ее трубами изъ ключей Мытицкихъ» [\[3, с. 213\]](#)).

Н. М. Карамзин использует строчную букву в слове *ключи* при номинации индивидуализированного объекта, определяемого по атрибуту, называющему местонахождение объекта (*Мытищскіе*).

Упоминание *ключей* мотивировано тем, что они используются человеком в его жизнедеятельности.

Как это видно из фрагмента, *ключевая вода* оценивается как *свежая* и *здоровая*.

3. *Озеро* (П «Венеціанская гондола съ разноцвѣтными флагами разѣзжала по тихимъ водамъ большаго озера (такъ можно назвать обширный Кусковскій прудъ)» [\[4, с. 279\]](#)).

Н. М. Карамзин использует слова *озеро* и *пруд* как синонимы, однако считает необходимым пояснить такое употребление.

Упоминание *озера* связано с тем, что оно используется как место отдыха человека.

Описывая *озеро* (= *пруд*), Н. М. Карамзин оценивает его размеры (*большой, обширный*) и «статичность» (*тихие воды*). Эти признаки выделяются именно потому, что они важны для оценки озера как места отдыха.

4. *Прудъ* (П «Рѣка чистить воздухъ: большой прудъ наполняетъ его только вредною сыростію» [\[4, с. 281\]](#)).

Кусковскій прудъ (П «Чего стоилъ Кусковскій прудъ? Хорошо взглянуть на него; но здорово ли жить на берегу страшной, водяной массы, почти неподвижной?» [\[4, с. 281\]](#)).

поганый прудъ (М «тамъ же были Царская конюшня и литейной дворъ, на томъ мѣстѣ которое называлось *поганымъ прудомъ*» [\[5, с. 257\]](#)).

Пруды упоминаются автором в связи с оценкой их пользы vs. вреда для здоровья человека.

Приводя гидроним *поганый прудъ*, который для него самого является историзмом, Н. М. Карамзин выделяет его в тексте не с помощью заглавных букв, а через написание курсивом, обращая внимание читателя на номинацию, которая может быть ему неизвестна (о функциях курсива у Н. М. Карамзина см. [\[6\]](#)).

Гидроним *Кусковскій прудъ*, как и *ключи Мытицкіе*, получает свое наименование у Н. М. Карамзина по своему местоположению. Примечательно, что в карамзинское время Куково находилось в Подмоскovie, но было при этом местом отдыха москвичей. В настоящее время Куково является частью Москвы.

5. *Рѣка* (М «Древній Кремль съ златоглавыми Соборами и готическимъ дворцомъ своимъ; большая зеленая гора съ пріятными отлогостями и цвѣтниками; рѣка не малая и довольно красивая, съ двумя мостами» [\[7, с. 284\]](#), П «Рѣка чистить воздухъ: большой прудъ наполняетъ его только вредною сыростію» [\[4, с. 281\]](#)).

Москва-рѣка (М «не нахожу ничего лучше берега Москвы-рѣки» [\[7, с. 284\]](#), П «Одинъ Кирила Полуектовичъ Нарышкинъ умѣлъ выбрать несравненное Кунцово на высокомъ берегу Москвы-рѣки» [\[4, с. 281\]](#)).

Неглинная (М «въ три часа вечера сдѣлался страшный пожаръ на Дмитровкѣ и на Тверской, который обратилъ въ пепель всѣ дома, бывшіе за бѣлою стѣною до само Неглинной; перешель даже за сію рѣку» [\[8, с. 137\]](#)).

Сѣверка (П «бывало всегда на большой равнинѣ, гдѣ течетъ рѣка Сѣверка» [\[4, с. 284\]](#)).

Яуза (П «Тутъ запруженная Яуза кажется большою рѣкою» [\[3, с. 215\]](#)).

Употребление нарицательного существительного *рѣка* связано с деятельностью человека: оцениваются эстетическая функция реки (*не малая и довольно красивая*); наличие мостов, позволяющих преодолеть это естественное препятствие; польза для здоровья человека. Упоминание названий рек связано чаще всего с рассказом о событиях, происходивших в местах, где они протекают. Описывая *Яузу*, автор обращает

внимание на аномальный размер реки и причину того, почему она в данном месте такова (ее запрудили).

Гидроним *Москва-река* существенно отличается от других упоминаемых автором названий рек тем, что он всегда используется как сложное слово. При этом обращает на себя внимание то, что во всех случаях Н. М. Карамзин склоняет обе части гидронима (*Москва-рѣка* [4, с. 286], (на берегу) *Москвы-рѣки* [4, с. 281], по *Москвѣ-рѣкѣ* [5, с. 264], за *Москвою-рѣкою* [5, с. 255], на *Москвѣ-рѣкѣ* [7, с. 285] и др.), что свидетельствует о существовании в карамзинские времена нормы употребления данного сочетания, отличающейся от современной.

6. *Рѣчка*

Рѣчка Скауба (П «Рѣчка Скауба на лѣвой сторонѣ, поля и луга составляютъ оченъ хорошій сельскій видъ» [3, с. 219]).

Автор использует разговорное с т. зр. современного носителя языка слово *рѣчка*. Объект упоминается как элемент ландшафта, имеющего высокую эстетическую ценность для человека.

В настоящий момент данная река носит название Скалба (см. [9, с. 176-177]).

7. *Ручей* (П «Любопытно знать, произвело ли оно (землетрясение – Л. В.) какое нибудь дѣйствіе въ окрестностяхъ Москвы: на примѣръ, не сокрылись ли нѣкоторые ручьи, не явились ли новые, не поднялись ли рѣки» [10, с. 73]).

Упоминание ручьев связано с неординарным событием в жизни москвичей – землетрясением, произошедшим 14 октября 1802 г.

8. *Ручеек* (П «Самой маленькой ручеекъ своимъ быстрымъ теченіемъ и журчаніемъ оживляетъ сельскія Красоты гораздо болѣе, нежели сіимутныя зеркала, гдѣ гнѣтъ вода неподвижная....» [7, с. 282]).

Автор использует диминутив, с т.зр. современного носителя языка имеющий разговорную окраску.

Упоминание *ручейка* связано с оценкой объекта как имеющего эстетическую ценность для человека.

Общій комментарий

1. Н. М. Карамзин упоминает водные объекты в тех случаях, когда они связаны с жизнедеятельностью человека.

2. В разных текстах Н. М. Карамзина обнаруживается противопоставление водоемов с проточной и стоячей водой, причем критерием оценки водоемов у него является их влияние на здоровье человека: по мысли автора, *реки, ручьи, ключи* полезны, будучи источниками «здоровой» воды, в то время как *пруды, озера* наполнены водой, приносящей вред здоровью. Одновременно автор дает эстетическую оценку этих объектов: положительно оцениваются водоемы с проточной водой.

3. Также Н. М. Карамзин указывает размеры водоемов и изменения, с ними происходящие (появление, исчезновение, динамика уровня воды).

2. Элементы рельефа земной поверхности

1. *Берег* (М «огромный Воспитательный Домъ съ одной стороны, а съ другой длинный, необозримый берегъ съ маленькими домиками, зеленью и громадами плотоваго лѣса; вдали Воробьевы горы, лѣса, поля – вотъ картина! вотъ гульбище, достойное великаго народа!» [7, с. 285], П «Одинъ Кирила Полуектовичъ Нарышкинъ умѣлъ выбрашь несравненное Кунцово на высокомъ берегу Москвы-рѣки, гдѣ представляется взору самый величественный амфитеатръ» [4, с. 281], П «Оно разселено вдоль низкаго берега Оки на великомъ пространствѣ, и въ весенніе мѣсяцы заливається водою недѣль на шесть, такъ что жители другъ ко другу ѣздятъ въ лодкахъ» [4, с. 288]).

Берег упоминается автором в связи с жизнедеятельностью человека (во время разлива реки «жители другъ ко другу ѣздятъ въ лодкахъ»), также оценивается его эстетическая ценность как элемента ландшафта.

При оценке *берега* реки Н. М. Карамзин обращает внимание на расположение (*высокий и низкий*), протяженность и связь с природным окружением. *Низкий берег* пригоден для проживания, но жители должны справляться с сезонными наводнениями; *высокий берег* имеет благоприятные условия для строительства; *длинная* береговая линия обеспечивает богатство природных ресурсов и спокойную среду обитания. Эти описания отражают характеристики различных береговых участков и их пригодность. Интересно, что мерой оценки длины является способность человека *обозреть* объект (*длинный, необозримый берегъ*).

2. *Гора* (М «Московское гульбище сдѣлалось бы однимъ изъ первыхъ въ Европѣ. Древній Кремль съ златоглавыми Соборами и готическимъ дворцомъ своимъ; большая зеленая гора съ пріятными отлогостями и цвѣтниками» [7, с. 284]).

Н. М. Карамзин описывает гору, не называя ее конкретного названия, но подчеркивая ее размеры (*большая*), цвет (*зеленая*), уровень наклона (*съ пріятными отлогостями*) и наличие насаждений (*съ цвѣтниками*). Речь идет об элементе рельефа, находящемся в конкретном месте – пространстве между Московским Кремлем и Москвой-рекой. Его упоминание связано с оценкой эстетической и практической (место для гуляния) ценности пространства.

Воробьевы Горы (П «Поѣзжайте въ Воскресенье на Воробьевы Горы, къ Симонову Монастырю, въ Сокольники: вездѣ множество гуляющихъ» [7, с. 281]).

Воробьевы горы (П «вдали Воробьевы горы, лѣса, поля -- вотъ картина» [7, с. 285]).

Упоминание этого топонима связано с его ролью в жизни человека: это место отдыха москвичей, а его восприятие со стороны доставляет человеку эстетическое удовольствие.

Обращает на себя внимание варьирование нормы написания этого топонима: в одном случае слово «гора» пишется со строчной буквы, в другом – с заглавной (о дистрибуции строчных vs. заглавных букв в статьях Н. М. Карамзина см. [11]). Также следует обратить внимание на то, что во времена Н. М. Карамзина Воробьевы горы были подмосковным объектом.

Гора Волкуша (П «Я взялъ на гору Волкушу.... Рускіе Патріоты! это мѣсто должно бытъ вамъ извѣстно» [3, с. 225]).

Н. М. Карамзин не характеризует саму *гору Волкуша*, но с помощью особой риторической фигуры призывает читателей вспомнить об исторических событиях, происходивших на этой горе.

Кремлёвская гора (М «Тогда житель Парижа или Берлина, сѣвъ на уступѣ Кремлевскоя горы, забылъ бы свой бульваръ, свою липовую улицу» [\[7, с. 285\]](#)).

В настоящее время данная гора называется Боровицким холмом (см. [\[12, с. 63\]](#)).

3. *Долина* (П «Водоводъ идетъ мостомъ черезъ низкую долину, на каменныхъ аркахъ, и длиною будетъ сажень въ 60» [\[3, с. 213\]](#)).

Упоминание долины связано с описанием сооружения, воздвигаемого человеком (*водовод*).

Для описания *долины* Н. М. Карамзин использует определение *низкая*, оценивая долину по высоте, а не по глубине.

4. *Оврагъ* (П «Мудрено понять, для чего Дворъ въ то время не прямо отправился къ Троицѣ, а остановился въ селѣ, укрѣпленномъ только своими оврагами» [\[3, с. 225\]](#)).

Упоминание Н. М. Карамзиным *оврагов* связано с тем, что, по мысли автора, они представляют собой естественное укрепление места, где проживает человек; таком образом, оценивается польза упоминаемых *оврагов* для человека.

5. *Пески* (П «Въ пяти верстахъ отъ Коломны впадаетъ Москва-рѣка въ Оку, среди глубокихъ песковъ» [\[4, с. 286\]](#)).

При описании *песков* Н. М. Карамзин характеризует их глубину, давая представление об особенностях течения Москвы-реки (подчеркивается влияние глубины *песка* на течение реки).

6. *Пустыня* (П «такое пріятное мѣсто, окруженное водою и густо осѣненное старыми деревьями, которыя могли бы закрыть и самое огромное зданіе, теперь остается дикою пустынею» [\[3, с. 216\]](#), П «Россія въ сравненіи съ другими Европейскими землями есть конечно новая страна въ разсужденіи обитаемости; въ первые вѣки Христіанскаго лѣтосчисленія она состояла изъ обширныхъ пустынь, гдѣ являлись иногда кочующіе народы» [\[3, с. 220, 221\]](#)).

Н. М. Карамзин использует слово *пустыня* для обозначения безлюдного пространства – обширной местности, не заселенной человеком (см. определение данного слова в [\[13, с. 1201\]](#): «Пустыня – место необитаемое; степь») (а не в привычном для современного носителя языка значении «Обширная местность, лишенная растительности или со скудной растительностью, не заселенная людьми» [\[1, с. 587\]](#)).

7. *Равнина* (П «бывало всегда на большой равнинѣ, гдѣ течетъ рѣка Сѣверка» [\[4, с. 284\]](#)).

Н. М. Карамзин оценивает *равнину* с точки зрения ее размера (*большая*).

8. *Яма* (П «Москва не много видна изъ оконъ дворца; но вѣроятно, что бывший съ этой стороны заборъ (ямы столбовъ не заросли еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ) не позволялъ и того видѣть» [\[3, с. 210\]](#), М «невѣрный слуга указалъ его мятежникамъ, которые тирански умертвили несчастнаго и бросили на дворѣ въ яму» [\[8, с. 132\]](#), П «Я видѣлъ глубокія ямы,

гд□ сид□ли несчастные; вид□лъ жел□зныя решетки въ маленькихъ окнахъ, сквозь которыя проходилъ свѣтъ и воздухъ для сихъ государственныхъ преступниковъ» [\[14, с. 130\]](#)).

Н. М. Карамзин использует слово *яма*, называя 1) особенности рельефа, 2) подземную тюрьму (см. [\[15, с. 1657\]](#)), находящуюся в яме.

Общй комментарий

1. Описывая берега, Н. М. Карамзин указывает, являются ли они низкими или высокими, оценивает и подчеркивает их пригодность с точки зрения расположения, протяженности и связи с природной средой – прежде всего рекой.

2. Н. М. Карамзин оценивает характеристики земной поверхности по параметрам «размер», «высота», «глубина» и «цвет».

3. Н. М. Карамзина интересует взаимосвязь и взаимовлияние рельефа поверхности земли и деятельности человека.

3. Участки растительности

1. *Лес* (М «дерева падаютъ, л□съ р□д□еть, открывая виды окрестностей» [\[16, с. 305\]](#), М «Гд□ размножаются люди, тамъ (особливо въ с□верныхъ земляхъ) исчезаютъ л□са» [\[3, с. 221\]](#), П «туть прежде были сплошные л□са, которые, в□роятно, простирались и дал□е к с□веру, то есть, къ Переславлю» [\[3, с. 220\]](#), П «Теперешніе веселые луга и поля были н□когда или болотомъ или густымъ л□сомъ» [\[3, с. 220\]](#), П «Версть за семь отъ Троицы открываются, среди зелени л□совъ, златыя главы церквей ея, вокругъ огромной колокольни, подобной величественному столбу» [\[3, с. 225\]](#), П «Вопервыхъ, по м□р□ истребленія л□совъ, изсушенія болотъ и другихъ усп□ховъ гражданской д□ятельности климатъ становится теплѣе» [\[3, с. 221\]](#)).

При описании лесов Москвы и Подмосковья Н. М. Карамзин сообщает об изменениях, с ними происходящих: они *редеют, исчезают, истребляются*. В большинстве фрагментов автор связывает эти изменения с воздействием человека на природу, оценивая его при этом положительно. Описывая леса Подмосковья, автор особо упоминает их *густоту и цвет*.

2. *Луг* (П «Теперешніе веселые луга и поля были н□когда или болотомъ или густымъ лѣсомъ» [\[3, с. 220\]](#), П «Портные и сапожники съ женами и д□тьми рвутъ цв□ты на лугахъ, и съ букетами возвращаются въ городъ» [\[7, с. 281\]](#), П «или къ хорошему виду, или къ обширному лугу, или къ живописной дичи» [\[7, с. 282\]](#)).

Н. М. Карамзин дает оценку подмосковным *лугам*, указывая их размер и функцию: примеры показывают, что луга воспринимаются автором как место, где можно гулять и наслаждаться красотами природы.

3. *Поле* (П «Р□чка Скауба на л□вой сторон□, поля и луга составляютъ очень хорош сельскій видъ» [\[3, с. 219\]](#), П «Теперешніе веселые луга и поля были н□когда или болотомъ или густымъ л□сомъ» [\[3, с. 220\]](#), П «не знали, какъ милы для глазъ ландшафты полей, и какъ нуженъ для здоровья деревенскій воздухъ» [\[7, с. 280\]](#)).

Н. М. Карамзин обращает внимание на *поля* прежде всего с точки зрения их

эстетической ценности для человека.

4. *Роща* (П «Онъ любилъ Алексѣевское, хотя впрочемъ мѣстоположеніе очень обыкновенно: ровное и гладкое, на лѣвой сторонѣ видна сосновая роща» [3, с. 211]).

Марьиная роща (М «Жителямъ Московскимъ извѣстно старое Нѣмецкое кладбище, въ Марьиной рощѣ» [17, с. 100]).

В описании *рощи* Н. М. Карамзин сообщает о том, какие деревья там растут. Также обращает на себя внимание то, что современный топоним *Марьиная роща* использовался во времена Н. М. Карамзина в качестве дримонима.

Общий комментарий

Описание растительных участков в статьях Н. М. Карамзина не ограничивается их естественными характеристиками (размер, цвет, «густота» и указание того, какие деревья растут), но также говорится о том, какую роль они играют в жизни человека, и о том, как человек воздействует на них.

Выводы

Анализ фрагментов публицистических статей Н. М. Карамзина, в которых упоминаются природные объекты, позволил установить, что автор описывает их, указывая: 1) их естественные характеристики (размер, длина, цвет, высота и под.); 2) изменения, с ними происходящие (возникновение, исчезновение и под.); 3) влияние, которое оказывает на них деятельность человека; 4) их «влияние» на человека – эстетическое воздействие при созерцании; 5) их использование человеком (в качестве места отдыха и под.). Называя различные природные объекты, Н. М. Карамзин использует существительные; характеристики этих природных объектов передаются при помощи прилагательных и описательных конструкций. Автор использует как нарицательные существительные, так и имена собственные, при этом последние могут представлять собой сложные слова. Анализ лексики, используемой Н. М. Карамзиным для номинации природных объектов, показывает ее традиционность: описанные в исследовании слова используются и в современном русском языке (наблюдаются особенности в использовании лексем *пустыня* и *яма*, установление точных значений которых требует от современного читателя определенных усилий). Также следует обратить внимание на то, что при описании природных объектов Н. М. Карамзин использует различные средства параграфемии (строчные и заглавные буквы, курсив), стилистически окрашенные средства – разговорные формы существительных и синонимы.

Библиография

1. Русский семантический словарь, Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 6 т. Т. 1. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2002. – 807 с.
2. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1988. – 192 с.
3. Карамзин Н. М. Историческая воспоминания и замечания на пути к Троице // Вестник Европы. 1802. Ч. 4, No 15. С. 207-226.
4. Карамзин Н. М. Путешествие вокруг Москвы // Вестник Европы. 1803. Ч. 7, No 4. С. 278-289.
5. Карамзин Н. М. Русская старина // Вестник Европы. 1803. Ч. 11, No 20. С. 251-271.
6. Савельев В. С. Функции курсива в статье Н. М. Карамзина Исторические воспоминания

- и замечания на пути к Троице (1802) // Филология и человек. 2024. No 2. С. 7-17.
7. Карамзин Н. М. Записки старого московского жителя: [Очерк об улучшениях в Москве] // Вестник Европы. 1803. Ч. 10, No 16. С. 276-286.
8. Карамзин Н. М. О московском мятеже в царствование Алексея Михайловича // Вестник Европы. 1803. Ч. 11, No 18. С. 119-145.
9. Вагнер Б. Б., Клевкова И. В. Реки Московского региона. М.: 2003.
10. Карамзин Н. М. Известия и замечания. Москва // Вестник Европы. 1802. Ч. 6, No 21. С. 69-73.
11. Савельев В. С. К истории использования прописных букв при написании имен монархов (на материале статей Н. М. Карамзина 1802-1803) // Известия Южного федерального университета, Филологические науки. 2024. Т. 28, No 2. С. 10-20.
12. Лихачева Э. А. О семи холмах Москвы. Москва.: Наука, 1990. – 144 с.
13. Словарь Академии Российской. Часть IV: от М. до Р. СПб.: Императорская Академия наук, 1793. – 1272 с.
14. Карамзин Н. М. О тайной канцелярии // Вестник Европы. 1803. Ч. 8, No 6. С. 122-131.
15. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Издание Отделения русского языка и словесности Императорской АН, 1912. Т. 3. – 1684 с.
16. Карамзин Н. М. О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств // Вестник Европы. 1802. Ч. 6, No 24. С. 289-308.
17. Карамзин Н. М. Руская старина (продолжение) // Вестник Европы. 1803. Ч. 12, No 21/22. С. 94-103.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Целью рецензируемого исследования является оценка лексических особенностей описания природных объектов Москвы и Подмосковья представленных в текстах Н.М. Карамзиным. Автор ориентирован на описательный метод, вариант эмпирики в принципе допустим при явной и открытой цитации. Материалом исследования стали статьи Н.М. Карамзина, опубликованные в журнале «Вестник Европы» в 1802-1803 гг., посвященные истории и современной жизни Москвы и Подмосковья. Думаю, что подобный вариант разверстки лингвистической темы возможен, серьезных противоречий в этом нет. Ряд сопутствующих аргументов в защиту актуальности также наличен: «изучение использования языка в определенный период позволяет выявить особенности эволюции языка, его взаимодействие с социальными и культурными факторами. Однако до сих пор практически отсутствуют работы, посвященные изучению лексических особенностей описания природных объектов Москвы и Подмосковья в публицистике начала XIX в. Этим определяется актуальность настоящего исследования», «природные объекты являются важной экологической составляющей жизни человека вне зависимости от места его проживания. Неудивительно, что их изучение актуально в самых различных областях знания, в том числе и для лингвистических исследований». Должный системный принцип выдержан, автор отмечает, что «описание каждого из выявленных слов, называющих природные объекты, имеет следующую структуру: - имя нарицательное, называющее объект (М / П «пример из статьи Н. М. Карамзина»), (М и П – сокращения, указывающие на то, описывается ли во фрагменте московский (М) или подмосковный (П) объект). - имя собственное, называющее объект (М / П «пример из статьи Н. М. Карамзина»), - комментарий к употреблению слова и/или описанию объекта (в случае необходимости

приводится после отдельных примеров). Примеры к использованию имени нарицательного или собственного приводятся при наличии. В большинстве случаев на каждое словоупотребление приводится один пример». Считаю, что иллюстративного материала достаточно, он вполне удачно представлен (систематизирован), аргументировано рассмотрен. Серьезных фактических нарушений в работе не выявлено; требования издания учтены, авторский взгляд на проблему объективен. Стиль сочинения соотносится с научным типом: например, «Н. М. Карамзин использует строчную букву в слове ключи при номинации индивидуализированного объекта, определяемого по атрибуту, называющему местонахождение объекта (Мытицские)», или «описывая озеро (= пруд), Н. М. Карамзин оценивает его размеры (большой, обширный) и «статичность» (тихие воды). Эти признаки выделяются именно потому, что они важны для оценки озера как места отдыха», или «Употребление нарицательного существительного рѣка связано с деятельностью человека: оцениваются эстетическая функция реки (не малая и довольно красивая); наличие мостов, позволяющих преодолеть это естественное препятствие; польза для здоровья человека. Упоминание названий рек связано чаще всего с рассказом о событиях, происходивших в местах, где они протекают. Описывая Яузу, автор обращает внимание на аномальный размер реки и причину того, почему она в данном месте такова (ее запрудили)» и т.д. Примеры даются в формате оригинала: «Рѣчка. Рѣчка Скауба (П «Рѣчка Скауба на левой сторонѣ, полуга составляют очень хорошій сельскій видъ» [3, с. 219]). Автор использует разговорное с т. зр. современного носителя языка слово рѣчка. Объект упоминается как элемент ландшафта, имеющего высокую эстетическую ценность для человека. В настоящий момент данная река носит название Скалба (см. [9, с. 176-177]).». Как видим, цитации даются в унифицированном режиме. Итоги по всей работе соотносятся с основной частью. Исследователь обозначает, что «анализ фрагментов публицистических статей Н. М. Карамзина, в которых упоминаются природные объекты, позволил установить, что автор описывает их, указывая: 1) их естественные характеристики (размер, длина, цвет, высота и под.); 2) изменения, с ними происходящие (возникновение, исчезновение и под.); 3) влияние, которое оказывает на них деятельность человека; 4) их «влияние» на человека – эстетическое воздействие при созерцании; 5) их использование человеком (в качестве места отдыха и под.). Называя различные природные объекты, Н. М. Карамзин использует существительные; характеристики этих природных объектов передаются при помощи прилагательных и описательных конструкций...». Считаю, что тема раскрыта, цель работы достигнута, объективация лексических особенностей описания природных объектов ... на примере публицистики Н.М. Карамзина предложена системно. Статью «Лексические особенности описания природных объектов Москвы и Подмосковья (на материале статей Н. М. Карамзина в журнале «Вестник Европы» 1802-1803 гг.)» можно рекомендовать к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Белозёрова Е.Ю. Искусственный интеллект – фразеологизация иллюзии правды в английском языке // Litera. 2024. № 7. С. 219-226. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.70257 EDN: SLCZBA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70257

Искусственный интеллект – фразеологизация иллюзии правды в английском языке

Белозёрова Екатерина Юрьевна

ORCID: 0000-0001-5430-274X

кандидат филологических наук

доцент; кафедра иностранных языков и межкультурной коммуникации; Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации

125167, Россия, г. Москва, Ленинградский, 49/2, оф. 319

✉ ebelozeroval@hotmai.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.7.70257

EDN:

SLCZBA

Дата направления статьи в редакцию:

27-03-2024

Дата публикации:

28-07-2024

Аннотация: В статье представлен обзор и анализ терминологического словосочетания artificial intelligence hallucinates, а также рассмотрен фактор «человечности» на примерах употребления фразеологизмов с компонентом truth. Предметом исследования стали коммуникативно-прагматические функции фразеологических единиц для описания фактора «человечности» при намеренном искажения передачи правдивой информации. Выборка эмпирического материала проводилась на материале англоязычных публикаций по теме искусственного интеллекта и современных словарей (Dictionary.com, Oxford English Dictionary, Cambridge Dictionary of English, Farlex Dictionary of idioms, Collins English Dictionary, Merriam-Webster, Longman Dictionary of Contemporary English). Методом сплошной выборки было получено 40 языковых единиц, значения которых

выражают намеренность или случайность в предоставлении неправдивой информации. В статье представлен разбор пяти фразеологизмов, в состав которых входит компонент truth. Основным методом исследования эмпирического материала является индуктивный подход к анализу полученных лексических единиц в предложениях. Целью работы является рассмотрение языковых единиц в представленных примерах. Актуальность исследования обусловлена повышенным интересом общества к теме искусственного интеллекта, а также выбором слова hallucinate в качестве Слово 2023 года ведущими словарями английского языка. Объектом исследования является современная лексика английского языка. К анализу представлены примеры использования фразеологизмов с компонентом truth, значение которых передает спектр интерпретации правды. Научная новизна исследования заключается в качестве материала (современная фразеология и лексика английского языка), а также анализе и сравнении значений представленных фразеологизмов. Результат анализа показывает, что словосочетание artificial intelligence hallucinates (искусственный интеллект дает сбой) может рассматриваться как устойчивое выражение терминологического характера, не получившее пока фиксации во всех фразеологических словарях, несмотря на идиоматичность значения. Также вопрос «человечности» или предвзятой субъективности представлен как альтернатива «правды» в использовании фразеологизмов с компонентом truth. Настоящее исследование вносит вклад в развитие принципов и подходов к изучению фразеологии английского языка, ее обогащению, а также пониманию фразеологии в широком ключе.

Ключевые слова:

фразеология, прагматическая функция, коммуникативная задача, современные фразеологические единицы, искусственный интеллект, идиоматика, современная фразеология, фразеология английского языка, галлюцинации, понятие правда

Введение

Настоящая статья является продолжением исследования, результаты которого отражены в статье «Современная фразеология английского языка: мир фантазий, мечтаний и грез» [\[1\]](#). По данным Dictionary.com, в 2023 году количество запросов по слову hallucinate «галлюцинация» выросло на 46% по сравнению с 2022 годом [\[2\]](#). В декабре 2023 года число обращений к теме об искусственном интеллекте (artificial intelligence) в поисковике Google составило более двух миллиардов. В настоящее время все, что связано с развитием технологий привлекает внимание людей разных возрастов и профессий, что приводит не только к популяризации и сверх использованию определенных слов в речи, но и наделению уже существующих в языке слов дополнительным значением, тем самым порой трансформируя их в ряд терминов.

Так, в 2023 году в словарях английского языка Cambridge, Collins, Merriam-Webster слово hallucinate к своему исконному значению «видеть галлюцинации в результате заболевания или принятия наркотических средств» приобретает дополнительное значение «глюк, выдавать ошибку», когда речь идет об искусственном интеллекте [\[3\]](#). Следует отметить, что слово hallucinate приобретает дополнительное значение только в контексте сбоя работы программы, а именно искусственного интеллекта: artificial intelligence hallucinates (искусственный интеллект дает сбой). При этом этот сбой неожиданный, непредсказуемый, без всякого умысла, будто бы «нечаянная ложь, выдаваемая за правду».

В декабре 2023 года Dictionary.com выбирает слово hallucinate «галлюцинация» в качестве Слово 2023 года ^[4], принимая во внимание в основном его дополнительное значение, а именно: «(программы машинные) создавать ложную информацию, противоречащую намерениям пользователя, и представлять ее как правдивую и фактическую» ^[2].

Грант Барретт (Grant Barret), руководитель отдела лексикографии Dictionary.com, в интервью USA TODAY отмечает, что слово hallucinate в технологическом пространстве отражает и другие слова, такие как spam «спам» и virus «вирус».

"It takes an older word with a different meaning but gives a new technology spirit," Barrett said. "It also represents this unfortunate discrepancy between what we want to happen with technology – we want it to be perfect and great solve problems – yet it's never quite there. ... It's messier than we plan it to be" ^[4]. В своем пояснении Г. Барретт подчеркивает, что слово hallucinate не является новым, однако получает дополнительное значение, которое буквально отражает дух технологии «gives a new technology spirit». Приобретенное дополнительное значение «ложная информация как правдивая», представляет собой unfortunate discrepancy «досадное несоответствие» между тем, чего разработчики хотят добиться от технологии и тем, что получается – а именно, хочется, чтобы искусственный интеллект был идеальным и отлично решал задачи, но это не всегда происходит.

Несмотря на то, что значение «глюк, ошибка» у слова hallucinate официально регистрируется в ведущих английских словарях к концу 2023 года, его существование и использование в сфере технологии было отмечено еще в прошлом столетии. По словам Г. Барретта, в 1970-х годах ученые, пытавшиеся заставить компьютеры читать человеческий почерк, использовали слово «галлюцинация» для обозначения ошибочных показаний компьютера.

«Even back then they understood, 'oh we're going to borrow this term that means to see things that aren't really there, because that's what's happening with our computer stuff that we're building» ^[4] (=Уже тогда они поняли: «О, мы собираемся позаимствовать этот термин, который означает видеть вещи, которых на самом деле нет, потому что именно это происходит с нашими компьютерами, которые мы создаем»).

Как отмечает Г. Барретт, слово «галлюцинировать» изначально относилось к лексике технологического жаргона, задолго до того, как оно получило номинацию в качестве Слово 2023 года, и сейчас профессионалы в области технологий отходят от него, потому что данное слово кажется им слишком человеческим. Под «человечностью», вероятно, Г.Барретт понимает следующее: 1) hallucinate как Слово 2023 года несомненно является выбором человека; 2) программа может давать ошибочную информацию только как следствие технического сбоя, без какого-либо предвзятого или субъективного отношения.

Следует отметить, что в интервью Г.Барретт поясняет, как именно происходит выбор слова года: «Colleagues share new words with one another in a group chat as they rise to popularity throughout the year. At the end of the year, they gather up the words, pare the list down, then compare the final contenders by search data» ^[4] (= коллеги делятся друг с другом новыми словами в групповом чате, популярность которых растет в течение года. В конце года они выписывают слова, сокращают список, а затем сравнивают окончательных претендентов по данным поиска). Таким образом, «человечность» слова

hallucinate основополагается преимущественно на том, что изначально является выбором человека, и этот выбор в дальнейшем, представленный в форме слова, становится темой. Интерес в обществе к определенной теме может создаваться искусственно, популизироваться и вовлекать все больше людей.

Искусственный интеллект (artificial intelligence) стал темой 2023 года, а слово hallucinate приобретает дополнительное значение «ложная информация как правдивая» или «нечаянная ложь, выдаваемая за правду», и становится словом 2023 года. Следует отметить, что artificial intelligence и hallucinate рассматриваются в данных номинациях исключительно исходя из их терминологических значений.

artificial intelligence ^[5] - the capacity of computers or other machines to exhibit or simulate intelligent behaviour; the field of study concerned with this (= способность компьютеров или других машин демонстрировать или моделировать разумное поведение; область исследования, связанная с этим).

hallucinate ^[6] - a computer system produces false information (= компьютерная система выдает ложную информацию).

Ведущий лексикограф словаря Dictionary.com Кори Стэмпер (Kory Stamper) отмечает, что одно из первых задокументированных случаев использования слова «галлюцинация» в информатике относится к исследовательской работе 1971 года. Статья была посвящена обучению компьютеров «читать и понимать» рукописный текст. Этот термин, включая форму глагола, начал появляться в контексте машинного обучения и искусственного интеллекта к 1990-м годам ^[2]. Терминологическое словосочетание artificial intelligence hallucinates отмечается в ряде научных исследований зарубежных авторов: M. Salvagno, F.S. Taccone, A.G. Gerli (2023) ^[7], H. Patel (2024) ^[8] и др. А.Е. Коротков в монографии об исследованиях в сфере искусственной жизни, искусственного разума и виртуальных миров пишет следующее: «самые традиционные компьютерные программы либо работают идеально, либо не работают вообще. Наверное, все сталкивались с ситуацией, когда компьютерная программа сталкивается с проблемой и неожиданно перестает работать вообще или «сходит с ума». В подобных ситуациях программисты говорят, что программа «опрокинулась» - эта аналогия на удивление точна, потому что эта ситуация похожа на ту, когда высокая шаткая стопка каких-то вещей, покачнувшись, падает на пол и превращается в хаос» ^[9].

Человеческий разум в отличие от искусственного интеллекта может понимать хаос не только буквально как разбросанные вещи, но и как состояние смятения, сложная ситуация и попытка ее разрешить, прибегая при этом намеренно к предоставлению ложной информации или частично сокрытию правдивой. И в данном контексте слово hallucinate является альтернативой, имеет латинские корни и происходит от латинского слова *hallūcinātus*, что значило "wandered mentally" (= мысленно блуждать) ^[2].

Фразеологизация иллюзии правды

На первый взгляд слово hallucinate может показаться неожиданным выбором в качестве языковой единицы для обозначения неточного результата. Значение слова hallucinate можно трактовать как попытку найти и представить правдивый и единственно верный ответ (если речь идет об искусственном интеллекте) или намерено сбить с толку, спутать и обмануть (если присутствует человеческий фактор). Таким образом, понятие «правды» (truth) напрямую зависит от признака «человечности».

Вопросы фразеологизации обмана освещались многими исследователями в научных публикациях на материалах русского языка А.В. Гриценко (2008) [\[10\]](#), Шестакова Н.Л. (2012) [\[11\]](#), Файзуллина, Л. Д. (2016) [\[12\]](#); французского языка С. И. Нарзулаева (2014) [\[13\]](#); английского языка И. Э. Федюнина (2009) [\[14\]](#), В. В. Гурин (2015) [\[15\]](#), А. Г. Карипиди, М. А. Батурьян (2019) [\[16\]](#).

Эволюция значения слова hallucinate является метафорическим расширением, что несомненно обогащает язык. И если, в последствии, оно обретет форму устойчивого словосочетания с осложненной семантикой, не образующегося по порождающим структурно-семантическим моделям переменных сочетаний [\[17\]](#), то можно будет констатировать обогащение фразеологии английского языка.

Для современного английского языка характерно развитие фразеологического значения у терминологических сочетаний. Настоящее исследование показывает, что в английском языке на данный момент нет фразеологизмов, компонентом которых являются слова artificial, intelligence, hallucinate. Материалом дальнейшего исследования являются фразеологизмы, которые зафиксированы в современных словарях английского языка (Dictionary.com, Oxford English Dictionary, Cambridge Dictionary of English, Farlex Dictionary of idioms, Collins English Dictionary, Merriam-Webster, Longman Dictionary of Contemporary English) и значение которых выражает преднамеренность искажения представляемой информации, что характеризуется фактором «человечности».

Так, в английском языке есть ряд фразеологизмов, значение которых идентично значению «ложная информация как правдивая» или «нечаянная ложь, выдаваемая за правду» (= hallucinate). Например, hallucinate = go off the rails:

Sometimes, generative AI goes off the rails [\[18\]](#) (= иногда генеративный искусственный интеллект (ИИ) выходит из строя). Фразеологизм go off the rails [\[6\]](#) (= to start behaving in a way that is not generally acceptable, especially dishonestly or illegally) – выйти из строя или буквально слететь с катушек (вести неподобающе, нечестно и нелегально, нарушая закон) используется для обозначения непредсказуемости результата. Более того, словарь Farlex Dictionary of Idioms включает сокращение AI в состав фразеологизмов и дает следующее пояснение значению: an abbreviation for "artificial intelligence," the ability of a computer to perform

functions thought to require intelligence or some form of decision making (=аббревиатура «искусственный интеллект», способность компьютера выполнять функции, которые, как считается, требуют интеллекта или какой-либо формы принятия решений) [\[19\]](#).

Словосочетание AI hallucination можно рассматривать результат сбоя в программе (spam) или же воздействия из вне (virus). Но несмотря на источник воздействия, результат будет ошибочным и неправильным. Злого умысла в действии искусственного интеллекта нет, в отличие от человека, который в свою очередь склонен апеллировать информацией, выдавая заведомо ложное за правду.

Например, термин fake news «фейковые новости» стал часто употребляемым с тех пор, как президент США Доналд Трамп (Donald Trump) популяризировал это выражение, неоднократно используя его для обозначения негативного освещения себя в прессе. Фейковые новости, также известные как «мусорные новости» или «псевдоновости», представляют собой разновидность желтой журналистики или пропаганды, которая состоит из преднамеренной дезинформации или мистификаций, распространяемых через

традиционные средства массовой информации или онлайн-социальные сети. Актуальность фейковых новостей возросла в политике пост правды и проложила путь новым выражениям, таким как *alternative facts* «альтернативные факты», впервые представленным американским политическим советником президента Келлиэнн Конвей (Kellyanne Conway) в 2017 году. Таким образом, *fake news* как ошибочная информация может пониматься как *alternative facts* альтернативные факты, где под альтернативностью подразумевается возможность причисления к правде.

Словосочетание *fake news* рассматривается по-разному в современных английских словарях. Словари Cambridge English Dictionary, Dictionary.com, Collins English Dictionary рассматривают *fake news* в качестве существительного (= *false stories that appear to be news, spread on the internet or using other media, usually created to influence political views or as a joke* / ложные истории, выглядящие как новости, распространяемые в интернете или с использованием других средств массовой информации, обычно создаваемые с целью повлиять на политические взгляды или в качестве шутки) [6,2,20]. Толковый словарь английского языка Merriam-Webster относит *fake news* к устойчивым выражениям [21], в то время как словарь Farlex Dictionary of Idioms включил *fake news* в ряд фразеологизмов со следующим значением: *fabricated news reports presented as authentic, they aim to drive web traffic to the providing website, they often have provocative headlines* (= сфабрикованные новостные сообщения выдаваемые за подлинные). Поскольку эти новости стремятся привлечь веб-трафик на веб-сайт поставщика, они часто имеют провокационные заголовки [19].

Возможно, выстроить следующую последовательность: *fake news* – *alternative facts* – *false information* – *hallucination*, источник последнего не так уж и важен (человек или искусственный интеллект), а главное результат, который может быть интерпретирован и принят как альтернатива правде.

Рассмотрим несколько фразеологизмов с компонентом *truth* (=правда) как альтернатива значению *hallucination* (=alternative facts):

Фразеологизм *be economical with the truth* (= *not fully truthful; deceitful, often by manipulating language or omitting certain details*) обозначает не столько ошибку, сколько аккуратность человека в выборе средств выражения, с возможным опущением или не освещением полной информации, что рассматривается как манипуляция [19].

I wouldn't trust him—everyone says he's economical with the truth (= Я бы ему не доверял — все говорят, что он экономичен в правде) [19].

She asked repeated questions but only received answers which were at best economical with the truth, at worst deliberately designed to deceive (= Она задавала повторяющиеся вопросы, но получала только ответы, которые в лучшем случае были экономны по отношению к правде, а в худшем — намеренно предназначены для обмана) [20]. В данном примере фразеологизм дополнен уточняющим выражением сравнительного характера *at best* – *at worst* для выражения предположения о нечестном отношении, избегая прямого обвинения во лжи. В любом случае, присутствует намеренность не сообщать всей правды.

Members of his profession are often economical with the truth (= Представители его профессии часто скупы на правду) [21]. В примере фразеологизм *be economical with truth* используется с юмором, чтобы сказать, что представители определенной (его)

профессии говорят неправду, для них это естественно.

Итого, фразеологизм *be economical with the truth* используется если говорящий намеренно избегает правдивых фактов исходя из собственных интересов.

Фразеологизм *stretch the truth* (= to tell or explain something in such a way that, while not technically false, presents an exaggerated or misleading version of the truth) [19] используется для передачи правдивой информации, возможно с небольшими недомолвками, но в преувеличенном масштабе.

It would be stretching the truth to say that our company has been very successful, but we've managed to get by for the past few years (= Было бы преувеличением сказать, что наша компания добилась больших успехов, но последние несколько лет нам удавалось справляться) [19].

He was accused of stretching the truth about how much he had helped in the project (= Его обвинили в преувеличении правды о том, как сильно он помог в проекте) [6]. В данном примере фразеологизм *stretch the truth* используется для обозначения не совсем честного поведения человека для того, чтобы казаться лучше, чем есть на самом деле.

He was *stretching the truth* to make the story more interesting (= Он приукрашивал правду, чтобы сделать историю более интересной) [22]. Фразеологизм используется для понимания, что какие-то детали или факты в его рассказе не совсем верны и используются для привлечения внимания или повышения интереса к повествованию.

Так, в значении фразеологизма *stretch the truth* доля правды есть, но какие-то детали могут быть опущены либо добавлены исходя из субъективной позиции говорящего для преувеличения и масштабирования значимости.

Поговорка *half the truth is often a whole lie* употребляется, когда сокрытие правды, либо некоторых деталей, может ввести человека в заблуждение и это может быть расценено как откровенная ложь.

I know you want to protect his feelings, but you really need to be honest with him. Half the truth is often a whole lie, you know (= Я знаю, что ты хочешь защитить его чувства, но тебе действительно нужно быть с ним честным. Половина правды зачастую оказывается целой ложью, знаете ли) [19]. Поговорка *half the truth is often a whole lie* подчеркивает важность быть абсолютно честным, намеренное умалчивание информации равносильно лжи.

В словаре Cambridge English Dictionary дается существительное *a half-truth* значение которого определяется как *частично верное утверждение, призванное ввести в заблуждение*. They do not have to fight a lie but a *half-truth* (= Им нужно бороться не с ложью, а с полуправдой) [2].

В целом, значение поговорки *half the truth is often a whole lie* и существительного *a half-truth* указывает на приравнивание полуправды ко лжи.

Фразеологизм *truth will out* (= said to show that you believe the truth will always be discovered) [6] используется для выражения уверенности в том, что правда станет известной, несмотря на всевозможные попытки ее скрыть либо приукрасить. И какие бы попытки не предпринимались, ситуацию следует принимать как она есть: *it is what it is* – фразеологизм, который используется для подведения итога.

We're all imperfect human beings in an imperfect world. It is what it is (=Мы все несовершенные люди в несовершенном мире. Что есть, то есть) [6]. Фразеологизм *it is what it is* говорит о неизбежности фактов, что ситуацию нельзя изменить и ее нужно принять.

It is what it is, without apology (= Это то, что есть, без извинений) [2]. Фразеологизм *it is what it is* используется для характеристики разочаровывающей или сложной ситуации, которую, по мнению человека, невозможно изменить и которую нужно просто принять.

The matter is quite simple and perfectly clear, and the *truth will out* in the end (= Дело довольно простое и совершенно ясное, и правда в конце концов выйдет наружу) [6]. Фразеологизм *truth will out* передает уверенность говорящего, что истина всегда будет раскрыта.

If all doubtful cases are adequately sampled, much of the *truth will out* (= Если все сомнительные случаи будут тщательно отобраны, большая часть истины выйдет наружу) [6]. Словарь Longman Dictionary of Contemporary English [21] определяет фразеологизм *truth will out* как поговорку, которая гласит, что даже если попытаться помешать людям что-то узнать, в конце концов они все узнают.

Таким образом, фразеологизм *truth will out* подчеркивает, что истинные факты ситуации всегда и неизбежно будут известны или обнаружены. В то время как фразеологизм *it is what it is* говорит об обратном, о смирении и принятии ситуации такой какова она есть.

Фразеологизм *truth is stranger than fiction* (= said when you want to emphasize that real events or things are sometimes stranger than imaginary ones) используется для экспликации того, что правда иногда может быть удивительнее и менее реалистичной, чем выдумка [6].

I know it sounds unbelievable, but truth is sometimes stranger than fiction (= Я знаю, это звучит невероятно, но правда иногда страннее вымысла) [6].

In our two-month trip around the world we ran into long-lost relatives on three separate occasions, proving that truth is stranger than fiction (= В нашем двухмесячном кругосветном путешествии мы трижды встречались с давно потерянными родственниками, доказывая, что правда страннее вымысла) [2]. Фразеологизм *truth is stranger than fiction* используется для передачи смысла о том, что реальная жизнь может быть более замечательной, чем придуманные сказки.

I tell you, sometimes truth is stranger than fiction (= Говорю вам, иногда правда страннее вымысла) [19]. Фразеологизм *truth is stranger than fiction* используется для обозначения, что реальная жизнь наполнена причудливыми, абсурдными или маловероятными событиями, что трудно поверить, что они не вымышлены.

В результате, фразеологизм *truth is stranger than fiction* говорит о том, что не стоит порой подтасовывать, придумывать или опускать какие-то детали, так как реальное положение дел может быть весьма удивительным и неожиданным само по себе.

Вывод

Для развития фразеологии и ее обогащения важно следить за изменениями в лексике языка. Английский язык развивается и слова дополняются новыми значениями. Анализ

употребления терминологического словосочетания *artificial intelligence hallucinates* показал, что пока только один фразеологический словарь зафиксировал данную языковую единицу в качестве фразеологизма. Примеры использования отдельных слов (*artificial, intelligence, hallucinate*) в составе других фразеологизмов не обнаружены.

В статье приводится анализ пяти фразеологизмов с компонентом *truth* в примерах использования для повествования «правды». В каждом случае употребление фразеологизма выражает намеренность искажения правдивости и честности говорящего, что рассматривается как фактор «человечности». Фразеологизация иллюзии правды представляет собой спектр ее интерпритации: от небольшой недомолвки, преувеличения к обману; в то время как метафорическое значение терминологического словосочетания констатирует обман как технический сбой.

Библиография

1. Белозерова, Е. Ю. Современная фразеология английского языка: мир фантазий, мечтаний и грез / Е. Ю. Белозерова, О. В. Гинзбург // *Litera*. – 2024. – №2. – С. 140-146.
2. Dictionary.com [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dictionary.com/browse/hallucinate>
3. The Guardian [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/science/2023/dec/05/dictionaries-word-of-the-year-merriam-webster-cambridge-oxford>
4. USA today [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/news/nation/2023/12/12/dictionary-hallucinate-word-of-the-year/71854679007/>
5. Oxford English Dictionary [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oed.com/search/dictionary/?scope=Entries&q=artificial+intelligence+>
6. Cambridge Dictionary of English [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/hallucinate>
7. Salvagno, M., Taccone F.S., Gerli A.G. Artificial intelligence hallucinations [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/370680709_Artificial_intelligence_hallucinations
8. Patel, H. Bane and boon of hallucinations in context of generative AI [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/379497838_Bane_and_boon_of_hallucinations_in_context_of_generative_AI
9. Коротков, А.Е. Послесловие к матрице: виртуальные миры и искусственная жизнь // Альпина Бизнес Букс – 2005. – С. 308.
10. Гриценко, А. В. Фразеология лжи / А. В. Гриценко // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2008. – № 3-2. – С. 102-108.
11. Шестакова, Н. Л. Роль пословиц в формировании общекультурных компетенций личности на занятиях по дисциплине "Русский язык и культура речи" в аграрном вузе / Н. Л. Шестакова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2012. – № 1(9). – С. 138-142.
12. Файзуллина, Л. Д. Роль фразеологизмов в современном русском языке / Л. Д. Файзуллина // Аллея науки. – 2016. – № 4. – С. 385-388.
13. Нарзулаева, С. И. Фразеологизмы со значением "ложь" и "обман" во французском и русском языках / С. И. Нарзулаева // Вестник Педагогического университета. – 2014. – № 1-2(56). – С. 374-377.
14. Федюнина, И. Э. Особенности иллюзивного эффекта русских, английских и немецких фразеологических единиц в концептуальном поле "дезинформация" / И. Э. Федюнина // Научная мысль Кавказа. – 2009. – № 3(59). – С. 138-143.

15. Гурин, В. В. Анализ английских идиом с лексическими компонентами "truth" и "lie" / В. В. Гурин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 27(382). – С. 65-68.
16. Карипиди, А. Г. К вопросу о вербализации концептов "правда" и "ложь" во фразеологизмах английского и русского языков / А. Г. Карипиди, М. А. Батурьян // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2019. – № 1(232). – С. 47-50.
17. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз.– 2-е изд., перераб.– М.: Высш. шк., Дубна: Изд. Центр "Феникс". – 1996. – С. 381.
18. Built In [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://builtin.com/artificial-intelligence/ai-hallucination>
19. FDI – Farlex Dictionary of idioms, Farlex Inc., 2017. – С. 472.
20. Collins English Dictionary [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>
21. Longman Dictionary of Contemporary English [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/economical-with-the-truth>
22. Merriam-Webster [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/fake%20new>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Формальный анализ языка, так или иначе, всегда ориентирован на объективацию содержательной сути. Лексико-фразеологический уровень не лишен это, ибо именно он ориентирован на открытую манифестацию смысла, возможную объективацию значений. Точечный анализ рецензируемой работы направлен на вероятностное объяснение значений фразеологии номинации «ПРАВДА», автор старается показать разность позиций указанной лексики, но делается это сверх формально. Нет в статье так называемой научной позиции, делается все с явным акцентом популизма, поверхностной оценки темы. Формально работа сложена, однако, еще раз отмечу, в ней нет нужной методологической основы, нет нужной научной позиции, нет адекватно высказанной точки зрения исследователя. Примеры сводятся только к буквальному «заполнению текстового поля», читатель не сможет адекватно воспринимать представленный материал. При данной оценке не может быть, и верифицирована новизна исследования, а также теоретическая, и практическая значимость данного исследования. Работа имеет явно формальный характер, ссылочный блок не имеет должной научной аналитики: например, «словари Cambridge English Dictionary, Dictionary.com, Collins English Dictionary рассматривают fake news в качестве существительного (= false stories that appear to be news, spread on the internet or using other media, usually created to influence political views or as a joke / ложные истории, выглядящие как новости, распространяемые в интернете или с использованием других средств массовой информации, обычно создаваемые с целью повлиять на политические взгляды или в качестве шутки). Толковый словарь английского языка Merriam-Webster относит fake news к устойчивым выражениям, в то время как словарь Farlex Dictionary of Idioms включил fake news в ряд фразеологизмов со следующим значением: fabricated news reports presented as authentic. As they aim to drive web traffic to the providing website, they often have provocative headlines (= сфабрикованные новостные сообщения

выдаваемые за подлинные. Поскольку эти новости стремятся привлечь веб-трафик на веб-сайт поставщика, они часто имеют провокационные заголовки)», или «Фразеологизм *be economical with the truth* (= not fully truthful; deceitful, often by manipulating language or omitting certain details) обозначает не столько ошибку, сколько аккуратность человека в выборе средств выражения, с возможным опущением или не освещением полной информации, что рассматривается как манипуляция. *I wouldn't trust him—everyone says he's economical with the truth* (= Я бы ему не доверял — все говорят, что он экономичен в правде)» и т.д. Работа не обладает должной конкретизацией темы, нет и вероятного раскрытия темы. Данный материал довольно сложно использовать в режиме практического использования, нет в данном случае и серьезных теоретических наработок. Выводы по тексту также очень формальны: «1. Словосочетание *AI hallucinates* используется для определения сбоя работы программы, которая имитирует человеческие способности. Само выражение, несмотря на идиоматичность значения, фиксацию во фразеологических словарях английского языка пока не получило. 2. Учитывая исконное предназначение искусственного интеллекта, ошибка в работе программы (*AI hallucinates*) следует рассматривать только с позиции технического сбоя, а не предвзятого отношения, что присуще человеку. 3. Причастность человека к изложению не совсем правдивой информации, намеренно искаженной или представленной в качестве альтернативной, можно проследить на примерах использования фразеологизмов с компонентом «правда» (*truth*)». Материал, на мой взгляд, нуждается в серьезной доработке, большая часть позиций должна быть конкретизирована. Автору целесообразно определиться с целью исследования, определиться с задачами, несомненно, конкретизировать и методологию. В данном виде рецензируемая статья «Фразеология значения «правда»: дух технологии, нечаянная ложь или альтернативные факты» не может быть рекомендована к открытой публикации в научном журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Фразеология значения «правда»: дух технологии, нечаянная ложь или альтернативные факты», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной. Автор обращается к изучению фразеологии современного английского языка, а именно к развитию фразеологического значения у терминологических сочетаний.

Отметим, что в исследовании автор рассматривает как теоретическую основу затрагиваемого проблемного поля, так и практическую проблематику. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Структурно статья состоит из нескольких смысловых частей, а именно: введение, обзор литературы, методология, ход исследования, выводы.

Однако, при знакомстве с текстом статьи возникает некий диссонанс содержания и заголовка. Считаем, что содержание рукописи не отражает в полной мере проблематику, заявленную в заголовке.

Во введении автор вводит понятие «общественный дискурс», не поясняя его, в результате чего возникает вопрос, а исследованию в статье подвергается дискурс или

все-таки фразеология? Соответственно, в русле стилистики или лексикологии ведется исследование?

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Отметим скрупулёзный труд автора по отбору материала и его анализу.

Однако, как и любая крупная работа, данная статья не лишена недостатков. В работе автором приводятся англоязычные примеры, но неясен объем языкового корпуса, отобранного для исследования, и принципы выборки. Нет лингвостатистических данных, подтверждающих частотность употреблений приводимых лексических единиц.

Кроме того, обратим внимание на качество библиографического списка. Так, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации (в списке из научных источников только 1 статья). Отсутствуют научные работы на английском языке, что странно, при исследовании, собственно, англоязычного корпуса.

Технически не соблюдено единое шрифтовое выделение текста.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является практикоориентированной, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Фразеология значения «правда»: дух технологии, нечаянная ложь или альтернативные факты» рекомендована к публикации в журнале из перечня ВАК, после внесения правок: 1) усиления теоретической составляющей работы в тексте и расширение библиографии, в том числе апелляция к работам зарубежных исследователей, 2) обращения к истории изучаемого вопроса в вводной части, 3) уточнения заголовка статьи.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Пархаева М.П. Αἰγίλωψ (эгилопс) в ботанических трактатах Феофраста // Litera. 2024. № 7. С. 231-239. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.71304 EDN: SMZYPR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71304

Αἰγίλωψ (эгилопс) в ботанических трактатах Феофраста

Пархаева Мария Павловна

преподаватель; кафедра классической филологии; Московский Государственный Лингвистический
Университет

115516, Россия, г. Москва, ул. Бакинская, 29, кв. 92

✉ masha1512@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.7.71304

EDN:

SMZYPR

Дата направления статьи в редакцию:

20-07-2024

Дата публикации:

28-07-2024

Аннотация: В статье исследуется древнегреческое название растения αἰγίλωψ (эгилопс) с точки зрения семантики и этимологии. Основное внимание уделяется ботаническим трактатам Феофраста «История растений» и «О причинах растений», поскольку в них содержатся наиболее подробные описания эгилопса, позволяющие сравнительно точно идентифицировать данное растение с реально существующими биологическими видами. Исследование показывает, что слово αἰγίλωψ как ботанический термин имеет в древнегреческом языке три лексических значения, которые в общих чертах можно обозначить как «вид дуба», «вид злака» и «луковичное растение». Заимствованное в латинский язык, слово продолжает использоваться в указанных значениях. В современной ботанической номенклатуре термин также используется для обозначения травянистых растений рода *aegilops*, а применительно к виду дубов термин считается устаревшим. Сравнительный анализ контекстов из сочинений Галена, Диоскорида, Плиния и прочих античных авторов позволяет сделать более точные выводы

относительно идентификации биологических видов. Изучение морфемного состава прочих древнегреческих фитонимов проливает свет на этимологию исследуемой лексики. Точно установлено, что αἰγίλωψ в первом значении указывает на Эгилопс овальный и что конкретизировать третье значение исследуемого термина не представляется возможным. Вопрос же о том, с каким именно видом дуба соотносится второе значение слова, является дискуссионным, однако представляется наиболее вероятным, что Феофраст описывает Дуб черешчатый. В статье подробно рассматриваются конкретные виды растений, на которые указывает или может указывать исследуемый термин, а также приводится новая версия происхождения данного названия, учитывающая наличие третьего значения (луковичное растение), так что для вида дуба и вида злака не строятся различные этимологические ряды, как это делалось ранее, а приводится единая цепочка: αἶξ → αἰγίλος → αἰγίλωψ.

Ключевые слова:

эгилопс, феофраст, древнегреческий язык, этимология, ботаника, злаки, дубы, названия растений, окончания фитонимов, сравнение

Введение

В ботанических трактатах «История растений» и «О причинах растений» Феофраст, греческий ученый IV в. до н.э., рассказывает о множестве различных видов растений: он подробно описывает их строение, особенности, использование. Одним из аспектов, представляющих интерес для классической филологии, является ботаническая номенклатура. Для лексикологии ее исследование важно постольку, поскольку позволяет понять, о каком растении идет речь, как стоит переводить то или иное античное название. Также интересно то, с помощью каких языковых средств в античности создавалась ботаническая терминология и, в частности, названия растений. Очевидно, не последнюю роль в их изучении играет этимология. Данная работа посвящена исследованию лексики αἰγίλωψ (эгилопс): мы постараемся выяснить, каково ее значение (или значения), как это название образовано, насколько употребительно и с какими трудностями сталкивается исследователь Феофраста при описании этого растения.

1. Лексема αἰγίλωψ

Слово αἰγίλωψ многозначное: все исследователи и авторы словарей согласны в том, что оно может обозначать, во-первых, один из видов дуба, во-вторых, травянистое растение семейства Злаки и, в-третьих, некую язву в глазу. У Феофраста оно используется только в первых двух значениях: пять раз в качестве названия дуба и четырнадцать раз в качестве наименования злака. В трактате «О причинах растений» αἰγίλωψ обозначает исключительно злаковое растение. Отметим, что стандартная словарная форма слова – αἰγίλωψ, αἰγίλωπος.

Многие исследователи упускают еще одно возможное значение αἰγίλωψ: луковичное растение. У Феофраста оно не встречается. Оно есть только у Плиния Старшего. Приведем цитату: «*reliqua genera bulborum differunt colore, magnitudine, suavitate, quippe cum quidam crudi mandantur... genera Graeci haec fecere: bolbinen, setanion, opitiona, cyca, aegilopa...*» (19.95). Контекст из перечня непонятных и порой непередаваемых названий без всякого описания не позволяет определить, о каком луковичном растении идет речь.

2. Другие контексты с исследуемой лексемой

До Феофраста исследуемая лексема нигде не встречается, что подтверждает и Хинденланг [1, с. 175]. Самое раннее после Феофраста упоминание об αἰγίλωψ мы находим у Филона Византийского (Филона механика), III в. до н.э. Он пишет, что эгилопс представляет собой хорошую пищу и лечит дизентерию (Πολιорκητικά, 89.47). Точно неясно, какое именно растение имеется в виду. Как известно, желуди с некоторых видов дуба съедобны. Род Эгилопс является ближайшим родственником пшеницы, эти злаки скрещивают между собой, так что речь вполне может идти и о травянистом растении. С другой стороны, это может быть и съедобная луковица.

Далее исследуемая лексема встречается в поэме Никандра Колофонского – «Θηριακά» (II в. до н. э.). Примечательно, что здесь мы сталкиваемся с гласным «ο» в основе исследуемого слова: «□μρίγα δ' α□γίλοπος τε χελιδονίου τε πέτηλα » (Nicander, Theriaca 857). Нестандартная форма используется также у Орибасия и в схолиях к Никандру: «α□γίλοπας κα□ □λωπεκίας □□ται» (Oribas., Libri ad Eunapium, 2.1α, 10 – здесь медицинское значение), «α□γίλοπος· βοτάνη □στ□ □ α□γίλωψ » (Schol. Nic. 857a). Возможно, Никандр Колофонский допустил замену «ω» на «ο» metri causa, иначе слово бы просто не укладывалось в гекзаметр, а впоследствии этот вариант переключился к Орибасию и, разумеется, в схолии. К сожалению, из приведенных контекстов едва ли возможно понять, о каком именно растении идет речь.

У Галена (II в. н.э.), помимо болезни, эгилопс несколько раз встречается в значении «злаковое растение»: в трактатах «De alimentorum facultatibus» (6.552; 6.516) и «De simplicium medicamentorum temperamentis ac facultatibus» (11.815). Диоскорид в «De materia medica» (I в. н.э.) тоже описывает эгилопс как злаковое растение, сравниваемое с пшеницей (4.137). Этот труд ценен тем, что автор, помимо всего прочего, перечисляет известные ему названия описываемого вида. Для эгилопса Диоскорид приводит следующие синонимы: α□γιλάδη, σιτόσπελλος, □κρόσπελλος, σιφώ (или σιφώνιον), βρόμος, □βήνα, γυμνάθ. Того, что так может называться еще и дуб, он не упоминает. В «Euporista vel De simplicibus medicinis» Диоскорид описывает некое обезболивающее средство из ячменной муки, «вечнозеленого растения» (□είζων) или эгилопса (1.228.2). Очевидно, читателю должно было быть ясно, что это за растения. Более поздним авторам, судя по всему, было не очень понятно, что такое эгилопс. Например, в лексиконе Гесихия Александрийского (V-VI вв. н.э.) говорится, что это некое (τις) похожее на колос растение (A1717). □τυρολογικ□ν Μέρη (XII в. н.э.) сообщает, что это просто какая-то трава (28). А в схолиях к идиллиям Феокрита приводятся интересные сведения: там комментируется слово «φαγοί» – дубы (9.20) и перечисляются шесть видов дубов, в т.ч. φηγός и α□γίλωψ (9.20/21a.1). Возможно, комментатор был знаком с трудами Феофраста, который говорит, что дубов много, некоторые выделяют четыре, некоторые пять видов, иногда тот же вид имеет разные названия (Hist. plant. III, 8.2).

В латиноязычной литературе эгилопс описывается только в «Естественной истории» Плиния Старшего. Помимо дуба (16, 6, 13) и злака (18.155; 26.130) данное наименование упоминается и в списке луковичных растений (19.95). Он является единственным автором, в чьих трудах встречаются все три значения эгилопса как ботанического термина.

3. Эгилопс – вид злака

Б. Эйнарсон и Дж. Линк, издатели и переводчики «Причин растений», в качестве английского аналога для αἰγίλωψ используют слово *flaver-grass* [21]: однако это не ботанический термин, а общее обозначение «дикого овса», т.е. просто злакового растения. А. Хорт в «Истории растений» это наименование не переводит, давая транслитерированную форму – aigilops. В индексе растений его издания с этим названием соотносится *Aegilops ovata* – **Эгилопс овальный** [3, с. 438]. М. Е. Сергеев, издательница русского перевода «Истории растений», придерживается такого же мнения и переводит αἰγίλωψ как *эгилопс овальный* или просто *эгилопс* [4].

Издатели этимологических словарей, например, Шантрэн [5, с. 30], также идентифицируют эгилопс Феофраста с **Эгилопсом овальным**, ссылаясь на Штремберга. На всякий случай уточним, что ранее выделялись некоторые подвиды этого вида, ныне относимые к виду Эгилопс трехдьюмовый, *Aegilops triuncialis* L. Интересно отметить, что Фасмер называя родственными славянские названия овса и латинское «avena», считает их происходящими, возможно, от *avignā и сближает их с греческим αἰγίλωψ [6].

Вероятно, это название состоит из двух элементов, и первый содержит в себе корень – αἰγ-. Сергеев поясняет его этимологию так: существует неизвестное нам травянистое растение αἰγίλος, которое очень любят козы (αἰγες), элемент -ωψ означает, что описываемое растение внешне похоже на αἰγίλος [4, с. 587]. Вероятно, такое объяснение сложилось еще в античности, т.к. αἰγίλος упоминается у Феокрита и в схолиях поясняется, что – это кустарники, θάμνοι, среди которых пасутся козы.

Р. Бекек транслирует ту же идею (со ссылкой на Штремберга), считая ее «абсолютно корректной» [7, с. 32]. Про корень αἰγ- он ничего не говорит, а Шантрэн пишет об этом вполне ясно [5, с. 30]. Фриск называет αἰγίλος «Ziegenpflanze» – «козья трава».

У Феофраста, как ни странно, αἰγίλος не встречается. Это может объясняться тем, что αἰγίλος и αἰγίλωψ обозначают одно и то же растение, т.е. это синонимы. Такого мнения придерживается Фриск [8, с. 32]. Монтанари считает так же [9, с. 47]. Вероятно, это на самом деле одна и та же «козья трава», и либо данное животное очень любит это растение (эгилопс – это хорошее кормовое растение), либо животное с ним сравнивается. Впрочем, нельзя исключать и того, что αἰγίλος – это похожий вид, который Феофраст по каким-то причинам не описал.

Конечно, можно усомниться в том, что в названиях присутствует корень, связанный с козой. Это может быть «народная этимология». С другой стороны, в древнегреческом есть и другие примеры похожих названий растений: νό-πιξος, τραγ-άκανθα. В русском языке тоже встречаются названия, странным образом сопоставленные с животными (гусиный лук) и в т. ч. с козой (ива козья, бобовое растение козлятник, гриб козлёнок).

4. Эгилопс – вид дуба

Больше всего трудностей вызывает αἰγίλωψ в значении «дуб». Во-первых, исследователи расходятся относительно того, какое именно растение описывает Феофраст.

Существует латинское название – *Quercus aegilops*. В современной ботанике это синоним для названия подвида **Дуба таворского** – *Quercus ithaburensis* subsp. *macrolepis*. Никто из исследователей не ассоциирует *Quercus aegilops* с эгилопсом Феофраста. По всей видимости, античный ученый описал и этот вид дуба, но он называл его φηγός. Дело в том, что Карл Линней и «отцы ботаники» довольно часто черпали названия для

биологических видов из трудов античных писателей, однако использованное ими наименование далеко не всегда соответствовало тому, что под ним понимали греки и римляне.

Желая как-то отличить два эгилоса, М. Е. Сергеенко передает в переводе название дуба латиницей – *aigilops*, в ее индексе названий растений он, однако, не значится. В примечаниях к третьей книге «Истории растений» она сообщает, что на основании ряда признаков можно полагать, что αἰγίλωψ Феофраста – это или *Quercus pedunculata* (в современной систематике это **Дуб черешчатый**, *Quercus robur* L.), или *Quercus sessiliflora* (он же *Quercus petraea* (Matt.) Liebl.) – **Дуб скальный** [4, с. 398-399]. А. Хорт, также основываясь на внешних признаках растения, считает, что Феофраст описывает *Quercus Cerris* (**Дуб австрийский**, он же **Дуб турецкий**) [3, с. 438]. Другие исследователи считают, что αἰγίλωψ – это все же *Quercus robur* L. [10, с. 30].

Во-вторых, большинство ученых склоняются к мнению, что эгилос в первом и во втором значении – это омонимы с различной этимологией, причем этимология эгилоса-дуба вовсе не очевидна. Фриск пишет, что первая часть исследуемой лексемы такая же, как в словах αἰγείρος (черный тополь) и αἰγάνη (копье, дротик), в последнем слове с выделяет корень *aik- [8, с. 30-31]. Бекес считает эту идею сомнительной, но тоже выделяет индоевропейский корень *aik- [7, с. 32], обозначающий крупное дерево, как в немецком *Eiche* (дуб) или латинском *aesculus* (дуб, каштан). Примечательно, что речь идет о совсем разных деревьях. Похожие замечания в статье об αἰγάνη мы видим и у Боисака. Но он сближает эгилос-дуб и αἰγάνη через корень *aig- со словами αἰγί (блеск, факел) и αἰγίς (буря) [11, с. 20-21].

Иванов и Гамкрелидзе тоже соотносят исследуемое название с праиндоевропейским корнем *aik-, который заменяет изначальное название дуба. Ценным является их замечание о том, что название дуба подвергалось табуированию в ряде индоевропейских диалектов путем его замены словами, чья этимология ныне бывает не ясна. [12, с. 617-619].

Фриск и Бекес сообщают, что вторая часть лексемы может связываться со словом λῶπη – плащ или скорлупа, кожа. Аргументируя свою позицию, ученые ссылаются на мнение Кретшмера, который приводит в качестве параллели Феофрасту цитату из «Естественной истории» Плиния: «*aegilops fert pannos arentes ... non in cortice modo, verum et e ramis dependentes*» (16, 6, 13). Дело в том, что сам Феофраст пишет, будто на эгилосе часто растет нечто, напоминающее светлые лохмотья, которые некоторые называют мхом (Hist.plant. III, VIII.6). Выходит, эгилос буквально значит: некое «дерево в плаще» или «одетое дерево». Этот вариант этимологии является наиболее распространенным.

Метафорические названия встречаются у Феофраста довольно часто [13]. Несмотря на это, здесь следует сделать ряд оговорок. Дело в том, что в названиях растений, представляющих собой композиты, корень слова, обозначающего некое растение, обычно стоит на втором месте: πικρό-δρυς, ππο-σέλινον, κοκκυ-μηλέα, κυνό-πρῶδον, θηλι-κράνεια. В этой связи αἰγίλωψ с предполагаемым корнем *aik- выглядит довольно нестандартно. Также необычно, что λῶπη – гомеровское слово, для прозы более характерен дериват λῶπιον (одежда). Кроме того, получается так, что ни одну из предложенных этимологий мы не можем достоверно связать с еще одним значением слова – «луковичное растение».

Описываемое значение со ссылкой на Плиния указывается у Монтанари [9, с. 47] и в

Оксфордском словаре латинского языка [14, с. 62]. К сожалению, этот эгилопс ни в одном из этимологических словарей не рассматривается. Безусловно, это греческое наименование, о чем упомянул и сам Плиний, и его происхождение должно быть связано с описанными выше эгилопсами. В таком случае у нас есть два пути. Первый – нужно «приписать» этимологию луковичного к злаку или к дубу. Второй – представляется вполне вероятным вывести общую этимологию для всех трех растений.

5. Еще один возможный вариант этимологии

Не следует пренебрегать возможностью связать этимологию дуба αἰγίλωψ с корнем αἰγ- (коза), как и в случае со злаком, хотя такая идея выглядит гораздо менее изощренной. Дворецкий считает элемент αἰγ- в сложных словах связанным с корнем αἰγ- [15, с. 46]. Правда, в большинстве случаев этимология таких слов очевидна: например, αἰγίπυρος – пшеница, где любят пастись козы.

Стоит обратить внимание, что в ботанических трактатах Феофраста довольно часто встречаются сложные названия растений, первым элементом которых является обозначение животного, например: τραγο-πόγων (*Tragopogon porrifolius* L.), τραγ-άκανθα (*Astragalus parnassi* Boiss.), μού-φονον (*Aconitum anthora* L., 1753.), κύν-ωψ (*Plantago lanceolata* L., 1753.) и т. д. Всего подобных названий, где точно имеется в виду животное, у Феофраста шестнадцать. Как мы видим, в первых двух примерах даже содержится некое сопоставление с козой. Встречаются и простые названия растений, явно указывающие на животное: πρτυξ – перепел (*Plantago major* L.), σπάλαξ – крот (*Colchicum parnassicum* Sart., Orph. & Heldr.). Конечно, мы не всегда понимаем, с чем связано возникновение того или иного названия. Однако существование подобных названий не вызывает сомнения. Не исключено, что наш αἰγίλωψ-дуб следует относить туда же.

Выводя этимологию эгилопса-злака, исследователи отталкиваются от названия αἰγίλος, поскольку это объясняет наличие лямбды в αἰγίλωψ. Ведь если бы это название соотносилось с αἰξ, то оно должно было бы выглядеть как «αἰγώψ», где корень присоединяется непосредственно к другому корню, как, например, в слове αἰγώπος – «с глазами как у козы». Обычно этот корень присоединяется без вставных согласных: μβλώψ – плохо видящий (μβλύς – тупой, ослабленный), γλαυκώψ – совоокая (эпитет, встречающийся у Пиндара), κύκλωψ – циклоп, круглоокий.

Существование таких слов с туманной этимологией, как αἰγίλωψ (в значении «дуб»), θυράλωψ – головня, γυγίλωψ – отек, закупоривающий слезный канал (у Галена), побуждает Бекеса считать, что в них присутствует догреческий суффикс -λωψ [7, с. 563]. Однако очевидно, что слово γυγίλωψ связано со зрением и глазами. Между прочем, оно является синонимом для αἰγίλωψ в медицинском значении. Также существует слово νυκτάλωψ (никталопия, ночное зрение), тоже связанное со зрением и, значит, с корнем -ωψ-.

Не дает Бекес точной этимологии и для медицинского термина αίράλωψ – «место, налитое кровью», «похожий на запекшуюся кровь». Но, как известно, элемент -ωψ не всегда буквально значит «глаза» (ведь и у самого слова πωψ есть значение «внешний вид»), с его помощью часто проводится сопоставление внешнего облика. Поэтому вполне возможно считать, что αίράλωψ – это нечто αίμαῖον (кровоое) на вид. Аргументом пользу этого предположения служит то, что в упомянутом выше слове θυράλωψ Фриск тоже выделяет элемент -ωψ и основу, оканчивающуюся на λ, сопоставляя ее с основой в

словах αἰθαλός, αἰθαλή [8, с. 692]. От этого существительного, в свою очередь, образуется прилагательное αἰθαλώδης – черный, как сажа.

Как мы видим, довольно часто в древнегреческом языке работает следующая система словообразования: имя → имя с основой на λ → имя, означающее «похожий на предыдущий объект». Таким образом, в случае с эгилопсом мы имеем такую же цепочку: αἶξ → αἶγιλος → αἶγιλωψ.

Наконец, следует заметить, что известны и другие наименования биологических видов, образованные с помощью элемента -ωψ: βόωψ – некая рыба с большими глазами [9, с. 402, 392], κύνωψ – **Подорожник ланцетолистный**, *Plantago lanceolata*. Это название подорожника, буквально переводимое как «псоглазый», «похожий на собаку» или «собачий», встречается и у самого Феофраста. В ботанике -ωψ выделяется как стандартный элемент фитонимов, образования с ним используются и в современной номенклатуре [16, с. 265]. А вот элемент -λωψ в названиях не зафиксирован. Более того, следуя логике образования сложных фитонимов в трактатах Феофраста, вторая часть не должна была претерпеть каких-либо изменений (ср. κλωπέκ-ουρος – *Polypogon monspeliensis*, κεντρο-μυρρίνη – *Ruscus aculeatus*, φελλό-δρυς – *Quercus Ilex*), и названия дуба выглядело бы как «αἰγιλώπη».

Из всего сказанного выше следует вывод, что мог существовать один фитоним αἰγιλωψ с одной этимологией, который неким образом соотносил растение с козами и применялся для обозначения трех разных биологических видов. Здесь следует учитывать, что Феофраст при описании растений часто опирался на сведения земледельцев, плотников, ризотомов, так что, несмотря на научный подход и попытку систематизировать знания о мире флоры, он пользуется народными названиями. А народные названия даже у нас сейчас порой могут указывать на абсолютно разные растения. Например, мы называем перцем и лиану **Перца черного** (*Piper nigrum*), и кустик **Перца стручкового** (*Capsicum annuum*), плоды обоих растений мы тоже называем перцем.

6. Одинаковое название – признак внешнего сходства?

Иногда Феофраст рассказывает, почему так названо то или иное растение. Эгилопс он, к сожалению, никак не комментирует. Порой он говорит, что люди используют одно и то же название для чем-то похожих растений. Так, античные путешественники рассказывали о необычных деревьях, растущих в море, и называли их маслинами и лаврами (Hist.plant. IV, 7.2). Современные ученые пришли к выводу, что речь идет о мангровых зарослях.

Нередко уже существующее название начинает использоваться для обозначения другого растения, если последнее является невиданным ранее, экзотическим. Люди естественным образом начинают сравнивать его с привычными растениями, как в случае с манграми. Тем не менее, некоторые названия используются Феофрастом для обозначения совершенно различных растений, распространенных в Средиземноморье, в Греции. Например, κξία у Феофраста это и кустарник **Ремнецветник европейский** (*Loranthus europaeus*) и похожий на чертополох **Атрактилис камеденосный** (*Atractylis gummifera*). Оба растения могут являться паразитами и оба содержат клейкий сок, из которого можно сделать птичий клей – κξός, потому, вероятно, и получили одинаковое название. Метафорические названия, происходящие от других названий в результате переноса значения по сходству – не редкость. У Феофраста насчитывается более двадцати многозначных названий, указывающих на разные растения. Конечно, в большинстве случаев речь идет о близких и очень похожих друг на друга видах, однако это не всегда так. Помимо уже перечисленных наименований можно вспомнить еще один

довольно яркий пример. За наименованием $\lambda\omega\tau\acute{o}\varsigma$ в древнегреческом языке могут скрываться пять различных растений, которые, как пишет Хорт, «have nothing in common but the name»: **Пажитник греческий**, *Trigonélla foenum-graecum*, зизифус, *Ziziphus lotus*, **Клевер земляничный**, *Trifolium fragiferum*, **Кувшинка звездчатая**, *Nymphaea pouchali*, и **Каркас южный**, *Celtis australis* [3, с. 462]. Применительно к каждому перечисленному виду «лотоса» самостоятельных этимологических рядов ученые не конструируют [7, с. 884]. В связи со всем вышесказанным есть основания для того, чтобы рассмотреть возможность полисемии слова $\alpha\pi\acute{\iota}\lambda\omega\psi$: ведь могло случиться так, что в древнегреческом языке название злака стало применяться и для описания особого вида дуба или же наоборот. Поэтому далее мы рассмотрим особенности морфологии (внешнего вида) растений, которые могут выступать в качестве денотата слова $\alpha\pi\acute{\iota}\lambda\omega\psi$, и попытаемся выяснить, нет ли у какого-то из видов дубов некой общей черты со злаком, позволившей бы перенести название с одного растения на другое.

Эгилопс овальный – это однолетнее травянистое растение. Его колосковые чешуи имеют продолговатую яйцевидную форму, за что растение и получило такое название. Характерными морфологическими признаками этого вида являются рудиментарные колоски и длинные ости недлинных коротковолосистых колосков [17].

Переходя далее к эгилопсу-дубу, для начала рассмотрим всё с позиции Хорта, согласно которой Феофраст описывает *Quercus Cerris*. Во-первых, желуди этого дуба покрыты своеобразными чешуйками. В незрелом виде они представляют собой как бы ворсистые шарики. Во-вторых, побеги Дуба австрийского покрыты волосками, имеющими характерную звездчатую форму [18, с. 280, 1059-1060].

Если же мы принимаем точку зрения Сергеевко, согласно которой Феофраст описывает *Quercus sessiliflora (Quercus petraea)*, то этого у дуба мы тоже заметим характерные морфологические признаки: Дуб скальный отличается довольно длинными сережками [18, с. 275, 1075-1076].

Возможно, эгилопс Феофраста – это Дуб черешчатый [10, с. 30]. Почему же тогда Феофраст, а вслед за ним и Плиний Старший обращали внимание на именно его мох? Ведь крупный мох, галлы и растения-паразиты растут и на других видах дубов. Сережки же у него небольшие. Кроме того, Дуб черешчатый у Феофраста обычно называется словом $\delta\rho\acute{\alpha}\varsigma$. Если мы допускаем, что $\delta\rho\acute{\alpha}\varsigma$ – это общее название для дубов, а $\alpha\pi\acute{\iota}\lambda\omega\psi$ это именно Дуб черешчатый, то возникает вопрос: почему позднеантичные авторы забыли название типичного представителя широколиственных лесов Европы? Дело в том, что в южных частях Греции, в т.ч. в Аттике, *Quercus robur* как правило не встречается. Далее отметим, что Феофраст пишет, будто у $\alpha\pi\acute{\iota}\lambda\omega\psi$ самые горькие желуди (Hist.plant. III, 8.2-3). Это говорит о том, что, возможно, греческий биолог Костас Танос прав, поскольку плоды *Quercus robur* тоже несъедобны из-за содержащегося в них танина. Мхом же античные авторы могли назвать, как предлагает Сергеевко, лишайник *Usnea articulata*, который очень чувствителен к экологии и растет только в сырых местах [4, с. 399]. Аргументом в пользу того, что это лишайник, а не сережки, могут быть слова Феофраста о том, что растет он не из глазков и не оттуда же, откуда и желудь, а сбоку сучьев (Hist.plant. III, 8.6). Почему Феофраст считает, что этот лишайник растет только на этом виде дуба, становится ясно, если его деревом-хозяином является именно *Quercus robur*. Ведь Феофраст сообщает, что $\alpha\pi\acute{\iota}\lambda\omega\psi$ – самое стройное, крепкое и высокое дерево, не растущее на возделанной земле. Значит, он мало приспособлен к очень жаркому и засушливому климату, характерному для земледельческих районов

Эллады.

Выходит, дуб и злак могли получить общее название благодаря сопоставлению а) колосьев эгилопса овального с чешуйчатыми плодами и волосками побегов дуба австрийского, б) колосьев эгилопса с длинными, похожими на повисшую траву, сережками дуба скального, в) лишайника уснеи с травинками злака. Также возможно следующее сопоставление: эгилопс и желуди человеком почти не используются в пищу, а для скота это хороший корм.

7. Еще раз об этимологии

Итак, жители античной Греции заметили сходство между образованиями на злаке и дубе и дали растениям одинаковые названия (как в случае с иксией у Феофраста). Вероятно, следует признать наличие подобного сравнения и в случае с луковичным растением.

Далее следует разобраться, какое растение изначально получило название $\alpha\gamma\iota\lambda\omega\psi$. Вряд ли возможно, чтобы три разных вида, как в случае с «лотосом», получили одно и то же название «козье растение» независимо друг от друга. Это противоречит выстроенной нами цепочке $\alpha\iota\chi \rightarrow \alpha\gamma\iota\lambda\omicron\varsigma \rightarrow \alpha\gamma\iota\lambda\omega\psi$: $\alpha\gamma\iota\lambda\omicron\varsigma$ нигде не фигурирует в качестве синонимичного названия дуба или луковичного.

Чаще всего маленький объект сравнивается с уже известным большим объектом и получает название в часть последнего. Наглядным примером служат такие современные названия, как **Дубок мексиканский** (*Trichocoronis rivularis*), дубок (хризантема), березка (циссус). Но иногда и крупные растения получают название в честь маленьких: экзотический для нас арбутус мы часто называем земляничным деревом из-за съедобного ягодоподобного плода, а шелковицу – ежевичным деревом.

Если считать, что наименование эгилопса-дуба было исходным, то получается, что мы имеем дело с неким неочевидным праиндоевропейским корнем, обозначающим крупное дерево. В результате его десемантизации народная этимология связала его с лексемой $\alpha\iota\chi$. Затем в результате метафоризации такое название получили и злак с луковичным растением. К сожалению, из этой цепочки опять выбивается $\alpha\gamma\iota\lambda\omicron\varsigma$.

В качестве названия злака слово $\alpha\gamma\iota\lambda\omega\psi$ выступает гораздо чаще. Поэтому, возможно, название дуба образовалось от него. Тогда представляется логичным, что редко встречающийся в Греции *Quercus robur* получил название от привычного злака на том основании, что плоды обоих растений могут пойти на корм скота. Впоследствии же такое наименование дуба стало малоупотребительным, а в еще более поздние времена авторы перестали представлять, какая именно трава называется эгилопсом.

Заключение

Лексема $\alpha\gamma\iota\lambda\omega\psi$ используется Феофрастом в двух значениях: «злак» **Эгилопс овальный**, *Aegilops ovata*, и «дуб». Это может быть **Дуб скальный**, *Quercus sessiliflora*, **Дуб австрийский**, *Quercus Cerris*, или **Дуб Черешчатый**, *Quercus robur*. Также слово может обозначать некое луковичное растение, но у Феофраста оно не описывается. Впервые исследуемая лексема появляется в ботанических трактатах Феофраста. Далее она встречается у Филона Византийского, Никандра Колофонского, Diosкорида, Плиния Старшего, Галена, Орибасия, Аэция Амидийского, Павла Эгинского, в лексиконе Гезихия, в *Etymologicum Magnum* и в схолиях к Феокриту. Это слово использовалась крайне редко во втором и третьем значении («дуб» – у Феофраста, Плиния и в схолиях, «луковичное» – у Плиния и, возможно, Филона), а в эпоху поздней античности и

Византии не употреблялась вообще. Кроме того, в указанную эпоху стало недостаточно ясным и первое значение.

Классические труды по этимологии гласят, что название эгилопса-злака связано с корнем -αἰγ- (коза – αἶξ, αἰγός) и -ωψ (похожий на вид; ὤψ – взгляд, вид). Считается, оно происходит от названия неизвестного похожего злака – αἰγίλος. Поскольку «эгинос» Феофрастом не описан, мы склонны полагать, что αἰγίλωψ и αἰγίλος – это синонимы и очень близкие растения.

Эгилопс-дуб связывается с индоевропейским корнем *aik- (некое большое дерево) и со словом λῶπη (лохмотья). Ряд аргументов заставляет усомниться в необходимости построения двух различных этимологических рядов. Прежде всего, выстраивать единый ряд побуждает отсутствие отдельной этимологии у луковичного растения αἰγίλωψ. Кроме того, в древнегреческих композитах название животных на первом месте встречается довольно часто, а название растения – наоборот. Далее, для древнегреческого языка перенос названия с одного растения на другое не является редкостью, поэтому второй этимологический ряд здесь далеко не всегда является обязательным. Также важно, что в сложных древнегреческих названиях растений второе слово обычно присоединяется без суффиксов. Наконец, элемент -λωψ в желаемом значении нигде более не встречается, само слово λῶπη более характерно для поэзии, чем для бытового употребления. А элемент -ωψ являет довольно продуктивную модель образования имен, среди которых есть и наименования биологических видов.

Таким образом, если мы согласны с мнением Бекеса и других исследователей, то необходимо выстраивать два различных этимологических ряда, где название злака представляет собой сравнение (похожий на «αἰγίλος»), а название дуба является метафорой («дерево в лохмотьях»). Тогда луковичное придется сравнивать, вероятно, со злаком. Однако более рациональным представляется создание одного этимологического ряда для многозначного слова: αἶξ → αἰγίλος → αἰγίλωψ. Название одного растения может происходить от названия другого, это вполне характерно для Феофраста, в таком случае мы можем говорить об образовании наименования путем сопоставления отдельных признаков растения, тогда одно из значений исследуемого слова представляет собой название-сравнение (с животным), а другое – метафорическое название (перенос по сходству). Поскольку представляется наиболее логичной идея, что дерево эгилопс – это **Дуб черешчатый**, получивший название от злака на основании сопоставления хозяйственного применения их плодов, получается, что αἰγίλωψ-злак – это название-сравнение, образованное с помощью характерного элемента -ωψ, а αἰγίλωψ-дуб – это метафорическое название, образованное на основе переноса значения по сходству.

Библиография

1. Hindenlang L. *Sprachliche Untersuchungen zu Theophrasts botanischen Schriften*. K.J. Trübner, Strassburg, 1910.
2. Theophrastus. *De Causis Plantarum*. Engl. transl. B. Einarson, G. K. K. Link. 3 vol. Loeb Classical Library, London: W. Heinemann, 1976-1990.
3. Theophrastus. *Enquiry into plants and minor works on odours and weather signs*. Engl. transl. sr. A. Hort. 2 vol. Loeb Classical Library, London: W. Heinemann, MCMXVI.
4. Сергеев М. Е. *Феофраст. Исследование о растениях* / Ред. И. И. Толстой, Б. К. Шишкин, пер. М. Е. Сергеев // Сер. «Классики науки». М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
5. Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots*. T. I-IV. Paris, 1968-1980.

6. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*: в 4 т., пер. с нем. М., Прогресс, 1986-1987. [Электронный ресурс] URL: <https://vasmer.slovaronline.com>
7. Beekes R. *Etymological dictionary of Greek*. Vol. I-II. Brill. Leiden-Boston, 2010.
8. Frisk H. *Griechisches etymologisches Wörterbuch von Hjalmar Frisk*. Band I: A-Ko. Heidelberg, 1960.
9. Montanari. F. *The Brill Dictionary of Ancient Greek*. Editors of the English Edition: Madeleine Goh, Chad Schroeder. Under the auspices of the Center for Hellenic Studies, Harvard University. Leiden, Boston: Brill, 2015.
10. Thanos C.A. Theophrastus on oaks. *Botanica Chronika*, 2005, 18(1). Pp. 29-36.
11. Boisacq E. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Heidelberg-Paris, 1916.
12. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. *Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры*. Издательство Тбилисского университета. Тбилиси, 1984.
13. Пархаева М. П. Виды метафор в ботанических трактатах Феофраста // *Stephanos*, изд. Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Т. 54, № 4, 2022. С. 110-116.
14. *Oxford Latin Dictionary*. Oxford: Clarendon Press, 1968.
15. Дворецкий И. Х. *Древнегреческо-русский словарь*: ок. 70 000 слов (в обоих томах) / Сост. И. Х. Дворецкий, ред. С.И. Соболевский; прил. граммат. С. И. Соболевский. М.: ГИС, 1958.
16. Stearn, W. T. *Botanical Latin: history, grammar, syntax, terminology and vocabulary*. 3rd rev. ed. DAVID & CHARLES, Newton Abbot, London, 1983.
17. *Aegilops ovata* L. // Плантариум. Растения и лишайники России и сопредельных стран: открытый онлайн атлас и определитель растений. [Электронный ресурс] URL: <https://www.plantarium.ru/page/view/item/807.html>
18. *Trees of Britain and Europe*. Keith Rushforth. HarperCollins Publishers. London, 1999.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Лексика как основной уровень языковой системы всегда актуален для рассмотрения, анализа и оценки, тем более, если это происходит в режиме синтеза. Как отмечает в начале рецензируемой статьи автор, «одним из аспектов, представляющих интерес для классической филологии, является ботаническая номенклатура. Для лексикологии ее исследование важно постольку, поскольку позволяет понять, о каком растении идет речь, как стоит переводить то или иное античное название. Также интересно то, с помощью каких языковых средств в античности создавалась ботаническая терминология и, в частности, названия растений. Очевидно, не последнюю роль в их изучении играет этимология». Отмечу, что работа посвящена исследованию лексемы αἰγίλωψ (эгилопс): автор же «выясняет каково ее значение (или значения), как это название образовано, насколько употребительно, с какими трудностями сталкивается исследователь Феофраста при описании этого растения». Структура работы дробится на т.н. смысловые блоки, каждый из которых логически связан друг с другом. Отмечу, что текст достаточно информативен, должны информационные включения присуще всей работе, при этом автор дает в данном случае и необходимый комментарий. Например, «слово αἰγίλωψ многозначное: все исследователи и авторы словарей согласны в том, что оно может обозначать, во-первых, один из видов дуба, во-вторых, травянистое растение семейства Злаки и, в-третьих, некую язву в глазу. У Феофраста оно используется только в первых

двух значениях: пять раз в качестве названия дуба и четырнадцать раз в качестве наименования злака. В трактате «О причинах растений» αἰγίλωψ обозначает исключительно злаковое растение. Отметим, что стандартная словарная форма слова – ὁ αἰγίλωψ, αἰγίλωπος», или «До Феофраста исследуемая лексема нигде не встречается, что подтверждает и Хинденланг [1, с. 175]. Самое раннее после Феофраста упоминание об αἰγίλωψ мы находим у Филона Византийского (Филона механика), III в. до н.э. Он пишет что эгилопс представляет собой хорошую пищу и лечит дизентерию (Πολιορκητικὰ, 89.47). Точно неясно, какое именно растение имеется в виду. Как известно, желуди с некоторых видов дуба съедобны. Род Эгилопс является ближайшим родственником пшеницы, эти злаки скрещивают между собой, так что речь вполне может идти и о травянистом растении. С другой стороны, это может быть и съедобная луковица» и т.д. Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом, термины и понятия вводятся в текст с учетом унифицированных коннотаций. Материал имеет явно выраженный практический характер, а также должную научную новизну. Считаю, что и цитации по всей работе выверен, точны: «Б. Эйнарсон и Дж. Линк, издатели и переводчики «Причин растений», в качестве английского аналога для αἰγίλωψ используют слово haver-grass [2]: однако это не ботанический термин, а общее обозначение «дикого овса», т.е. просто злакового растения. А. Хорт в «Истории растений» это наименование не переводит, давая транслитерированную форму – aigilops. В индексе растений его издания с этим названием соотносится Aegilops ovata – Эгилопс овальный [3, с. 438]. М. Е. Сергеенко, издательница русского перевода «Истории растений», придерживается такого же мнения и переводит αἰγίλωψ как эгилопс овальный или просто эгилопс [4]». Положительным моментом исследования является создание т.н. диалога позиций, здесь и критики, и читатели, и собственно сам автор: «конечно, можно усомниться в том, что в названиях присутствует корень, связанный с козой. Это может быть «народная этимология». С другой стороны, в древнегреческом есть и другие примеры похожих названий растений: πνὸ-πιξος, τραγ-άκανθα. В русском языке тоже встречаются названия, странным образом сопоставленные с животными (гусиный лук) и в т. ч. с козой (ива козья, бобовое растение козлятник, гриб козлёнок)». Автор не отходит от темы изыскания, постоянно ориентируясь на предмет изучения: «метафорические названия встречаются у Феофраста довольно часто [13]. Несмотря на это, здесь следует сделать ряд оговорок. Дело в том, что в названиях растений, представляющих собой композиты, корень слова, обозначающего некое растение, обычно стоит на втором месте: πτυρό-δρυς, ππο-σέλιον, κοκκυ-μηλέα, κυνὸ-πρόδον, θηλυ-κράνεια. В этой связи αἰγίλωψ с предполагаемым корнем *aik- выглядит довольно нестандартно», или «Как мы видим, довольно часто в древнегреческом языке работает следующая система словообразования: имя → имя с основой на λ → имя, означающее «похожий на предыдущий объект». Таким образом, в случае с эгилопсом мы имеем такую же цепочку: αἰξ → αἰγίλος → αἰγίλωψ» и т.д. Материал, безусловно, имеет завершённый, цельный характер; работа объемна, интересна. Считаю, что авторская точка зрения полностью раскрыта, манифестирована. Подчеркну еще раз, что материал синкретичен, что весьма интересно для читателя (это показывает также и явную заинтересованность исследователя в теме). Например, как удачно представлено в следующем фрагменте «рождение научной мысли»: «аргументом в пользу того, что это лишайник, а не сережки, могут быть слова Феофраста о том, что растёт он не из глазков и не оттуда же, откуда и желудь, а сбоку сучьев (Hist.plant. III, 8.6). Почему Феофраст считает, что этот лишайник растёт только на этом виде дуба, становится ясно, если его деревом-хозяином является именно Quercus robur. Ведь Феофраст сообщает, что αἰγίλωψ – самое стройное, крепкое и высокое дерево, не растущее на возделанной земле. Значит, он мало приспособлен к очень жаркому и засушливому климату, характерному для

земледельческих районов Эллады». Цель работы достигнута, на мой взгляд, и задачи, которые были поставлены решены. Выводы не противоречат основной части: «Таким образом, если мы согласны с мнением Бекеса и других исследователей, то необходимо выстраивать два различных этимологических ряда, где название злака представляет собой сравнение (похожий на « $\alpha\pi\iota\lambda\omicron\varsigma$ »), а название дуба является метафорой («дерево в лохмотьях»). Тогда луковичное придется сравнивать, вероятно, со злаком. Однако более рациональным представляется создание одного этимологического ряда для многозначного слова: $\alpha\pi\iota\lambda\omicron\varsigma \rightarrow \alpha\pi\iota\lambda\omicron\varsigma \rightarrow \alpha\pi\iota\lambda\omega\psi$. Название одного растения может происходить от названия другого, это вполне характерно для Феофраста, в таком случае мы можем говорить об образовании наименования путем сопоставления отдельных признаков растения, тогда одно из значений исследуемого слова представляет собой название-сравнение (с животным), а другое – метафорическое название (перенос по сходству)». Основные требования издания учтены, материал может быть использован в вузовской практике, а также при написании новых работ смежной тематической направленности; список источников объемлен (но, считаю, в ряде мест возможна техническая правка – стандарт отсылок – страницы). В целом же тезизирую: статья « $\alpha\pi\iota\lambda\omega\psi$ (эгилопс) в ботанических трактатах Феофраста» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ершова И.В. Базовые когнитивные признаки концепта СПОРТ в сознании носителей современного русского языка // Litera. 2024. № 7. С. 244-247. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.43528 EDN: SJXTIJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43528

Базовые когнитивные признаки концепта СПОРТ в сознании носителей современного русского языка

Ершова Ирина Владимировна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра преподавания русского языка в других языковых средах, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37, оф. 223

✉ imilashevskaya@mail.ru[Статья из рубрики "Языкознание"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.7.43528

EDN:

SJXTIJ

Дата направления статьи в редакцию:

07-07-2023

Дата публикации:

28-07-2024

Аннотация: Цель работы – выявить и описать содержание базового слоя концепта СПОРТ, актуальное для современного состояния национального сознания. Предмет исследования составляют лексические средства репрезентации концепта, полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента. В работе использованы описательный, количественный метод, методы компонентного анализа значения слова и концептуального анализа, также применяются методики построения номинативного поля концепта и ассоциативного поля ключевой лексемы «спорт». В исследовании представлен лингвокогнитивный подход к изучению смыслового наполнения концепта: концепт описан в работе как концепт-гештальт, смоделирована его фреймовая структура. В результате предпринятого исследования в содержании базового слоя концепта СПОРТ выделены 4 когнитивных признака, сформулированных с опорой на

данные лексикографических источников и верифицированных при анализе материалов ассоциативного эксперимента. Полученные в ходе работы данные могут быть использованы в процессе преподавания лексикологии и когнитивной лингвистики в высшей школе, а также в практике составления толковых и ассоциативных словарей. Новизна исследования обусловлена тем, что проведённый эксперимент позволил обнаружить психолингвистическое значение имени концепта и сделать вывод о том, что спорт концептуализируется в сознании носителей современного русского языка прежде всего как деятельность, направленная на поддержание и укрепление здоровья человека.

Ключевые слова:

когнитивная лингвистика, концепт, содержание концепта, базовый слой, когнитивный признак, свободный ассоциативный эксперимент, ключевая лексема, ассоциативное поле, психолингвистическое значение, русский язык

Спорт — важная составляющая жизни отдельного человека и существования общества в целом. Выражение *национальные виды спорта*, иллюстрирующее статью с заголовочной единицей *спорт* в толковом словаре С. И. Ожегова [1, с. 746], показывает, что спорт выступает фактором, который объединяет людей, проживающих на территории одной страны, благодаря чему появляются популярные, любимые всеми «национальные» виды спорта. Спорт способствует интернационализации человеческого общества, подтверждением чему служит ставшая крылатой фраза «О спорт! Ты — мир!» (название одноимённой, девятой и последней, главы из «Оды спорту», написанной Пьером де Кубертенем в 1912 г.). Приведённые факты свидетельствуют о высокой социальной значимости концепта СПОРТ и делают актуальным его изучение в лингвистике.

В отечественном языкознании есть ряд исследований, освещающих формирование и развитие концепта СПОРТ в русской концептосфере [2], историю его вербализации в русском языке [3], а также посвящённых выявлению метафорического потенциала данного концепта [4; 5]. Однако вопросы языковой объективации и речевой репрезентации концепта СПОРТ, его смыслового наполнения в сознании носителей современного русского языка не получили в них детальной проработки, что обусловило новизну предпринимаемого нами исследования.

Основным средством объективации концепта в языке является его имя — ключевая лексема, номинирующая концепт. Лексема *спорт* — заимствованное существительное (интернационализм) с абстрактным значением. По данным Словообразовательного словаря А. Н. Тихонова, оно является вершиной словообразовательного гнезда, включающего 40 производных слов, в т. ч. сложные прилагательные типа *спортивно-массовый*, *учебно-спортивный* и сложные существительные типа *спортивный инвентарь* [6, с. 155–156], что свидетельствует о достаточной степени освоения, ассимиляции лексемы в русском языке. В Малом академическом словаре (МАС) основное значение полисеманта *спорт* определяется следующим образом: «Физические упражнения (гимнастика, игры, борьба, туризм и т.п.), имеющие целью развитие и укрепление организма. *Конькобежный спорт. Водный спорт. Парашютный спорт.* || Система организации и проведения соревнований и учебно-тренировочных занятий по различным видам таких физических упражнений. *Добиться успехов в спорте. Развитие советского спорта*» [7, с. 229].

Анализ приведённого словарного определения позволяет обнаружить часть смыслового наполнения концепта в процессе когнитивной интерпретации, которая понимается как «мысленное обобщение на более высоком уровне абстракции результатов описания значений языковых единиц, номинирующих концепт, для выявления и словесного формулирования когнитивных признаков, репрезентируемых теми или иными значениями или семантическими компонентами этих языковых единиц, с целью итогового моделирования содержания концепта» [\[8, с. 45\]](#). Когнитивная интерпретация результатов компонентного анализа приведённого словарного значения даёт возможность сформулировать следующие когнитивные признаки (КП) концепта СПОРТ: «вид физической деятельности, физической активности человека» (КП1); «способ/ средство развития и укрепления организма человека» (КП2); «вид физической активности, имеющий разновидности» (КП3); «система организации и проведения соревнований и учебно-тренировочных занятий» (КП4).

С целью верификации выделенных когнитивных признаков с июня 2022 по май 2023 г. проводился свободный ассоциативный эксперимент со стимульной лексемой *спорт*. Участниками эксперимента стали 200 носителей русского языка мужского и женского пола в возрасте от 18 до 65 лет. В ходе эксперимента от респондентов было получено более 80 различных реакций (реакции приведены в порядке убывания их абсолютной частоты): *здоровье (26), бег (16), жизнь (9), сила (9), боль (8), движение (8), Олимпиада/ Олимпийские игры (7), футбол (7), здоровый образ жизни/ ЗОЖ (6), соревнования (4), тренировка/ тренировки (4), труд (4), зал/ спортивный зал/ школьный спортзал (3), йога (3), лыжи (3), пот (3), стадион (3), усталость (3), форма/ спортивная форма (3), физкультура (3), баскетбол (2), кроссовки (2), лень (2), медаль/ медали (2), нагрузка (2), Советский Союз/ СССР (2), усилие (2), бассейн, беговая дорожка, болезни, брусья, велосипед, вода, воздух, волейбол, воля, выносливость, гантели, гимнастика, гора, динамика, достижения, игра, калечит, каторга, каша, кеды, команда, красивая фигура, красота, лёгкая атлетика, лыжник, мир, мускулистые ноги, муштра, мяч, олимпийские кольца, отжимания, площадка, победа, подтянутый, профессиональный, сила духа, скорость, сложно, спортсмен, страдание, танцы, телевизор, травмы, турник, турникмен, тяжело, улица, упражнения, фехтование, фитнес-ленты, хореография, цель, школа, штанга* (всего 200 ответов).

Согласно типологии концептов, предложенной А. П. Бабушкиным [\[9\]](#), СПОРТ — это калейдоскопический концепт, или концепт-гештальт, содержание которого может быть смоделировано, представлено как совокупность фреймов. В классификации, применяемой воронежской школой когнитивной лингвистики, гештальт определяется как «комплексная, целостная функциональная мыслительная структура, упорядочивающая многообразие отдельных явлений в сознании. Гештальт (термин Х. Эренфельса, австрийского искусствоведа конца 19-го века) представляет собой целостный образ, совмещающий чувственные и рациональные элементы, а также объединяющий динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления» [\[8, с. 14\]](#).

Особенностью гештальтов является их способность к вербализации образными, метафорическими средствами языка, а также лексическими единицами с различной степенью абстрактности семантики — от отвлечённых существительных, каким обычно является имя концепта-гештальта, до единиц с максимально конкретным лексическим значением. Ключевые лексемы, номинирующие гештальты, вызывают у носителей языка ассоциации «с чувственно воспринимаемыми явлениями, которые увязываются сознанием в некоторую комплексную картину» [\[10, с. 83\]](#). Спорт, очевидно, является

разновидностью социальной деятельности человека, имеющей цель и результат и протекающей в определённых условиях, что находит своё отражение в содержании моделируемого концепта.

Фрейм «Спорт как процесс» вербализован ассоциатами *движение (8), динамика, скорость, упражнения, отжимания*, эксплицирующими КП1. Реакции *боль (8), труд (4), усталость (3), пот (3), усилие (2), нагрузка (2)* указывают на то, что процесс занятий спортом, как правило, связан со значительным физическим и психическим напряжением. Данный факт также отмечен в энциклопедических источниках, в частности в Большой медицинской энциклопедии [11]: «В физкультуре С. — одна из важнейших составных частей, охватывает весьма разнородные физ. упражнения, требующие часто максимального напряжения и достижения в тот или другой срок определенного совершенства». Реакция *жизнь (9)* позволяет определить спорт как жизненно важный процесс, деятельность, имеющую большую ценность в жизни современного человека (ср. Аристотель: *Движение — это жизнь!*). Реакции *травмы, калечит* выявляют потенциальную опасность спорта как вида человеческой деятельности, особенно большого спорта, т. н. спорта высших достижений.

Фрейм «Цель занятий спортом» представлен реакциями *здоровье (26), сила (9), красота*, эксплицирующими КП2. Ответы респондентов говорят о том, что спорт воспринимается носителями русского языка в первую очередь как средство укрепления здоровья человека и является неотъемлемой частью здорового образа жизни (*здоровый образ жизни/ ЗОЖ (6)*). Спорт улучшает физическое состояние человека, положительно влияет на его внешний вид (*красивая фигура, мускулистые ноги, подтянутый*) и позволяет ему быть социально успешным. Реакции *выносливость, воля, сила духа, цель* доказывают, что занятия спортом развивают волевые качества личности, укрепляют не только тело, но и дух, формируют навыки целеполагания. В Большом толковом словаре Д. Н. Ушакова также содержится указание на то, что занятия спортом, кроме прочего, являются средством улучшения эмоционального состояния, развития и укрепления психики человека: «СПОРТ, спорта, мн. нет, муж. (англ. sport). Физические упражнения, преим. в форме различных игр или состязаний, имеющие целью укрепление организма и развитие психической бодрости. *Водный спорт. Лыжный спорт. Заниматься спортом*» [12, с. 1001].

Фрейм «Виды спорта» репрезентирован реакциями *бег (16), футбол (7), лыжи/ лыжник (4), йога (3), баскетбол (2), волейбол, гимнастика, лёгкая атлетика, танцы, фехтование, хореография*, эксплицирующими КП3. Названия конкретных видов спорта образуют с лексемой *спорт* гиперо-гипонимический ряд, или, по Ч. Филлмору, таксономию, при этом прототипом спорта становится бег. Он является самым «демократичным», доступным большинству видом спорта, что обусловило частоту соответствующей реакции. Популярным у носителей русского языка также является футбол, что нашло своё подтверждение в ходе ассоциативного эксперимента. Лыжный спорт репрезентирован ответами нескольких респондентов, что связано с популярностью и доступностью этого зимнего вида спорта. Ассоциат *физкультура (3)* указывает на то, что спорт, с которым знакомы участники эксперимента, является массовым. Несмотря на невысокую частотность данной реакции (всего 1,5% от общего количества полученных ответов), она отражает системные связи слов в лексике: информация том, что лексемы *спорт* и *физкультура* связаны синонимическими отношениями в лексической системе русского языка, представлена в Словаре синонимов З. Е. Александровой [13, с. 478]. Реакция *команда* отражает тот факт, что виды спорта делятся на командные и индивидуальные, ассоциат *профессиональный* актуализирует противопоставление профессионального (зрелищно-коммерческого) спорта любительскому (некоммерческому).

Фрейм «Спортивные соревнования» представлен реакциями *Олимпиада/ Олимпийские игры (7), соревнования (4), тренировка/ тренировки (4), медаль/ медали (2), достижения, игра, победа*, эксплицирующими КП4. Самым знаменательным событием в мире спорта, судя по частоте ассоциатов, носители современного русского языка считают Олимпийские игры. Также приведённая группа реакций позволяет трактовать спорт как соревновательную деятельность, деятельность соревновательного характера, направленную на достижение высоких результатов, что подтверждается данными энциклопедических источников. Так, в Большой советской энциклопедии [14] указано, что спорт «имеет целью, наряду с укреплением здоровья и общим физическим развитием человека, достижение высоких результатов и побед в состязаниях». Сходная трактовка представлена в Новом словаре иностранных слов [15], где спорт определяется как «комплексы физических упражнений, имеющие целью развитие и укрепление организма человека, его нравственное воспитание и достижение им высоких результатов в соревнованиях, а также система организации и проведения занятий и соревнований по этим комплексам». Неразрывная связь спорта и достижений также отражена в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона [16] в статье с заголовочной лексемой *спорт*: «Первоначально этим словом обозначалось стремление к достижению чего-либо особенно выдающегося в сфере телесных упражнений».

Фрейм «Место занятий спортом» в ходе эксперимента вербализован ассоциатами *зал/ спортивный зал/ школьный спортзал (3), стадион (3), бассейн*. Более общими, широкими по значению являются ассоциаты *площадка, улица, школа*. Данная группа реакций также дополнена именами натурфактов: *вода, воздух, гора*. Фрейм «Спортивные снаряды» репрезентирован реакциями *лыжи (3), беговая дорожка, брусья, велосипед, гантели, мяч, турник, фитнес-ленты, штанга*. Фрейм «Спортивная экипировка» представлен реакциями *форма/ спортивная форма (3), кроссовки (2), кеды*. Фрейм «Спортсмены» вербализован совокупно 3 единичными реакциями: *лыжник, спортсмен, турникмен*. Фрейм «Спортивное питание» представлен единичной реакцией *каша (0,5%)*.

В результате проведённого исследования удалось установить, что в базовый слой анализируемого концепта входят 4 когнитивных признака, представленных 10% и более от полученных в ходе свободного ассоциативного эксперимента реакций. КП1 «вид физической деятельности, физической активности человека» (49 ответов, 24,5%) вербализован ассоциатами, эксплицирующими тот факт, что спорт — это ощутимая нагрузка, которая в различных ситуациях может быть как необходимой, жизненно важной, так и чрезмерной, изнурительной: *жизнь (9), боль (8), движение (8), труд (4), пот (3), усталость (3), нагрузка (2), усилие (2), динамика, калечит, каторга, муштра, отжимания, скорость, страдание, травмы, тяжело, упражнения*. КП2 «способ/ средство развития и укрепления организма человека» (53 ассоциата, 26,5%) репрезентирован реакциями респондентов, позиционирующих спорт как инструмент самосовершенствования, работы над собой, преодоления недостатков и приобретения достоинств: *здоровье (26), сила (9), здоровый образ жизни/ ЗОЖ (6), лень (2), болезни, воля, выносливость, красивая фигура, красота, мускулистые ноги, подтянутый, сила духа, сложно, цель*. 43 реакции (21,5%) представляют КП3 «вид физической активности, имеющий разновидности»: *бег (16), футбол (7), лыжи/ лыжник (4), йога (2), физкультура (3), баскетбол (2), волейбол, гимнастика, команда, лёгкая атлетика, профессиональный, танцы, фехтование, хореография* — и 20 единиц (10%) эксплицируют КП4 «система организации и проведения соревнований и учебно-тренировочных занятий»: *Олимпиада/ Олимпийские игры (7), соревнования (4), тренировка/ тренировки (4), медаль/ медали (2), достижения, игра, победа*. Первые три из перечисленных когнитивных признаков,

судя по частоте репрезентирующих их реакций (более 20% от общего количества), входят в ядро анализируемого концепта.

Полученные в ходе исследования результаты ассоциативного эксперимента были подвергнуты процедуре семной интерпретации, при которой ассоциативные реакции интерпретируются как вербализация отдельных сем слова-стимула [8, с. 38]. Это позволило сделать вывод о том, что доминирующей, наиболее яркой семой в значении существительного *спорт* в коллективном сознании является сема здоровья (*здоровье* (26)). Таким образом, для носителей современного русского языка спорт это прежде всего способ или средство поддержания и укрепления здоровья человека, таково психолингвистическое (психологически реальное) значение ключевой лексемы по данным проведенного эксперимента.

Перспективы дальнейшего исследования содержания концепта СПОРТ связаны с расширением представления о его полевой организации: периферия изучаемого концепта может быть проанализирована и детально описана с опорой на данные ненаправленного цепного (цепочечного) ассоциативного эксперимента, которые станут оптимальным дополнением уже представленных в работе результатов.

Библиография

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1996.
2. Кожевникова И. Г. Формирование и развитие концепта «спорт» в русской концептосфере // Теория и практика физической культуры. 2003. № 2. С. 47–49.
3. Рылов А. С. История вербализации концепта 'спорт' // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 6(2). С. 201–204.
4. Чудинов А. П. Спортивная метафора в современном российском политическом дискурсе // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 2. С. 26–31.
5. Балашова Л. В. Метафоризация спортивной терминологии в современном русском языке // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. № 19(4). С. 374–378.
6. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. Т. 2. М.: Рус. яз., 1990.
7. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 4. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
8. Бабушкин А. П., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика и семасиология. Монография. Воронеж: ООО «Ритм», 2018.
9. Бабушкин А. П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под редакцией И. А. Стернина. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. С. 52–57.
10. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007.
11. Большая медицинская энциклопедия / Под ред. акад. Б. В. Петровского. М.: Советская энциклопедия. 1974–1989. Т. 1–30. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.med-edu.ru/medenc/article/%D0%A1%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82.html> (дата обращения: 11.08.2023).
12. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2005.
13. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. М.: Рус. яз., 2001.

14. Большая советская энциклопедия. В 30 т. / Гл. ред. акад. А. М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/enc/bse/2043981.html> (дата обращения: 11.08.2023).
15. Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов. М.: Азбуковник, 2003. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vsis&wi=15330> (дата обращения: 11.08.2023).
16. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 82 т. и 4 доп. т. / Под ред. проф. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. М.: Терра, 2001. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/9665 (дата обращения: 11.08.2023).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Автор рецензируемой статьи обращает внимание на конституирование концепта СПОРТ в массовом сознании носителей современного русского языка. Выбранная тема исследования достаточно интересна, причем экспериментальная составляющая не только номинативно представлена, но и фактически выдержана. Как отмечается в начале данного научного труда, «основным средством объективации концепта в языке является его имя — ключевая лексема, номинирующая концепт. Лексема спорт — заимствованное существительное (интернационализм) с абстрактным значением. По данным Словообразовательного словаря А. Н. Тихонова, оно является вершиной словообразовательного гнезда, включающего 40 производных слов, в т. ч. сложные прилагательные типа спортивно-массовый, учебно-спортивный и сложные существительные типа спортивный инвентарь, что свидетельствует о достаточной степени освоения, ассимиляции лексемы в русском языке...». Подобные отсылки встречаются на протяжении всей работы, что свидетельствует о полномасштабном разборе вопроса / темы. Материал, на мой взгляд, удачно скомпилирован, внутренняя логика исследования поддерживается должным количеством ссылок, цитатами. Автор смог полностью разобраться, описать и выявить т.н. ядерную и периферийную зоны концепта СПОРТ, дать комментарий, привести ситуативный ряд примеров. Практический ценз работы также объяснен: «с целью верификации выделенных когнитивных признаков с июня 2022 по май 2023 г. проводился свободный ассоциативный эксперимент со стимульной лексемой спорт. Участниками эксперимента стали 200 носителей русского языка мужского и женского пола в возрасте от 18 до 65 лет. В ходе эксперимента от респондентов было получено более 80 различных реакций (реакции приведены в порядке убывания их абсолютной частоты): здоровье (26), бег (16), жизнь (9), сила (9), боль (8), движение (8), Олимпиада/ Олимпийские игры (7), футбол (7), здоровый образ жизни/ ЗОЖ (6), соревнования (4)...» и т.д. Методология исследования не противоречит основным принципам концептологии, серьезных фактических нарушений не выявлено. Стиль сочинения соотносится с собственно-научным типом: например, «анализ приведённого словарного определения позволяет обнаружить часть смыслового наполнения концепта в процессе когнитивной интерпретации, которая понимается как «мысленное обобщение на более высоком уровне абстракции результатов описания значений языковых единиц, номинирующих концепт, для выявления и словесного формулирования когнитивных признаков, репрезентируемых теми или иными значениями или семантическими компонентами этих языковых единиц, с целью итогового моделирования содержания концепта», или «особенностью гештальтов является их способность к вербализации

образными, метафорическими средствами языка, а также лексическими единицами с различной степенью абстрактности семантики — от отвлечённых существительных, каким обычно является имя концепта-гештальта, до единиц с максимально конкретным лексическим значением. Ключевые лексемы, номинирующие гештальты, вызывают у носителей языка ассоциации «с чувственно воспринимаемыми явлениями, которые увязываются сознанием в некоторую комплексную картину» и т.д. В заключительном блоке автор тезисует, что «в результате проведённого исследования удалось установить, что в базовый слой анализируемого концепта входят 4 когнитивных признака, представленных 10% и более от полученных в ходе свободного ассоциативного эксперимента реакций. КП1 «вид физической деятельности, физической активности человека» (49 ответов, 24,5%) вербализован ассоциатами, эксплицирующими тот факт, что спорт — это ощутимая нагрузка, которая в различных ситуациях может быть как необходимой, жизненно важной, так и чрезмерной, изнурительной...». Таким образом, можно констатировать, что тема работы раскрыта, основная цель исследования достигнута; основные требования издания учтены. Материал имеет ярко выраженный практический характер, его можно использовать при изучении дисциплин лингвистической направленности. Зафиксировано, что «полученные в ходе исследования результаты ассоциативного эксперимента были подвергнуты процедуре семной интерпретации, при которой ассоциативные реакции интерпретируются как вербализация отдельных сем слова-стимула. Это позволило сделать вывод о том, что доминирующей, наиболее яркой семой в значении существительного спорт в коллективном сознании является сема здоровья (здоровье (26)). Таким образом, для носителей современного русского языка спорт это прежде всего способ или средство поддержания и укрепления здоровья человека, таково психолингвистическое (психологически реальное) значение ключевой лексемы по данным проведённого эксперимента». Данная работа оригинальна, интересна, продумана, конструктивна; она может стать неким образчиком для формирования новых научных проектов смежной тематической направленности. Итогом обозначу: рекомендую рецензируемую статью «Базовые когнитивные признаки концепта СПОРТ в сознании носителей современного русского языка» к открытой публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Цзя Ц. Лексико-семантические особенности метафор в русской и китайской пищевой культуре на примере слова «хлеб» // Litera. 2024. № 7. С. 252-260. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.43501 EDN: SIVQOL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43501

Лексико-семантические особенности метафор в русской и китайской пищевой культуре на примере слова «хлеб»

Цзя Цзюньвэнь

аспирант, институт иностранных языков, Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ verajourney01@163.com

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.7.43501

EDN:

SIVQOL

Дата направления статьи в редакцию:

04-07-2023

Дата публикации:

28-07-2024

Аннотация: Предметом исследования является комплекс теоретических положений и вопросов, касающихся лексико-семантических особенностей метафор в русской и китайской пищевой культуре на примере слова «хлеб». Объектом исследования является метафоры в русской и китайской пищевой культуре на примере слова «хлеб». Цель работы – выявление различий в метафорическом познании между русским и китайским языками путем сравнения лексики и фразеологизмов, связанных со словом «хлеб» и поиск эквивалентных слов в китайском языке. Методы исследования – метод анализа, сравнения, логического рассуждения. Результаты: доказано, что слово «хлеб» используется в переносном смысле шире в русском языке, чем в китайском. В русском языке есть фразеологизмы, содержащие слово «хлеб», которых нет в китайском языке. В китайском языке есть похожее метафорическое выражение со значением «еда», они

только частично пересекаются в значении. Все эти наблюдения тесно связаны с культурными, географическими и экономическими различиями между двумя языками. Основными выводами проведенного исследования являются: 1) пища является важным носителем различных культур; 2) использование сравнительного анализа метафорического содержания одной и той же лексики и фразеологизмов позволяет выявить, что различные культуры и народы, под влиянием географических и экономических факторов ассоциируют одни и те же слова с различными коннотациями; 3) углубление понимания метафоры «пища» в различных языках и исследование особенностей культуры способствует преодолению барьеров в коммуникации между разными странами. Особым вкладом автора в исследование темы является комплексный подход к выявлению различий в метафорическом познании между русским и китайским языками путем сравнения лексики и фразеологизмов, связанных со словом «хлеб» и поиск эквивалентных слов в китайском языке.

Ключевые слова:

фразеологизм, гастрономия, культура, метафора, китайский язык, русский язык, слово, значение, пища, особенности

Введение

Пища выступает фундаментальной областью культуры, частично формирующей наше представление о мире. Особенности питания оказывают существенное влияние, как на физиологию, так и на психологию человека [\[10, с. 89\]](#).

Кроме того, гастрономия отражает культурные особенности людей и общества [\[11\]](#). Фразеологизмы представляют собой языковые единицы, состоящие из двух или более слов, которые фиксируются своим значением, составом и структурой [\[7, с. 76\]](#). Во фразеологизмах проявляется культурно-национальный колорит [\[9, с. 82\]](#), следовательно, национальные черты сохраняются также в гастрономических фразеологизмах.

Актуальность темы исследования обусловлена широким употреблением лексических единиц и фразеологизмов со семантикой «пища» в обменах между Россией и Китаем. Гастрономическая культура двух стран имеет долгую историю, которая отражается в гастрономической лексике и фразеологии. Для того чтобы способствовать культурному обмену между этими двумя странами, изучение выражений, связанных с понятием «гастрономия», является необходимым и незаменимым.

Исследование метафорического языка объединяет когнитивные, лингвистические и культурные аспекты. В России проводятся многочисленные исследования по метафоре и языку, учеными которых являются В.Г. Гак, Н.Д. Арутюнова, Б.Х. Телия и другие. За пределами России также широко представлена литература по этой теме, исследования которых проводят такие ученые, как Г. Лакофф и М. Джонсон, З. Ковечеш, Р. В. Гиббс, Ю. Нин и другие.

Метафора представляет собой не только риторический прием, но и когнитивный режим [\[5, с. 1\]](#). Согласно Лакоффу, концептуальные метафоры можно разделить на три категории: структурные метафоры, ориентационные метафоры и онтологические метафоры [\[5, с. 1\]](#). Особое значение имеет признание значимых различий в лексике и фразеологизмах с точки зрения метафорического значения в контексте семантики и

культуры. Однако, значение лексических единиц, связанных с одной и той же метафорой, может различаться между двумя народами из-за культурных различий, что может привести к использованию разных объектов в качестве указателей. Поэтому необходимо проанализировать различия в лексиконе, связанном с питанием, между двумя народами. Однако большинство исследований сосредоточены на анализе эквивалентов метафорической лексики в английском языке, в то время как редкие исследования проводились по анализу эквивалентов между китайским и русским языками, особенно тех, которые имеют культурный оттенок.

Для достижения поставленной цели исследования необходимо решить следующие задачи: в первую очередь, определить значение слова «хлеб» в русском и китайском языках, а также выявить метафорические употребления данного слова в русском и китайском языках. Во-вторых, провести анализ метафорических фразеологизмов, содержащих слово «хлеб», как в русском, так и в китайском языках. В-третьих, проанализировать выражения в китайских фразеологизмах, которые имеют те же концептуальные метафоры, что и русские фразеологизмы со словом «хлеб».

В данной статье были использованы следующие **методы** исследования: путем поиска ключевого слова «хлеб» в основных корпусах Китая (BLCU Corpus Center, BCC) (<http://bcc.blcu.edu.cn/>) и России (Национальный корпус русского языка) (<https://ruscorpora.ru>) был составлен новый корпус из предложений, содержащих слова «хлеб/面包mianbao». Также был проведен сопоставленный анализ различий в метафорах лексики «хлеб/面包mianbao», а также метафорических фразеологизмов, связанных с семантикой слова «хлеб», в китайском и русском языках.

Значимостьданного исследования заключается в том, что оно позволяет проанализировать макрокультурные различия с точки зрения микроуровня познавательной перспективы, используя для этого лексику и фразеологизмы, связанные с гастрономической тематикой. Были выявлены отличия между гастрономическими культурами России и Китая в концепте "хлеб", что способствует более глубокому пониманию и эффективной коммуникации между двумя странами.

Обсуждение

«Эквивалентные слова» относятся к словам в китайском и русском языках, которые имеют одинаковое лексическое значение [19, с.41]. Эквивалентные слова могут подвергаться симметричным явлениям, однако зачастую под влиянием культурных факторов они также могут претерпевать асимметричные изменения. Например, хотя в китайском языке существует термин для обозначения "хлеба", это слово не симметрично по отношению к его эквиваленту в русском языке, если рассматривать их использование в контексте метафорических выражений. На основе семантической эквивалентности между словами можно выделить три типа эквивалентности: полная, частичная и неэквивалентная [21, с.184]. Исследователи провели исследование различных эквивалентных слов на основе разных языков [18, с.1]. Кроме того, они изучили эквивалентные феномены одного и того же явления или объекта [17, с.84].

Исследования показывают, что лексемы с низкой степенью эквивалентности представляют большую сложность в усвоении [1, с.299] и переводе [6]. Эквивалентное слово не всегда может быть найдено в переводе, особенно когда речь идет о метафорах. Переносное значение лексики тесно связано с метафорой и метонимией [Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. - М., 1977. - с.109-137], а также глубоко зависит

от культурного контекста, что приводит к сложностям в достижении эквивалента при переводе. Как обеспечить сходство метафорических выражений в двух языках? Существует множество факторов, влияющих на различия в метафорах [3, с.197], при этом одним из главных факторов является культурная разница между языками. Концептуальная метафора является общей чертой человеческого познания, основанной на общем восприятии физического пространства и сходстве восприятий и их классификации [Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. - М.: Языки русской культуры. - 1999. - с.348]. Однако благодаря разности культурных ценностей, философий, социальных структур и других факторов возникают различия и многообразие в метафорах. Классификация метафор начинается с простых до более сложных, от физических свойств до исторических сценариев. Анализ многообразия метафор должен основываться на общем знании людей: категоризации. Шаги анализа метафор различаются от шагов идентификации метафор [2, с.1], однако важно учитывать шаги идентификации при анализе лексических единиц с метафорическим значением.

Структура анализа метафорических лексем представлена в следующей схеме:
 $\{ \text{метафорическая лексема} \} = \{ [\text{категория}] + [\text{культура}] \}$

Категоризация является основой человеческого познания, понимание и применение метонимии также основывается на категоризации, только с акцентом на других аспектах. Метафора — это проекция между двумя областями (категориями), а метонимия — проекция в рамках одной области (категории). Категории включают физические значения обобщения, основанные на общих восприятиях людей. Но из-за различий в культурных ценностях, социальном контексте и исторических сценариях возникают индивидуальные различия в определении указанных категорий.

В данной статье рассматривается анализ концепта хлеба, одно из распространенных слов в русском языке, на основе данной формулы. Также проводится сравнительный анализ метафорических концептов, сопоставляя соответствующие слова и понимание метафор в китайском языке.

Слово «хлеб/面包» в русском и китайском языках

В китайском словаре понятие "хлеб" представлено двумя иероглифами: «面 mian» (мука: порошок, смолотый из зерен, включая пшеницу) и «包 bao» (баоцзы - паровые пирожки). В китайском языке не существует отдельного иероглифа, обозначающего понятие "хлеб". Словосочетание «面包 mianbao» используется для образования других выражений, таких как «面包圈 mianbao quan» - хлеб в форме кольца, который жарят или пекут, и «面包车 mianbao che» - пассажирский автомобиль малого или среднего размера, прямоугольной формы, названный так из-за внешнего вида, напоминающего хлеб. Стоит отметить, что понятие "хлеб" не возникло в Китае, где есть похожий продукт питания - «маньтоу» (хлебце, приготовленный на пару; пресная булочка, приготовленная на пару).

$\{ \text{хлеб/面包 mianbao в китайском языке} \} = \{ [\text{Пищевой продукт, выпекаемый из муки, растворенной в воде}] + [\text{символ прекрасной жизни}] \}$

$\{ \text{хлеб/面包 mianbao в русском языке} \} = \{ [\text{Пищевой продукт, выпекаемый из муки, растворенной в воде}] + [\text{зерно}] + [\text{средство к существованию}] + [\text{символ теплого приема}] \}$

Категория хлеба относится к общеизвестным знаниям человечества, поэтому русский язык и китайский язык одинаковы. Однако в культурном аспекте имеются различия между русским и китайским языками, которые связаны с различиями в опытных

характеристиках метафорических концептов. В Китае период введения хлеба был недолг, поэтому хлеб в Китае стоит выше по цене, чем другие основные продукты (маньтоу, рис), следовательно, хлеб часто используется как метафора благополучной жизни. В то же время, в России хлеб был известен давно, и для русских он является неотъемлемой частью повседневного питания, при этом хлеб относительно дешев, поэтому он является символом гостеприимства и имеет важное значение.

Таблица 1: “Хлеб/面包 mianbao” в китайском языке, полученная из корпуса ВСС

значение "хлеб/面包" в китайском языке	частота	процент
переносное значение	93	0.93%
буквальное значение	9907	99.07%
общий итог	10000	100.00%

Из 10 000 предложений, содержащих слово “хлеб”, загруженных из китайского корпуса, только 93 китайских слова “хлеб” имеют переносное значение, основанное на концептуальных метафорах. В данной метафоре китайское слово “хлеб” употребляется в контексте обеспечения материального благополучия. Этот концепт был заимствован из фильма России под названием “Ленин в 1918 году”. Более того, все переносные значения слова “хлеб” используют структурные метафоры.

На примере: «面包会有的, 一切都会有的 mianbao hui you de, yiqie dou hui you de» («Хлеб будет, все будет»), это распространенное выражение на китайском языке, которое включает в себя метафору. Оно отражает символическое значение хлеба для достижения благополучия и процветания в жизни. В китайской культуре хлеб рассматривается, как символ изобилия и богатства.

Среди указанных 10 000 предложений, не было обнаружено фразеологизмов с использованием слова “хлеб/面包 mianbao” в китайском языке. Стоит отметить, что хлеб присутствует в России на протяжении значительно более длительного периода, чем в Китае. Русский хлеб и поныне остается одним из главных продуктов питания для местных жителей, следовательно, в отличие от Китая, русское слово “хлеб” имеет гораздо более широкий смысловой диапазон в языковом контексте.

Таблица 2: Слово “хлеб” в русском языке на основе материалов корпуса “Национальный корпус русского языка”.

слово1	слово2	частота	процент
хлеб	есть	1353	11.55%
хлеб	соль	1197	10.22%
хлеб	черный	591	5.05%
хлеб	масло	565	4.82%
хлеб	белый	563	4.81%
хлеб	цена	504	4.30%
хлеб	цена	504	4.30%
хлеб	насущенный	501	4.28%
хлеб	хлеб	369	3.15%
хлеб	молоко	354	3.02%
хлеб	зарабатывать	344	2.94%
хлеб	печь	334	2.85%
хлеб	масс	306	2.53%

хлеб	мясо	290	2.53%
хлеб	мясо	296	2.53%
хлеб	продавать	288	2.46%
хлеб	покупать	274	2.34%
хлеб	вино	274	2.34%
хлеб	сахар	255	2.18%
хлеб	резать	216	1.84%
хлеб	сеять	214	1.83%
хлеб	колбаса	205	1.75%
хлеб	нарезать	198	1.69%
хлеб	сыр	196	1.67%
хлеб	мука	182	1.55%
хлеб	сало	178	1.52%
хлеб	съесть	162	1.38%
хлеб	картошка	152	1.30%
хлеб	пшеничный	147	1.25%
хлеб	скот	128	1.09%
хлеб	даром	121	1.03%
хлеб	карточка	120	1.02%
хлеб	убирать	117	1.00%
хлеб	поднести	116	0.99%
хлеб	каша	116	0.99%
хлеб	черствый	110	0.94%
хлеб	молотить	90	0.77%
хлеб	выпекать	84	0.72%
общий итог		11714	100%

В анализируемом корпусе, состоящем из 11 714 предложений с употреблением слова "хлеб", отсортированных по частоте его сочетания с другими словами, было обнаружено, что переносное значение данного слова занимает значительную долю: "зерно": "сеять хлеб", "убирать хлеб" (1,00%); "средства к существованию": "насущенный хлеб" (4,28%), "зарабатывать хлеб" (2,94%), "даром хлеб есть" (1,03%); "символ теплого приема": "хлеб и соль" (10,22%) и другие. При использовании переносных значений структурные метафоры (например, "средства к существованию"; "символ теплого приема - хлеб") и метонимии (например, "зерно - хлеб") выступают в качестве определяющих элементов.

Фразеологизмы со словом «хлеб» в русском языке

В узком смысле под фразеологизмами понимаются только идиомы - устойчивые сочетания слов, значения которых не определяются значениями входящих в них слов [7, с.76]. В широком смысле фразеология охватывает все устойчивые выражения, включая пословицы [4], поговорки [8, с.205]. Существует различные точки зрения ученых на классификацию фразеологизмов, и данное исследование рассматривает такие фразеологические единицы, которые включены в фразеологический словарь [15]. Из фразеологического словаря «Фразеологический словарь русского литературного языка» А. И. Фёдорова (2008) были выделены шесть групп фразеологизмов с употреблением слова «хлеб», образующие в сумме 33 фразеологизма. В русском языке группы фразеологизмов со словом «хлеба» имеют основную метафору, заключающуюся в следующем: средство к существованию (11 фраз) (ДОБЫВАТЬ ХЛЕБ; ЗАРАБАТЫВАТ

<СВОЙ> ХЛЕБ и т.д.); пропитание (11 фраз) (ПЕРЕБИВАТЬСЯ С ХЛЕБА НА ВОД СБЫВАТЬ С ХЛЕБА кого. и т. д.); близкие отношения (5 фраз) (ХЛЕБ-СОЛЬ ЕСТЬ с кем т.д.); польза (4 фразы) (ДАРОМ ХЛЕБ ЕСТЬ. и т.д.) и другие (2 фразы) (НА КАЗЁННЫ ХЛЕБАХ и т.д.). В них проявляются структурные метафоры, такие как средство к существованию-хлеб, польза, а также онтологические метафоры, например, близкие отношения-хлеб.

Фразеологизмы со словом «рис/米 mǐ» в китайском языках

В китайском языке фразеологизм – «идиоматические выражения», являющиеся зафиксированными словосочетаниями или предложениями в языке, то есть относительно стабильными выражениями, сформированными в результате длительного использования и широкой распространенности среди различных этнических групп. В китайском языке они также называются “shuyu”. Исходя из классификации китайских учёных китайские фразеологизмы должны включать идиомы, пословицы, поговорки, афоризмы [16].

В китайском языке отсутствуют фразеологизмы, содержащие слово "хлеб/面包 mianbao ". Аналогично переносному значению слова "хлеб" в русском языке, в китайском языке также существует иероглиф «米 mǐ» (рис), который выполняет аналогичную метафорическую функцию.

{рис/米 в китайском языке} = {[Растущий обычно на искусственно орошаемой почве в теплом климате злак, зерна которого идут в пищу]+ [зерно]+ [средство к существованию]+ [символ богатства]}

Фразеологизмы со словом «рис/米 mǐ» на китайском языке используют структурные метафоры, такие как *средство к существованию* (为五斗米折腰 wei wu du mi zhe yao: кланяться за пять доу риса, терпеть унижения); *богатство* (鱼米之乡 yu mi zhi xiang: богатые и плодородные земли), а также метонимии, например, *зерно* (斗米数布 dou mi shu bu: ведро риса и фут ткани; небольшое количество зерна и ткани).

В китайском языке отсутствуют фразеологизмы со словом «хлеб». Однако китайское слово «рис/米 mǐ», близкое к метафоре «хлеба» в русском языке, имеет переносное значение как средство к существованию и пропитание. Несмотря на это, различаются метафорические функции: «хлеб» в русском языке может означать «близкие отношения» и «польза», которых нет в китайском «рис», а «рис» в китайском языке может быть связан с концептом «богатства», отсутствующим в русском языке. Фразеологизмы со словом «рис/米 mǐ» на китайском языке используют структурные метафоры, такие как *средство к существованию-рис; богатство-рис, а также метонимии, например, зерно-рис*. Рис — это важный продукт питания для китайцев, особенно для жителей юга страны. Основываясь на опыте культуры питания и использования риса, можно заметить богатое метафорическое значение идиом, содержащих слово "米 mǐ/рис", в то время как нет идиом, содержащих слово "хлеб". Это указывает на то, что опыт является одним из важных условий в метафоре.

Различие функции слова «хлеб/面包» в русском и китайском языках и причины

Следует отметить, что в китайском языке не существует единого эквивалента русского слова "хлеб". Тем не менее, можно отметить наличие лексического пересечения существительного "рис".

Слово	Эквивалентное значение	Неэквивалентное значение
面包 mianbao	Слово	Блины

хлеб/面包 miánbāo	Средство существования; Зерно	близкие отношения; польза
Рис/米 mǐ		богатство

По мнению В.Н. Телия ^[13], фразеологический состав языка является «зеркалом, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание». Именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами и мифологемами, закрепляются и фразеологизируются в языке, и при использовании в устной речи они воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет, служащий для нее «духовной оснасткой» и «психологическим инструментарием». ^[14] Два языка - китайский и русский - содержат в своих лексиках важные термины, связанные с культурой питания, но каждая этническая группа использует собственные термины. Из вышеизложенного следует, что для россиян слово «хлеб» имеет основное, но важное значение, и они относятся к этому продукту положительно. В свою очередь, для китайцев 米/рис ассоциируется с понятием «положительной оценки».

Различия концепта и метафоры о «хлебе» в русском и китайском языках обусловлены разнообразием культур двух стран. Во-первых, это связано с природными условиями. В России благоприятные условия для выращивания пшеницы, поэтому хлеб из этой зерновой культуры стал одним из основных продуктов питания россиян. Большая часть посевов риса в Азии распределена в зонах муссонов, где сочетание определенных условий - влажности, тепла и света - создает благоприятную среду для выращивания риса. Во-вторых, географические условия также играют важную роль. Рисовые поля в Азии расположены в основном в среднем и нижнем течении рек, на равнинах, в дельтах и прибрежных районах. Рельеф в этих районах в основном плоский, что удобно для отвода и орошения воды, а источник воды гарантирован. В-третьих, экономическое влияние также имеет свою значимость. Производственный процесс выращивания риса является сложным и трудоемким, требующим множества ресурсов для интенсивного земледелия. Восточная Азия, Юго-Восточная Азия и Южная Азия - одни из самых густонаселенных регионов мира, что позволяет использовать дешевую рабочую силу для индустрии выращивания риса в Азии. Изучение фразеологизмов «рис» на китайском языке позволяет получить множество сведений о культуре Китая. В Китае существует Фестиваль лодок-драконов, во время которого люди употребляют рисовые клецки. Кроме того, существуют и другие праздники, связанные с едой «риса», например, на Фестивале фонарей, люди употребляют юаньсяо (вареные колобки из клейкой рисовой муки с начинкой); на празднике Лаба готовят праздничную кашу из риса и бобов. Большинство методов приготовления пищи в Китае относятся к высокотемпературной кулинарии, такой как жарка, обжаривание, варка на медленном огне и др.

Опытные различия формируют разные телесные ощущения, которые в свою очередь влияют на различия в мышлении и языке людей. Примеры таких различий могут быть найдены в метафорической лексике. Культурные различия возникают одновременно как в современных, так и в исторических контекстах. Различия в опыте и историческом фоне приводят к познавательным различиям, что формирует разные метафоры - общие метафоры (физический смысл), метафоры опыта и метафоры истории, последние два фактора являются источником этнических различий в метафорах.

Заключение

Пища является важным носителем различных культур, которые могут быть проиллюстрированы пищевыми фразеологизмами из разных наций. В русском языке

слово «хлеб» широко употребляется и неотделимо от его давней культуры питания, тогда как в китайском языке фразеологизмы со словами «хлеб/面包 mian bao» встречаются гораздо реже. Метафорическая функция «хлеба» составляет значительную часть русского языка, в то время, как «хлеб» в китайском языке занимает лишь очень небольшую долю.

В китайском языке существует слово «米 mǐ/рис», которое имеет метафорическую функцию, аналогичную русскому слову «хлеб». Однако, оба слова обладают фразеологизмами, выражающими одно и то же метафорическое значение, но существуют также и определенные отличия.

Проведение сравнительного анализа метафорического содержания одной и той же лексики, и фразеологизмов, имеющих аналогичную метафорическую функцию в русском и китайском языках через корпус, позволяет выявить, что различные культуры и народы, под влиянием географических и экономических факторов и других факторов, связанных с историей и культурой, ассоциируют одни и те же слова с различными коннотациями.

Углубление понимания метафоры «пища» в различных языках и исследование особенностей культуры способствует преодолению барьеров в коммуникации между разными странами.

Библиография

1. Degani T., Tokowicz N. Ambiguous words are harder to learn. *Bilingualism: Language and cognition*, 2010.
2. Group P. MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse. *Metaphor and symbol*, 2007.
3. Kövecses Z. *Metaphor and culture*. Acta Universitatis Sapientiae, Philologica, 2010.
4. Кунин А.В. *Английская фразеология: теоретический курс*; Москва: Высшая школа, 1970.
5. Lakoff George, Michael Johnson. *Metaphors We Live by*. Chicago: The University of Chicago Press, 2003.
6. Liu M., Kit C., & Su Q. (Eds.). *Chinese Lexical Semantics*. Lecture Notes in Computer Science, 2021.
7. Вендина Т.И. *Введение в языкознание*. Издательство: ЮРАЙТ, 2018.
8. Луиза Галимуллина. Некоторые особенности в переводе фразеологических единиц с английского языка на узбекский язык // *Общество и инновацию*. 2021. № 2 (8). С. 205-213.
9. Маслова В.А. *Лингвокультурология*. М.: Академия, 2001.
10. Михеева Н.Ф, Попова Е.А, Игнашина З.Н. Межвариантные языковые явления в семантическом поле «выпечка»(на материале национальных вариантов испанского языка) // *Научный диалог*. 2022. № (6). С. 89-105.
11. Норманская Ю.В. К проблеме анализа семиотики гастрономической культуры // *Крымское историческое обозрение*. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-analiza-semiotiki-gastronomicheskoy-kultury> (дата обращения: 02.05.2023).
12. Скоморохова С. Структурно-семантическая типология фразеологизмов с конструктивно обусловленным значением. Litres, 2022.
13. Телия В.Н.. *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира* / Отв. ред. Б.А. Серебренников; М.: Наука, 1988.
14. Телия В.Н. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*; М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
15. Фёдоров А.И. *Фразеологический словарь русского литературного языка*: Ок. 13 000

фразеологических единиц (3rd ed.). Астрель: АСТ, 2008.

16. Лю Цзинцзин 刘静静. 也谈“语词分立”[J]. 辞书. Разделение слов и языка. Исследование Словаря. 2011. № 6. С.13-32.

17. Ма Лидун 马立东. 利用语料库和其他网络资源筛选汉语新词的英译对应词——“以人为本”的英译个案研究. 山东外语教学. Отбор соответствующих английских переводов для новых китайских слов с использованием корпусов и других онлайн-ресурсов: кейс-стади «以人为本» // Журнал преподавания иностранных языков в провинции Шаньдун. 2011. № 38(6). С 84-93.

18. Тун Фучжи, Сю Гань. 童富智, & 修刚. 基于语料库的中日对应词语义韵对比研究——以中央文献日译 [坚持 (する)] 为例. 日语学习与研究. Сравнительное исследование семантических рифм слов между китайским и японским на основе корпусов: на примере перевода на японский язык фразы “坚持” в центральных документах // Журнал изучения и исследований японского языка. 2020. № (2). С. 1-8.

19. Ван Чэнлиан 王成亮. 俄汉对应词和不对应词. 俄语学习. Эквивалентные и неэквивалентные слова в русском и китайском языках // Журнал изучения русского языка. 1999. № (5). С. 41-43.

20. Ван Ю. 王优汉英熟语的多维对比研究 [博士, 华中师范大学]. Многомерное сравнение китайских и английских фразеологизмов. Докторская диссертация, Центральный университет Нанкина. 2015. URL: <https://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CDFD&dbname=CDFDLAST2017&filename=1015631602.nh&v=>. (дата обращения: 02.05.2023).

21. Сю Цзин 许静. 浅谈汉英对应词民族文化语义差异与第二语言教学. 西南民族大学学报: 人文社会科学版 Неглубокое обсуждение культурно-семантических различий между китайскими и английскими эквивалентными словами и вторичном языковом обучении // Журнал Юго-Западного университета национальностей: гуманитарные и социальные науки. 2008. № 2. С. 184-186.

22. Янь Вэньпэй 闫文培. 现代汉英俗语对比研究. 北京: 科学出版社 Сравнительное исследование современных китайских и английских сленговых выражений; Пекин: Издательство «Наука и техника», 2010.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Лексико-семантические особенности метафор в русской и китайской пищевой культуре на примере слова “хлеб”», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению китайского языка и культуры в нашей стране.

Как отмечает автор, пища выступает фундаментальной областью культуры, частично формирующей наше представление о мире, а в языковой картине мира носителей русского языка хлеб является концептом, языковой потенциал которого реализован во многих пословицах и поговорках.

Актуальность темы исследования обусловлена широким употреблением лексических единиц и фразеологизмов со семантикой «пища» в обменах между Россией и Китаем. Гастрономическая культура двух стран имеет долгую историю, которая отражается в гастрономической лексике и фразеологии. В статье рассматриваются актуальные проблемы лексикологии и концептологии, через призму лексики двух различных культур - русской и китайской, а именно автор рассматривает тематическую группу слов со значением «хлеб».

Исследование является сопоставительным на материале двух языков. Целью исследования является проведение сравнительного анализа для выявления различия в лексиконе, связанном с питанием, между двумя народами.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В данной статье были использованы следующие методы исследования: путем поиска ключевого слова «хлеб» в основных корпусах Китая (BLCU Corpus Center, BCC)(<http://bcc.blcu.edu.cn/>) и России (Национальный корпус русского языка)(<https://ruscorpora.ru>) был составлен новый корпус из предложений, содержащих слова «хлеб/面包mianbao». Также был проведен сопоставленный анализ различий в метафорах лексики «хлеб/面包mianbao», а также метафорических фразеологизмов, связанных с семантикой слова «хлеб», в китайском и русском языках.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников.

Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом на китайском и русском языках. Автор приводит убедительные данные, используя статистические методы в лингвистическом исследовании.

Библиография статьи насчитывает 22 источника, среди которых представлены научные труды на русском, английском и китайском языке.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

При составлении библиографии автором был нарушен общепринятый принцип ГОСТа.

В статье присутствуют ряд опечаток, например, источник 9 явная опечатка в названии книги, источник 4 –почему передан транслитерацией? По тексту статьи в нескольких местах пропущены пробелы между словами, а сам текст частично требует стилистической правки.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов лексикологии, сравнительному изучению русской и китайской культур, практике китайского языка, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Лексико-семантические особенности метафор в русской и китайской пищевой культуре на примере слова "хлеб"» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Синкретические языковые исследования последнее время становятся не редкостью в научном мире. Фактор интеграции ориентирует авторов на поиск новых путей оценки языка. Компаративный принцип позволяет достичь этой цели, что и можно наблюдать в рецензируемой работе. «Исследования показывают, что лексемы с низкой степенью эквивалентности представляют большую сложность в усвоении и переводе. Эквивалентное слово не всегда может быть найдено в переводе, особенно когда речь идет о метафорах. Переносное значение лексики тесно связано с метафорой и метонимией, а также глубоко зависит от культурного контекста, что приводит к сложностям в достижении эквивалента при переводе». Данный труд ориентирован на полновесное раскрытие лексико-семантических особенностей метафор в русской и китайской пищевой культуре на примере слова «хлеб». Работа имеет унифицированный вид, основная концепция автора объективна, прозрачна. Актуальность темы исследования, как отмечается в начале труда, обусловлена широким употреблением лексических единиц и фразеологизмов с семантикой «пища» в обменах между Россией и Китаем. Действительно, гастрономическая культура двух стран имеет долгую историю, которая отражается в гастрономической лексике и фразеологии. Для того чтобы способствовать культурному обмену между этими двумя странами, изучение выражений, связанных с понятием «гастрономия», является необходимым и незаменимым. Исследователь умело компилирует материал, систематизирует имеющиеся данные: «исследование метафорического языка объединяет когнитивные, лингвистические и культурные аспекты. В России проводятся многочисленные исследования по метафоре и языку, учеными которых являются В.Г. Гак, Н.Д. Арутюнова, Б.Х. Телия и другие. За пределами России также широко представлена литература по этой теме, исследования которых проводят такие ученые, как Г. Лакофф и М. Джонсон, З. Ковечеш, Р. В. Гиббс, Ю. Нин и другие». На мой взгляд, удачно / правильно сформулирована и цель, и задачи данного сочинения. Отмечено, что «для достижения поставленной цели исследования необходимо решить следующие задачи: в первую очередь, определить значение слова «хлеб» в русском и китайском языках, а также выявить метафорические употребления данного слова в русском и китайском языках. Во-вторых, провести анализ метафорических фразеологизмов, содержащих слово «хлеб», как в русском, так и в китайском языках. В-третьих, проанализировать выражения в китайских фразеологизмах, которые имеют те же концептуальные метафоры, что и русские фразеологизмы со словом «хлеб». Материал имеет ярко выраженный практический характер, основные суждения по ходу работы верифицированы. Автор указывает и на методологическую основу работы: «в статье были использованы следующие методы исследования: путем поиска ключевого слова «хлеб» в основных корпусах Китая (BLCU Corpus Center, BCC) (<http://bcc.blcu.edu.cn/>) и России (Национальный корпус русского языка) (<https://ruscorpora.ru>) был составлен новый корпус из предложений, содержащих слова «хлеб/面包mianbao». Также был проведен сопоставленный анализ различий в метафорах лексики «хлеб/面包mianbao», а также метафорических фразеологизмов, связанных с семантикой слова «хлеб», в китайском и русском языках». Не вызывает сомнений и основной блок, указанный как «обсуждение проблемы». Стиль статьи соотносится с научным типом: например, «категоризация является основой человеческого познания, понимание и применение метонимии также основывается на категоризации, только с акцентом на других аспектах. Метафора — это проекция между двумя областями (категориями), а метонимия — проекция в рамках одной области (категории). Категории включают физические значения обобщения, основанные на

общих восприятиях людей. Но из-за различий в культурных ценностях, социальном контексте и исторических сценариях возникают индивидуальные различия в определении указанных категорий», или «категория хлеба относится к общеизвестным знаниям человечества, поэтому русский язык и китайский язык одинаковы. Однако в культурном аспекте имеются различия между русским и китайским языками, которые связаны с различиями в опытных характеристиках метафорических концептов. В Китае период введения хлеба был недолг, поэтому хлеб в Китае стоит выше по цене, чем другие основные продукты (маньтоу, рис), следовательно, хлеб часто используется как метафора благополучной жизни. В то же время, в России хлеб был известен давно, и для русских он является неотъемлемой частью повседневного питания, при этом хлеб относительно дешев, поэтому он является символом гостеприимства и имеет важное значение» и т.д. Автор удачно сочетает в работе аналитический блок, практический и все это обобщает в т.н. графической / визуальной форме. Удачно в работе использованы статические данные: «в анализируемом корпусе, состоящем из 11 714 предложений с употреблением слова "хлеб", отсортированных по частоте его сочетания с другими словами, было обнаружено, что переносное значение данного слова занимает значительную долю: "зерно": "сеять хлеб", "убирать хлеб" (1,00%); "средства к существованию": "насущенный хлеб" (4,28%), "зарабатывать хлеб" (2,94%), "даром хлеб есть" (1,03%); "символ теплого приема": "хлеб и соль" (10,22%) и другие. При использовании переносных значений структурные метафоры (например, "средства к существованию"; "символ теплого приема - хлеб") и метонимии (например, "зерно - хлеб") выступают в качестве определяющих элементов». Они позволяют приблизиться к объективности выводов. Примеры, которые рассматриваются в статье интересны, они правильно подобраны: «Фразеологизмы со словом «рис/米 mǐ» на китайском языке используют структурные метафоры, такие как средство к существованию (为五斗米折腰 wéi wu du mǐ zhē yāo: кланяться за пять доу риса, терпеть унижения); богатство (鱼米之乡 yú mǐ zhī xiāng: богатые и плодородные земли), а также метонимии, например, зерно (斗米数布 dòu mǐ shù bù: ведро риса и фут ткани; небольшое количество зерна и ткани)», или «фразеологизмы со словом «рис/米 mǐ» на китайском языке используют структурные метафоры, такие как средство к существованию-рис; богатство-рис, а также метонимии, например, зерно-рис. Рис — это важный продукт питания для китайцев, особенно для жителей юга страны. Основываясь на опыте культуры питания и использования риса, можно заметить богатое метафорическое значение идиом, содержащих слово "米 mǐ/рис", в то время как нет идиом, содержащих слово "хлеб". Это указывает на то, что опыт является одним из важных условий в метафоре» и т.д. Выводы по тексту созвучны основной части. Автор отмечает, что «пища является важным носителем различных культур, которые могут быть проиллюстрированы пищевыми фразеологизмами из разных наций. В русском языке слово «хлеб» широко употребляется и неотделимо от его давней культуры питания, тогда как в китайском языке фразеологизмы со словами «хлеб/面包 miàn bao» встречаются гораздо реже. Метафорическая функция «хлеба» составляет значительную часть русского языка, в то время, как «хлеб» в китайском языке занимает лишь очень небольшую долю...». Тематический предел раскрыт, цель работы достигнута; основные требования издания учтены. Считаю, что статья «Лексико-семантические особенности метафор в русской и китайской пищевой культуре на примере слова "хлеб"» может быть рекомендована к открытой публикации в журнале «Litera».

Англоязычные метаданные

New media as a subject of political communication

Arutiunian Elina Gegamovna

Master's Degree; Department of International Journalism; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9

✉ elieli-99@mail.ru

Baichik Anna Vitalievna

Doctor of Politics

Professor; Department of International Journalism; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9

✉ a.baychik@spbu.ru

Blochin Igor Nikolaevich

Doctor of Politics

Professor; Department of Theory of Journalism and Mass Communications; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9

✉ i.blokhin@spbu.ru

Petrosyan David Vladimirovich

Doctor of Philology

Professor; Department of New Media and Communication; Yerevan State University

0025, Armenia, Yerevan, Alek Manukyan str., 1

✉ davidpetrosyan@ysu.am

Abstract. The media space is the most dynamic and rapidly developing not only technological, but also economic, cultural, social and political phenomenon of our time, and new communication channels are being formed in the global digital network. The purpose of the article is to analyze new media as a subject of the political process. The subject is new media, and the object is the cultural and political identification of an individual in new media. The novelty of the work lies in the fact that new media are an innovative and extremely important tool in determining cultural and political identity. Countries belong to the same civilization, which means that their culture is based on identical values – this is of fundamental importance, since the effectiveness of the imposed system of values and norms can be realized in a particular country only if the tasks being disseminated are consonant with the values of society. Conceptual, phenomenological and sociolinguistic analysis, the method of system analysis, and the historical and cultural method were used as methods and approaches. As a result of a comprehensive analysis, the following conclusions were drawn: the disseminated values can be effective only if they are in tune with the civilizational model of the region, and on the contrary, the imposed foundations will not effectively affect society if they contradict its civilizational identification and cultural and political affiliation. The actions of an individual and society as a whole are determined by his self-identification, therefore, a political course can be effective in a particular country if the tasks being implemented are consonant with the values of society. This study may be useful for

researchers studying communication in the digital environment, the impact of new media on the agenda, the realization of political goals through online media, as well as for international journalists, diplomats, political scientists and media researchers when writing analytical materials on topics related to the working concepts of the current study.

Keywords: media environment, the concept of smart crowd, hedonic media consumption, digital democracy, mediatization, political identification, cultural identification, political communication, new media, Journalism

References (transliterated)

1. Volodenkov S. Tekhnika raboty v sotsial'nykh setyakh i s resursami Interneta. – M.: Izd-vo «Izvestiya», 2016. – S. 31.
2. Kortunov S. V. Natsional'naya identichnost': Postizhenie smysla. – M.: Aspekt Press, 2009. – S. 34.
3. Markosyan A.A. Sotsial'nye seti – instrument politicheskoi manipulyatsii? // Vlast'. – 2023. – №4. – S. 41-48.
4. Martynov M.Yu., Gaberkorn A.I., Patrioticheskii diskurs v ideologicheskikh trendakh «novykh media» v sovremennoi Rossii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. – 2021. – №4. – S. 104-120.
5. Reingol'd G. Umnaya tolpa: novaya sotsial'naya revolyutsiya. – M.: Fair-Press, 2006. – 416 s.
6. Romadanova S.V., Mukhametshina N.S. Vliyanie neirosetei na formirovanie mediareal'nosti // Vestnik Samarskogo Gosudarstvennogo Tekhnicheskogo Universiteta. – 2023. – №2. – S. 36-40.
7. Rusakova O.F., Gribovov E.G. Politicheskii mediadiskurs i mediatizatsiya politiki kak kontsepty politicheskoi kommunikativistiki // Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk. – 2014. – № 4. – S. 65-77.
8. Fedorova E.V. Mediatizatsiya kak vazhnyi resurs sovremennogo politicheskogo protsessa, napravlennyi na adaptatsiyu politicheskikh sub"ektov k novym formam massovykh kommunikatsii // Vestnik Evraziiskoi nauki. – 2018. – №3. – URL: <https://esj.today/PDF/14ECVN318.pdf> (data obrashcheniya: 20.04.2024).
9. Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsii. – Polis. – №1. – 1994 – S. 33-48.
10. Sharkov F.I. Politicheskaya kommunikatsiya v sovremennom informatsionnom obshchestve // PolitBook. – 2012. – № 2. – S. 121-130.

The duel in the novel "The Captain's Daughter" by A. S. Pushkin

Zhang Yawen

Postgraduate student; Department of the History of Russian Literature; Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1

✉ daniazhang317@gmail.com

Abstract. This article is devoted to study the duel in the novel "The Captain's Daughter" by A. S. Pushkin. It's aimed at revealing the artistic function of the duel episode between Grinev and Shvabrin (in the 3rd and 4th chapters of the novel). "The Captain's Daughter" as one of the Pushkin's most significant works is always the focus of attention in domestic and foreign

science, however, so far there have been few specialized researches devoted to the ideological and semantic content of the duel in the novel. The concept of this article is based on the understanding that Pushkin's historicism not only denotes an accurate recreation of the past, but also often reflects the writer's comprehension of the present – this is the direct theoretical prerequisite which allows the double interpretation of the duel in the novel. The methodology is based on the work analysis with consideration of literary, historical, biographical contexts, and the main methods are cultural-historical, sociological, hermeneutic, and axiological. The author concludes that Pushkin in the novel "The Captain's Daughter" not only recreates the situation of a provincial duel during the Pugachev's Rebellion, but also describes another circumstance that he concerns about – the moral crisis of Russian nobility in the 1830s, and Grinev's behavior contains the writer's sincere call for honor. The scientific novelty of this research is determined by the new approach to the subject: double interpretation of the meaning of the duel between Grinev and Shvabrin is undertaken for the first time, and honor is considered as a key concept which allows to connect history and modernity in the Pushkin's novel. Thus, the study makes a significant contribution to study the artistic function of the duel in the novel "The Captain's Daughter" and extends the understanding of A. S. Pushkin's artistic world.

Keywords: Pushkin, doppelganger heroes, Shvabrin, Grinev, the moral crisis, history and modernity, the nobility, honor, duel, The Captain's Daughter

References (transliterated)

1. Lotman Yu. M. Pushkin: Biografiya pisatelya; Stat'i i zametki, 1960-1990; «Evgenii Onegin»: Kommentarii. SPb.: Iskustvo, 1995. – 845 s.
2. Sidiyakov L. S. Khudozhestvennaya proza A. S. Pushkina. Riga, 1973. – 218 s.
3. Makogogenko G. P. «Kapitanskaya dochka» A. S. Pushkina. L.: Khudozhestvennaya literatura, 1977. – 108 s.
4. Petrov S. M. Russkii istoricheskii roman XIX veka [Tekst]. M.: Khudozh. lit., 1964. – 439 s.
5. Makogonenko G. P. Istoricheskii roman o narodnoi voine // Pushkin A. S. Kapitanskaya dochka. L.: Nauka, 1984. S. 200–232.
6. Stepanov N. L. Proza Pushkina. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1962. – 300 s.
7. Vatsuro V. E. Iz istoriko-literaturnogo kommentariya k stikhotvoreniyam Pushkina // Pushkin: Issledovaniya i materialy. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1986. T. 12. S. 305–323.
8. Shklovskii V. B. Zametki o proze russkikh klassikov. M.: Sovetskii pisatel', 1953. – 324 s.
9. Meilakh B. S. Pushkin i ego epokha. M.: Goslitizdat, 1958. – 698 s.
10. Gordin Ya. A. Dueli i duelyanty: panorama stolichnoi zhizni. SPb: Pushkinskii fond, 2002. – 284 s.
11. Petrunina N. N. Proza Pushkina: (Puti evolyutsii). L.: Nauka : Leningr. otd-nie, 1987. – 333 s.
12. Tomashevskii B. V. Pushkin: Materialy k monografii (1824–1837). Kn. 2. M; L.: Izd-vo AN SSSR, 1961. – 575 s.
13. Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenii: V 10 tomakh. T. 6. L.: Nauka, 1978. – 577 s.
14. Eidel'man N. Ya. Stat'i o Pushkine. M.: Novoe lit. obozrenie, 2000. – 455 s.
15. Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenii: V 10 tomakh. T. 7. L.: Nauka, 1978. – 545 s.

16. Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenii: V 10 tomakh. T. 10. L.: Nauka, 1979. – 713 s.
17. Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenii: V 10 tomakh. T. 8. L.: Nauka, 1978. – 417 s.
18. Listov V. S. Golos muzy temnoi... K istolkovaniyu tvorchestva i biografii A. S. Pushkina. M.: Zhiraf, 2015. – 416 s.
19. Listov V. S. K istolkovaniyu epigrafov «Kapitanskoi dochki» // Pushkin i mirokaya kul'tura: Materialy shestoi Mezhdunarodnoi konferentsii. Krym, 27 maya – 1 iyunya 2002 g. Sankt-Peterburg, Simferopol', 2003. S. 23–130.
20. Blagoi D. D. Sotsiologiya tvorchestva Pushkina: Etyudy. Izd. 2-e, dop. M.: Mir. 1931. – 293 s.
21. Bogdanova O. V. Problemy sovremennoi interpretatsii klassicheskikh tekstov («Kapitanskaya dochka» A. S. Pushkina v shkole i v vuze) // Knizhnaya kul'tura dal'nevostochnogo regiona: problemy istorii, metodiki, mezhkul'turnoi kommunikatsii: sbornik statei, 21–22 noyabrya 2019. Khabarovsk, 2020. S. 12–23.
22. Chaikovskaya O. Grinev // Novyi mir. 1987. № 8. S. 226–244.
23. Makogonenko G. P. «Kapitanskaya dochka» A. S. Pushkina. L.: Khudozh. lit. Leningr. otd-nie, 1977. – 108 s.
24. Arkhangel'skii A. N. Geroi Pushkina: Ocherki literaturnoi kharakterologii. M.: Vyssh. shk., 1999. – 285 s.
25. Yukhnova I. S. Obraz Shvabrina: osobennosti rechevogo povedeniya // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 2011. № 2-2. S. 114–117.
26. Shmid V. Proza Pushkina v poeticheskom prochtenii. «Povesti Belkina» i «Pikovaya dama» [Tekst] / ; [per. s nem. A. I. Zhrebina]. 2-e izd., ispr. i dop. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta, 2013. – 354 s.

Xue Baochai and Marya Bolkonskaya: a comparative analysis of the characters of the novels of Cao Xueqin and Leo Tolstoy

Song Dannuo

Postgraduate student, Mbscow State University

117292, Russia, Mbscow, Dmitry Ulyanov str., 16k2

✉ lilysmomforever@yandex.com

Abstract. The article is devoted to the comparison of the images of the characters of Xue Baochai in Cao Xueqin's novel "The Dream in the Red Chamber" and Marya Bolkonskaya in Leo Tolstoy's epic "War and Peace". In Cao Xueqin's novel, a full-fledged image of Xue Baochai was created as the "ideal woman" in relation to traditional society. In the novel by L. N. Tolstoy, among a number of female images, the essence of which is revealed through the "dialectic of the soul", Marya Bolkonskaya is a woman with a kind heart and strong religious beliefs. To date, there have been no attempts in literary studies to compare the formation of a female characters in Russian and Chinese literature. It seems possible to compare two female characters in terms of their appearance and psychological traits, the philosophical ideas of the authors, as well as to identify the problem of the influence of the historical period in which the characters live. When writing the article, the method of comparative analysis was used, this allowed to identify the common and special in literary works. Using this method, similar life paths of the characters of the novels and different ways of depicting them were revealed. The novelty of the research lies in an attempt to compare the images of the characters of two literary masterpieces describing different eras and countries. The main

conclusions of the author of the article are as follows: Cao Xueqin, who was influenced by traditional Chinese ideas, created a complex and tragic image of Xue Baochai and revealed the nature of the position of a woman within the framework of feudal social relations; L. N. Tolstoy, in the process of creating the image of Marya Bolkonskaya, followed Christian ideals, endowing the character with virtues; Due to the difference of the authors' life experiences and ideological views, as well as the socio-economic conditions of their formation and development, the fates of the characters of their works also differ.

Keywords: female images, dialectics of the soul, comparative analysis, Leo Tolstoy, Marya Bolkonskaya, Cao Xueqin, Xue Baochai, War and Peace, the Red Chamber, role of the women

References (transliterated)

1. Andreeva, V. G. Lichnye interesy geroev i motivy ozhidaniya v romane-epopee L. N. Tolstogo «Voina i mir» [Tekst] / V. G. Andreeva // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – № 1 (178). – S. 8–12. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.263
2. Afanas'ev, E. S. Realisticheskii epos L. N. Tolstogo [Tekst] / E. S. Afanas'ev // Literatura v shkole. – 2010. – № 12. – S. 5–9.
3. Bachkanova, E. Kh. K voprosu izuchennosti romana «Voina i mir» L. N. Tolstogo [Tekst] / E. Kh. Bachkanova // Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva. – 2016. – № 5. – S. 57–59.
4. Vyderzhka iz chastnogo pis'ma po povodu vozrazhenii na stat'yu «Zhenshchinam» [Elektronnyi resurs] // Literaturnyi portal tolstoy-lit.ru. – Rezhim dostupa: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/publicistika/po-povodu-vozrazhenij-na-statyu-zhenshchinam.htm> (data obrashcheniya: 09.04.2024 g.).
5. Zinov'ev, A. V. Obraz doma i «Mysl' semeinaya» v poetike L. N. Tolstogo [Tekst] / A. V. Zinov'ev // Izvestiya Saratovskogo universiteta. – 2012. – T. 12. – Vyp. 3. – S. 49–52.
6. Kolitenko, E. E. Roman «Son v krasnom tereme» nekotorye aspekty kul'tury Kitaya [Tekst] / E. E. Kolitenko // Izvestiya Vostochnogo instituta. – 2008. – № 15. – S. 128–132.
7. Li, D. Podvergaya somneniyu ideyu o tom, chto kharakter Mu-lan' pokhozh na kharakter Syan-yun': Sravnenie khudozhestvennykh obrazov Yao Mu-lan', Shi Syan-yun' i Syue Bao-chai [Tekst] / D. Li. – Sian' (Kitai): Sian'skii universitet Evrazii, 2016. – 68 s. Perevod moi – D.S.
8. Lumpova, L. N. Nekotorye zakonomernosti khudozhestvennoi sistemy L. N. Tolstogo («Voina i mir») [Tekst] / L. N. Lumpova // Voprosy russkoi literatury. – 2019. – № 4. – S. 3–14.
9. Mar'ya Bolkonskaya i Nikolai Rostov: vstrecha, otnosheniya, lyubov', sem'ya, deti [Elektronnyi resurs] // Literaturnyi portal Literaturus.ru. – Rezhim dostupa: <https://www.literaturus.ru/2020/03/marja-bolkonskaja-nikolaj-rostov-vstrecha-otnosheniya-ljubov-semja-deti.html?ysclid=ltwffx1l4q453306736> (data obrashcheniya: 18.03.2024 g.).
10. Pin, L. Konspekt po sravnitel'nomu literaturovedeniyu [Tekst] / L. Pin. – Khefei: Narodnoe izdatel'stvo An'khai, 2006. – 164 s.
11. Nazhmiddinova Sh. Dva Zhenskikh Obraza v romane L. N. Tolstogo «Voina i mir» [Tekst] / Sh. Nazhmiddinova // Vestnik magistratury. – 2022. – № 12–6 (135). – S. 153–254.

12. Poltavets, E. Yu. Gendernye Stereotipy v chitatel'skoi i issledovatel'skoi retseptsii geroin' L. N. Tolstogo [Tekst] / E. Yu. Poltavets // Filologiya i kul'tura. – 2021. – № 2 (64). – S. 159–169. DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-159-169.
13. Syuetsin', Ts. Son v krasnom tereme [Tekst]: Roman: V 2 t. T. 1 / Ts. Syuetsin' / Per. s kit. V. A. Panasyuka; pod red. V. Taskina. – SPb.: Nauka, 2014.
14. Tolstoi, L. N. Voina i mir: Roman: V 4 t. [Tekst] / L. N. Tolstoi. – M.: Drofa, 2002.
15. Tsyale, V. O kul'turnykh lakunakh v romane «Son v krasnom tereme» i ikh perevode [Tekst] / V. Tsyale // Modern oriental studies. – 2023. – Vyp. 5. – № 2. – S. 6–14.
16. Shichan, U. Son o krasnoi palate: Vvedenie [Tekst] / U. Shichan. – Shankhai: Shankhaiskoe izdatel'stvo drevnikh knig, 1980. – 375 s.
17. Kuznetsova N. G., Bakanova M. V. Simvolika sveta kak khudozhestvennaya detal' (na primere obrazov romana «Voina i mir» Natashi Rostovoi i Mar'i Bolkonskoi) [Tekst] / Kuznetsova N. G., Bakanova M. V. // Kontentus: Setevoe izdanie. – 2016. – № 11. – S. 1–7. – Rezhim dostupa: <http://kontentus.ru/?p=3684> (data obrashcheniya: 09.04.2024 g.)

The socio-cultural dimension of the "culture of cancellation" as a phenomenon of the XXI century

Akopov Grigori Leonidovich

Doctor of Politics

Professor; Director of Moscow State Technical University of Civil Aviation (Rostov branch)

344009, Russia, Southern Federal District, Rostov-On-Don, 262 Sholokhova str.

✉ ag078@icloud.com

Arutiunian Elina Gegamovna

Graduate student; Department of International Journalism; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9

✉ elieli-99@mail.ru

Gromova Lyudmila Petrovna

Doctor of Philology

Professor; Department of History of Journalism; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9

✉ s.nikonov@spbu.ru

Petrosyan David Vladimirovich

Doctor of Philology

Professor; Department of New Media and Communication; Yerevan State University

0025, Armenia, Yerevan, Alek Manukyan str., 1

✉ davidpetrosyan@ysu.am

Abstract. The purpose of the article is to analyze the emergence and stages of development of the phenomenon of "cancellation culture". The subject is the formation of a concept, and the object is the modification of the "culture of cancellation" in the context of socio-cultural and political events. The novelty of the work lies in the substantiation of the concept of "culture of cancellation" from the perspective of Russian discourse. The authors study the

"abolition" of an entire country and its culture on the example of Russia, as a result of which the ways of ousting the country from international discourse and the consequences of this act were revealed. The concept of "cancellation culture" is firmly fixed in the language resource of modern journalists and media analysts, this vocabulary unit activates a significant interest in in-depth research in domestic and foreign discourse. The "culture of abolition" as a phenomenon arose in the public environment of the United States and Europe at the turn of the twentieth and twenty-first centuries as an instrument of social justice, which is presented as a modern form of ostracism that allows manipulating public opinion. Conceptual analysis, sociolinguistic analysis and intent analysis were used as methods and approaches in the research. The concept of "culture of cancellation" can be considered as a tool for manipulating society, in this case, the process of deformation by the conceptual sphere of the ethnocultural dominant of the subject or society as a whole is analyzed. Similar phenomena are observed in the examples of ethnocultural groups, when certain events occur in the surrounding reality that affect the consciousness of the subject. Negative facts have an impact on a person, erasing established principles and values from consciousness, in the structure of social relations. Scientists have revealed that, under these circumstances, the concept, as an instrument of influence, is transmitted using information received by a certain ethnocultural group. In the study, we also established that a concept is an algorithm for understanding certain cultures, for example, psychological, historical, cultural, logical-semantic, linguistic, etc. In this regard, the "culture of cancellation" as a concept is a process in which certain ideas arise, which are formed against the background of events in the information and social environment and society. The process of "cancellation culture" is rapidly spreading not only within a single country to achieve certain goals, but also throughout the modern world.

Keywords: social networks, echo chambers, spiral of silence, new media, culture industry, impact of the concept, ostracism, cancel culture, digital communication, media impact

References (transliterated)

1. Cinelli M., Morales G., Galeazzi A., Quattrociocchi W., Starnini M. The Echo Chamber Effect on Social Media // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 2021. – № 118. – P. 1-8.
2. Foucault, M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. – Penguin Books: London, 1977. – P. 52-64.
3. Haidt J., Lukianoff G. *The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up a Generation for Failure* // Penguin Press: New York City. – 2018. – P. 22-35.
4. Noelle-Neumann, E. The Spiral of Silence (1974) // *A Theory of Public Opinion. Journal of Communication*. – 2006. – № 2. – P. 43-51.
5. Norris, P. Cancel Culture: Myth or Reality? // *Political Studies*. First published online, 2021. – [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/00323217211037023> (data obrashcheniya: 04.05.2024).
6. Adorno T., Khorkkhaimer M. *Dialektika Prosveshcheniya*. – M.; SPb.: Izd-vo Medium; Yuventa, 1997. – S. 149-210.
7. Boiko A.V. Deviantologicheskii potentsial «kul'tury otmeny» // *Tavricheskie studii*. – 2021. – № 28. – S. 4-8.
8. Dashinimaev G.Yu. Cancel culture kak novaya sotsial'naya real'nost' // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*. – 2021. – №1. – S. 19-

24.

9. Ingikharth R. Postmodern: menyayushchiesya tsennosti i izmenyayushchiesya obshchestva. – Polis. Politicheskie issledovaniya. – 1997. – №4. – S. 6.
10. Kirzyuk A. Ne agressory, a zhertvy: «rusofobiya» kak opravdanie i pobuditel'nyi motiv // Sotsiodigger. – 2022. – №17. – S. 60-62.
11. Mukhlynkina Yu.V. Kul'tura otmeny: istoki, proyavleniya, vliyanie na obshchestvo // Pozitsiya. Filosofskie problemy nauki i tekhniki. – 2022. – №18. – S. 148-161.
12. Fefelov A.F. Diskurs vokrug cancel culture kak ob'ekt lingvokul'turnogo i perevodcheskogo analiza: logika protiv «logiki» // Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – 2022. – №1. – S. 126-144.

Linguistic methods of representing the images of the main characters in Kawabata Yasunari's novel "Snow Country"

Petrenko Aleksandr Igorevich

Student; Department of Japanese Studies; Far Eastern Federal University

690922, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Ajax, 10

✉ petrenko.aig@students.dvfu.ru

Abstract. The article is devoted to the study of features of Kawabata Yasunari's idiostyle in the novel "Snow Country". The subject of description and interpretation are different-level linguistic resources and stylistic means of expression, which serve to verbalize the central artistic idea (artistic hyperconcept), create the image system of the work and participate in the formation of the writer's individual style. The purpose of the study is to identify those author's methods of verbalization of the central artistic idea, which are associated with the representation of the images of the main characters of the work, Shimamura and Komako, correlated and contrasted in the figurative structure of the novel. The initial hypothesis is the idea that the images of the main characters, along with the image of the Milky Way, are part of the complex artistic and figurative structure of the work, embodying the hyperconcept of loneliness as an inability to love. The methodology of the study is determined by contextual, component and conceptual analysis. As the main method of linguistic research in the work is used linguistic-stylistic with the use of semantic-stylistic analysis techniques and the method of "word-image". The novelty of the study lies in addressing a little-studied aspect of the study of the writer's creativity. As a result of the research, the lexical, grammatical (morphological and syntactic) and stylistic, as well as textual means of representation of the images of the main characters, their role in the formation of the author's idiostyle were established. The core image that links all of the above is the image of the male character, Shimamura. It seems promising to apply the obtained results in further study of Kawabata Yasunari's idiostyle on the material of his other works.

Keywords: Komako, Shimamura, inability to love, loneliness, artistic hyperconcept, figurative representation, image, writer's idiostyle, Snow Country, Kawabata Yasunari

References (transliterated)

1. Gerasimova, M. P. Pisateli Vostoka – laureaty Nobelevskoi premii. M., 2012. S. 45–100.
2. Gerasimova, M. P. Implitsitnost' yaponskogo iskusstva. Prichiny i sledstviya. Yaponskie issledovaniya. 2017. № 4. S. 62–79.
3. Korobova, E. V., Kozlovskaya, K. V. Otrazhenie idei buddizma v tvorchestve Yasunari

- Kavabaty. Kurgan, 2018. S. 68–73.
4. Krivosheeva, E. I. Maiboroda, N. A. Peredacha implitsitnosti pri perevode na russkii yazyk literaturnykh proizvedenii yaponskikh avtorov (na materiale novelly «Snezhnaya strana» K. Yasunari). *Mir kul'tury, nauki, obrazovaniya*. № 3 (88) 2021. S. 594–596.
 5. Starinnova T. B., Novoselova I. V. Lingvokul'turologicheskii aspekt perevodnoi angloyazychnoi literatury (na primere perevoda na angliiskii yazyk proizvedeniya Kavabata Yasunari «The Sound of the Mountain»). 2016. URL: <https://md-eksperiment.org/ru/post/20200331-lingvokulturologicheskij-aspekt-perevodnoj-angloyazychnoj-literatury-kavabata-yasunari-the-sound-of-the-mountain> (data obrashcheniya – 4.07.2024)
 6. Taniguti Satie Tvorchestvo Kavabaty Yasunari – simfoniya literatury i starinnogo iskusstva. URL: <https://www.nippon.com/ru/japan-topics/b07216/#> (data obrashcheniya – 18.06.2024)
 7. Fedorenko N. T. Kavabata Yasunari / N.T. Fedorenko. – M.: «Sovetskii pisatel'», 1986. – 464 s.
 8. Kavabata, Yasunari Snezhnaya strana // Elektronnyaya biblioteka RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/book/kavabata_yasunari/snegnaya_strana.html (data obrashcheniya – 15.09.2024)
 9. 川端 康成.雪国 (Kavabata, Yasunari Snezhnaya strana) // Free ELibrary Original. URL: <https://originalbook.ru/snezhnaya-strana-ya-kavabata-na-yaponskom-yazyke/> (data obrashcheniya – 15.09.2024)
 10. Araki, James T. Kawabata and his 'Snow' country. // *The Centennial Review*, Vol. 13, No. 4, 1969, P. 331–49. URL: <http://www.jstor.org/stable/23737717>. (data obrashcheniya – 24.07.2024)
 11. 河村民部 川端康成「雪国」読解試論「鏡」の世界をめぐって //文学・芸術・文化/第25巻第1号/2013.9 – 65 – 100頁。Kavamura Minbu. «Kavabata Yasunari, Probnii ocherk o chtenii "Snezhnoi strany" – V mire "Zerkala"»
 12. 藤田 祐史 «川端康成「雪国」論 — 「天の河」句と連環する物語» / *Juncture: 超域的日本文化研究*, 2017 – 126 – 135頁。Fudzita Yudzi «Kontseptsiya "Snezhnoi strany" Kavabata Yasunari: etimologiya frazy "Mlechnyi put'"».

Youth upbringing: a factor of the media environment

Polukhtina Marija Romanovna

Head of the Educational Studio Department; Media Center; St. Petersburg State University

199034, Russia, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9

 mpolukhtina@yandex.ru

Abstract. Schoolchildren are active users of the Internet, where they communicate, play, and interact with social network content that is not always useful for them. The flow of information disseminated in the media, including potentially unacceptable information, unhindered comes to the attention of the student, who, due to his age, cannot properly understand and evaluate the information situation. All this has a certain influence on the formation of his personality. The purpose of this study lies in updating the media factors influencing the formation of a teenager's personality as an Internet user. The subject of the study is the ability to ensure the cognitive safety of young Internet users through the development of skills for assessing the meaning of media information and the formation of critical thinking in its perception. The following methods were used in the study: discussion of

issues in a focus group, content analysis. In forming the composition of the focus group, we used the author's methodology of including students from a specialized journalism class from one of the schools in St. Petersburg. The novelty of the study lies in the method used to achieve representativeness of the analysis through the special selection of focus group participants who became the object of analysis. Schoolchildren from St. Petersburg demonstrated a high level of awareness of potential threats that exist on the Internet. They also noted that their personal safety was exposed to serious risks posed by the online environment. The results of the study indicated a tendency among schoolchildren to evaluate media events from a moral point of view. For modern teenagers, the key values are truth, freedom, authority, loyalty and justice. It is important to consciously raise students' awareness of media resources and develop their critical thinking about their own experiences with information security.

Keywords: authority, freedom, truth, high school, moral guidelines, schoolchildren, moral values, cognitive development, internet security, justice

References (transliterated)

1. APA (2019). American Psychological Association. URL: <https://www.apa.org/pi/families/resources/develop.pdf> (data obrashcheniya 06.09.2022).
2. Kessidi, F. Kh. Sokrat. – M., 1988. – 220 s.
3. Ankit Patawat, Dr. J. Balamurugan Influence of Mass Media in Youth // International Journal of Humanities and Social Science Invention (IJHSSI). – 2018. – №11. – S. 82-86.
4. Cherry Nuñez-Rola, Niña Jen Ruta Canayong Social media influences to teenagers // International journal of research science & management. – 2019. – № 6. – S. 38-48.
5. Georgios Filippidis Internet addiction and other problematic online behaviors among teenagers // Social Cohesion and Development. – 2021. – № 15 (2).
6. Nuoya Lin Research on the Influence of the Internet on Teenagers' Psychology and Behavior // Proceedings of the 7th International Conference on Humanities and Social Science Research (ICHSSR 2021). – Qingdao: Atlantis Press, 2021. – S. 996-1000.
7. D'yachkova, M. A. Ponyatiya tsennost' i dukhovno-nravstvennye tsennosti v pedagogike // Sibirskii pedagogicheskii zhurnal. – 2007. № 12. – S. 147.
8. Pavlova, E. N., Savel'eva, A. G. Nравstvennoe razvitie lichnosti // Nauka i sovremennost'. – 2014. – № 29. – S. 1-5.
9. Il'in, V. I. «Chuvstva» i «emotsii» kak sotsiologicheskie kategorii // Vestnik S.-Peterb. un-ta. Sotsiologiya. – 2016. – №. 4. – S. 28-40. – DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.402.
10. Nasedkina, N. I. Sushchnost' mediatizatsii kak yavleniya sovremennogo obshchestva // Universum: filologiya i iskusstvovedenie. – 2018. – № 9 (54). – S. 15-17.
11. Andreeva, O. S. Mikrosotsial'nye tekhnologii v stanovlenii professional'nogo samosoznaniya studentov-psikhologov: dis. ... kand. psikhol. nauk / O. S. Andreeva. – M., 2007.
12. Tolkachev, S. S. Formirovanie kul'tury mediapotrebleniya sovremennykh podrostkov // Kul'tura i gumanitarnye nauki v sovremennom mire : Sbornik nauchnykh statei. Tom Vypusk 4. – Sankt-Peterburg : Assotsiatsiya sodeistviya izucheniyu i populyarizatsii istorii i sotsial'no-gumanitarnykh nauk "Nauchno-issledovatel'skii tsentr "Peresvet", 2020. – S. 68-79.

13. Vikhristyuk, O. V. Vliyanie sredstv massovoi informatsii na suitsidal'noe povedenie podrostkov i molodezhi (obzor zarubezhnykh istochnikov) // *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*. – 2013. – T. 2. – №. 1. – S. 100-108.
14. Radaev, V. V. Millenialy: Kak menyaetsya rossiiskoe obshchestvo; Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki» // 2-e izd. – M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2020. – S. 65-79.
15. Polikanova, E. P. Moral'nye tsennosti i ikh rol' v sovremennom obshchestve // *Filosofiya i obshchestvo*. – 2014. – № 3. – S. 138-139.
16. Dubrovitskii I.V. O peredachakh dlya yunyh radioslushatelei // *V pomoshch' mestnomu radioveshchaniyu*. 1956. № 5. S. 29.
17. Dubrovitskii I.V. Zametki redaktora «Pionerskoi zor'ki» // *V pomoshch' mestnomu radioveshchaniyu*. 1956. № 4. S. 27.
18. Dubrovitskii I.V. O delakh i lyudyakh-yazykom radio // *Sovetskoe radio i televidenie*. 1965. № 8. S. 12.
19. Dubrovitskii, I. V. «Rovesniki» – peredacha dlya starsheklassnikov: Iz istorii otechestvennogo radioveshchaniya. – M.: Fak. zhurnalistiki MGU, 2003. – S. 110.
20. Zimbardo, F. I., Lyaippe, M. A. Sotsial'noe vliyanie. – SPb: Piter, 2011. – 448 s.
21. Merinov, V. Yu. Nравstvennye osnovaniya zhurnalistiki / V. Yu. Merinov // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gos. un-ta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. – 2017. № 3(252). S. 140-144.
22. Shepeleva E.V. Samoopredelenie starsheklassnikov pod vliyaniem sredstv massovoi informatsii: avtoref. dis. kand. ped. nauk: 13.00.01. – Nizhnii Novgorod, 2006. 26 S.
23. Zhilavskaya I. V. Vliyanie SMI na molodezh' // *Mediaobrazovanie: ot teorii – k praktike / sost. I.V. Zhilavskaya*.-Tomsk: Izd-vo Tomsk. in-ta informatsionnykh tekhnologii, 2007. – 270 s.
24. Ishkulova Sh. T. Media kak faktor sotsializatsii podrostkov // *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. 2009. S. 90-94.
25. Tepsaeva, S. Polozhitel'noe vliyanie SMI na podrastayushchee pokolenie / S. Tepsaeva // *Lingua-Universum*. – 2015. – № 1. – S. 45-47.
26. Ushnitskaya, U.A., Vliyanie SMI na soznanie podrostkov / U.A. Ushnitskaya, R.I. Egorova // *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2023. S. 250-253.
27. Bystrova, N.V. K voprosu o tsifrovoi srede doveriya / N.V. Bystrova, S.V. Repina, S.O. Adamenko // *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. – 2021. № 70-4. S. 57-60.

The idea of the book about Mstislav Cherny as a source of the plot for the novel “Vadim” by M. Yu. Lermontov

Moskvin Georgy Vladimirovich

PhD in Philology

Associate professor, Department of History of Russian Literature, M. V. Lomonosov Moscow State University

119992, Russia, g. Moscow, ul. Leninskie Gory, 1, str. 51

✉ georgii_moskvin@mail.ru

Abstract. This article is aimed to research the concept of Mstislav Cherny as a source of the plot for the novel “Vadim” by M. Yu. Lermontov. The idea of “Vadim” as an epic work formed in

the merging of two literature genre-generics: poem and drama (the lyrics formed the internal, "soulful" basis of the novel). The outline of the plan for the work about Mstislav Cherny, placed under No. Sixteen in "Plans, Sketches, Plots" in Eleventh notebook (1831), should be considered as the "pre-story" version of the plan. Both the plan and the following "Plot" under No. Seventeen, which was dated 1832 after being found in Forth notebook, contain plot, plot-motivational features, as well as features of the image of the supposed heroes that will become widespread in "Vadim". The main research methods are comparative, hermeneutic, axiological, literary-historical and textual. The novelty of the article lies in the fact that the concept of the work about Mstislav Cherny as the source of the plot for the novel "Vadim" is researched in detail for the first time. The author claims that both notes contain a forecast of the novel, but, oriented towards the implementation in different genre-generic forms: the first draft was an epic work; the second was supposed to be embodied in a historical drama, – both sketches were written during the period, when the young author was hesitating to select genre for combining the story of Pugachev's rebellion to the work: drama, or novel. The sketches also reflected young Lermontov's intention to create the imagination of a modern protagonist, combining historical and romantic types of personality. Therefore, the author concludes that there is no doubt about the idea of Mstislav Cherny in its basic, combative ideas will be transformed in "Vadim".

Keywords: plot, poem, drama, Lermontov, the concept of Vadim, the image of Vadim, Olga, Mstislav Cherny, genre, plan

References (transliterated)

1. Lermontov M. Yu. Sochineniya: V 6 t. / AN SSSR. In-t rus. literatury (Pushkin. dom). M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1957. T. 6. – 900 s.
2. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. SPb.-M.: Izd. M.O. Vol'f. 1882. T. 4. – 704 s.
3. Lermontov M. Yu. Sochineniya: V 6 t. / AN SSSR. In-t rus. literatury (Pushkin. dom). M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1954. T. 2. – 388 s.
4. Udodov B. T. M. Yu. Lermontov. Khudozhestvennaya individual'nost' i tvorcheskie protsessy. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta, 1973. – 705 s.
5. Rodnyanskaya I. B. Geroi liriki Lermontova i literaturnaya pozitsiya poeta // Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka. 1980. T. 39. № 2. S. 103-115.
6. Ginzburg L. Ya. O lirike. M.; L.: Sov. pisatel', 1964. – 382 s.
7. Lermontov M. Yu. Sochineniya v shesti tomakh. M.; L.: Izd-vo AN SSSR. 1955. T. 3. – 326 s.

«Goethe hat alles gesagt»: J. W. von Goethe in Thomas Mann's letters

Reznik Liudmila Viktorovna

Postgraduate student, Department of History of Foreign Literature, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory, 1

✉ lyudmilareznik1996@gmail.com

Abstract. The article focuses on the analysis of Thomas Mann's letters which mention J. W. von Goethe who had a substantial influence on the writer's personality and literary works. The interest in Goethe initially arose in the context of the problems that interested Mann

(problems of eroticism, the nature of creativity, genius), and became the basis of the short stories "A Weary Hour" and "Death in Venice". The timing of most citations and allusions to Goethe often overlaps with the anniversaries of the Weimar classic (1932, 1949) and the period during which Mann was working on "Lotte in Weimar" (1936–1939). The purpose of this article is to systematize the numerous references to Goethe in Mann's letters, to describe the dynamics of Goethe's image and the process of turning it into the author's myth. The methodological basis of the article is the historical and literary approach, in which the analysis of Th. Mann's letters is carried out. Some excerpts from Mann's letters are presented in Russian translation for the first time. The writer's interest in mythology and psychoanalysis during the years of work on the novel "Lotte in Weimar" significantly influenced some aspects of Goethe's image in his perception. The letters showcase the writer's enthusiasm for life-creation and a tendency to construct the myth of Goethe as well as his own myth as Goethe's successor. The analysis of the letters allows to trace how the writer's perception of Goethe's personality changed over time (from 1910 to 1955) — from the Apollonian image of the "Olympian" and the divine "child of nature" to the dual figure of the "demonic" genius, torn by the contradictions of his own artistic nature.

Keywords: Doctor Faustus, Death in Venice, A Weary Hour, life-creation, imitatio Goethe's, author's myth, Lotte in Weimar, letters, Johann Wolfgang Goethe, Thomas Mann

References (transliterated)

1. Vasil'chikova T. N. Tema iskusstva i khudozhnika v intellektual'noi proze T. Manna: novelle «Smert' v Venetsii» i romane «Doktor Faustus» // Simbirskii nauchnyi vestnik. – 2017. – № 1(27). – S. 44-49.
2. Gabdulatzyanova L. K. Ocherk T. Manna «V zerkale»: avtobiografiya pisatelya v dialoge s romanom vospitaniya // Filologiya i kul'tura. – 2012. – № 4 (30). – S. 86-89.
3. Zherebin A. I. Nemetsko-russkaya utopiya Tomasa Manna («Gete i Tolstoi») // Novyi filologicheskii vestnik. – M., 2019. – № 1 (48). – S. 273-281.
4. Zinov'eva A. Yu. Mann T. Gete i demokratiya / Per. s nem. A. Yu. Zinov'evoi // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 3: Filologiya. – 2009. – № 1(15). – S. 83-103.
5. Tolmachev V. M. O simbolizme Tomasa Manna // Studia Litterarum. – M., IMLI RAN, 2017. T. 2. № 3. – S. 118-137.
6. Mann Th. Briefe 1889-1936 / Hrsg. von E. Mann. – Frankfurt am Main: S. Fischer, 1961. – 582 s.
7. Mann T. Pis'ma / Per. s nem. S. K. Apta; otv. red. B. L. Suchkov. – M.: Nauka, 1975. – 464 s.
8. Apt S. K. Nad stranitsami Tomasa Manna: Ocherki. – M.: Sovetskii pisatel', 1980. – 392 s.
9. Blume B. Thomas Manns Goethebild // PMLA. – 1944. – № 59(1) – S. 261-290.
10. Bertram E., Mann Th. Thomas Mann an Ernst Bertram: Briefe aus den Jahren 1910–1955. / Hrsg. von I. Jens. Pfullingen: Neske, 1960. – 315 s.
11. Thomas Mann. Goethe / Hrsg. von Y. Elsäghe, H. Affolter. – Frankfurt am Main: Fischer Klassik, 2019. – 544 s.
12. Itoh Ts. Goethe und Thomas Mann. – Eigenverlag, 1962. – 36 s.
13. Thomas Mann. Tagebücher 1918–1921 / Hrsg. von P. de Mendelssohn. – Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1979. – 920 s.

14. Dirzen I. Epicheskoe iskusstvo T. Manna. Mirovozzrenie i zhizn'. – M.: Progress, 1981. – 304 s.
15. Thomas Mann. Tagebücher 1933–1934 / Hrsg. von P. de Mendelssohn. – Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1977. – 818 s.
16. Mann T. Lotta v Veimare / Per. s nem. N. Man // Mann T. Sobr. soch. v 10 tt. T. 2. – M.: Goslitizdat, 1959. – S. 363-736.
17. Mann T. Ocherk moei zhizni / Per. s nem. A. Kulisher // Mann T. Sobr. soch. v 10 tt. T. 9. – M.: Goslitizdat, 1959. – S. 93-143.
18. Elsäghe Y. Die imaginäre Nation. Thomas Mann und das "Deutsche". – München: Fink, 2000. – 429 s.
19. Mann Th. Briefe 1948-1955 / Hrsg. von E. Mann. – Frankfurt am Main: S. Fischer, 1965. – 654 s.

Notes «umen'shitel'noe» 'diminutive' and «uvelichitel'noe» 'augmentative' in «Explanatory Dictionary of the Russian Language» by N. Yu. Shvedova

Wang Zhe

Postgraduate student; Department of Russian Language; Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1

✉ zh.wang@mail.ru

Galaktionova Irina Vladimirovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Russian Language; Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1

✉ ig@philol.msu.ru

Abstract. "Explanatory Dictionary of the Russian Language" by N. Yu. Shvedova, addressed to a wide range of readers, uses the traditional system of lexicographic notes, while the introductory materials of the dictionary does not explain what they mean. The object of research is the notes «umen'shitel'noe» 'diminutive' and «uvelichitel'noe» 'augmentative', the internal form of which gives the impression of self-evidence of their meaning, but they are used differently. The purpose of the work is to model the reasoning of the reader who wants to understand what these notes mean, and relies only on this dictionary. The authors use the method of semantic and syntactic analysis of explanations and the method of comparing. The novelty of the research lies in the careful study of notes, which were not previously considered in the lexicographic aspect. The article shows that in the analyzed dictionary the notes «umen'shitel'noe» and «uvelichitel'noe» are used in accordance with the terminological, but not the common language meaning. The explanations of terminological meanings can be interpreted in two ways, although in the dictionary each metalanguage unit must be understood unambiguously. The analysis of these notes in their relation to expressive-evaluative ones leads to their understanding as indicating only the size or degree as in the common language. Finally, the analysis of several examples of attribution of notes returns to one of the possible terminological understandings. All this creates difficulties for readers: an ordinary non-linguist will most likely understand these notes in a common language meaning; more attentive readers, including linguists, those who analyze the dictionary entries will get

different, possibly contradictory, information about the meaning of the notes. Thus, the meaning of the lexicographic notes, even those that, at first glance, seem generally understandable, must necessarily be explained in the introductory materials of the dictionary.

Keywords: meaning of the note, uvelichitel'noe 'augmentative', system of notes, umen'shitel'noe 'diminutive', Natalia Yulevna Shvedova, lexicographic note, explanatory dictionary, metalanguage, semantics, lexicography

References (transliterated)

1. Shvedova N. Yu. Odnatomnyi tolkovyi slovar' (spetsifika zhanra i nekotorye perspektivy dal'neishei raboty) // Russkii yazyk: Problemy khudozhestvennoi rechi, leksikologiya i leksikografiya: (Vinogradovskie chteniya IX–X). M.: Nauka, 1981. S. 166–179.
2. Shvedova N. Yu. Paradoksy slovarnoi stat'i // Shvedova N. Yu. Russkii yazyk. Izbrannyye raboty. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2005. S. 420–424.
3. Kruglov V. M., Istratii V. V., Gamirova D. R., Kaplan E. D. Normativno-stilisticheskie pomety v tolkovykh akademicheskikh slovaryakh russkogo yazyka / Red. V. M. Kruglov. SPb.: Nestor-Istoriya, 2015. 442 s.
4. Kochergina K. S. Stilisticheskie pomety v tolkovykh slovaryakh sovremennogo russkogo yazyka: Sopostavitel'nyi analiz // Voprosy leksikografii. 2017. № 11. S. 20–38.
5. Pestova A. R. Stilisticheskie pomety v tolkovykh slovaryakh kak otrazhenie leksiko-stilisticheskikh protsessov v russkom yazyke vtoroi poloviny XX – nach. XXI v.: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2022. 165 s.
6. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vkluycheniem svedenii o proiskhozhdenii slov / Otv. red. N. Yu. Shvedova. M.: Azbukovnik, 2011. 1175 s.
7. Lomonosov M. V. Rossiiskaya grammatika // Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenii. T. 7. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. S. 389–578.
8. Rossiiskaya grammatika A. A. Barsova / Pod red. B. A. Uspenskogo. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1981. 776 s.
9. Dement'ev A. A. Ocherki po slovoobrazovaniyu imen sushchestvitel'nykh v russkom yazyke (imena sushchestvitel'nye s suffiksami *-ok, -ka, -ko; -ets, -tsa, -tso; -itsa, -itse*): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. L., 1961. 36 s.
10. Vostokov A. Kh. Russkaya grammatika Aleksandra Vostokova, po nachertaniyu ego zhe Sokrashchennoi grammatiki, polnee izlozhennaya. 10-e izd., ispr. SPb.: tip. Imp. Ros. akad., 1859. 283 s.
11. Gvozdev A. N. Sovremennyy russkii literaturnyy yazyk: Ch. 1: fonetika i morfologiya. M: Uchpedgiz, 1958. 406 s.
12. Plyamovataya S. S. Razmerno-otsenochnye imena sushchestvitel'nye v sovremennom russkom yazyke: ucheb. posobie. M., 1961. 121 s.
13. Shmeleva T. V. Diminutiv, ili deminutiv // Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii): slovar'-spravochnik / pod red. A. P. Skovorodnikova. Krasnoyarsk: Sibirskii federal'nyi universitet, 2014. S. 133–134.
14. Morkovkin V. V. O bazovom leksikograficheskom znanii // Uchebniki i slovari v sisteme sredstv obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu: sb. statei / pod red. V. V. Morkovkina, L. B. Trushinoy. M.: Russkii yazyk, 1986. S. 102–117.

Pre-post effect/paradox: conceptualisation of the term and prospects of its use in literary studies

Demidov Nikita Mikhailovich

Postgraduate student, Department of Theory of Literature, Lomonosov Moscow State University

123181, Russia, Moscow, Isakovskiy str., 28k2, sq. 574

 josefkessler.vonwissenstein@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of using and including the term "pre-post effect/paradox" ("pre-post effect"), introduced by the Czech comparatist Ivo Pospisil, in the terminological apparatus of literary criticism. Special attention is paid to the reflection by the term of the synthesis of superficial borrowing of a certain phenomenon from foreign literature and elements of the autochthonous tradition based on an interdisciplinary base, where the borrowing factor lies at the intersection of both philology and other humanities, in particular sociology, history, where the connection of language, text and culture is vividly manifested, resulting in the formation of an original characteristics of the recipient literature. A term reflecting an evolutionary mechanism of this scale needs additional comment and understanding, with mandatory reliance on the works of its creator, taking into account the refinement of some aspects of the mechanism of its work. A descriptive approach is used in terms of presenting the pre-post effect as a multidimensional phenomenon and clarifying the relationship of individual components to determine the exact semasiological boundaries of the term; the concept's attitude to the study of a literary text in the context of its general cultural conditionality in the aspect of the poetic art of the word reflects a cognitive (author, text, extra-textual reality) and axiological approach. According to the author, for the successful implementation of the pre-post effect, there is a need to define its role as a synthesis of two approaches to the consideration of a literary work: comparative historical and theoretical value, which contributes to an accurate consideration of the history of perception of the work and its inclusion in the literary canon as evidence of the originality of this literary tradition. This approach takes into account the theoretical aspect of the modification of genre models associated with the literary and critical history of works and combines them in order to substantiate the specifics of the literary phenomenon, relying simultaneously on the problems of poetics and non-textual factors. The scientific novelty consists in refining the structural and functional specifics of the pre-post effect to include it in a wide scientific circulation and the possibility of its practical use with the preliminary elimination of the existing controversial points and, as a result, demonstrating the possibility of using it to consistently adhere to the intersectoral aspect (at the junction of comparative studies, theory and literary history in their connection with axiology) in the further interpretation of literary works in order to overcome the one-sidedness of analysis in literary studies.

Keywords: reception, Autochthonous, comparative studies, a literary fact, world literature, The literary canon, axiology, areal studies, pre-post effect, poetics

References (transliterated)

1. Avetisyan V. Gete i frantsuzskaya literaturnaya kritika nachala XIX veka: dialog kul'tur // Voprosy literatury, № 6, 1999. С. 129-165.
2. Bakhtin M. M. Epos i roman (O metodologii issledovaniya romana) // Bakhtin M.M. Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let. M.: Khudozh. lit., 1975. S. 447-483.
3. Demidov N. M., Kling O. A. Pritchevost' v proizvedeniyakh N.V. Gogolya: osobennosti avtorskogo voploshcheniya // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. T. 28, № 2, 2023. S. 199-209. URL:

<http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-199-209>.

4. Dima A. Printsipy sravnitel'nogo literaturovedeniya. M.: Progress, 1977. 227 s.
5. Dyurishin D. Metodologiya izucheniya mezhliteraturnoi obshchnosti slavyanskikh literatur / Per. L. Shirokovoi // Spetsifika literaturnykh otnoshenii. Problemy izucheniya obshchnosti slavyanskikh literatur. Sbornik statei. M.: ISI RAN, 1994. S. 5-22.
6. Esaulov I. A. Literaturovedcheskaya aksiologiya: opyt obosnovaniya ponyatiya // Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr. Vyp. 1. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU, 1994. S. 378-383.
7. Zhirmunskii V. M. Sravnitel'noe literaturovedenie: Vostok i Zapad: Izbrannye trudy. L.: Nauka, 1979. 493 s.
8. Likhachev D. S. Poetika drevnerusskoi literatury. M.: Nauka, 1979. 360 s.
9. Pakhsar'yan N. T. Aktual'nye problemy sovremennogo frantsuzskogo literaturovedeniya // Sovremennaya nauka o literature: osnovnye tendentsii i problemy. M.: INION RAN, 2017. S. 11-45.
10. Tynyanov Yu. N. Poetika. Istoriya literatury. Kino. M., 1977. S. 255-269.
11. Uellek R., Uorren O. Teoriya literatury / Per. s angl. A. Zvereva, V. Kharitonova, I. Il'ina. M.: Progress, 1978. 328 s.
12. David J. Spectres de Goethe. Les métamorphoses de la «littérature mondiale». P.: Les prairies ordinaires, 2011. 306 p.
13. Pospíšil I. Areál a filologická studia. Vyd. 1. Brno: Masarykova univerzita, 2013. 154 s.
14. Pospíšil I. K teorii ruské literatury a jejím souvislostem. Brno: Masarykova univerzita, 2013. 271 s.
15. Pospíšil I. Fenomén šílenství v ruské literatuře 19. a 20. století. Brno: Masarykova univerzita, 1995. 151 s.
16. Pospíšil I. Problema vzniku i genezis ruského románu // Litteraria humanitas. Západ-Východ: genealogické studie. Brno: Ústav slavistiky na filozofické fakultě Masarykovy univerzity, 1995. S. 57-74.

Features of fake content in the media space in the era of artificial intelligence development

Nerents Daria Valer'evna

PhD in Philology

Associate professor, Department of Journalism, Russian State University for the Humanities

125993, Russia, Moskovskaya oblast', g. Moscow, Musskaya ploshchad', 6, aud. 525

✉ ya.newlevel@yandex.ru

Abstract. The subject of the research in this article is the specificity of fake content in the conditions of active development of artificial intelligence (AI). The first half of 2023 demonstrated how serious an impact AI can have on the life of society in general, and on the information agenda in particular. In the era of a continuous stream of received data, it is increasingly difficult to verify the content and critically comprehend all the information received. The so-called deepfakes have become a truly relevant media threat that can cause mass unrest and affect the mood of the audience. In this regard, it is relevant and important to study fakes created by AI in order to identify ways to detect and expose them. The article touches upon such important aspects as the concept and characteristic features of fake content as a threat to information security, the distinctive features of deepfakes as an AI

product, and presents key steps for recognizing fakes.

The scientific novelty of the research lies in the disclosure of the role of deepfakes in the modern information space, the dangers they carry (including due to their instant replication through social networks) and options to combat them within the media consumption of a wide audience. Moreover, it demonstrates the need to develop further steps to increase the level of media literacy and to anticipate the negative consequences that fakes can cause.

Keywords: information safety, media literacy, journalism, mass media, information, media space, artificial intelligence, deepfake, fake, media threat

References (transliterated)

1. Krivonosov A.D. Evolyutsiya feikov v epokhu didzhitalizatsii // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2022. № 6 (138). S. 174-177.
2. Sternin I.A., Shesternina A.M. Markery feika v mediatekstakh. Rabochie materialy. Voronezh: OOO «RITM», 2020.
3. Il'chenko S.N. Feik-kontrol', ili Novosti, kotorym ne nado verit': kak nas durachat SMI. Rostov n/D: Feniks, 2021.
4. Ershov Yu.M. Fenomen feika v kontekste kommunikatsionnykh praktik // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2018. № 52. S. 245-256.
5. Galyashina E.I. i dr. Feikovizatsiya kak sredstvo informatsionnoi voyny v internet-media: nauchno-prakticheskoe posobie. M.: Blok-Print, 2023.
6. Kolesnikova E.V. Tekhnologiya deepfake v zhurnalistike // Mir sovremennykh media: novye vozmozhnosti i perspektivy: sbornik nauchnykh trudov / pod obshch. red. D.V. Nerents. M.: Znanie-M, 2022. S. 74-77.
7. Smirnov A.A. «Glubokie feiki». Sushchnost' i otsenka potentsial'nogo vliyaniya na natsional'nuyu bezopasnost' // Svobodnaya mysl'. 2019. № 5 (1677). S. 63-84.

Emotionalization of mass discourse as compensation for the crisis of reference

Lobanova Yuliya Vladimirovna

PhD in Philosophy

Associate Professor of the Departments of "Humanities", Moscow Polytechnic University

107023, Russia, Moscow, Bolshaya Semenovskaya str., 38, of. Moscow

✉ lobanova_diss@mail.ru

Abstract. This article comprehensively explores and analyzes the main reasons for the emergence of a clearly emerging imbalance between the emotional and rational components of the communicative space of modern mass discourse, as well as the imitation role of the emotions of a participant in modern discursive practices, which, in essence, are designed to compensate for his lack of opportunities, methods and channels to summarize the information received. Particular attention is paid to the analysis of such situations of manipulation of emotions at the individual or mass level within the framework of modern mass discourse, which are on the verge of complying with the law, or even go beyond this line. In conclusion, the interrelated phenomena of insincere discourse and the crisis of reference are considered, the correlation between which is assessed as one of the most significant and weighty

confirmations of the prevalence and frequency of the use of processes of forced emotionalization of a number of discursive practices.

In the vast majority of discursive practices, the emotions of the object of information today play the role of masks, screens, curtains, decorations, against which there is an imitation of a reference that is actually absent.

In modern mass discourse, all information without notes is rarely conveyed to the audience, while facts are replaced by interpretations or turn out to be staged events.

The main reason for the emotionalization of mass discourse is allegedly following the ideas, expectations and emotions of the mass audience – information is presented in such a way that everyone sees, hears, reads what they themselves would like to see, hear, read.

The crisis of reference within mass discourse has an artificial and deliberately provoked character.

The crisis of reference imposed on society by the main moderators of mass discourse deforms the semantic, syntactic and pragmatic norms of natural language, which makes it possible to manipulate both the meanings of words and syntaxes themselves, and their mass perception.

Keywords: imitation of reference, lack of reference, emotional capitalism, affectivity, emotions, discourse, communication, emotion moderation, insincere discourse, crisis of reference

References (transliterated)

1. Bystrov S. V. Primeneniya manipulyativnykh politicheskikh tekhnologii v sovremennoi politike: pravda i vymysel fil'ma "Plutovstvo" // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. 2013. № 4. S. 92-95.
2. Debor G. Obshchestvo spektaklya. M.: Opustoshitel', 2020, 280 s.
3. Kafka F. Zamok. M.: AST, 2021, 384 s.
4. Kafka F. Protsess. M.: AST, 2020, 352 s.
5. Kortunov V. V., Saenko N. R. Emotsional'nye antinomii sovremennosti // Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke. 2022. T. 11, № 5-1. S. 83-91.
6. Lobanova Yu. V. Manipulyatsiya soznaniem i sotsial'nyi kontrol' // Nauka, tekhnika, pedagogika. Novye tekhnologii vysshei shkoly: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 26 fevralya 2019 goda. – Moskva: federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Moskovskii politekhnicheskii universitet", 2019. – S. 293-296.
7. Lobanova Yu. V. Manipulyatsiya soznaniem: usilenie vozdeistviya v informatsionnom prostranstve // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie. 2019. № 6(93). S. 117-120.
8. Lobanova Yu. V. Ot televideniya k internetu: otkrytaya strategiya kommunikatsii // Tochki nad E. 2012. № 1(2). S. 74-77.
9. Lobanova Yu. V. Rol' ekrannykh tekhnologii v formirovanii novoi kul'tury emotsii i chuvstv // Kommunikologiya. 2022. T. 10, № 3. S. 116-122.
10. Lobanova Yu. V. Chelovek v sisteme simvolicheskogo potrebleniya i emotsional'nyi kapitalizm // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2022. № 3. S. 6-12.
11. Lobanova Yu. V. Emotsional'nye osobennosti vospriyatiya feikovykh soobshchenii // Obrazovatel'nyi vestnik Soznanie. 2022. T. 24, № 11. S. 59-65.
12. Rabenko T. G. Problema referentsii khudozhestvennogo i estestvennogo diskursov v

- kontekste sovremennoi lingvistiki // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2017. № 5. S. 236-241.
13. Saenko N. R. Sud'ba printsipa udovol'stviya v epokhu postsovremennosti // Sovremennoe kul'turnoe prostranstvo : Filosofiya. Iskusstvo. Tekhnologiya. Informatsiya / Nauchnaya redaktsiya V. Kh. Razakova. Volgograd : Volgogradskoe regional'noe otdelenie Molodezhnogo soyuza yuristov RF, 2004. S. 22-28.
 14. Fedorova O. V., Delikishkina E. A., Malyutina S. A., Uspenskaya A. M., Fein A. A. Eksperimental'nyi podkhod k issledovaniyu referentsii v diskurse // <https://www.dialog-21.ru> (Elektronnyi resurs) –URL: <https://www.dialog-21.ru/media/1701/76.pdf> (Data obrashcheniya: 04.08.2022).
 15. Fuko M. Poryadok diskursa // Monocler.ru (Elektronnyi resurs) URL: <https://monocler.ru/poryadok-diskursa-fuko/> (Data obrashcheniya: 05.08.2022).
 16. Shatunova T. M. Sobytie chuvstva kak fenomen sovremennosti // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2010. T. 152. № 1. S. 188-198.
 17. Andryukhina N. V. Assertive speech acts as an expressive mean of insincere discourse // Researchgate.net (Elektronnyi resurs). URL: https://www.researchgate.net/publication/316205826_Assertive_speech_acts_as_an_expressive_mean_of_insincere_discourse (Data obrashcheniya: 06.08.2022).
 18. Assange J. A CYPHERPUNK IN HIS OWN WORDS // Researchgate.net (Elektronnyi resurs). Pp. 199 – 215. URL: <https://www.researchgate.net/publication/337425438> (Data obrashcheniya: 06.08.2022).
 19. Features of the modern process of differentiation of sense and meaning in communication / P. S. Volkova, E. S. Orekhova, N. R. Saenko [et al.] // Media Watch. 2020. Vol. 11, No. 4. P. 679-689.
 20. Legal status of fake news: global challenges and possible solutions / E. F. Tsokur, M. G. Repina, N. R. Saenko, S. L. Grigoryev // Relacoes Internacionais no Mundo Atual. 2022. Vol. 2, No. 34. P. 60-73.
 21. Schulze G. Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart. Campus, Frankfurt am Main, 1992.
 22. Somer M. Insincere Public Discourse, Inter-Group Trust, and Implications for Democratic Transition: The Yugoslav Meltdown Revisited // Semantic Scholar.org [Electronic resource]: Corpus ID: 73715236 – Code access URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Insincere-Public-Discourse%2C-Inter-Group-Trust%2C-and-Somer/35b861a3d44d92bcf646> (Reference date: 05.08.2022).
 23. Zappettini F., Ponton D. M., Larina T. V. Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda. (Zappettini F. i dr. Emotsionalizatsiya sovremennogo mediadiskursa: issledovatel'skaya povestka dnya) // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25. № 3. Pp. 586-610.

Behavioral patterns and linguistic features of formal negotiations with partners from Latin America

Lityagina Elena Andreevna

PhD in Philology

Associate Professor, Faculty of World Politics, Department of International Communication, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Lomonosov Moscow State University"

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1 p. 51, 5th floor

✉ git-opa@mail.ru

Klimova Kseniya Mikhailovna

Senior Lecturer, Faculty of World Politics, Department of International Communication, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Lomonosov Moscow State University"

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1 building 51, Floor 5

✉ klimovakm@yandex.ru

Abstract. Nowadays, interaction between different cultures and peoples is becoming increasingly important, that is why negotiations play a key role in political and business communication. In order to ensure effective and successful intercultural business communication, it is necessary to study the socio-cultural and linguistic characteristics of negotiations in Latin America, as well as to develop recommendations for persons in contact with Latin American partners. This article aims to identify and describe the socio-cultural and linguistic features of political and business negotiations in Latin America, identify important cultural and behavioral patterns when negotiating with Latin American partners, discover words, terminological phrases, grammatical models and speech structures used in the process of communication in business Spanish.

For this research, scientific works of domestic and foreign cultural scientists, linguists, sociologists, political scientists, interviews with politicians and businessmen are used. The work uses analytical, descriptive, interpretative, deductive, empirical methods, as well as the analysis of scientific literature.

The scientific novelty of this work is to identify the communicative and relevant features of the Latin American business mentality and systematize the common cultural and behavioral patterns of Latinos in political and business negotiations. The influence of the cultural characteristics of the behavior of Latin Americans on the of the business discourse linguistic features of the region is established: the use of a subjunctive mood, Condicional Simple, business terms-regionalisms, special vocabulary to express superiority, reinforcement techniques. From the analysis carried out, it can be concluded that the peoples of Latin America, which are a unique region with a rich culture and history, are distinguished by friendliness, openness, expressivity, patriotism and love of art, but sometimes in the business sphere there may be uncharacteristic emotionality, unpunctuality and a tendency to evade responsibility and direct judgments.

Keywords: Spanish language, linguistic aspect, socio-cultural aspect, national characteristics, politics, business, Latin America, political negotiations, business negotiations, intercultural business communication

References (transliterated)

1. Aleksandrova Yu.G. Osobennosti vedeniya delovykh peregovorov evropeiskikh stran / Yu.G. Aleksandrova // Rossiiskii vneshnetorgovyi vestnik. 2011. №2. S. 63-68.
2. Vasilenko I.A. Politicheskie peregovory: uchebnoe posobie / I.A. Vasilenko. M.: Gardariki, 2006. 398 s.
3. Gesteland R.L. Kross-kul'turnoe povedenie v biznese / Richard Gesteland. M., Balans Biznes buks, 2004. 288 s.
4. Zemskaya E.A. Ispaniya i Latinskaya Amerika: «Soobshchayushchiesya yazykovye sosudy» // Vestnik MGIMO Universiteta. 2011. No 6 (21). S. 71-77.
5. Zykov E.A. Iskusstvo vedeniya delovykh peregovorov na angliiskom yazyke //

- Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2020. No 10 (2). S. 106-111.
6. Ignat'eva E. S. Mezhdunarodnyi delovoi etiket na primere 22 stran mira / E. S. Ignat'eva. Bombora, 2020. 1221 s.
 7. Kavrigina A.I. Kul'turno-obuslovlennyye strategii kommunikativnogo povedeniya v delovykh peregovorakh v Latinskoi Amerike // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. No 5 (116). S. 164-175.
 8. Kadochnikov P. A. Integratsionnye protsessy v Latinskoi Amerike i perspektivy uchastiya v nikh Rossii (Tamozhennogo soyuza) // Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik. 2014. No 12. S. 3-18.
 9. Kirechko E.M. Osnovnye kharakteristiki politicheskoi kul'tury Latinskoi Ameriki. // Mirovaya politika. 2017. № 4. S. 14-21. DOI: 10.25136/2409-8671.2017.4.24502 URL: https://e-notabene.ru/wi/article_24502.html
 10. Kovalenko A.S. Leksicheskie osobennosti delovogo yazyka v Argentine // Moscow University Young Researcher's Journal. 2021. № 9.
 11. Konstantinova N.S. Kul'turnaya identichnost' stran Ibero-Ameriki: mify i real'nost' // Latinskaya Amerika. 2015. No 12. S. 77-86.
 12. Lopera Kh., Ines M. Vina korovy. Biblos, 2021.
 13. Samarina E.L. Analiz sotsiokul'turnykh kharakteristik stran Latinskoi Ameriki i Rossii // Diskurs. 2017. (2). S. 86-97.
 14. Sapozhnikova E. E. Sopostavitel'nyi analiz natsional'no-kul'turnykh osobennostei yazyka delovogo obshcheniya (na materiale peregovorov na angliiskom, ispanskom i russkom yazy-kakh): dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2004. 260 s.
 15. Solov'ev E.Ya. Sovremennyi etiket. Delovoi protokol / E.Ya. Solov'ev. M.: Izdatel'stvo «Os'-89», 2001. 320 s.
 16. Shemyakin Ya.G. Latinoamerikanskii prazdnik kak predmet tsivilizatsionnogo issledovaniya // Latinskaya Amerika. 2001. № 11. S. 43-62.
 17. Diccionario de la Lengua Española/Diccionario de Americanismos: <https://dle.rae.es/>
 18. Llamazares O. Cómo negociar con éxito en 50 países. Global Marketing Strategies / Olegario Llamazares García-Lomas. Madrid: S.L. 2003. 244 p.
 19. Ogliastri E., Salcedo G. La cultura negociadora en el Perú. Un estudio exploratorio // Journal of Economics, Finance and Administrative Science. 2008. Vol. 13 (25). R. 9-34.
 20. Parrado F. A., Cabezas Rodríguez L. M., Calderón Saray C. S. Estudio de estilos de negociación en Perú, México y Argentina // Palermo Business Review. 2018. Vol. 18. R. 281-298.
 21. Perea Mosquera L. N., Redondo Ramírez M. I., Rodríguez Henai L. J., Aristizábal Henao M. M. El arte de negociar en Europa, América Latina y Asia. Pereira, 2021. 225 p.
 22. Risager K. Language textbooks: windows to the world // Language, Culture and Curriculum. 2021. Vol. 34, iss. 2. P. 119-132.

Linguistic and cultural specifics of the sports media narrative (based on the example of sports commentaries in Canada and Russia)

Associate Professor; Department of Intercultural Communications and Translation Studies; Vladivostok State University

690002, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Krasnoe Znamya ave., 51, sq. 230

✉ leonid.pak@wsu.ru

Abstract. This study is devoted to the comparative study of the specifics of the sports media narrative. The aim of the study is to compare the sports media narrative in the linguistic and cultural paradigm (based on the material of sports commentaries from Canada and Russia). The object of the study is the sports media narrative in the Canadian and Russian linguistic cultures. The subject of the study is the linguistic and cultural aspect of the sports media narrative of Russia and Canada. The relevance of this article lies in the fact that events in the field of sports reflect the problems of globalization and forecasting the future, which determines the importance of both a comprehensive and aspect-based study of communication in this field and, in particular, the sports media narrative. In addition, comparative studies that identify the linguistic and cultural features of the modern media text, its expressive capabilities as a means of organizing narration, correspond to the methodology of modern language science. The main methods used in this work are comparative discourse analysis and the linguistic narrative method. In addition, quantitative data processing methods were used. The novelty of this work is due to the fact that for the first time a comparative analysis of the sports media narrative in English and Russian (based on the material of sports commentary) is carried out. Conclusions: oral texts produced within the framework of both discourses are characterized by internal dynamics, polycode (the commentator's speech is accompanied by a video sequence) and are arranged in accordance with the canonical narrative sequence. When describing the image of an event, commentators, speakers of different linguistic cultures, use an extra-egitic strategy (an omniscient observer-narrator), sometimes using an introdiegetic strategy (the desire to indirectly become a participant in the narrated events). Linguistic and cultural differences are most clearly seen at the level of speech types. Russian commentators are characterized by the use of informative narration, while Canadian commentators use descriptive narration. The second most significant type of speech in the Russian media discourse is reasoning. For Canadian commentators, the description is more typical. The Russian sports media narrative follows a dramatic (plot) way of showing events, while the Canadian one follows a chronotopic one, i.e. it is determined by reference to time and place. The revealed differences may indicate that when narrating an event, commentators create a "second reality" based on their axiological attitudes due to cultural differences between the two countries.

Keywords: types of speech, polycode, the nature of the narrative strategy, narrative sequence, linguistic and cultural specifics, narratology, the linguistic narrative method, sports media narrative, sports commentary, event display

References (transliterated)

1. Bakhtin, M. M. Voprosy literatury i estetiki / M. M. Bakhtin. – M.: Khud. lit., 1975. – 504 c.
2. Shmid, V. Narratologiya / V. Shmid. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003. – 312 s.
3. Propp, V. Ya. Morfologiya skazki / V. Ya. Propp. – M.: Nauka, 1969. – 168 s.
4. Bart, R. Semiologiya / R. Bart // Strukturalizm: «za» i «protiv»: sb. statei. – 1975. – S. 114–164.

5. Zhenett, Zh. *Figury* / Zh. Zhenett. – M.: Azbuka, 1998. – 944 s.
6. Todorov, Ts. *Poetika* / Ts. Todorov // *Strukturalizm: «za» i «protiv»: sb. statei.* – 1975. – S. 37–114.
7. Moshtyleva, E. S. *Modeli narratsii v sovremennoi russkoyazychnoi internet-kommunikatsii: lingvopragmaticheskii i lingvisticheseskii analiz*, diss. kand. filol. nauk. / Moshtyleva Ekaterina Sergeevna [Mesto zashchity: Nizhnii Novgorod], 2021. – 190 s.
8. Dunas, D. V. *Otazhenie metanarrativov v molodezhnykh onlain-soobshchestvakh (na primere VK i Telegram)* / D. V. Dunas, D. A. Babyna, O. A. Boiko, S. A. Vartanov, D. M. V'yugina, A. N. Gureeva, A. A. Gladkova, E. A. Salikhova, A. V. Tolokonnikova, G. S. Filatkina // *Zhurnal SFU. Gumanitarnye nauki.* – 2023. – №12. – S. 2285–2297.
9. Kushneruk, S. L. *Chelyabinsk i chelyabintsy: miromodelirovanie v amerikanskom zhurnalistskom narrative* / S. L. Kushneruk, O. A. Samieva // *Vestnik ChelGU.* – 2022. – №9 (467). – S. 122–132.
10. Kudryavtseva, Z. G. *Taktiki rechevogo vozdeistviya na osnovnykh urovnyakh sodержaniya narrativa* / Z. G. Kudryavtseva // *Vestnik Bashkirsk. un-ta.* – 2020. – №1. – S. 181–186.
11. Kudryavtseva, Z. G. *Vidy narrativov v politicheskom diskurse* / Z. G. Kudryavtseva // *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki.* – 2021. – №4 (43). – S. 142–146.
12. Pervykh, D. K. *Narrativnyi «fol'klor» kak informatsionnoe oruzhie proshlogo i nastoyashchego* / D. K. Pervykh // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki.* – 2022. – №4. – S. 180–190.
13. Deik, van T. A. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* / T. A. van Deik. – M.: Progress, 1989. – 310 s.
14. Tyupa, V. I. *Novostnoi diskurs kak narratologicheskaya problema* / V. I. Tyupa // *Novyi filologicheskii vestnik.* – 2017. – №3 (42). – S. 40–51.
15. Agratin, A. E. *K voprosu o sobytiinoi strukture novostnogo narrativa (na materiale «ugrozhayushchikh» soobshchenii)* / A. E. Agratin // *Novyi filologicheskii vestnik.* – 2019. – №2 (49). – S. 79–90.
16. Nikolaeva, O. V. *Medianarrativ «Aziatskii vek» skvoz' prizmu natsional'nykh narrativov Vostoka i Zapada* / O. V. Nikolaeva // *Voprosy sovremennoi lingvistiki.* – 2023. – №4. – S. 73–86.
17. Sikueira, F. L. *Brazil'skii medianarrativ o rossii: konstruirovaniye real'nosti i korrelyatsiya s amerikanskimi media* / F. L. Sikueira, L. I. Baturina, A. B. Markondes // *Medialingvistika.* – 2022. – №2. – S. 140–166.
18. Leont'ev, A. A. *Psikholingvisticheskie osobennosti yazyka SMI // Yazyk sredstv massovoi informatsii: ucheb. posobie dlya vuzov* / A. A. Leont'ev, pod red. M. N. Volodinoi. – M.: Akademicheskii prospekt. Al'ma Mater, 2008. – S. 146–152.
19. TSN. URL: <https://www.tsn.ca/live> (data obrashcheniya: 01.06.2024).
20. Sportbox. URL: https://news.sportbox.ru/Vidy_sporta/Hokkej/world_championship/stats/turnir_20728 (data obrashcheniya: 09.04.2024).
21. Labov, W. (2001) *Uncovering the event structure of narrative.* Georgetown University Round Table (Pp. 63–83). Georgetown: Georgetown University.

Anton Chekhov in the work of Wang Zengqi

Zhang Huizhen

Postgraduate student; Department of Russian and Foreign Literature; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ 1042225077@pfur.ru

Meskin Vladimir Alekseevich

Doctor of Philology

Professor; Department of Russian and Foreign Literature; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ vameskin@yandex.ru

Abstract. The article examines the reflection of Anton Pavlovich Chekhov's work in the works of the famous contemporary Chinese writer Wang Zengqi, who has repeatedly stated the influence of the Russian novelist on his works. The purpose of this paper is to examine the genesis of Wang Zengqi's work, to determine how exactly the influence of the nineteenth-century novelist on the twentieth-century novelist manifests itself. Based on the theory of comparative literature by A. Veselovsky and V. Zhirmunsky, we analyze the most famous stories by Wang Zengqi, in which the influence of the master and teacher is particularly clear. In conjunction with the method of comparative study, other methods – biographical and hermeneutic – were used during the research. The authors of the article point out the recognizable dominants of the Russian writer's style, clearly manifested in Wang Zengqi's works – the inclination to objectivity, to a detailed depiction of reality with some reticence, to ambivalence, to a slight irony in the depiction of life phenomena. All these and other features of Wang Zengqi's style allow us to assert that he really heeded the lessons of the Russian master. At the same time, the flexibility of the Chinese novelist's perception of Chekhov's poetics and his ability to organically combine national and foreign origins are noted. The novelty of the article lies in the discovery of typological and genetic links between the works of Anton Chekhov and Wang Zengqi, links that have not been previously noted by literary scholars either in China or in Russia. This work may contribute to the intensification of the consideration of historical and literary ties between Russia and China, to the expansion of this kind of work, which will eventually deepen further mutual understanding between the two nations.

Keywords: Anton Chekhov, influence, reception, typology, poetics, short stories, Chinese literature, Russian literature, literary studies, Wang Zengqi

References (transliterated)

1. Zhirmunskii V.M. Sravnitel'noe literaturovedenie: Vostok i Zapad. Leningrad.: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1979. S. 194.
2. Lu Sin'. Pol. sob. soch. Lu Sinya, tom shestoi. Pekin.: Narodnaya literatura, 1981. S. 219. (鲁迅. 鲁迅全集第6卷. 人民文学出版社, 1981)
3. Van Tszentsi. Pol. sob. soch. Van Tszentsi. Tom chetvertyi, sbornik esse. Pekin: Izdatel'stvo Pekinskogo pedagogicheskogo universiteta, 1998. (汪曾祺. 汪曾祺全集第4卷. 北京师范大学出版社, 1998.)
4. Van Tszentsi. Pol. sob. soch. Van Tszentsi. Tom tretii, sbornik esse. Pekin:

- Izdatel'stvo Pekinskogo pedagogicheskogo universiteta, 1998. (汪曾祺. 汪曾祺全集第3卷. 北京师范大学出版社, 1998.)
5. Kryuchkov V.P. Rasskazy i p'esy A. P. Chekhova: situatsii i personazhi. Saratov: Litsei, 2002. C. 53.
 6. Chekhov. A.P. Chekhov o literature. M.: Goslitizdat, 1955.
 7. Tyan' Chzhun''yan, Chzhao Shutsin'. Istoriya sovremennoi kitaiskoi literatury. Khaikou: Nan'khaishkaya izdatel'skaya kompaniya, 2006. S. 190–191. (田中阳, 赵树勤. 中国当代文学史. 南海出版公司, 2006.)
 8. Lin Syan'chzhi. Van Tszentsi: kitaiskii liricheskii gumanist // Literaturnoe obozrenie reki Yantszy. 2023. № 2. S. 83–86. (林贤治. 汪曾祺: 一个中国式的抒情的人道主义者 // 扬子江文学评论. 2023. № 2.)
 9. Dun Tszyan'syun. O vliyanii Chekhova na novellistiku Van Tszentsi // Zhurnal Tsinkhaiskogo pedagogicheskogo kolledzha. 2004. № 6. S. 43. (董建雄. 论契诃夫对汪曾祺小说创作的影响 // 青海师专学报. 教育科学. 2004. № 6.)
 10. Chzhai Etszyun'. Dozhd' v zapadnom okne, stuk v kolokol – o Van Tszentsi i zarubezhnoi literature // Issledovanie sovremennoi kitaiskoi literatury. 2023. № 7. S. 68. (翟业军. 西窗雨, 叩响一口钟——论汪曾祺与外国文学. 中国现代文学研究丛刊. 2023. № 7.)
 11. Van Tszentsi. Pol. sob. soch. Van Tszentsi, tom vos'moi. Pekin: Izdatel'stvo Pekinskogo pedagogicheskogo universiteta, 1998. (汪曾祺. 汪曾祺全集第8卷. 北京师范大学出版社, 1998.)
 12. Van Tszentsi. Pol. sob. soch. Van Tszentsi, tom vtoroi. Pekin: Izdatel'stvo Pekinskogo pedagogicheskogo universiteta, 1998. S. 435. (汪曾祺. 汪曾祺全集第2卷. 北京师范大学出版社, 1998.)
 13. Chzhai Ven'chen. O konfutsianskom esteticheskom dukhe tvorchestva Van Tszentsi // Zhurnal teorii. 2010. № 8. S. 123. (翟文铨. 论汪曾祺创作的儒家美学精神. 理论学刊. 2010. № 8.)
 14. Van Tszentsi. Pol. sob. soch. Van Tszentsi, tom pyatyi, sbornik esse. Pekin: Izdatel'stvo Pekinskogo pedagogicheskogo universiteta, 1998. S. 286. (汪曾祺. 汪曾祺全集第5卷. 北京师范大学出版社, 1998.)
 15. Van Tszentsi. Pol. sob. soch. Van Tszentsi, tom shestoi, sbornik esse. Pekin: Izdatel'stvo Pekinskogo pedagogicheskogo universiteta, 1998. S. 371. (汪曾祺. 汪曾祺全集第6卷. 北京师范大学出版社, 1998.)

The Journey from hell to hell in Vladimir Nabokov's novel «King, Queen, Knave»

Zhu Ziwei

Postgraduate student; Department of the History of Modern Russian Literature and the Modern Literary Process;
Mskow State University in Shenzhen; Lomonosov Mskow State University

518172, China, Guangdong region, Shenzhen, Guojidaxueyuan str., 1

✉ zhuziweilove@163.com

Abstract. The article analyzes the features of the journey of the main character of V. V. Nabokov's novel «King, Queen, Knave». The trivial situation of the hero moving from the province to the capital in search of success turns into a metaphysical journey in the book, the mythological and literary roots of which go back to the «Divine Comedy» by Dante Alighieri. In a collapsed, metaphorical form, this plot manifests itself at the very beginning of «King, Queen, Knave», when the hero moves on a train from a third-class carriage to a second-class

carriage. At the same time, Nabokov ironically compares this transition with moving from hell to heaven. The novel «King, Queen, Knave» is full of mistakes that the characters make due to their physical (in Franz) and spiritual (in everyone) blindness, but the main mistake of the book is the aberration of perception of the inner reality of loved ones, which determines the distortion of the reception of the external world. Instead of ascending to heaven, Franz finds himself in a state of being in the lower circles, where adulterers and murderers are tormented. Nabokov simultaneously follows Dante's scheme and ironically rejects it: Franz in Nabokov's optics is a spiritually untenable and static hero, and the world is largely based on random event couplings. Nevertheless, the plot of the real and metaphysical movement of the hero in «King, Queen, Knave» demonstrates the situation of tragic self-deception of a person making a journey from hell to hell. The relevance of the article is determined by the continuing interest of Russian and foreign literary criticism in the semantic and poetic multilayeredness and density of Nabokov's texts, to the specifics of their plot, to the peculiarities of their character system, to the originality of their motivic system, etc.

Keywords: intertext, paradise, hell, Dante's world, travelogue, journey, the Russian period, Nabokov's prose, illusion, transcendent reality

References (transliterated)

1. Boid B. Vladimir Nabokov: russkie gody: Biografiya / Per. s angl. SPb.: Izdatel'stvo «Simpozium, 2010. 696 s.
2. Buks N. Eshafot v khrustal'nom dvortse. O russkikh romanakh Vladimira Nabokova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1998. 208 s.
3. Dolinin A. A. Istinnaya zhizn' pisatelya Sirina // Nabokov V. V. Russkii period. Sobranie sochinenii v 5 tomakh. T. 2. / Sost. N. Artemenko-Tolstoi. Predisl. A. Dolinina. Prim. M. Malikovoi, V. Polishchuk, O. Skonechnoi, Yu. Levinga, R. Timenchika. SPb.: «Simpozium», 2009. S. 9-41.
4. Iozha D. Z. Mifologicheskie podteksty romana "Korol', dama, valet" // V. V. Nabokov: pro et contra. SPb.: RKhGI, 2001. T. 2. S. 662-694.
5. Konnolli Dzh. «Korol', dama, valet» / Perevod Kseniya Tverinovich // V. V. Nabokov: pro et contra. SPb.: RKhGI, 2001. T. 2. S. 599-618.
6. Nabokov V. V. Lektsii po russkoi literature / Per. s angl. S. Antonova, E. Golyshevoi, G. Dashevskogo i dr. SPb.: Izdatel'skaya Gruppa «Azbuka-klassika», 2010. 448 s.
7. Nabokov V. V. Russkii period. Sobranie sochinenii v 5 tomakh T. 2. / Sost. N. Artemenko-Tolstoi. Predisl. A. Dolinina. Prim. M. Malikovoi, V. Polishchuk, O. Skonechnoi, Yu. Levinga, R. Timenchika. SPb.: «Simpozium», 2009. 784 s.
8. Strel'nikova L. Yu. Igra kak khudozhestvennyi metod v russkoyazychnykh romanakh V. V. Nabokova v kontekste zapadnoevropeiskoi estetiki modernizma i postmodernizma: monografiya. Negosudarstvennoe chastnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Armavirskii lingvisticheskii sotsial'nyi institut". Armavir: NChOU VO ALSI, 2017. 471 s.
9. Forrester V. Blestyashchee proizvedenie molodosti: Pisatel' v zerkale kritiki "Korol', dama, valet" (1928): 40 let bez Nabokova // Inostrannaya literatura. 2017. № 6. S. 180-181.
10. Khasin G. Mezhdru mikro i makro: povestvovanie i metafizika v romane V. Nabokova «Korol', dama, valet» // V. V. Nabokov: pro et contra. SPb.: RKhGI, 2001. T. 2. S. 619-649.
11. Nabokov V. King, Queen, Knave. Translated by Dmitry Nabokov in collaboration with

the author. New York; Toronto: McGraw-Hill, 1968. 273 p.

M. O. Menshikov about N. N. Strakhov: obituary as a manifestation of common views and the basis for bringing together the destinies of Russian critics

Krizhanovsky Nikolay Igorevich

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Publicistic Writing and Journalism, Kuban State University

350040, Russia, 350040 G. Krasnodar, krai, g. Krasnodar, ul. Stavropol'skaya, 149

✉ nicolaykri@mail.ru

Abstract. In the article, in a historical and literary context, the obituary of the famous publicist, critic, and journalist at the turn of the 19th – 20th centuries M. O. Menshikov, dedicated to the outstanding Russian critic N. N. Strakhov, is analyzed for the first time. The focus of the study is the interest of M.O. Menshikov to Nikolai Strakhov, which manifested itself at different stages of the publicist's work, as well as the convergence of the creative and biographical traits of the two critics. The subject of the study is the attitude to the artistic and journalistic creativity of L. N. Tolstoy, Tolstoyism, critical realism and decadence. This work makes possible the determination of the degree of interest of the "Week" critic in Strakhov's work, to identify the biographical and creative similarities between the two critics, to compare their perception of L. N. Tolstoy's story "The Master and the Worker" and their attitude to the artistic and journalistic heritage of the Yasnaya Polyana genius. The study substantiates the idea of Menshikov's deep interest in the national issue, which was formed even before moving to the newspaper "Novoe Vremya". The author noted that the obituary reflected themes characteristic of the publicist's work, laid the seeds of his negative attitude towards the revolutionary movement, and indicated the ideological inconsistency and ambiguity of the publicist's position in the 1890s. Using text analysis, the author proved that Menshikov conducted an ideological search in the field of traditional values in the 1890s, closely related to his gradual internal spiritual growth. The methodology of this study is based on the key principles of scientific philological knowledge: the principle of historicism, consistency, objectivity and systematicity. The author used comparative typological and historical genetic methods, as well as an integrated approach to text analysis.

Keywords: national culture, Russian literature, literary criticism, L. N. Tolstoy, rapprochement, obituary, N. N. Strakhov, M.O.Menshikov, creation, Tolstoyanism

References (transliterated)

1. Anton Chekhov i ego kritik Mikhail Men'shikov: Perepiska. Dnevnik. Vospominaniya. Stat'i / Sost., podgot. tekstov, primech. A. S. Melkovoi. Moskva : Russkii put', 2005. 475 s.
2. Granovskii, B. B. Russkaya pesnya v zhizni Repina [Tekst]: Novye materialy / B. B. Granovskii, I. N. Granovskii. Moskva: Sovetskii kompozitor, 1962. 32 s.
3. Grigor'ev A. A. Literaturnaya kritika. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1967. 632 s.
4. Zhavoronkov D. V. Pisatel' i ego kritik: pis'ma M. O. Men'shikova L. N. Tolstomu 1890-kh-nachala 1900-kh gg. // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2018. № 3. S. 75-89. DOI: 10.7256/2454-0749.2018.3.26881 URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26881.

5. Zhirkov G. V. Se chelovek... Publitsisticheskoe slovo L. N. Tolstogo k cheloveku i chelovechestvu: monografiya / Zhirkov G. V. – Moskva: Flinta, 2019. – 768 s.
6. Koksheneva K.A. Ob iskrennosti, prostote i pravde: Ap. Grigor'ev i N. Strakhov chitayut L'va Tolstogo. Stat'ya vtoraya // Kul'turologicheskii zhurnal. 2023. № 1(51). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/609.html&j_id=55.
7. Krizhanovskii N.I. L.N. Tolstoi v zerkale zapisnykh knizhek M.O. Men'shikova. K ponimaniyu zabytoi publikatsii // V sbornike: Tvorchestvo V.I. Likhonosova i aktual'nye problemy razvitiya yazyka, literatury, zhurnalistiki, istorii. Materialy IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Krasnodar, 2020. – S. 66-73.
8. Krizhanovskii N.I. Publitsistika M.O. Men'shikova v kontekste kritiko-filosofskoi mysli rubezha XIX-XX vekov. Armavir: AGPA 2012. 188 s.
9. L. N. Tolstoi – N. N. Strakhov: Polnoe sobranie perepiski / Ottavskii un-t. Slavyan. issledovat. gruppa; Gos. muzei L. N. Tolstogo; Sost. Gromova L. D., Nikiforova T. G.; Red. Donskov A. A. T. II: Pis'ma, 1879–1896. LXV–LXX. [Moskva; Ottava], 2003. 489 – 1079 s.
10. Lapshina G. S. Gazeta «Nedelya» (1866–1901). – G. S. Lapshina. Moskva: Fakul'tet zhurnalistiki MGU imeni M. V. Lomonosova, 2009. 168 s.
11. Letopis' zhizni i tvorchestva M. O. Men'shikova: monografiya / N. I. Krizhanovskii, S. M. San'kova, E. V. Alekhina [i dr.]. Moskva: Znanie-M, 2022. 572 s.
12. M. Estestvennoe pitanie // Nedelya. 1893. № 17. Stb. 539-543.
13. M. Zametki // Nedelya. 1892.
14. Stb. 464-466. 14. M. Zametki // Nedelya. 1892. № 38. Stb. 1241-1245.
15. M. Zametki // Nedelya. 1892. № 50. Stb. 1650-1654.
16. M. Zametki // Nedelya. 1900. № 6. Stb. 218-220.
17. M. Pamyati N.N. Strakhova // Knizhki «Nedeli». 1896. №3. S. 253-257.
18. M.O.M. Otkliki IX // Nedelya. 1899. № 12. Stb. 413-416.
19. M.O.M. Otkliki LXIII // Nedelya. 1900. № 17. Stb. 593-595.
20. Men'shikov M. O. Beregite zdorov'e // Novoe vremya. 1913. № 13530 (10 noyabrya).
21. Men'shikov M. O. V chem bratstvo? II // Nedelya. 1900. № 2. Stb. 61-67.
22. Men'shikov M. O. Velikorususkaya ideya / Sost., predisl., komment. V. B. Trofimovoi / Otv. red. O. A. Platonov. Moskva: Institut russkoi tsivilizatsii, 2012. T. II. 720 s.
23. Men'shikov M. O. Vysshaya tsel' // Knizhki «Nedeli». 1894. № 11. S. 236-267.
24. Men'shikov M. O. Doznanie. // Knizhki «Nedeli». 1895. № 8. S. 191-232.
25. Men'shikov M. O. Literaturnaya khvor' // Men'shikov M. O. Kriticheskie ocherki. T.1. Sankt-Peterburg, 1899. S. 147-148.
26. Men'shikov M. O. Literaturnoe sledstvie. // Nedelya. 1895. №№ 37, 38, 41.
27. Men'shikov M. O. N. N. Strakhov // Men'shikov M. O. Kriticheskie ocherki. T.2. Sankt-Peterburg, 1902. S. 497-502.
28. Men'shikov M. O. Na poroge khrama // Knizhki «Nedeli». 1895. № 9. S. 191-226.
29. Men'shikov M. O. O zdorov'e narodnom // Men'shikov M.O. Pis'ma k blizhnim: Polnoe sobranie v 16 tt. T. 1. 1902 g. / Mikhail Men'shikov. / Sost., red. D. V. Zhavoronkov. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo «Mashina vremeni», 2019. 832 s. S. 21-28.
30. Men'shikov M. O. Pamyati A.P. Chekhova // Men'shikov M.O. Pis'ma k blizhnim: Polnoe sobranie v 16 tt. T.3. 1904 g. / Mikhail Men'shikov. / Sost., red. D. V. Zhavoronkov. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo «Mashina vremeni», 2021. S. 594-610.

31. Men'shikov M. O. Po portam Evropy. 1878-1879. Ocherki zagranichnogo plavaniya na fregate «Knyaz' Pozharskii». Ch. 1. / M. O. Men'shikov. Kronshtadt: Tipografiya «Kronshtadtskogo vestnika», 1884. 390 s.
32. Men'shikov M. O. Trinadtsatyi tom sochinenii gr. L.N. Tolstogo // Men'shikov M. O. Kriticheskie ocherki. T.2. Sankt-Peterburg, 1902. S. 335-343.
33. Men'shikov M. O. Sbilis' s dorogi // Men'shikov M. O. Velikorususkaya ideya / Sost., predisl., komment. V. B. Trofimovoi / Otv. red. O. A. Platonov. Moskva: Institut russkoi tsivilizatsii, 2012. T. II. S. 529-561.
34. Mikhail Osipovich Men'shikov: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo publitsista v otsenkakh sovremennikov / Pod red. N. I. Krizhanovskogo, O. A. Dorofeevoi. Sost., podg. teksta, imen. ukaz. N. I. Krizhanovskii, O. A. Dorofeeva, N. A. Ryzhkina. Moskva: Znanie-M, 2020. 532 s.
35. Nikiforov L. P. Gde zhe doroga? // Knizhki «Nedeli». 1896. № 3. S. 242-252.
36. Orlov A. S. Tvorchestvo L. N. Tolstogo v otsenkakh M. O. Men'shikova rannego perioda (fragmenty dnevnikov) // Istoriya: fakty i simvoly. 2023. № № 1 (34). S. 140-150.
37. OKhDLSM. F. 202. Op. 1. D. 23.
38. OKhDLSM. F. 202. Op. 1. D. 24.
39. OKhDLSM. F. 202. Op. 1. D. 31.
40. Pis'ma grafa L. N. Tolstogo k zhene. 1862-1910 gg. / [predislovie: Sof'ya Tolstaya]. – Izdanie vtoroe, ispravlennoe i dopolnennoe. Moskva: Tipo-litografiya Tovarishchestva I. N. Kushnerev i K^o, 1915. 604 s.
41. Rennikov A. M. Minuvshie dni. N'yu-Iork, 1954. 353 s.
42. Rozanov V. V. N. N. Strakhov (24 yanvarya 1896 g.) // Rozanov V. V. Polnoe sobranie sochinenii: V 35-i tomakh. Tom 2. O pisatel'stve i pisatelyakh: literaturnye ocherki. Taina. Moskva: Rostok, 2015. S. 199-222.
43. San'kova S. M., Orlov A. S. Mikhail Men'shikov. – Sankt-Peterburg: Nauka, 2017. – 252 s.
44. Strakhov N. N. Zametki o Pushkine i drugikh poetakh / N. Strakhov. – 2-e izd., dop. Kiev: [I. Matchenko], 1897 (tip. I. I. Chokolova). 281 s.
45. Strakhov N. N. Literaturnaya kritika. Moskva: Sovremennik, 1984. 431 s.
46. Strakhov N. N. Sochineniya grafa Golenishcheva-Kutuzova. T. I-II. SPb, 1894 // Otchet o desyatom prisuzhdenii premii A.S. Pushkina 1894 goda. Sankt-Peterburg: Tip. Imperatorskoi Akademii nauk, 1895. 74 s.
47. Strakhov N. N. Tolki ob L. N. Tolstom. (Psikhologicheskii etyud) / N. N. Strakhov // Voprosy filosofii i psikhologii. – M., 1891. – God II, kn. 9. S. 98-132.
48. Tolstoi L.N. Polnoe sobranie sochinenii v 90 t. T. 52. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1952. 428 s. S. 76.
49. Tolstoi L.N. Polnoe sobranie sochinenii v 90 t. T. 68. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1954. 304 s.
50. Tunimanov, V.A. Dostoevskii, Strakhov, Tolstoi (labirint stseplenii) / V.A. Tunimanov // Russkaya literatura. 2006. №3. S. 38-96.
51. Fateev V. A. N. N. Strakhov: Lichnost'. Tvorchestvo. Epokha: monografiya. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom», 2021. 652 s.
52. Shrubu M. Literaturnye ob"edineniya Moskvyy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar'. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. 448 s.

Features of the author's prose about the First World War

Pokhalenkov Oleg Evgen'evich

Doctor of Philology

Professor, Department of Literature, Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky

248002, Russia, Kaluzhskaya oblast', g. Kaluga, ul. Nikolo-Kozinskaya, 56, kv. 8

✉ olegpokhalenkov@rambler.ru

Abstract. This article examines the author's prose about the First World War by two famous European writers (and participants in the war) – the Briton Robert Graves ("I'm Sorry, goodbye to all this", 1929) and the German Ludwig Renn ("The War", 1928). The subject of the study is the genre features of the works, some features of which can be attributed to both autobiography and fiction. Special attention is paid to two poetological categories: the role of the protagonist and the chronotope. Ambivalence of the genre characteristics of the works themselves, since, on the one hand, they are documentary, and on the other – fictitious. Documentality or factuality is set by the specific biography of the self-revealing "I" of the author. Fictionality grows out of the absolute possession of the speech structure of the work, the author, the subject and the object of the narrative. Comparative historical and comparative typological methods made it possible to consider literary interactions, parallels, similarities, as well as borrowings and mutual influences of literatures. The typological method made it possible to consider the similarities and differences in literary phenomena by clarifying the degree of similarities and differences in cultural life. The main conclusions of the study are that the Briton Robert Graves changed "I'm sorry, goodbye to all that" into a documentary narrative, and Renn, on the contrary, transformed diary entries into fiction (the novel "War"). The aim of both authors, as Renn himself pointed out, was to show the war as it really is. The scientific novelty of the work is as follows: it was revealed that if the spatial and temporal pointers coincide, then nevertheless space and time in autobiographical texts do not coincide with the real one, since the recalled chronotope is not perceptual, i.e. specifically given, it has the character of a reconstructed in the memory of the author-the subject-protagonist. That is why we are talking about the synthesis of genres in the works of R. Graves and L. Renn, which accumulated features of both autobiography and fiction.

Keywords: narrator, poetic time, poetic space, main character, genre, First world war, Lidwig Renn, Robert Graves, biography, fiction

References (transliterated)

1. Karaeva L.B. «Angliiskaya literaturnaya avtobiografiya: transformatsiya zhanra v XX veke»...avtoreferat na soiskanie stepeni doktora filologicheskikh nauk. Moskva, 2010. 38 s.
2. Kleimenova V. Yu. Fiktional'nost' i vymysel v tekste // Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. 2011. № 143. S. 94-102.
3. Toper P.M. Lyudvig Renn. Moskva: Vyssh. shkola, 1965. 58 s.
4. Fassel P. Velikaya voyna i pamyat'. SPb., 2015. 470 s.
5. Shmid V. Narratologiya. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003. 608 c.
6. Aldington R. Death of a Hero (with Dedication to Halcott Glover). London, 1984. 308 p.
7. Erll A. Wars We have Seen: Literature as a Medium of collective Memory in the «Age of Extremes» // Lamberti E., Fortunati V. (eds.) Memories and Representations of War: The Case of World War I and World War II. Amsterdam and New York: Rodopi, 2009.

Pp. 27-43.

8. Finney Br. *The Inner I: British Literary Autobiography of the Twentieth Century*. London, Boston: Faber and Faber, 1985. 286 c.
9. Graves R. *Goodby to All That*. London: Harmondsworth, 1960, 281 p.
10. Monteith S. *Pat Barker*. Horndon: Northcote House, 2002. 130 p.
11. Müller H-H. *Der Krieg und der Schriftsteller: Der Kriegsroman der Weimarer Republik*. Stuttgart, 1986. S. 200; *Sinn und Form*, №21, 1969. Pp. 1069-1083.
12. Onions Jh. *English drama and fiction 1918-1939*. Macmillan, 1990. 199 p.
13. Pascal R. *Design and truth in autobiography*. London, 1960. 214 p.
14. Renn R. *Krieg. Nachkrieg*. Reinbeck, 1988. 520 s.

The Image of the Russian People in F. M. Dostoevsky's *Crime and Punishment*

Yang Jinghong

PhD in Philology

Postgraduate student; Department of the History of Russian Literature; Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Lebedeva str., Leninskie Gory, 1, Main Building of Moscow State University, buildings E

✉ yangj@my.msu.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of the image of the Russian people in line with the "soil ideology" and its Christian symbolism in "Crime and Punishment". The object of the research is folk images in the novel, the subject is the folk scene and the system of images as a means of artistic expression of Dostoevsky's moral ideal. The research material is the novel "Crime and Punishment", as well as artistic, journalistic and epistolary works of the writer, reflecting his views on national and religious issues. The purpose of the study is to identify associative links between folk images and main subjects and to embody the ideas of "soil weltanschauung" and the problem of Dostoevsky's nationality in the images of the Russian people. Special attention is paid to the problems of the people and the national religious culture reflected in the images of the Russian people. The research methods include analysis, synthesis, generalization, induction, description, cultural-historical and comparative-typological methods. The scientific novelty of the research lies in the first comprehensive analysis of the image of the people in the writer's work from an ideological and mythological point of view. Based on the conducted research, the author comes to the conclusion that the images of the people created by Dostoevsky are filled with deep meaning, and the voice of the people influences the development of the plot and the fate of the main character. The dichotomy of the Russian folk character is revealed through the juxtaposition of two Symbols: on the one hand, piety, the desire for repentance and sacrifice, on the other – cruelty, sin and forgetfulness of God. Dostoevsky notes that the corruption and depravity of a part of the national trait cannot cancel the foundations of Orthodox culture laid down in the national consciousness. The Russian people are destined to assume a messianic role for the salvation of all mankind. The practical significance lies in the possibility of using the results of the work in the study of Dostoevsky's work in universities.

Keywords: nationality, *pochvennichestvo*, morality, Orthodoxy, Russian people, *Crime and Punishment*, spirituality, Dostoevsky, faith, schism

References (transliterated)

1. Amelin G. G. Lektsii po filosofii literatury: pamyati Meraba Mamardashvili. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury: izdatel' Aleksei Koshelev, 2005. 416 s.
2. Andzhei de Lazari. V krugu Fedora Dostoevskogo. Pochvennichestvo. M.: Interbuk, 2004. 205 s.
3. Vlaskin A. P. Tvorchestvo F.M. Dostoevskogo i narodnaya religioznaya kul'tura. Magnitogorsk: Izd-vo Magnitogor. gos. ped. in-ta, 1994. 195 s.
4. Dostoevskii F. M. Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1972–1990. T. 6. 423 s. T. 7. 416 s. T. 21. 551 s.
5. Kasatkina T. A. Kharakterologiya Dostoevskogo. Tipologiya emotsional'no-tsennostnykh orientatsii. M.: Nasledie, 1996. 336 s.
6. Kasatkina T. A. Svyashchennoe v povsednevnom: Dvusostavnyi obraz v proizvedeniyakh F. M. Dostoevskogo. M.: IMLI RAN, 2015. 528 s.
7. Krinitsyn A. B. K voprosu o tipizatsii geroev v romanakh «pyatknizhiya» F. M. Dostoevskogo // Nauchnyi dialog. 2016. № 4 (52). S. 128–142.
8. Meier G. A. Svet v nochi: (O «Prestuplenii i nakazanii»). Opyt medlennogo chteniya. Frankfurt/Main: Posev, 1967. 517 s.
9. Merezhkovskii D. S. Prorok russkoi revolyutsii: K yubileyu Dostoevskogo. Sankt-Peterburg: Izdanie M. V. Pirozhkova, 1906. 152 s.
10. Nazirov R. G. Tvorcheskii printsipy F.M. Dostoevskogo. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1982. 160 s.
11. Nazirov R. G. Problema khudozhestvennosti F.M. Dostoevskogo // Tvorchestvo F.M. Dostoevskogo: Iskustvo sinteza. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1991. S. 125–156.
12. Prutskov N. I. Dostoevskii i khristianskii sotsializm // Dostoevskii: materialy i issledovaniya. L.: Nauka, 1974. T. 1. S. 58–82.
13. Tikhomirov B. N. «Lazar'! gryadi von». Roman F.M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» v sovremennom prochtenii: Kniga-kommentarii. SPb.: Serebryanyi vek, 2005. 472 s.
14. Chirkov N. M. O stile Dostoevskogo. Problematika, idei, obrazy. M.: Nauka, 1967. 303 s.
15. Shestopalova G. A. «Vse zamutilos'! Gde zhe obetovanie...»: (Khrist. idei i simvol'y v romane F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie») // Religioznye i mifologicheskie tendentsii v russkoi literature XIX veka. 1997. S. 127–136.

Lexical peculiarities of the description of natural objects of Moscow and Moscow suburbs (based on the articles of N.M. Karamzin in the journal "Vestnik Evropy" in 1802-1803).

Li Wenwen

Postgraduate student; Department of Russian Language; Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1

✉ 18103654701wen@gmail.com

Abstract. The object of the study is the lexicon used in the descriptions of natural objects in the articles published by N. M. Karamzin in the journal "Vestnik Evropa" in 1802-1803. During this period, the Russian language was at a turning point in its development, the journal "Vestnik Evropa" was one of the most influential in Russia at that time, and N. M. Karamzin's works as the editor not only expanded the knowledge of nature and culture for the people of

Moscow, but also showed his unique understanding and ways of its linguistic expression. This study examines three types of natural objects: water, land surface relief elements and areas of vegetation. The aim of the study is to establish the lexical features of the description of natural objects of Moscow and Moscow suburbs in these articles. This study combines descriptive and historical-comparative methods of linguistic analysis of N. M. Karamzin's articles. As a result of this research it was established that N. M. Karamzin describes natural objects in such a way as to inform the reader about the natural characteristics of the objects (size, length, colour, height, etc.), the changes occurring with them (appearance, disappearance, etc.), the influence of human activity on them and their role in human life. In addition, the vocabulary used by N. M. Karamzin is analysed, including common nouns and proper nouns, adjectives and descriptive constructions, and the traditionality of the lexicon for naming natural objects is established, and the peculiarities of paragraphemics are determined. The results of the study are relevant for linguistics and literary studies and open new perspectives for understanding the perception and attitude to natural objects in the Russian society of the early XIX century.

Keywords: lexical devices, toponyms, human activity, the beginning of the XIX century, lexical peculiarities, Moscow suburbs, Moscow, Nikolai Mikhailovich Karamzin, Vestnik Evropa, description of natural objects

References (transliterated)

1. Russkii semanticheskii slovar', Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii: v 6 t. T. 1. M.: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 2002. – 807 s.
2. Podol'skaya N. V. Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii. Izd. 2-e, pererab. i dop. M.: Nauka, 1988. – 192 s.
3. Karamzin N. M. Istoricheskiya vospominaniya i zamechaniya na puti k Troitse // Vestnik Evropy. 1802. Ch. 4, No 15. S. 207-226.
4. Karamzin N. M. Puteshestvie vokrug Moskvyy // Vestnik Evropy. 1803. Ch. 7, No 4. S. 278-289.
5. Karamzin N. M. Ruskaya starina // Vestnik Evropy. 1803. Ch. 11, No 20. S. 251-271.
6. Savel'ev V. S. Funktsii kursiva v stat'ie N. M. Karamzina Istoricheskie vospominaniya i zamechaniya na puti k Troitse (1802) // Filologiya i chelovek. 2024. No 2. S. 7-17.
7. Karamzin N. M. Zapiski starogo moskovskogo zhitelya: [Ocherk ob uluchsheniyakh v Moskve] // Vestnik Evropy. 1803. Ch. 10, No 16. S. 276-286.
8. Karamzin N. M. O moskovskom myatezhe v tsarstvovanie Aleksey Mikhailovicha // Vestnik Evropy. 1803. Ch. 11, No 18. S. 119-145.
9. Vagner B. B., Klevkova I. V. Reki Moskovskogo regiona. M.: 2003.
10. Karamzin N. M. Izvestiya i zamechaniya. Moskva // Vestnik Evropy. 1802. Ch. 6, No 21. S. 69-73.
11. Savel'ev V. S. K istorii ispol'zovaniya propisnykh bukv pri napisanii imen monarkhov (na materiale statei N. M. Karamzina 1802-1803) // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta, Filologicheskie nauki. 2024. T. 28, No 2. S. 10-20.
12. Likhacheva E. A. O semi kholmakh Moskvyy. Moskva.: Nauka, 1990. – 144 s.
13. Slovar' Akademii Rossiiskoi. Chast' IV: ot M. do R. SPb.: Imperatorskaya Akademiya nauk, 1793. – 1272 s.
14. Karamzin N. M. O tai'noi kantselyarii // Vestnik Evropy. 1803. Ch. 8, No 6. S. 122-131.

15. Sreznevskii I. I. Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam. SPb.: Izdanie Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi AN, 1912. T. 3. – 1684 s.
16. Karamzin N. M. O sluchayakh i kharakterakh v rossiiskoi istorii, kotorye mogut byt' predmetom khudozhestv // Vestnik Evropy. 1802. Ch. 6, No 24. S. 289-308.
17. Karamzin N. M. Ruskaya starina (prodolzhenie) // Vestnik Evropy. 1803. Ch. 12, No 21/22. S. 94-103.

Artificial intelligence – phraseologization of the illusion of truth in the English language

Belozeroва Ekaterina Yurievna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Foreign Languages and Intercultural Communication; Financial University under the Government of the Russian Federation

125167, Russia, Moscow, Leningradsky, 49/2, office 319

✉ ebelozeroval@hotmail.com

Abstract. The article provides an overview and analysis of modern English vocabulary on the topic of artificial intelligence, and also examines the factor of "humanity" using examples of the use of phraseological units with the truth component.

The subject of the study is the communicative-pragmatic functions of linguistic units to describe "humanity" both the incorrect result of a program based on artificial intelligence, and the intentional distortion of truth using examples of phraseological units with the truth component.

The selection of empirical material is based on English publications on the topic of artificial intelligence and modern dictionaries (Dictionary.com, Oxford English Dictionary, Cambridge Dictionary of English, Farlex Dictionary of idioms, Collins English Dictionary, Merriam-Webster, Longman Dictionary of Contemporary English). The initial sampling was carried out using a continuous sampling method and amounts to 44 units, further analysis of which showed that 15 phraseological units are used to indicate the truth, 8 indicate deception and 6 - the possible honesty of the speaker.

The main method of studying is an inductive approach.

The purpose of the work is to consider the linguistic units in the presented examples. The relevance of the study is due to the increased public interest in the topic of artificial intelligence, as well as the choice of the word hallucinate as the Word of 2023. The object of the study is the phraseology of the English language. The analysis presents examples of the use of phraseological units with the truth component, the meaning of which conveys the spectrum of interpretation of the truth.

The scientific novelty of the study lies in the quality of the material (modern phraseology and vocabulary of the English language), as well as the analysis and comparison of the meanings of the presented phraseological units.

Keywords: the concept of truth, hallucinations, English phraseology, contemporary phraseology, idioms, artificial intelligence, modern phraseological units, communicative task, pragmatic function, phraseology

References (transliterated)

1. Belozerova, E. Yu. Sovremennaya frazeologiya angliiskogo yazyka: mir fantazii, mechtanii i grez / E. Yu. Belozerova, O. V. Ginzburg // Litera. – 2024. – №2. – S. 140-146.
2. Dictionary.com [elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.dictionary.com/browse/hallucinate>
3. The Guardian [elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.theguardian.com/science/2023/dec/05/dictionaries-word-of-the-year-merriam-webster-cambridge-oxford>
4. USA today [elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.usatoday.com/story/news/nation/2023/12/12/dictionary-hallucinate-word-of-the-year/71854679007/>
5. Oxford English Dictionary [elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.oed.com/search/dictionary/?scope=Entries&q=artificial+intelligence+>
6. Cambridge Dictionary of English [elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/hallucinate>
7. Salvagno, M., Taccone F.S., Gerli A.G. Artificial intelligence hallucinations [elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.researchgate.net/publication/370680709_Artificial_intelligence_hallucinati ons
8. Patel, H. Bane and boon of hallucinations in context of generative AI [elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.researchgate.net/publication/379497838_Bane_and_boon_of_hallucination s_in_context_of_generative_AI
9. Korotkov, A.E. Posleslovie k matritse: virtual'nye miry i iskusstvennaya zhizn' // Al'pina Biznes Buks – 2005. – S. 308.
10. Gritsenko, A. V. Frazeologiya Izhi / A. V. Gritsenko // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. – 2008. – № 3-2. – S. 102-108.
11. Shestakova, N. L. Rol' poslovits v formirovanii obshchekul'turnykh kompetentsii lichnosti na zanyatiyakh po distsipline "Russkii yazyk i kul'tura rechi" v agrarnom vuze / N. L. Shestakova // Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya. – 2012. – № 1(9). – S. 138-142.
12. Faizullina, L. D. Rol' frazeologizmov v sovremennom russkom yazyke / L. D. Faizullina // Alleya nauki. – 2016. – № 4. – S. 385-388.
13. Narzulaeva, S. I. Frazeologizmy so znacheniem "lozh" i "obman" vo frantsuzskom i russkom yazykakh / S. I. Narzulaeva // Vestnik Pedagogicheskogo universiteta. – 2014. – № 1-2(56). – S. 374-377.
14. Fedyunina, I. E. Ocobennosti illokutivnogo efekta russkikh, angliiskikh i nemetskikh frazeologicheskikh edinits v kontseptual'nom pole "dezinformatsiya" / I. E. Fedyunina // Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2009. – № 3(59). – S. 138-143.
15. Gurin, V. V. Analiz angliiskikh idiom s leksicheskimi komponentami "truth" i "lie" / V. V. Gurin // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – № 27(382). – S. 65-68.
16. Karipidi, A. G. K voprosu o verbalizatsii kontseptov "pravda" i "lozh" vo frazeologizmax angliiskogo i russkogo yazykov / A. G. Karipidi, M. A. Batur'yan // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. – 2019. – № 1(232). – S. 47-50.
17. Kunin, A.V. Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo yazyka: Ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz.– 2-e izd., pererab.– M.: Vyssh. shk., Dubna: Izd. Tsentr "Feniks". –

1996. – S. 381.

18. Built In [elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://builtin.com/artificial-intelligence/ai-hallucination>
19. FDI – Farlex Dictionary of idioms, Farlex Inc., 2017. – S. 472.
20. Collins English Dictionary [elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>
21. Longman Dictionary of Contemporary English [elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/economical-with-the-truth>
22. Merriam-Webster [elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/fake%20new>

Aegilops in botanical treatises of Theophrastus

Parkhaeva Maria

Lecturer; Department of Classical Philology, Moscow State Linguistic University

115516, Russia, Moscow, Bakinskaya str., 29, sq. 92

✉ masha1512@mail.ru

Abstract. The present paper discusses semantics and etymology of an Ancient Greek word αἰγίλωψ (aegilops). The main attention is concentrated on the botanical treatises of Theophrastus' "Historia plantarum" and "De causis plantarum" since they contain more detailed descriptions of aegilops. Also there we find the first use of this term. Contexts from other ancient authors (Galenus, Dioscorides, Pliny the Elder e.t.c.) are also used, that helps to identify more accurately real biological species. As the research shows, the botanical term αἰγίλωψ has three lexical meanings, that can be generally described as "species of a gramineous plant", "species of an oak" and "species of a bulbous plant". As a loan word in the Latin language the term maintains those meanings. It is also used in modern botany in two previous significations ("species of a gramineous plant" and "species of an oak"), however as an oak-name it is considered to be obsolete. The paper examines the plant-species, that Theophrastus could discuss using this word. Most likely he describes *Aegilops ovata* and *Quercus robur*. Due to the analysis of morphology of other ancient greek plant-names a particular ending of a biological species is distinguished. So there is suggested a new version of etymology of αἰγίλωψ, taking into consideration the third meaning (bulbous plant). The paper offers single derivation for all the meanings of noun: αἶξ → αἰγίλος → αἰγίλωψ. Thus three plants have got the same name (aegilops) trough metaphorisation – a common method used in Theophrastus' works.

Keywords: plant-names, oaks, gramineous plants, botany, etymology, Ancient Greek language, Theophrastus, aegilops, endings of phytonyms, comparison

References (transliterated)

1. Hindenlang L. *Sprachliche Untersuchungen zu Theophrasts botanischen Schriften*. K.J. Trübner, Strassburg, 1910.
2. Theophrastus. *De Causis Plantarum*. Engl. transl. B. Einarson, G. K. K. Link. 3 vol. Loeb Classical Library, London: W. Heinemann, 1976-1990.
3. Theophrastus. *Enquiry into plants and minor works on odours and weather signs*. Engl. transl. sr. A. Hort. 2 vol. Loeb Classical Library, London: W. Heinemann, MCMXVI.

4. Sergeenko M. E. *Feofrast. Issledovanie o rasteniyakh* / Red. I. I. Tolstoi, B. K. Shishkin, per. M. E. Sergeenko // Ser. «Klassiki nauki». M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1951.
5. Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots*. T. I-IV. Paris, 1968-1980.
6. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*: v 4 t., per. s nem. M., Progress, 1986-1987. [Elektronnyi resurs] URL: <https://vasmer.slovaronline.com>
7. Beekes R. *Etymological dictionary of Greek*. Vol. I-II. Brill. Leiden-Boston, 2010.
8. Frisk H. *Griechisches etymologisches Wörterbuch von Hjalmar Frisk*. Band I: A-Ko. Heidelberg, 1960.
9. Montanari. F. *The Brill Dictionary of Ancient Greek*. Editors of the English Edition: Madeleine Goh, Chad Schroeder. Under the auspices of the Center for Hellenic Studies, Harvard University. Leiden, Boston: Brill, 2015.
10. Thanos C.A. Theophrastus on oaks. *Botanica Chronika*, 2005, 18(1). Pp. 29-36.
11. Boisacq E. *Dictionnaire étymologique de la langue greque*. Heidelberg-Paris, 1916.
12. Gamkrelidze T. V., Ivanov Vyach. Vs. *Indoevropeskii yazyk i indoevropetsy. Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskii analiz prayazyka i protokul'tury*. Izdatel'stvo Tbilisskogo universiteta. Tbilisi, 1984.
13. Parkhaeva M. P. Vidy metafor v botanicheskikh traktatakh Feofrasta // *Stephanos, izd. Filologicheskii fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova*. T. 54, № 4, 2022. S. 110-116.
14. *Oxford Latin Dictionary*. Oxford: Clarendon Press, 1968.
15. Dvoretiskii I. Kh. *Drevnegrechesko-russkii slovar'*: ok. 70 000 slov (v oboikh tomakh) / Sost. I. Kh. Dvoretiskii, red. S.I. Sobolevskii; pril. grammat. S. I. Sobolevskii. M.: GIS, 1958.
16. Stearn, W. T. *Botanical Latin: history, grammar, syntax, terminology ans vocabulary*. 3rd rev. ed. DAVID & CHARLES, Newton Abbot, London, 1983.
17. *Aegilops ovata L. // Plantarium. Rasteniya i lishainiki Rossii i sopredel'nykh stran: otkryti online atlas i opredelitel' rastenii*. [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.plantarium.ru/page/view/item/807.html>
18. *Trees of Britain and Europe*. Keith Rushforth. HarperCollins Publishers. London, 1999.

Basic cognitive features of the concept of SPORT in the minds of native speakers of modern Russian

Ershova Irina

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Russian Language Instruction in Other Language Media, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

603000, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Bolshaya Pokrovskaya str., 37, office 223

✉ imilashevskaya@mail.ru

Abstract. The purpose of the work is to identify and describe the content of the basic layer of the concept of SPORT, relevant to the current state of national consciousness. The subject of the study is the lexical means of representation of the concept obtained in the course of a free associative experiment. The descriptive, quantitative method, methods of component analysis of the meaning of the word and conceptual analysis are used in the work, methods of constructing the nominative field of the concept and the associative field of the key lexeme "sport" are also used. The study presents a linguocognitive approach to the study of the

semantic content of the concept: the concept is described in the work as a concept-gestalt, its frame structure is modeled. As a result of the undertaken research, 4 cognitive features were identified in the content of the basic layer of the concept of SPORT, based on data from lexicographic sources and verified by analyzing the materials of the associative experiment. The data obtained in the course of the work can be used in the process of teaching lexicology and cognitive linguistics in higher education, as well as in the practice of compiling explanatory and associative dictionaries. The novelty of the research is due to the fact that the experiment made it possible to discover the psycholinguistic meaning of the concept name and conclude that sport is conceptualized in the minds of modern Russian speakers primarily as an activity aimed at maintaining and strengthening human health.

Keywords: psycholinguistic meaning, associative field, cognitive feature, the key lexeme, free associative experiment, base layer, content of the concept, concept, cognitive linguistics, Russian language

References (transliterated)

1. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. M.: AZ'', 1996.
2. Kozhevnikova I. G. Formirovanie i razvitie kontsepta «sport» v russkoi kontseptosfere // Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury. 2003. № 2. S. 47–49.
3. Rylov A. S. Istoriya verbalizatsii kontsepta 'sport' // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2013. № 6(2). S. 201–204.
4. Chudinov A. P. Sportivnaya metafora v sovremennom rossiiskom politicheskom diskurse // Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2001. № 2. S. 26–31.
5. Balashova L. V. Metaforizatsiya sportivnoi terminologii v sovremennom russkom yazyke // Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika. 2019. № 19(4). S. 374–378.
6. Tikhonov A. N. Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka: V 2-kh t. T. 2. M.: Rus. yaz., 1990.
7. Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t. T. 4. / RAN, In-t lingvistich. issledovanii; Pod red. A. P. Evgen'evoi. M.: Rus. yaz.; Poligrafresursy, 1999.
8. Babushkin A. P., Sternin I. A. Kognitivnaya lingvistika i semasiologiya. Monografiya. Voronezh: OOO «Ritm», 2018.
9. Babushkin A. P. Kontsepty raznykh tipov v leksike i frazeologii i metodika ikh vyyavleniya // Metodologicheskie problemy kognitivnoi lingvistiki: Nauchnoe izdanie / Pod redaktsiei I. A. Sternina. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, 2001. S. 52–57.
10. Popova Z. D., Sternin I. A. Semantiko-kognitivnyi analiz yazyka. Voronezh: Istoki, 2007.
11. Bol'shaya meditsinskaya entsiklopediya / Pod red. akad. B. V. Petrovskogo. M.: Sovetskaya entsiklopediya. 1974–1989. T. 1–30. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.med-edu.ru/medenc/article/%D0%A1%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82.html> (data obrashcheniya: 11.08.2023).
12. Ushakov D. N. Bol'shoi tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka. M.: Al'ta-Print, 2005.
13. Aleksandrova Z. E. Slovar' sinonimov russkogo yazyka: Prakticheskii spravochnik. M.: Rus. yaz., 2001.

14. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. V 30 t. / Gl. red. akad. A. M. Prokhorov. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1969–1978. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://slovar.cc/enc/bse/2043981.html> (data obrashcheniya: 11.08.2023).
15. Zakharenko E. N., Komarova L. N., Nechaeva I. V. Novyi slovar' inostrannykh slov. M.: Azbukovnik, 2003. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vsis&wi=15330> (data obrashcheniya: 11.08.2023).
16. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. V 82 t. i 4 dop. t. / Pod red. prof. I. E. Andreevskogo, K. K. Arsen'eva, F. F. Petrushevskogo. M.: Terra, 2001. [Elektronnyi resurs]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/9665 (data obrashcheniya: 11.08.2023).

Lexico-semantic features of metaphors in Russian and Chinese food culture on the example of the word "bread"

Jia Junwen

Postgraduate student, Department of Foreign Languages in Theory and Practice, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ verajourney01@163.com

Abstract. The subject of the research is a set of theoretical provisions and questions concerning lexical and semantic features of metaphors in Russian and Chinese food culture on the example of the word "bread".

The object of the study is metaphor in Russian and Chinese food culture on the example of the word "bread".

The aim of the work is to identify differences in metaphorical cognition between the Russian and Chinese languages by comparing vocabulary and phraseological units associated with the word "bread" and searching for equivalent words in Chinese.

Research methods – the method of analysis, comparison, logical reasoning.

Results: it is proved that the word "bread" is used figuratively more widely in Russian than in Chinese. In the Russian language there are phraseological units containing the word "bread", which are not in the Chinese language. In Chinese, there is a similar metaphorical expression with the meaning of "food", they only partially overlap in meaning. All these observations are closely related to the cultural, geographical and economic differences between the two languages.

Scope of application: the results obtained can be used for further research.

The main conclusions of the study are: 1) food is an important carrier of different cultures; 2) the use of comparative analysis of the metaphorical content of the same vocabulary and phraseological units reveals that different cultures and peoples, under the influence of geographical and economic factors, associate the same words with different connotations; 3) deepening the understanding of the metaphor "food" in different languages and the study of cultural peculiarities helps to overcome barriers in communication between different countries. The author's special contribution to the research of the topic is a comprehensive approach to identifying differences in metaphorical cognition between the Russian and Chinese languages by comparing vocabulary and phraseological units associated with the word "bread" and searching for equivalent words in Chinese.

Keywords: features, food, Russian Language, meaning, word, Chinese Language,

References (transliterated)

1. Degani T., Tokowicz N. Ambiguous words are harder to learn. *Bilingualism: Language and cognition*, 2010.
2. Group P. MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse. *Metaphor and symbol*, 2007.
3. Kövecses Z. Metaphor and culture. *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*, 2010.
4. Kunin A.V. *Angliiskaya frazeologiya: teoreticheskii kurs*; Moskva: Vysshaya shkola, 1970.
5. Lakoff George, Michael Johnson. *Metaphors We Live by*. Chicago: The University of Chicago Press, 2003.
6. Liu M., Kit C., & Su Q. (Eds.). *Chinese Lexical Semantics. Lecture Notes in Computer Science*, 2021.
7. Vendina T.I. *Vvedenie v yazykoznanie*. Izdatel'stvo: YuRAIT, 2018.
8. Luiza Galimullina. Nekotorye osobennosti v perevode frazeologicheskikh edinit s angliiskogo yazyka na uzbekskii yazyk // *Obshchestvo i innovatsiyu*. 2021. № 2 (8). S. 205-213.
9. Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya*. M.: Akademiya, 2001.
10. Mikheeva N.F., Popova E.A., Ignashina Z.N. Mezhhvariantnye yazykovye yavleniya v semanticheskom pole «vypechka» (na materiale natsional'nykh variantov ispanskogo yazyka) // *Nauchnyi dialog*. 2022. № (6). S. 89-105.
11. Normanskaya Yu.V. K probleme analiza semiotiki gastronomicheskoi kul'tury // *Krymskoe istoricheskoe obozrenie*. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-analiza-semiotiki-gastronomicheskoy-kultury> (data obrashcheniya: 02.05.2023).
12. Skomorokhova S. *Strukturno-semanticheskaya tipologiya frazeologizmov s konstruktivno obuslovlennym znacheniem*. Litres, 2022.
13. Teliya V.N.. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira / Otv. red. B.A. Serebrennikov; M.: Nauka, 1988.
14. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty*; M.: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1996.
15. Fedorov A.I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka: Ok. 13 000 frazeologicheskikh edinit (3rd ed.)*. Astrel': ACT, 2008.
16. Lyu Tszintzin 刘静静. 也谈“语词分立”[J]. *辞书. Razdelenie slov i yazyka. Issledovanie Slovara*. 2011. № 6. S.13-32.
17. Ma Lidun 马立东. 利用语料库和其他网络资源筛选汉语新词的英译对应词——“以人为本”的英译个案研究. *山东外语教学*. Otbor sootvetstvuyushchikh angliiskikh perevodov dlya novykh kitaiskikh slov s ispol'zovaniem korpusov i drugikh onlain-resursov: keis-stadi «以人为本» // *Zhurnal prepodavaniya inostrannykh yazykov v provintsii Shan'dun*. 2011. № 38(6). S 84-93.
18. Tun Fuchzhi, Syu Gan'. 童富智, & 修刚. 基于语料库的中日对应词语义韵对比研究——以中央文献日译 [坚持 (する)] 为例. *日语学习与研究. Sravnitel'noe issledovanie semanticheskikh rifm slov mezhdru kitaiskim i yaponskim na osnove korpusov: na primere perevoda na yaponskii yazyk frazy “坚持” v tsentral'nykh dokumentakh* // *Zhurnal izucheniya i issledovaniy yaponskogo yazyka*. 2020. № (2). S. 1-8.
19. Van Chenlian 王成亮. 俄汉对应词和不对应词. *俄语学习. Ekvivalentnye i neekvivalentnye*

- slova v russkom i kitaiskom yazykakh // Zhurnal izucheniya russkogo yazyka. 1999. № (5). S. 41-43.
20. Van Yu. 王优汉英熟语的多维对比研究 [博士, 华中师范大学]. Mnogomernoe sravnenie kitaiskikh i angliiskikh frazeologizmov. Doktorskaya dissertatsiya, Tsentral'nyi universitet Nankina. 2015. URL: <https://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CDFD&dbname=CDFDLAST2017&filename=1015631602.nh&v=>). (data obrashcheniya: 02.05.2023).
21. Syu Tszin 许静. 浅谈汉英对应词民族文化语义差异与第二语言教学. 西南民族大学学报: 人文社会科学版 Neglubokoe obsuzhdenie kul'turno-semanticheskikh razlichii mezhdru kitaiskimi i angliiskimi ekvivalentnymi slovami i vtorichnom yazykovom obuchenii // Zhurnal Yugo-Zapadnogo universiteta natsional'nostei: gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2008. № 2. S. 184-186.
22. Yan' Ven'pei 闫文培. 现代汉英俗语俚语对比研究. 北京: 科学出版社 Sravnitel'noe issledovanie sovremennykh kitaiskikh i angliiskikh slengovykh vyrazhenii; Pekin: Izdatel'stvo «Nauka i tekhnika», 2010.